1-й экз.

МЫСЛЬ

— 1 —

ИЗД. Т-ВО

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“

1-й экз.

ИЗД. Т-ВО.

„РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“

1-й экз.

МЫСЛЬ

Государств. публ. историческая библиотека

— 1 —

1918.

ПЕТРОГРАДЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Типографія Ю. Я. Римана, Петроградъ, 4-я Рождественская, 33.

Содержаніе.

Стр.

1. *Сергѣй Есенинъ.*—Пришествіе 7
2. *Натанъ Венгровъ.*—Земля въ солнцѣ 12
3. *Изъ Эмиля Верхарна. Victor.*—Утро 15
4. » » » » Море 17
5. *Вячеславъ Самборъ.*—Петрограду 20
6. *Анна Ахматова.*—*** 90

7. *Алексѣй Ремизовъ.*—Странница. Повѣсть 23
8. *Евг. Замятинъ.*—Знаменіе 78
9. *Н. Кузьминъ.*—«Человѣка надо» 91

10. *Н. Русановъ.*—Крестьяне въ программахъ русскихъ соціалистовъ послѣ 19 февраля 142
11. *В. Лункевичъ.*—О нашихъ дняхъ 170
12. *Н. Кудринъ.*—Февральская революція и октябрьскій переворотъ 182
13. *В. Черновъ.*—Охлосъ и Демосъ 199
14. *А. Гизетти.*—Стихія и творчество 226
15. *В. Черновъ.*—Изъ политическаго дневника 249

16. *А. Александровичъ.*—О душѣ народной 269
17. *Е. Головинская.*—Солдатское слово объ игрѣ 279
18. *Мих. Платоновъ.* Скиѳы ли? 285

Замѣченныя опечатки въ пьесѣ Н. М. Кузьмина «Человѣка надо».

На стр. 96 напечатано, начиная съ 9-й строки снизу: «ну вотъ такъ передъ передъ грозой, томитъ. И это у всѣхъ грозы ждетъ. И я слышу его шаги». Надо читать: «ну, вотъ, какъ передъ грозой, томитъ. И это у всѣхъ: грозы ждутъ. И я ее слышу. Шаги слышу».

На стр. 97 напечатано въ стр. 9 снизу: «а неправда, навѣрно!», а нужно: «а неправда, невѣрно!».

На страницѣ 138 въ стр. 19 снизу напечатано: «Спаситель ему умереть». Нужно: «Спаситель попустилъ ему умереть».

На страницѣ 139 въ строкахъ 9 и 10 напечатано: «А мнѣ въ солдаты скоро, я отъ ружья откажусь, у меня ружье есть, такъ я...» Нужно: «А мнѣ въ солдаты скоро, я отъ ружья откажусь».

На страницѣ 141-й нѣтъ подписи автора. Подпись *Н. М. Кузьминъ.*

Пришествіе.

Андрею Бѣлому.

1.

Господи, я вѣрую...
Но введи въ свой рай
Дождевыми стрѣлами
Мой пронзенный край.

За горой нехоженой,
Въ синевѣ долинъ,
Снова мнѣ, о Боже мой,
Предстаетъ твой сынъ.

По тебѣ молюся я,
Изъ мужичьихъ мѣстъ
Изъ прозрѣвшей Русіи
Онъ несетъ свой крестъ.

Но предъ тайной острова
Безначальныхъ словъ
Нѣтъ за нимъ Апостоловъ,
Нѣтъ учениковъ.

2.

О, Русь, приснодѣва,
Поправшая смерть,
Изъ звѣзднаго чрева
Сошла ты на твердь.

На ясляхъ овечьихъ
Осынила долъ,
За то, что въ предтечахъ
Былъ пахарь и волъ.

Воззри же на нивы,
На сжатый овесъ,
Подъ снѣжною ивой
Упалъ твой Христосъ.

Опять его вои
Стегаютъ плетьми
И бьютъ головою
О выступы тьмы.

3.

Но къ вихрю бездны
Онъ нѣмъ и глухъ.
Съ шеста созвѣздья
Поетъ пѣтухъ.

О, други, гдѣ вы?
Ужъ близокъ срокъ,—
Темно ты, чрево,
И крестъ высокъ.

Вотъ горъ воитель
Ощупалъ мглу.
Христа рачитель
Сидитъ въ углу.

— Я видѣлъ съ Нимъ онъ
Намъ сѣялъ мракъ.
— Нѣтъ, я не Симонъ,
Простой рыбакъ.

Вздохнула плѣсень,
И снѣгъ потухъ...

То третью пѣсню
Пропѣлъ пѣтухъ.

4.

Ей, Господи,
Царю мой!
Дьяволы на рукахъ
Укачали землю.

Снова пришествію Его
Поднятъ крестъ.
Снова раздирается небо.

Тишина полей и разума
Точитъ копья.

Лѣстница къ саду твоему
Безъ приступокъ.

Какъ взойду, какъ подымусь по ней
Съ кровью на отцахъ и братьяхъ?

Тянетъ меня земля.
Оцѣпили пески.
На рѣкахъ твоихъ
Сохну.

5.

Симоне-Пётро...
Гдѣ ты?
приди!
Вздрогнули ветла:
— Тамъ впереди.

Симоне-Пётро...
Гдѣ ты?
Зову!
Шепчется кто-то:
— Кричи къ синеву.

Крикнулъ и громко
Вздыбился мракъ,
Вышелъ съ котомкой
Рыжій рыбакъ.

— Другъ...
ты откуда?
— Шелъ за тобой...
— Кто ты?
— Іуда! —
Шамкнулъ прибой.

Рухнули гнѣзда
Облачныхъ ризъ,
Ласточки-звѣзды
Канули внизъ.

6.

О, Саваоѳе!
Покровомъ твоимъ рѣкъ и озеръ
Прикрой сына

Подъ ивой бьютъ его вои,
И голгоѳятъ снѣга твои.

О ланиту дождей преломи
Лезвіе заката.

Трубами вьюгъ
Возвѣсти языки.

Но не въ судъ или въ осужденіе.

7.

Явись надъ Елеономъ
И правдѣ нашихъ мѣстъ.
Горстьми златыхъ затоновъ
Мы окропимъ твой крестъ.

Холмы поютъ о чудѣ,
Про рай звенитъ песокъ,
О, вѣрю, вѣрю, будетъ
Телиться твой востокъ.

Въ моря овса и гречи
Онъ кинетъ намъ телка.
Но дологъ срокъ до встрѣчи,
А гибель такъ близка.

Уйми ты ржанье бури,
И топъ громовъ уйми,
Пролей ведро лазури
На ветхое деньми.

И дай дочерпать волю
Медвѣдицей и сномъ,
Чтобъ вытекшей душою
Удобрить черноземъ.

Сергѣй Есенинъ.

Земля въ солнцѣ.

I.

Викторіи Чеканъ.

Рыжій! Прекрасный рыжій!
Я чувствую тебя — ты здѣсь!
Востокъ заливается весь
Отъ улыбки твоей безстыжей...

Лохматый! Заспанный! Здравствуй!
Вылѣзай же, дурной, вылѣзай:
Все равно я увидѣлъ край
Шевелюры твоей вихрастой!

Ты подмигиваешь алымъ вѣкомъ —
Хохочи же во всю надъ землей:
Надъ самой маленькой тлей
И надъ самымъ большимъ человѣкомъ!

1916.

II.

М. Р.

Удивительный ритмъ прибоя
Отдается восторгомъ во мнѣ...
Я люблю тебя,—голубое
Въ безпокойно-веселой волнѣ...

Развѣ можно не чувствовать моря?
Вонъ, у Вашихъ довѣрчивыхъ ногъ
Въ шаловливомъ-шутливомъ задорѣ
Чуть ерошитъ волна песокъ...

И лежитъ онъ добрѣйшій, голый
И увалистый, какъ тюлень...
И лѣнь ему выпихнуть, лѣнь,
Наши ноги слѣпыя, тяжелыя...

Сестрорѣцкъ. 1916.

III.

Какъ прекрасная пьяная лѣнь —
Солнечная, — звѣриная...
Даже скамейки спины
Выгибаютъ въ іюльскій день...

Березокъ зеленая вязь
Купается въ горячемъ свѣтѣ...
Влюбленная Синева мечети
Ластится къ небу, смѣясь...

И счастливая кожа рукъ
Радуется загару...
Но какой-то несочный, поджарый
Этотъ сѣверный югъ!..

ПТГ. 1916.

IV.

Что-то новое, бодрое, смуглое
Заглянуло въ твои глаза —
И, какъ вздувшіеся паруса,
Душа твоя стала круглой...

И соснами пахнетъ, солью
Загорѣвшее твое плечо —
И чѣмъ-то еще
Живымъ, живущимъ на волѣ...

И запахъ этотъ, запахъ жизни —
Твоихъ обвѣтренныхъ щекъ...
Вотъ немного еще — брызнетъ
Изъ глазъ твоихъ солнечный токъ...

Натанъ Венгровъ.

1916

Утро.

(Изъ Эмиля Верхарна).

Среди полей и нивъ иду тропинкой пыльной,
Съ котомкой легкой на плечахъ,
Купаясь въ утреннихъ лучахъ,
Здоровый, радостный и сильный.

Куда иду? Зачѣмъ?—Не знаю. Никуда.
Шуршитъ подъ каблуками гравій,
Смѣется солнце все лукавѣй,
И въ жилахъ огненно струится кровь-руда.

Я гордъ, я радъ любить просторы, воздухъ, землю.
Стихій безмѣрный океанъ
Меня пьянитъ, и вотъ—я пьянъ,
И голосамъ стихій въ самомъ себѣ я внемлю.

О, поступь легкая аттическихъ боговъ!
Себя вопросами не мучай,
Тебѣ компасомъ будетъ случай,
И—безоглядно вдаль по зелени луговъ!

Иди, срывай, цѣлуй весенніе цвѣты,—
Взгляни, какъ ихъ уста пурпурны!
Какъ ты, порывисты и бурны
Объятія ручья вкругъ горной красоты;

И манитъ тѣни тихая услада,
И шопотъ травъ, и говоръ струй,
И вѣтра тихій поцѣлуй,
Все—жизнь! все—красота! въ природѣ нѣтъ разлада!

И вотъ, я думаю; я въ лабиринтѣ книгъ
Былъ мертвъ для жизни, живъ для смерти,
Нѣтъ, жизнь ихъ мѣрками не мѣрьте!
То—склепы для ума, и это я постигъ!

Скажите: развѣ міръ до нынѣшняго дня
И жилъ, и цвѣлъ со мною рядомъ,
И кто-то повседневнымъ взглядомъ
Глядѣлъ на это все и видѣлъ до меня?

Нѣтъ! въ мірѣ все такъ молодо, такъ ново,
И для моихъ прозрѣвшихъ глазъ
Теперь какъ будто въ первый разъ
Все море зелени сверкать и пѣть готово.

О, я влюбленъ въ себя на нѣжномъ фонѣ рощъ,
Въ свои глаза, и мускулы, и тѣло;
Хочу, чтобъ все во мнѣ хотѣло
Впивать просторъ и свѣтъ и превращать ихъ въ мощь!

Васъ, цѣпи возраста, нѣтъ для души моей!
Все существо мое и плачетъ, и смѣется,
И все поетъ во мнѣ, и эхомъ отдается!
О, солнце! о, земля! о жизнь! о, ширь полей!

Victor.

Море.

О, море, море!
Навѣки всѣ мои мечты
Къ себѣ приколдовало ты.
Какой магнитъ въ твоемъ просторѣ!
Тобой живу, тобой дышу,
Я отблескъ, отблескъ твой ношу
И въ сердцѣ, и въ тревожномъ взорѣ:
Твой зыбкій смѣхъ, и бури гнѣвъ,
И волнъ загадочный напѣвъ...
Скажи: когда нибудь забуду-ль
Своихъ морскихъ скитаній удаль
Я гдѣ нибудь въ нѣмой глуши,
У тихой пристани души?

О, море, море!
Какъ ты, я съ сушей въ давней ссорѣ,
Я волкъ морской, морякъ, плебей!
Обвѣянъ весь живою дрожью
Твоихъ сверкающихъ зыбей,
Я радъ нестись по бездорожью...
Возьми меня—носи—убей!
Мои глаза морского цвѣта,
И моремъ пахнутъ волоса,
И дальней бури голоса
Во мнѣ не глохнутъ безъ отвѣта!
Въ моей крови кипитъ, бурливъ,
И твой отливъ, и твой приливъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Когда полуночи беззвѣздной
Свисалъ эбеновый покровъ,
И разверзался черной бездной
Просторъ твой, мраченъ и суровъ,—
Моя мечта, вседневно сжата
Тисками сумрачной земли,
Терялась вдругъ въ такой дали,
Откуда, вѣрно, нѣтъ возврата...

Съ тревожнымъ перебоемъ дней
Въ ритмичномъ пульсѣ мірозданья,
Родятся новыя мечтанья
И вдаль зовутъ еще сильнѣй.
И рѣютъ сказочныя страны,
И небеса, и берега...
И мнѣ тогда такъ чуждо-странны
Отчизны плоскіе луга.
Какой безумною кометой,
Какого слушаясь творца,—
Мой духъ несется въ скачкѣ этой,
Въ круговращеньи безъ конца?
И я, какъ родъ весь человѣчій,
Зачѣмъ, какъ маятникъ простой,
Межъ гордостью и нищетой
Качаюсь въ тьмѣ противорѣчій?

Зачѣмъ? Зачѣмъ?.. Отвѣтъ не нуженъ.
Не все дано уму постичь.
Лишь былъ бы каждый разъ разбуженъ
Въ душѣ одинъ призывный кличъ,
Сводящій съ тщетнаго распутья.
Да, свой отнынѣ знаю путь я...
И я, помятъ въ житейскомъ боѣ,
Мечталъ когда то о покоѣ,
Хотѣлъ остаться—и не могъ!
Міръ— сѣть сверкающихъ дорогъ!
И вотъ, я предпочту отнынѣ

Скитанья безъ конца въ пустынѣ,
Въ степи безбрежной и пустой,
Чѣмъ достиженія застой,
Чѣмъ повседневность тусклой жизни,
Уставшей мѣтить дальше жизни!

О, кто же, хмѣлемъ жизни пьянъ,
Почуетъ въ жизненномъ просторѣ
Такое же за моремъ море,
За океаномъ—океанъ?
Кого къ отплытію не манитъ
Вдаль ускользающій миражъ?
Кто, обездушенный, устанетъ
Брать вѣчно жизнь на абордажъ?
О, снарядивъ корабль летучій
И парусами окрыливъ,
Летѣть на перегонку съ тучей,
Оставивъ мертвенный заливъ!
О, плыть въ невѣдомыя страны,
Гдѣ краше небо и земля,
И рвать багровые туманы
Безумнымъ летомъ корабля!

Victor.

Петрограду.

I.

Кто на листы твоихъ анналовъ
Черезъ столѣтья броситъ взглядъ,
Свинцовымъ зеркаломъ каналовъ
Отображенный Петроградъ,

Тому какъ мрачное величье
Предстанутъ эти дни твои.
Твое гранитное отличье,
Обрызганное все въ крови.

И весь ты, темный и суровый,
Вспѣнявшій уличную страсть,
Готовый въ новыя оковы
Непокоренный самъ упасть.

Съ лицомъ исполненнымъ загадокъ
Безсильемъ гордый исполинъ,
Тебѣ твой ужасъ жгучъ и сладокъ,
Какъ хмель дурманомъ пьяныхъ винъ.

Знамена дерзостныхъ возстаній
Овѣяли твой буйный ликъ.
Чтобъ средь божественныхъ играній
Ты былъ торжественъ и великъ.

А ты, какъ пламень распростертый
Огнемъ не бросилъ вызовъ ввысь.
И буднью были бури стерты,
Въ туманѣ сѣромъ расплылись.

Но чрезъ столѣтья лицезрѣя
Дѣяній совершенныхъ мракъ,
Увидитъ кто-то, грозно рѣя,
Чертился надъ тобою знакъ.

Знакъ обреченности, изъ пепла
Въ тебѣ сожженныхъ всѣхъ святынь,
Чтобъ въ Вѣчности цвѣла и крѣпла
Тобой испитая полынь.

II.

На гравюрахъ старинныхъ изданій,
Между околонненныхъ зданій,
Смиренные властной рукой,
Кони надъ хмурой рѣкой.

Изваянья въ недвижьи жестокомъ,
Затаивши бронзовымъ скокомъ,
Гдѣ Вѣчность приливы толпитъ,—
Ярость подъятыхъ копытъ.

Исполины ихъ силой могучей,
Надъ темной стремительной кручей,
Натянувъ чугунный ремень,
Держатъ всю ночь и весь день.

Но невѣдомы судьбы и роки,
Исполнились тайные сроки
И каждый державшій усталъ.
Тихо дрожитъ ньедесталъ.

И въ одно изъ дотлѣвшихъ мгновеній
Сорвутся звенящія тѣни,
Чтобы туманы столицы
Пронизать небылицей.

И промчать черезъ грохотъ и крики
Свой топотъ свирѣпый и дикій,
Средь обезумѣвшихъ улицъ
Топча распростертыхъ ницъ.

Вячеславъ Самборъ.

Странница.

ПОВѢСТЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЮДОЛЬ ПЛАЧЕВНАЯ.

1.

Созданъ человѣкъ Богомъ не для земли, а для неба... Путь одинъ—дороги разныя.

Желанной пришла я въ міръ или съ проклятіемъ, я не знаю, но когда я увидѣла свѣтъ, моя мать навсегда закрыла глаза, въ тотъ же годъ умеръ отецъ. Взятая на воспитаніе родной теткой, я и ее никогда не видала. А когда я начала понимать, слышу, моя тетка давно померла, а дядя женился на другой.

— И эта,—говорятъ,—тебѣ не тетка!

Чувства мои были остры, робкая, поняла я, что я несчастна.

Я ее матерью называла, а боялась взглянуть на нее. И ничѣмъ не могла угодить ей, и постоянно она дядѣ на меня наговаривала невинно. А онъ, какъ звѣрь, набрасывался на меня.

Мнѣ было девять лѣтъ. Отъ родныхъ я не слыхала ни одного человѣческаго слова, ни одного взгляда. Жизнь моя проходила на кухнѣ, меня заставляли все дѣлать, тамъ и обѣдала. Но мнѣ кусокъ не шелъ въ горло. Слезы и плачъ безпрестанный:

— Откуда взята я?

Простые люди жалѣли меня, уговаривали потерпѣть. И, глядя на меня, сами плакали. Но чѣмъ могли они мнѣ помочь?

Когда случалось, въ домъ пріѣзжали гости, меня съ кухни брали въ парадныя комнаты, меня умывали и наряжали, и, нарядную, чистую, выводили къ гостямъ. Въ тѣ часы я забывалась, я отдыхала отъ этого постояннаго ненавистнаго взгляда, и вдругъ, вспоминая, что все это такъ и скоро пройдетъ и опять меня прогонятъ на кухню, я терялась отъ страха. Разъѣзжались гости и начиналось: на мнѣ вымещали за мой тихій часъ—придирались къ каждому слову и били, били плетью, чѣмъ попало, потомъ запирали въ холодное мѣсто. И чего только ни выдумывали на меня, чѣмъ только ни изводили! Все терпѣла. И, затаивъ въ себѣ горечь, какъ потерянная, спрашивала:

— Откуда взята я?

Пусть самъ Богъ знаетъ, что тогда я чувствовала.

И однажды послѣ жестокой расправы, когда я очнулась отъ побоевъ, я поняла и надорваннымъ, униженнымъ сердцемъ моимъ сказала себѣ, что одного мнѣ ждать и одного желаю—смерти.

2.

Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ.

Или сила Божья не оставляла меня? Это она и внушила мнѣ бѣжать изъ дому безъ оглядки. Тихонько пробралась я изъ кухни за ворота, а тамъ на дорогу и ушла.

Я бросилась въ лѣсъ,—людей боялась.

Солнце зашло, стала заря исгасать, и канулъ послѣдній страхъ. Кого мнѣ бояться! Благодарила я Бога, что темно, и меня не найдутъ, легла подъ орѣшенью и крѣпко заснула.

Заполночь вдругъ просыпаюсь. Я проснулась отъ шума: надо мной буря, вихорь колеблетъ деревья, крикъ и свистъ. Боясь шевельнуться, пролежала я до разсвѣта. И когда стало видно, я поднялась.

За долгую ночь я вся измерзла, дрожь меня била, и душа унывала: снова вспомнила домъ и страшно мнѣ стало искать дороги.

Безъ дороги я шла, забрела въ самую чащу.

Усталость и голодъ одолѣвали меня. Я рвала листья и ими питалась. Мучила жажда, клей вязалъ зубы, а попадались болота: вода была желта, кисла и солона. Но другого гдѣ найти?—и я пила болотную воду.

Такъ началось мое скитаніе, такъ ходила я по лѣсу лѣто до холодовъ.

Случалось слышать голоса, но людей я не видѣла.

Я боялась людей, и нашла у звѣрей дружбу.

Сижу я разъ подъ деревомъ и плачу неутѣшно,—въ первые-то дни какъ было трудно! — и вдругъ шумъ и трескъ по лѣсу. Подымаю глаза — звѣри. Волки меня окружили. Смотрю на нихъ, читаю молитву, думаю, погибну — съѣдятъ. Тотъ лапой, какъ человѣкъ, притрагивается ко мнѣ, другой, сидя, хвостомъ машетъ, третій зубы выскаливаетъ. И показалось мнѣ тогда, что и конца не будетъ. И вотъ они стали и пошли прочь—они ничего мнѣ не сдѣлали.

Съ тѣхъ поръ я часто встрѣчалась со звѣрями. Или сердце у нихъ жалостливѣе и чувство желаннѣе? Я звѣрей не боялась.

Босая, въ драномъ платьѣ бродила я по лѣсу. Никто меня не трогалъ и голодомъ я не томилась, какъ дома. Или Богъ питалъ меня? Я находила сладкую траву и листья. Болотная вода меня изнуряла, но другой гдѣ было взять? И я считала себя счастливой.

Твердую надежду положила я на Бога. Я поручила себя Матери Божьей: какъ ей угодно, пусть такъ и будетъ.

И вотъ однажды молюсь я подъ деревомъ, — холода ужъ пошли, трудно стало безъ крова,—стою и молюсь, и вижу такая, какъ я, моя сверстница,—взяла меня за руку.

— Пойдемъ,—говоритъ, — Нюта, больше тебѣ тутъ не быть.

Запыхавшись, быстро, какъ мое быстрое сердце, за руку шли мы. И вышли на дорогу,—я этой дороги никогда не видала. Тутъ моя спутница куда-то исчезла.

Смотрю, нѣтъ нигдѣ. Покликала,—нѣту! И куда она дѣлась,—не пойму, не придумаю.

Вечерѣло. Я одна шла по дорогѣ. И привела меня дорога на поле, а тамъ люди. Оторопѣла я, да пересилила страхъ, и подошла.

Вѣрно, странный былъ видъ у меня—я боюсь, а они меня испугались! Я попросила воды напиться, а они ровно и не понимаютъ меня: испугались! Перекрестилась я.

Ну, они и напоили меня, перестали бояться.

А когда пришло время итти имъ съ поля домой, они меня не покинули.

Господи! Я словно изъ мертвыхъ воскресла! Такъ истосковалось сердце мое.

Съ поля привели меня въ домъ, тутъ меня и пріютили.

3.

Новая моя жизнь началась у чужихъ. Добрые люди оказались мои покровители—старикъ да старуха Рубцовы. Участливо они приняли меня, наряжали и смотрѣли за мной. Я была привязчива и скоро полюбила ихъ. Ужъ думала, вновь родилась я, и все повторяла—какъ я счастлива!

Счастливая, я и представить себѣ не могла, гдѣ я. Мнѣ казалось, я зашла на край свѣта и родные меня никогда не отыщутъ: на краю свѣта стоялъ домъ Рубцовыхъ, въ домѣ жили старикъ со старухой да я съ ними — и какая счастливая!

И съ какою злою горечью пришлось убѣдиться, что я ошиблась.

Въ домъ къ старикамъ наѣзжали замужнія дочери съ мужьями и сынъ женатый, а жили они въ томъ самомъ городѣ—вѣдь, близко-то какъ!—гдѣ стоялъ полкъ моего дяди. Понемногу все они у меня выпытали и дали знать въ полкъ къ дядѣ.

И вотъ какъ-то въ будній день совсѣмъ неожиданно пріѣхали гости. Я заглянула въ окно и въ глазахъ почернѣло: все знакомые мнѣ, я ихъ встрѣчала тамъ еще, въ домѣ род-

ныхъ, когда изъ кухни наряженную приводили меня въ парадныя комнаты,—все изъ дядинаго полку офицеры. И ужъ я не помню, что со мной было.

Знаю, много со мной было хлопотъ. Какъ родные, ухаживали за мной старики, жалѣли, все уговаривали, успокаивали: они никогда не выдадутъ меня дядѣ. Повѣрила и будто бы легче стало,—на время я успокоилась.

На Пасху пріѣхалъ ротмистръ, его я тоже видала у насъ въ домѣ. Должно быть, старики его предупредили: онъ особенно былъ со мною ласковъ, самъ первый подошелъ ко мнѣ, сталъ успокаивать, просилъ, чтобы я ему вѣрила, не боялась.

Я и ему повѣрила. И не боялась. Я только объ одномъ просила, чтобы ничего не говорилъ дядѣ.

Дядя все зналъ. И кто это ему разсказывалъ? Ротмистръ? Ротмистръ часто наѣзжалъ къ намъ и былъ со мной особенно ласковъ. Дядя все зналъ. Я слышала, что мое бѣгство очень его огорчало, онъ даже плакалъ. Не знаю только, съ чего? Не обо мнѣ же? Былъ онъ хитрый человѣкъ и, пожалуй, не я, не моя судьба, а мое наслѣдство занимало его.

И вотъ узнаю, что заболѣлъ дядя. Ротмистръ сообщилъ о его болѣзни и передалъ мнѣ письмо, и на этотъ разъ много разсказывалъ о немъ. Дядя просилъ меня вернуться.

Ну, а какъ я могла вернуться!

И я рѣшила, все ему сама напишу.

Я просила его не трогать мою душу, и пускай пользуется всѣмъ моимъ наслѣдствомъ, мнѣ ничего не надо, только бы навсегда оставилъ меня, и не называлъ меня родной, просто забылъ бы имя мое, и давала слово ничего дурного не говорить о немъ, просила простить и сама его прощала.

Ротмистръ повезъ мое письмо. А я отъ тревоги едва на ногахъ держалась. Я еще больше стала бояться попасться въ руки. И не могла уйти отъ мысли, что это будетъ, какъ самъ онъ сюда пріѣдетъ. Вѣдь, онъ всякую минуту могъ пріѣхать и силой заставить меня вернуться.

4.

Отчаянно проходили дни. Тревога и слезы. Заслышу колокольчикъ, такъ и замретъ сердце. И одинъ Богъ знаетъ, до чего бы дошло. Всѣми силами я старалась скрыть отъ глазъ тревогу мою, но это не всегда удавалось!

Гостила въ домѣ у стариковъ моихъ помѣщица одна—вдова Лихарева, не знаю, родственница ихъ или знакомая, не разбиралась я тогда, не до того было. Только замѣтила я, что Александра Петровна какъ-то все смотритъ на меня, и особенно, когда останусь наединѣ съ ней. И скоро поняла я, что она все понимаетъ.

Какъ-то Александра Петровна тихо сказала, лаская меня:

— Нюта, поѣдемъ ко мнѣ!

Господи! Я подняла глаза, словъ не было. Я готова была, куда угодно.

— Но чтобы никто не зналъ объ этомъ, Нюта!

И она велѣла приготовить для меня экипажъ—она его отправитъ со мной домой, а сама, переночевавъ, въ другомъ поѣдетъ!—назначила, куда еще съ вечера ѣхать дожидаться и подкупила горничную провести меня ночью тихонько черезъ садъ въ назначенное мѣсто.

Вечеромъ совсѣмъ случайно съѣхались гости. Меня все выдавало, только кому догадаться? И было такъ, какъ бываетъ въ канунъ. Я чувствовала, что всѣмъ нравлюсь. И особенно мои старики—они были такъ ласковы со мной и отчего-то грустны. Чуяли? И минутами мнѣ такъ не хотѣлось разставаться, такъ бы, кажется, до смерти и прожила въ ихъ домѣ: за два-то года я привязалась и они меня полюбили. И только одно выводило меня изъ моей нерѣшительности и очень важное: старики мои сами боялись дядю, я это чувствовала.

Когда разъѣхались гости, я простилась и пошла въ свою комнату. Какъ всегда, я раздѣлась и легла, ну, какъ всегда, и скоро заснула.

И вотъ словно толкнулъ меня кто: въ мою комнату вошла Александра Петровна, и тихонько поцѣловала меня.

— Вставай, Нюта, тебя ждутъ!—и сейчасъ же вышла изъ комнаты.

Я заспѣшила, принялась одѣваться. И вдругъ горечь закипѣла на сердцѣ и я горько заплакала: разставаться не хочется! Но вспомнивъ, что я совсѣмъ беззащитна, оправилась.

Вѣдь, я ничего не знала и куда меня повезутъ, я не знала.

Горничная повела меня садомъ,—тамъ, за сажалкой, насъ поджидалъ экипажъ.

Уже заря занялась. Ну, прощайте! И какія-то горькія думы, заревыя утреннія, обожгли мое сердце несмышленное и перепуганное. Дорога меня баюкала, убаюкала—по дѣтски помирилась я и спала, какъ убитая.

Когда я проснулась, мы въѣзжали во дворъ усадьбы. Я была не одна, со мной ѣхала Саша, горничная Александры Петровны. Очень радушно приняли насъ въ домѣ, мы и обѣдали и чай пили. Барышни - хозяйки ухаживали за мной и все мнѣ дѣлали. Послѣ чаю, вижу, лошадей закладываютъ. Мѣшкать нечего. Надавали намъ пироговъ въ дорогу, яблокъ, много всего, за ворота проводили—и съ Богомъ!

Саша веселая, все-то смѣшила меня и я, глядя на нее, разсмѣялась: вѣдь, я была въ безопасности, чего же не смѣяться!

Къ вечеру остановились мы у священника. Батюшка зналъ о насъ и встрѣтилъ, какъ знакомыхъ. Тутъ намъ пришлось долго ждать. И на меня опять напалъ страхъ: что со мной будетъ? Тихонько я стала молиться. Какъ тамъ, въ лѣсу, я молилась,—поручала себя Матери Божьей: пусть будетъ воля ея надо мной.

Лишь позднимъ вечеромъ пріѣхала Александра Петровна. Ну, какъ родную мать я встрѣтила ее и она безпрестанно цѣловала меня.

Перебывъ ночь, съ разсвѣтомъ мы тронулись въ путь. И не замѣтили, какъ день прошелъ. Веселой дорогой къ вечеру пріѣхали къ Лихаревымъ. У воротъ встрѣтилъ насъ сынъ Александры Петровны.

— Я тебѣ, Ваня, невѣсту привезла!—сказала Александра Петровна сыну.

А у меня духъ захватило: какъ увидѣла я красный офицерскій воротникъ, и почему-то рѣшила, что опять въ западню попала. И, должно быть, сильно испугалась. Не помню, что было, а когда я пришла въ себя, оказывается, ужъ за докторомъ послали. Я разсказала все по правдѣ. Надо мной смѣялись,—Иванъ Александровичъ служилъ въ другомъ полку и мало чего зналъ о моемъ дядѣ.

Такъ началась моя жизнь опять у чужихъ въ новомъ домѣ. Сама я ничего о себѣ не разсказывала. Но Александра Петровна и безъ меня знала. Необыкновенной внимательностью окружила меня. А когда я свыклась, Александра Петровна стала уговаривать меня выйти замужъ за ея сына. А я слышать ничего не хотѣла. Конечно, поживи я у нихъ подольше, со временемъ, возможно, и вышла бы замужъ.

Три мѣсяца прошло моей новой жизни. Въ главномъ своемъ я была совсѣмъ спокойна—никакіе страхи больше не тревожили меня, и только это сватовство смутило.

Случай перемѣнилъ мою жизнь.

Къ Лихаревымъ пріѣхала богатая ихъ родственница, Рыкова. Съ перваго же дня очень я ей понравилась и она меня просто не отпускала отъ себя. И меня приманивала къ ней ея ласковость. Или такъ: у родныхъ меня крѣпко ударило и вотъ на всякое тихое слово я шла теперь къ чужимъ открыто и довѣрчиво.

Александра Петровна скоро замѣтила, какъ довѣрчиво смотрю я на эту ея родственницу, на Татьяну Карповну, и стала просить ее уговорить меня выйти замужъ, да и самъ Иванъ Александровичъ, я слышала, просилъ ее повліять на меня. Татьяна Карповна дала имъ слово, но съ тѣмъ, чтобы меня отпустили къ ней.

Они согласились.

И вотъ опять—опять мнѣ дорога.

Не жалуюсь, мнѣ было хорошо у Лихаревыхъ, но что-то въ тайнѣ меня отзывало изъ ихъ дома и я легко приняла вѣсть объ отъѣздѣ.

А когда прощались, какъ мы всѣ плакали: и я и Александра Петровна и Иванъ Александровичъ.

5.

У новой покровительницы моей не было дѣтей. Въ день нашего пріѣзда Татьяна Карповна разсказала мужу, какъ встрѣтила меня у Лихаревыхъ и полюбила съ перваго взгляда.

— Пусть будетъ нашей дочерью!

И вправду, я жила въ богатомъ ихъ рыковскомъ домѣ, какъ родная дочь.

Отъ навязчивыхъ страховъ моихъ я почти освободилась да такъ бы и забыла про старое, и вотъ опять все всколыхнулось.

Какъ когда-то у Рубцовыхъ, неожиданно подъѣхали къ дому гости—все военные. Я случайно увидѣла изъ окна и все вспомнила, всѣ тѣ свои дни, въ родномъ домѣ, гдѣ меня мучили. Къ счастью, я была одна въ комнатѣ, и когда позвали меня, я уже оправилась. И все-таки выйти къ гостямъ я не могла: мнѣ страшно было подумать, что обо мнѣ станетъ извѣстно моему дядѣ и опять начнется. Я такъ и сказала.

Отвѣтъ мой не мало удивилъ Татьяну Карповну. Она передала гостямъ, назвала мое имя, и оказалось, что многіе изъ нихъ, бывая у насъ, знали меня совсѣмъ ребенкомъ, и очень любопытствовали посмотрѣть на меня. Татьяна Карповна тайно имъ показала меня, и они разсказали ей, кто я такая.

Евгеній Германовичъ, мужъ Татьяны Карповны, очень былъ растроганъ моей долей, и вскорѣ, какъ я послѣ узнала, познакомился съ моимъ дядей и досталъ отъ него мои документы.

Меня же онъ успокоилъ: онъ никому не позволитъ меня тронуть.

Я повѣрила. Я поняла тогда, какое значеніе даже для моего дяди имѣли мои богатые покровители.

Гости часто наѣзжали къ намъ и особенно часто офицеры изъ полка моего дяди и пріѣздъ ихъ ужъ мало волновалъ меня: для меня стало ясно, что нахожусь подъ крѣпкой защитой. О дядѣ не было рѣчи. Потомъ вдругъ перестали бывать: ихъ

полкъ перевели въ другой городъ. И стало въ домѣ совсѣмъ ужъ тихо. А потомъ слышу, дядя мой померъ.

Когда я узнала о его смерти, я пришла, и сама не знаю, въ изступленіе. Горѣла вся. Какъ благодарила я Бога, что нѣтъ у меня родства на землѣ и никто больше никогда ужъ не тронетъ меня. Вѣрила, покинутую, меня самъ Богъ принялъ, я вѣрила, беззащитной, Онъ послалъ мнѣ ангела хранителя на всю мою жизнь. И въ слезахъ безудержныхъ — благодарныхъ и горькихъ — поручала я себя Матери Божьей, клялась ей безъ ея воли не располагать собой — и чтобы ни случилось, воля ея. И неустанно благодарила, что услышалъ Богъ молитву: просила и вотъ стало — я свободна, я одна во всемъ мірѣ.

Но ужъ и тогда, чувствуя, только смутно, безсчастье свое и мечтая о какой-то жизни, не похожей на ту, что видѣла близко, о какой-то праздничной страдѣ жизни, вся открытая къ страстямъ, молилась:

— Господи, дай претерпѣть, Господи, все претерплю!

6.

Мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Забыли ли покровители мои о словѣ — уговорить меня выйти замужъ за Лихарева, либо у Лихаревыхъ за этотъ мой рыковскій годъ случилось что, сама я никогда не заговаривала, и отъ Рыковыхъ все меньше слышала о нихъ, а потомъ и совсѣмъ перестали упоминать.

У Рыковыхъ меня любили, — спокойно, хорошо мнѣ было на этомъ новомъ мѣстѣ, только очень скучно одной.

И чтобы какъ-нибудь развлечься, стала я заводить знакомства съ сосѣдями.

Какъ-то гостила я у Щупаковъ, сосѣдей Рыковыхъ. Семья большая—много подругъ. Съ подругами не скучно, и не замѣтила, какъ прошло время, и ужъ пора было мнѣ домой уѣзжать, а страсть не хотѣлось: дома одной скучно, да и еще что-то, сама не знаю. Вотъ все и думаю, какъ бы такъ задержаться,

не ѣхать, — Богу молюсь, чтобы случилось какое препятствіе: задержаться.

А тамъ, вотъ грѣхъ какой, и случилось — случился большой пожаръ: все село выгорѣло, домъ сгорѣлъ и только уцѣлѣла церковь.

Куда же мнѣ было возвращаться?

Я и осталась у Щупаковъ, и время пошло еще веселѣе. Постоянно гости, вечера, — весело. Я знала, что многимъ я нравлюсь, и мнѣ было пріятно, что я нравлюсь и за мной ухаживали. Особенно ихъ дядя, Викторъ Михайловичъ, ужъ не молодой, я видѣла, онъ во мнѣ души не чаетъ. Въ шутку, такъ, я дала ему слово. А по правдѣ-то ни за кого не собиралась, за него и подавно — вѣдь, онъ мнѣ въ дѣды годится! Конечно, въ шутку: пусть будетъ, — вотъ смѣшно-то! — я его невѣста, онъ мой женихъ. Много потѣшилась. А вышло-то совсѣмъ не такъ, совсѣмъ не до шутокъ.

Пока-то я развлекалась, да пока что, а у старшихъ тайно отъ меня свое дѣлалось, сдѣлано было мнѣ приданое, заново отдѣланъ домъ. И къ концу лѣта все было готово къ свадьбѣ, оставалось одно — объявить насъ женихомъ и невѣстой. Вотъ тебѣ и шутки!

И наконецъ назначенъ былъ вечеръ у Виктора Михайловича—жениха-то моего. Все наше семейство и старые Щупаки и молодые, подруги мои, принялись за сборы. Я отказалась. Я сообразила,—еще бы!—но ужъ было поздно. И невозможно. Какъ! мнѣ — не ѣхать? Да, вѣдь, для меня же и эти сборы и этотъ торжественный вечеръ, нѣтъ, невозможно.

Гостей собралось, какъ на Пасху. И чего только не было наготовлено для торжества! Но это меня не занимало. Одна была мысль, что я сдѣлала и совсѣмъ не подумала, не подумавши, сдѣлала. Я все винила себя, и не знала, какъ выпутаться. А на меня смотрѣли — каждый смотрѣлъ, какъ на невѣсту. И если про это громко не говорилось пока, все равно, что говорилось. И было мнѣ: сквозь землю провалиться — одно спасеніе.

И на слѣдующій день торжество продолжалось. И опять я — невѣста, я — все. Мнѣ показывали всякія хозяйственныя

вещи — ловили мой взглядъ. Я хорошо понимала, что все это для меня собрано и безъ меня ничего не было бы. Мнѣ показывали комнаты, и въ заключеніе повели въ нашу будущую спальню. Я больше не могла, я попросилась домой.

Съ какимъ тяжелымъ чувствомъ вырвалась я на свободу, какія темныя думы задавили мои свободныя мысли. Во всемъ я себя винила.

Сказать прямо, что не хочу и не пойду замужъ, на это я не рѣшалась. Я не хотѣла выходить замужъ, вся душа моя была противъ, а что-то такое останавливало меня рѣшить такъ безповоротно. А жениха моего Виктора Михайловича я просто стала бояться: тотъ мой прежній страхъ передъ дядей проснулся во мнѣ, и было такъ, словно дядя мой — ихъ дядя Викторъ Михайловичъ, женихъ мой — поднялся изъ гроба.

И вотъ я вспомнила... Я написала двѣ записки — два жеребья: «итти» и «не-итти». Заворачивая записки, говорила къ образу Божьей Матери:

— Тебѣ поручаю судьбу мою, скажи! Что скажешь, то и исполню.

Съ вечера положила я записки за икону. А на утро, помолившись, вынула.

И сказано было:

— Не ходи.

Такъ и вышло «не итти».

Словно съ сердца камень — стало мнѣ ясно и было увѣренно, не должна я итти. Только за однимъ стало: какъ отказаться? Тутъ осѣнило меня: отпрошусь на богомолье въ пустынь! И сказала, что хочу поговѣть.

Повѣрили. Вѣдь, это такъ похоже: я готовилась къ новой жизни — рѣшала свою судьбу! И меня отпустили.

Всѣмъ домомъ провожали меня Щупаки и онъ тутъ былъ, ихъ дядя, Викторъ Михайловичъ, женихъ мой. Съ горькимъ чувствомъ я прощалась: никто изъ нихъ ничего мнѣ дурного не сдѣлалъ, а я съ ними такъ — не такъ сдѣлала.

— Черезъ недѣлю лошадей пришлите! — обернулась я въ послѣдній разъ, а въ сердцѣ говорила: — прощайте, никогда не вернусь!

7.

Въ Глинской пустыни я остановилась въ гостинницѣ.

Нашлись знакомые монахи, — я видала ихъ у Щупаковъ, пріѣзжали на праздникъ со святомъ, — они меня и устроили. Лошадей я отпустила, сказала, что пріѣхала поговѣть.

Много было пріѣзжихъ, попадались и дальніе: всѣхъ привлекала Глинская пустынь, хотѣлось повидать и получить совѣтъ отъ строителя пустыни о. Филарета, — о праведной жизни старца шла молва по всей Россіи.

И на другой день я его увидѣла. Не думала, старецъ самъ зашелъ ко мнѣ. И я разсказала ему всю мою странную жизнь до послѣдняго дня и о сватовствѣ моемъ, все безъ утайки.

— Я такъ увѣрена, — сказала я,—не угодно это Матери Божьей.

Старецъ ласково смотрѣлъ на меня.

— Я рѣшила итти въ монастырь.

И увидѣла, какъ перемѣнился старецъ, и не могла понять, отчего такая скорбь на лицѣ его. Ужъ подумала: «не наговорила ли я чего лишняго или я говорила не такъ?»

Вдругъ старецъ поднялся.

— Путь твой благой, но прискорбенъ,—пусть Богъ управляетъ тобой, положись на него!

И когда я осталась одна, въ вечернихъ сумеркахъ невечерній свѣтъ осѣнилъ меня. Хотѣлось плакать мнѣ не отъ страха, не отъ горечи, не отъ обиды, какъ плакала я, а отъ какой-то горькой радости, переполнившей мнѣ сердце.

Въ монастырѣ звонили ко всенощной.

И вотъ безъ стуку, или не слышала, вошли ко мнѣ въ мою комнату три сверстницы. Присѣли ко мнѣ и знакомое что-то разсказывали о безсчастной судьбѣ своей.

— Мы рѣшили итти въ монастырь!

— Возьмите и меня съ собой! — обрадовалась я.

— Пойдемъ, ты намъ будешь сестра.

Въ монастырѣ звонили ко всенощной.

И послѣ всенощной четверо насъ неразлучно — мы перебрались въ одну комнату,—всю ночь другъ съ другомъ, другъ

другу за ночь все повѣрили. И до зари загадывали, какъ будемъ странствовать вмѣстѣ, въ монастырь поступимъ, какой подвигъ возьмемъ на себя.

Отстояли раннюю обѣдню, а послѣ молебна — въ путь.

8.

«Путь твой благой, но прискорбенъ!»

Я это на всю жизнь запомнила до послѣднихъ дней.

Не весело начался путь. Съ перваго дня разболѣлась: ноги у меня отекли, — не могу итти. Чего только ни дѣлали сестры, — ничего не помогаетъ. И пришлось намъ разстаться: онѣ дальше пошли, а меня приняла попадья вдовая. Такъ и разстались.

Съ недѣлю пролежала я у попадьи и вылежалась, — дѣло пошло на поправку. Добрая женщина эта попадья не захотѣла съ меня брать, и я рѣшила еще остаться у нея, думаю, какъ-нибудь отблагодарю ее трудами. Я умѣла шить и дочерямъ ея сшила, кому что понадобилось. И всѣ остались довольны.

И одна вышла я въ путь.

«Путь твой благой, но прискорбенъ»—вспоминались слова старца.

Вышла я на большую дорогу, посматриваю: боялась, ка-бы назадъ не вернуться. Такъ и шла. И вижу, впереди странники—и все женщины. Обрадовалась я, догнала.

— Куда Богъ ведетъ?

— Въ Кіевъ, на богомолье.

— И мнѣ туда!

Обрадовалась я и съ ними пошла.

«Вотъ,—думаю,—Богъ-то послалъ!»

И сначала все ничего, потомъ замѣчаю: смотрятъ онѣ на меня — нехорошо. Недоброе что-то. Попробовала отстать, да онѣ-то ужъ не хотятъ оставить меня: присяду отдохнуть, остановятся, ждутъ—ни на шагъ безъ меня. Вотъ переглянулись другъ съ другомъ и впередъ меня пропустили. Нѣтъ, все не спроста.

На мое счастье, ѣдутъ порожнемъ почтовыя. Я къ ямщику.

— Ради Бога,—кричу ямщику,—спаси меня, возьми съ собой!

Остановился ямщикъ.

— Заплачу,—говорю ему,—подвези!

Ямщикъ меня взялъ, только куда же везти?

— Да вези,—говорю,—къ священнику.

— Къ какому?

— Куда ближе, мнѣ все равно.

А ближе было къ той, къ моей попадьѣ вдовой.

И опять я на старое мѣсто попала.

А на слѣдующій день узнаю: этихъ странницъ-то, спутницъ моихъ, въ городъ привели связанныхъ. Говорили, что товарку свою зарѣзали—замѣтили ихъ, когда уже мертвую въ лѣсъ волокли закапывать, тутъ и захватили.

Очень я встревожилась. Этотъ случай съ зарѣзанной не выходилъ изъ памяти. И ни за что бы, кажется, одна не вышла изъ дому. Прошелъ день, другой. Добрые люди успокаивали меня. Раздумалась и опять рѣшила: пойду, что Богъ дастъ! И пошла.

«Путь твой благой, но прискорбенъ»—вспоминались слова старца.

И одна все шла. Богъ миловалъ, не видала обиды. Встрѣчали меня привѣтливо, кормили и поили меня. И было мнѣ вольно и міръ весь со мною былъ.

Такъ я шла съ недѣлю, Бога благодарила.

Иду и не нарадуюсь—какъ хорошо въ Божьемъ мірѣ!—а ужъ вечеръ, пора и о ночлегѣ подумать. А возвращаются, вижу, съ поля работники. Поровнялись.

— Куда идешь?

— Къ святымъ мѣстамъ,—говорю.

— Иди къ намъ, переночуешь.

Поблагодарила я. Думаю: «Добрые люди—и не прошусь, а сами, зовутъ!» И пошла съ ними.

И привели они меня въ домъ: хорошій домъ, — богатые, видно. Сѣли ужинать и меня накормили.

«Вотъ,—думаю, —отдохну-то, добрые люди!»

Ужъ дремлется, а хозяева все сидятъ, изъ-за стола не

выходятъ. И вижу, въ горницу народъ набирается и набралось полна горница. Вдругъ поднялась хозяйка, притушила свѣтъ,—чуть огонекъ.

— Идите,—говоритъ,—дѣвки, въ клеть, возьмите и странницу!

Слава Богу, наконецъ-то! Едва различаю, такъ меня сонъ моритъ.

Каморка тѣсная, темная. Постели ужъ постланы. Скоро всѣ улеглись. Не раздѣваясь, повалилась и я. А сонъ и прошелъ. Не могу уснуть.

Я лежу безсонная и не знаю, съ чего-то мнѣ страшно—все жду чего-то. И до разсвѣта не сомкнула глазъ. И только что свѣтать стало, вошла въ каморку старуха, разбудила сосѣдокъ. Я тоже схватилась.

— Еще рано, спи—не пускаетъ.

— Нѣтъ, я пойду,—говорю,—мнѣ пора!

И только тѣ за дверь, входитъ мужикъ. Тутъ я совсѣмъ оробѣла.

— Мнѣ пора,—говорю,—пустите меня!

— Въ подклѣть!—сказалъ мужикъ старухѣ и вышелъ.

Старуха дверь за нимъ притворила. Что было наложено вдоль стѣны, все поснимала.

Стою и не знаю, чего ждать? Вижу, въ стѣнѣ плетеная дверка. И какъ увидѣла я эту дверку, взяла меня дрожь.

А старуха обернулась, да за руки—и потащила.

Ничего я не помню, только когда я очнулась, такая тоска. Долго я плакала, ничего сообразить не могла. Потомъ раздумалась.

«Вѣрно, я заслужила такое!»—и приняла свою участь.

Голодомъ меня не морили. Какія-то женщины давали мнѣ хлѣба. Въ полутьмѣ я едва различала. Молча онѣ входили, ну, хотя бы слово, все молча.

И зачѣмъ меня въ подклѣти держали, не понимаю.

«Вѣрно, я заслужила такое!» — повторяла я, тѣмъ и жила.

Я молилась. Божію Матерь просила: пусть будетъ воля ея надо мной! Я была ко всему готова.

Какъ-то ночью опять такая тоска, мѣста не нахожу. Нѣтъ, больше нѣтъ моихъ силъ! Стала я шарить и отыскала лазейку. И вылѣзла изъ моей темницы. Очутилась на дворѣ. Звѣздная ночь. Никого. Только стоитъ среди двора какой-то мальчикъ, и какъ свѣтъ отъ него звѣздный, и тутъ же запряженная повозка.

— Садись!—и самъ вспрыгнулъ проворно.

Я скорѣе въ повозку. И лошадь помчалась. Ѣхали лѣсомъ, полемъ и лѣсомъ. Мальчикъ ни слова со мной не промолвилъ, не обернулся. На разсвѣтѣ остановилъ лошадь.

— Слѣзай!—сказалъ и самъ спрыгнулъ.

Я едва на ногахъ держалась.

Смотрю на дорогу: куда мнѣ теперь? И странно,—ни повозки, ни мальчика. Спросить-то не у кого.

И вижу,—Господи!—сестры мои благословенныя, съ которыми я разсталась въ первый мой день, онѣ шли по дорогѣ. Бросилась я къ нимъ—всѣ бѣды забыла. И онѣ ко мнѣ,—или и ихъ путь—бѣда?

И въ то утро, въ эту встрѣчу, мы поклялись другъ другу больше никогда не разставаться: будемъ вмѣстѣ всегда и вмѣстѣ умремъ!

До холодовъ мы ходили вмѣстѣ. Побывали и въ монастыряхъ и въ пустыняхъ. Мы присматривались къ монастырской жизни. Испытывали свои силы. Мы укрѣпляли другъ друга, терпѣливо перенося и трудъ и горечь.

Завернула зима и мы раздѣлились: я и сестра Аріанда, мы пошли въ Кіевъ, другія же сестры къ угодникамъ — на сѣверъ.

9.

Подъ Кіевомъ благословилъ насъ Богъ опредѣлиться въ монастырь.

Полгода мы прожили на общемъ послушаніи,—все, что намъ прикажутъ, все дѣлали. Потомъ поставили насъ на правый клиросъ. И у меня и у сестры Аріанды былъ голосъ, и тяготы мы не чувствовали, напротивъ.

Мы вмѣстѣ дали обѣтъ постричься и готовились вмѣстѣ. Неразлучно. Да не по нашему вышло, не привелъ Богъ. Разлучились: на другой годъ померла Аріанда—сестра моя благословенная.

Я оставалась клирошанкой, и къ празднику меня сдѣлали канонархомъ. И это меня не обрадовало и не утѣшило. Безъ сестры моей тоскливо проходили дни,—я съ ней сдружилась и полюбила ее, какъ сестру.

Трудный выпалъ мнѣ годъ.

Прежде, бывало, когда жива была Аріанда, ко мнѣ всѣ были добры и послушницы и монахини, и вдругъ все перемѣнилось. Богъ знаетъ, чего только ни наговаривали на меня молодыя—или изъ зависти?—и въ чемъ только ни подозрѣвали старыя. Больше терпѣла я отъ монахинь. Былъ ли съ ихъ стороны умыселъ—испытать терпѣніе послушницы—или ужъ такъ бываетъ всегда по слабости человѣческой изводить подначальнаго, не могу сказать. Конечно, я должна была все терпѣть—я готовилась къ постригу! Я должна была на всѣ укоры и упреки и совсѣмъ напрасные отвѣчать кроткимъ молчаніемъ, а я оправдывалась, и дѣло доходило до криковъ, и меня ужъ поѣдомъ ѣли. И въ отчаяніи впадала я въ уныніе, мое сердце ожесточалось и молитвы мои, такія ясныя и покорныя, горько вышептывались жалобой.

А тутъ и новая бѣда. Испугалась — стало мнѣ казаться, что по лѣтамъ моимъ рано,—мнѣ шелъ восемнадцатый годъ,—рано мнѣ еще съ міромъ разставаться, и не слѣдуетъ ли и еще послужить Богу безъ пострига?

Скажу по правдѣ, тайная мысль о замужествѣ останавливала меня.

И эта мысль приводила меня въ ужасъ — вѣдь, я дала обѣтъ постричься!

Я знала, что я многимъ нравлюсь, видѣла, какъ на меня заглядываются, когда выхожу на амвонъ канонаршить. И мнѣ было пріятно, что я нравлюсь, а находились и такіе, что и мнѣ самой нравились.

Ожесточеніе и горькая молитва, тайныя грѣшныя мечты и такой укоръ, на свѣтъ не смотрѣла-бъ.

Я теряла послѣднюю увѣренность.

И сны по ночамъ мнѣ стали сниться странные.

Я разскажу одинъ сонъ, особенно поразившій меня въ ту страдную пору моей жизни, а приснился на праздникъ Преображенья.

Стою я будто на нашемъ монастырскомъ дворѣ и слышу въ воздухѣ надъ моей головой разговоры, но кто говоритъ, не видно. Называютъ меня по имени, говорили, что меня громомъ убьетъ. А шла большая гроза, и такая страшная. Стала я каяться, прошу пощадить меня. Молонья сверкнула. Заплакала я: не миновать ужъ. И слышу:

«Ты не увидишь того, кто говоритъ съ тобой».

И былъ этотъ голосъ внезапный, какъ молнія.

Содрогаясь, я плакала.

И вотъ небо стало очищаться, тучи разошлись, просвѣтлѣло.

Иду по двору къ дому. У дверей мальчикъ загородилъ мнѣ дорогу, тотъ самый, что спасъ меня когда-то, въ рукахъ у него два серебряныхъ подсвѣчника, свѣчи зажжены.

— Ты хочешь знать,—сказалъ онъ,—какая у тебя смерть будетъ, ты Бога просила!—и, подавая мнѣ свѣчи. отворилъ дверь.

И только я переступила порогъ, ударилъ громъ и правая рука моя загорѣлась отъ боли, а свѣчи погасли.

— Меня громъ убилъ!—закричала я, изнывая во тьмѣ.

И опять я на нашемъ монастырскомъ дворѣ. Свѣтъ не похожій—не солнечный, не вечерній, ни день, ни ночь, и въ свѣтѣ Спаситель, а у Его ногъ семь дубовыхъ кадей полны пшеницы.

Я протянула руки мои—

И Онъ благословилъ меня:

«Иди въ міръ!».

Такъ и слышу и тоскою на сердцѣ лежитъ:

«Иди въ міръ!».

10.

Мнѣ назначили новое послушаніе: мнѣ велѣно было по домамъ ходить для отправленія службъ — читать по покойни-

камъ псалтырь, ухаживать и утѣшать. Судьба привела меня въ богатый купеческій домъ къ Каблуковымъ. И тамъ самъ хозяинъ Каблуковъ, человѣкъ ужъ пожилой, съ годъ какъ овдовѣвшій, сдѣлалъ мнѣ предложеніе. Почему-то это меня страшно оскорбило, я рѣзко отказала, и, въ тотъ же день, не дожидаясь своего срока, ушла назадъ въ монастырь.

Съ возмущеніемъ разсказала я матери Агніи—старой монахинѣ, у которой находилась подъ началомъ. И ждала, что наставница моя заступится за меня. Но къ удивленію моему мать Агнія не только не выразила никакого сочувствія, а мною же осталась недовольна. А когда разнеслось по монастырю о моемъ поступкѣ, старыя монатейныя монахини открыто порицали меня, ставя въ вину мнѣ и мое самовольство—самовольно я оставила дѣло, ушла отъ Каблуковыхъ, уставъ нарушила послушанія!—и мой отвѣтъ Каблукову! какъ могла я себѣ позволить рѣзко, не подобающе, говорить со старшимъ и уважаемымъ человѣкомъ?

Не безъ вѣдома игуменьи, тоже не одобрявшей мой поступокъ, меня снова назначили къ Каблуковымъ. Умерла у нихъ тетка, и вотъ для отправленія сорокоуста меня и назначили. И на этотъ разъ не одну, а съ наставницей моей матерью Агніей.

Мать Агнія оказалась пріятельницей старухи Каблуковой, матери хозяина, и я видѣла, какъ старухи все шушукались да слѣдили за мной. Послѣ ужъ я узнала, что Настасья Ѳедоровна была въ заговорѣ съ Агніей, и Агнія для нея старалась. Самъ же хозяинъ Иванъ Антиповичъ по прежнему не сводилъ съ меня глазъ, я это чувствовала и видѣла, но никакихъ предложеній, ничего такого, будто ничего и не было.

Окончивъ службы, мы вернулись въ монастырь. Еще дорогой Агнія заводила со мной разговоры, и не трудно было догадаться, къ чему клонила. Въ монастырѣ же, въ кельѣ, Агнія откровенно принялась уговаривать меня выйти замужъ за старика Каблукова. И на всѣ мои возраженія, ничего не слушая, приводила свои неоспоримыя доказательства,—Каблуковы славились на всю округу, Каблуковы были первые

вкладчики въ монастырѣ! — и въ концѣ концовъ выходило какъ-то такъ, что замужество мое будетъ угодно Богу.

Если бы Каблуковъ былъ мнѣ по сердцу! Нѣтъ, меня все возмущало, и эту старую сводню, наставницу мою... да просто я и не знаю, что бы съ ней я тогда сдѣлала! Я крѣпилась, я хотѣла взять кротостью, такъ полагалось мнѣ: вѣдь, я готовилась къ постригу! Но когда за Агніей напустились на меня всѣ наши монахини, я больше не выдержала.

— Грѣхъ вамъ,—крикнула я,—выгнать меня хотите! А я не хочу, не хочу! Уйду я отъ васъ!

Монахини примолкли, и, перебирая четки свои, искоса посматривали на меня, и отъ глазъ ихъ злыхъ и укорныхъ и молчанія невыносимо становилось. Нѣтъ, больше оставаться въ монастырѣ невозможно было. И я рѣшила тайно: уйду. И стала собираться, будто на богомолье.

Но видно, Божьяго не избѣгнешь.

Или неугодна я была Богу?

Какъ въ угарѣ жила я эти дни. Слышала, какимъ голосомъ голосъ звучалъ мой. Это сердце мое въ голосъ выговаривало свою жалобу, желанія мои несказанныя голосомъ сердца сказывались къ Богу.

На Покровъ за всенощной вдругъ словно темная волна прошла вотъ тутъ черезъ меня, затрясло меня всю и, не дождавшись величанія, я ушла изъ церкви. Ночью жаръ сковалъ мнѣ голову и я не могла пересилить себя, не могла остановить мыслей — онѣ, какъ огненный клубокъ, завертывались и развертывались. А на утро безъ памяти я лежала въ горячкѣ.

11.

Первое, что меня поразило, когда я очнулась, вижу, не въ монастырѣ я — не въ кельѣ моей тѣсной и бѣлой, а у Каблуковыхъ въ ихъ богатомъ домѣ, и у кровати моей старуха мать сидитъ, Настасья Ѳеодоровна.

А было это такъ: узнавъ о моей болѣзни, самъ Каблуковъ упросилъ игуменью, и больную, безъ памяти, меня перевезли, будто въ больницу, въ ихъ домъ.

Мнѣ оказывали самое трогательное вниманіе. Настасья Ѳедоровна не отходила отъ меня, и самъ Каблуковъ постоянно навѣдывался. Часто наѣзжалъ докторъ. Какъ за родной, ухаживали.

Когда же стало мнѣ легче, стала я поправляться и докторъ позволилъ мнѣ выходить, я тотчасъ же собралась въ монастырь. Но объ этомъ и слышать не хотѣли. И принуждена была остаться: я рѣшила отблагодарить ихъ чѣмъ-нибудь за ихъ хлопоты и участіе,—какъ за родной, вѣдь, ухаживали. И совсѣмъ поправившись, помогала я Настасьѣ Ѳедоровнѣ по хозяйству, исполняла всякія ея порученія.

Такъ и прожила я у Каблуковыхъ съ полгода.

И за все это время про старое ни разу и не вспомнили, и мнѣ казалось, что улеглось все. Я ошиблась: сначала намеками, потомъ ужъ открыто стала меня упрашивать старуха выйти замужъ за ея сына, за старика, и самъ старикъ снова заговорилъ со мной о женитьбѣ.

Я имъ была очень благодарна и, можетъ быть, не достаточно отблагодарила ихъ за ихъ участіе, но рѣшиться на такое я никакъ не могла. Иванъ Антиповичъ — человѣкъ хорошій, я это видѣла, и за полгода убѣдилась, но любви-то у меня къ нему не было.

Кротко, ужъ совсѣмъ по другому, выслушивала я всѣ его признанія.

Но надо и мнѣ было, наконецъ, отвѣтить.

— Обождите, — сказала я,—поѣду въ монастырь, посовѣтуюсь, тогда и скажу.

Такой отвѣтъ мой взбудоражилъ весь домъ, словно въ простыхъ словахъ моихъ все было — все рѣшеніе мое. Ждать не заставили, и въ тотъ же день я поѣхала въ монастырь.

А какъ въ монастырѣ мнѣ обрадовались, и не думала. И все я забыла, всѣ огорченія,—какъ въ родной домъ воротилась. Лошадей я отправила назадъ къ Каблуковымъ, велѣла сказать, что остаюсь говѣть, и просила за мной пріѣхать на первый день Пасхи.

Въ монастырѣ я сказала, что думаю годъ еще прожить у Каблуковыхъ въ благодарность за ихъ участіе—какъ за род-

ной, вѣдь, ходили!—а потомъ навсегда ужъ вернусь въ мою тѣсную бѣлую келью. На службѣ я стала съ самыми послѣдними въ притворѣ. Это замѣтили и стали уговаривать меня взойти на клиросъ.

— Полгода ужъ будетъ, какъ Матери Божьей не служишь.

И отъ этихъ словъ, какъ громомъ, меня ударило.

Я упала передъ образомъ Божьей Матери и плачемъ безсильнымъ, плачемъ отчаяннымъ заплакала.

— Благослови Ты меня, Матерь пречистая! Вотъ я вся тутъ. Какъ тебѣ угодно! Не отступлю отъ тебя.

И принявъ отъ игуменьи благословеніе, одѣлась въ монашеское платье и опять стала на клиросъ на старомъ своемъ мѣстѣ. Мнѣ велѣно было начать послѣднюю седмицу — страстную.

12.

Пасха въ тотъ годъ была ранняя.

Почернѣвшее мартовское небо надъ бѣлымъ снѣгомъ показалось мнѣ въ тѣ дни оградой—мнѣ міръ былъ тѣсенъ.

Безъ срока въ служеніи прожила я страстные дни. Въ великую субботу пріобщалась. Послѣдній мой часъ близился.

И какъ тамъ, въ лѣсу, клялась я Божьей Матери, одной моей заступницѣ,—въ ея волю, подъ ея покровъ отдавала себя.

И вотъ въ великую субботу послѣ обѣдни, когда въ церкви, кромѣ меня, никого не было, я сдѣлала два жеребья — двѣ записки, на одной написала—«въ монастырѣ быть», на другой—«замужъ итти», свернула записки и положила за чудотворный образъ Божьей Матери.

— Матерь Божья, благослови!

Едва дождалась заутрени. Все горѣло во мнѣ: сердце горѣло, душа горѣла, духъ изнывалъ.

Какъ въ огнѣ прошла и заутреня.

— Христосъ воскресъ!—слезы горѣли, и былъ мой голосъ на весь міръ:—Христосъ воскресъ!

А когда кончили христосованіе, передъ обѣдней я подошла къ чудотворному образу Божьей Матери, тихонько протянула руку, незамѣтно взяла свой жеребій.

И мнѣ вышло: «итти».

Снова завернула я записку, смѣшала, не повѣрила.

«Матерь Божія, ты меня выгоняешь?»

И еще разъ вынула.

И въ глазахъ у меня потемнѣло: тоже и опять — «замужъ итти».

«Стало быть, итти!»

— Иду, воля твоя! — поцѣловала я образъ Матери Божіей и пошла на клиросъ, руки дрожали.

Кончилась обѣдня, вернулась я въ мою келью. И только что къ столу присѣла, слышу, зовутъ: лошадей прислали отъ Каблуковыхъ, ѣхать! Ну, что же, надо ѣхать, — и сейчасъ же къ игуменьѣ.

— Благословите, за мной прислали! — я сказала такъ твердо, словно была внѣ воли и выше всякой власти.

Игуменья посмотрѣла на меня, но, должно быть, видъ у меня былъ необычайный, и поспѣшно поднялась съ кресла.

— Христосъ благословитъ и Матерь Божія! — перекрестила она меня и, подавая просфору, шутя: — можетъ, замужъ пойдешь?

Я ни слова не отвѣтила, поцѣловала ей руку.

И вернулась въ келью. И какъ-то мнѣ все безразлично. Матерь Божія, спаси меня! Тутъ вошла Агнія, вижу, все знаетъ. Попрощались. И не оглянулась я, поѣхала, чтобы никогда не вернуться.

И всю-то дорогу меня колотила ледяная дрожь.

У воротъ встрѣчаетъ старикъ Каблуковъ. Не разговлялись, меня ждали. И прямо сѣли за столъ.

— Христосъ воскресъ!

А я, какъ мертвая...

— Христосъ взкресъ!

Не могу, не могу я отвѣтить.

Сидимъ разговляемся. Тутъ мать старуха Настасья Ѳедоровна напоминаетъ обѣщаніе.

— Ну, что, рѣшилась?

И я сказала,—конечно!—и слово ему дала.

И сейчасъ же благословили—мать благословила Казанской.

— Христосъ воскресъ!

— Востину,—говорю... «воистину»,—Господи! Господи!—а на сердцѣ-то смерть.

Двѣ недѣли шли сборы къ свадьбѣ. И все я держалась и только въ послѣдній день не могла осилить тоски моей, вдругъ расплакалась — и не могла удержать слезъ, плакала безсильнымъ плачемъ, отчаяннымъ. Видѣла, что огорчаю, я знала, что не надо этого, и не могла остановиться.

Старикъ, видя слезы мои, долго не рѣшался подойти ко мнѣ, около тихонько ходилъ: видно, боялся потревожить. И помню, подъ вечеръ ужъ, ласково такъ подошелъ:

— Чего вы все плачете?

Рѣзко я отвѣтила:

— Я васъ любить не буду.

— Неужто нѣтъ? — и отошелъ и стоялъ, сгорбившись, я видѣла, совсѣмъ, совсѣмъ старый, глаза закрылъ, — «неужто нѣтъ?»

А когда обернулся, я ужъ не плакала.

13.

Долго въ народѣ молва ходила: богатый купецъ старикъ Каблуковъ женился на молоденькой монашкѣ! Конечно, въ глаза никто не скажетъ, боялись, а такъ—много злословили. Ну, Богъ съ ними!

Богъ благословилъ, пошли у насъ дѣти. За пять лѣтъ—пятеро, все мальчики, только послѣдняя—дѣвочка.

Послѣ рожденія дочери жизнь наша измѣнилась. И произошло это совсѣмъ неожиданно.

По старой монастырской привычкѣ ночью я встала на молитву и вотъ однажды во время молитвы я почувствовала, какъ душа моя словно оторвалась отъ тѣла. И я увидѣла въ окнѣ свѣтъ необыкновенный и въ свѣтѣ Божію Матерь. Страхъ овладѣлъ мною, я бѣжать хотѣла отъ страха, да только что

выскочила изъ спальни, а Божія Матерь идетъ навстрѣчу и мимо меня, незамѣчая, въ мою спальню. А въ дверяхъ сосѣдней комнаты архангелъ съ обнаженнымъ мечомъ. Божія Матерь стала посреди спальни лицомъ къ образамъ,—въ рукахъ золотая труба: она поднесла трубу къ губамъ, дунула и полетѣли изъ трубы цвѣты и огни и цвѣты, какъ звѣзды. Стала я на колѣни у порога:

— Царица небесная, ты пришла не для одной меня, помилуй, пощади родъ человѣческій! — и въ землю ей поклонилась.

А когда поднилась я, ея уже не было. Со страхомъ заглянула я въ сосѣднюю комнату--и архангела не было.

И вотъ съ этой ночи жизнь наша измѣнилась.

Мы продолжали жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ, мужъ занималъ одну половину, я—другую. По утрамъ мы сходились въ столовой. Жизнь наша была для дѣтей. Намъ хотѣлось, чтобы вышли изъ нихъ совѣстливые люди. На ихъ воспитаніе мы ничего не жалѣли. Подготовивъ сперва дома, отдали въ училище: старшихъ—въ корпусъ, младшихъ въ гимназію.

Мы не тяготились ни дѣтьми, ни другъ другомъ. Время проходило въ заботахъ. И двадцать два года прожили мы вмѣстѣ. Я къ нему, какъ къ родному отцу, а онъ — ровно дитя я ему, такъ и называлъ. Вѣдь, онъ былъ вдовецъ и отъ первой жены у него не было дѣтей, и я первая замѣнила ему ребенка.

А какая для него была радость, когда родился нашъ первый сынъ! Отъ радости онъ плакалъ, благодарилъ Бога и просилъ у Бога, далъ бы Богъ дождаться увидѣть сына взрослымъ.

И дождался: старшій нашъ сынъ женился и дочь замужъ вышла.

И умиралъ старикъ счастливый, спокойно.

Завѣщалъ онъ передъ смертью дѣтямъ жить по Божьи, по совѣсти и быть справедливыми.

Смерть его у всякаго останется въ памяти. Рѣдко человѣку пошлетъ Богъ такъ окончить дни,—все самъ себѣ приготовилъ, пособоровался, пріобщился, и не лежалъ, а все бро-

дилъ, со всѣми прощался, словно готовился въ дальнюю дорогу.

И ушелъ—какъ это все странно на бѣломъ свѣтѣ!

14.

Я завела для себя въ домѣ строгій монастырскій уставъ. Я отказалась отъ мяса, никогда не пила вина, и молочное и яйца не ѣла, и лишь зелень да коренья были ѣдой мнѣ. Трудно, но я отучилась и отъ хлѣба. И только въ праздникъ отщипну, бывало, просфоры кусочекъ да глотокъ святой воды, вотъ и все.

Я часто думала о смерти. Особенно же въ ночную пору, когда оставалась одна съ моей растерзанной тайной думой.

И вотъ однажды, помолившись на сонъ грядущій, я легла. Обыкновенно передъ тѣмъ, какъ ложиться, я поправляла лампады, а тутъ забыла. Ужъ въ постели я спохватилась: лампады слишкомъ жарко горѣли, — и хотѣла покликать старуху няню нашу Ульяну, и странно, все вижу и слышу, а сказать не могу.

Хочу позвонить,—рука не подымается. Смотрю—ничего не понимаю. Попробовала подняться и тоже напрасно: не шевельнуть ногой—омлѣли и холодѣютъ ноги, и руки омлѣли и холодѣютъ, и гдѣ-то внутри заныло,—все онѣмѣваетъ.

А лампады жарко горятъ, вижу.

Я видѣла жарко горящія лампады и не могла ничего подѣлать.

На спинѣ лежу, руки крестомъ.

«Вѣрно, смерть!» — подумала я и мысленно прошу Бога о моемъ согрѣшеніи, простить душу мою измученную.

И какая горечь, что одна я,—одна умираю, и никого!—и дѣтей не могу позвать. И съ горечью представляю себѣ, какъ на утро найдутъ меня—тѣло мое захолонутое.

«Господи! — отчаяніе охватило меня, — Господи, не хочу, спаси!»

И вдругъ словно ударилъ меня кто по лбу, но безъ боли, и глаза мои подъ лобъ закатились.

Больше ужъ ничего не видѣла, я лежала какъ плаха и только чувствовала,—захолонула совсѣмъ, остановилась кровь—и сердце не бьется.

«Господи, воля Твоя!»

Много народа понабралось въ мою спальню. Кто-то всхлипываетъ жалко. И вотъ тащутъ меня съ кровати,—тяжело, видно.

— Обмывайте получше, голову-то мочите!—говорятъ женщины.

И мнѣ такъ хочется подняться и я все пробую ухватиться за что-нибудь, и безсильно томлюсь.

«Вѣдь, это же обморокъ! — говорю себѣ, — конечно, обморокъ. А думаютъ, умерла! А вотъ приду я въ себя, я вамъ тогда покажу!» — и я все пробую ухватиться за что-нибудь, и безсильно томлюсь.

Начинаютъ одѣвать меня.

Кто то увѣряетъ, будто не велѣла я на смерть чепчика съ лентами надѣвать. А другіе говорятъ, какое платье я назначила себѣ, какую рубашку и платокъ.

И все, неправда: никогда ничего я себѣ не назначала, никакого чепчика, ни рубашки.

И досадно мнѣ и обидно и ничего я не могу подѣлать.

Не знаю, во что нарядили, чувствую, одѣтую понесли. Не знаю, гдѣ положили, чувствую, что лежу.

«Теперь ужъ похоронятъ, живую похоронятъ!» — и смертельная тоска заливаетъ мнѣ сердце.

Кто-то заплакалъ. Жалобно какъ плачетъ! Пришли, трогаютъ,—снимаютъ съ меня мѣрку на гробъ. А такъ бы вотъ ногой и пхнула всѣхъ, всѣхъ! А ничего не могу.

Зачитали псалтырь:

«Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ»...

Кто-то сказалъ:

— Свѣчи не горятъ. Зажигайте!

И чувствую, какъ свѣчи зажгли, свѣчи горятъ.

Все понимаю, чувствую, и только глазами не вижу. И какое отчаяніе и страхъ и тоска смертельная! Кажется мнѣ, что такъ годы прошли.

— Все готово. Батюшка пріѣхалъ.

И чувствую, гробъ несутъ.

— Поближе ставьте!—говоритъ кто-то.

О чемъ-то заспорили. Шумно, не разобрать. И очень душно—свѣчи горятъ.

Началась панихида. Слышу знакомое пѣніе. Свѣчи и ладонъ. Всѣмъ слухомъ слушаю,— каждое слово такъ ясно. А когда протянулъ дьяконъ «вѣчную память», какъ громомъ оглушило меня.

Знаю, въ гробъ меня положили. Знаю, выносятъ. Слышала споръ: что-то не такъ гробъ повернули! А когда несли по улицѣ, желтый свѣтъ, такой желтый, плылъ въ глазахъ, а людей я не видѣла, только желтый свѣтъ. И мнѣ такъ хотѣлось подняться и сѣсть.

Принесли меня въ церковь, поставили гробъ и началась обѣдня.

Господи, а какъ небрежно служили, я едва поспѣвала за службой.

Ужъ идетъ погребеніе. И я съ болью ловлю всякое слово, всякое слово мнѣ ясно до боли. А когда ударили въ колоколъ, меня опять оглушило.

Знаю, евангеліе кончили, а тамъ на волѣ перезвонъ погребальный. Священникъ прочиталъ отпускную молитву, поклонился и пошелъ въ алтарь. На минуту все затахло. И стали прощаться. Но мнѣ ужъ никого, ничего мнѣ не жалко. И когда подняли заколоченный гробъ мой, было мнѣ такъ, будто я домой шла.

И вотъ поставили гробъ у могилы, повязали веревками,— ну, и прощай!—опустятъ въ могилу. Я заглянула въ могилу, а на днѣ тамъ,—жаба, вотъ такая сидитъ: жаба.

— Не моя!—закричала я во весь голосъ,—не моя могила!

И глаза мои прозрѣли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪ ТОГО СВѢТА.

1.

Горькая чаша.

Вижу помраченный міръ отъ явившихся полковъ темной неисчетной силы. Они брали власть надъ землей. И запасовъ орудій мученскихъ было у нихъ безъ числа: крюки, колеса, лапы, плети, доски, топоры. Духомъ они разжигали желѣзныя печи.

Какая горечь, какая горесть!

Врагу далъ Богъ прельщать человѣка и позволилъ мучить.

У главнаго чаша въ рукахъ. Царемъ и Богомъ себя называетъ. Воины подводятъ къ нему народъ. И изъ чаши онъ напоеваетъ несчастныхъ. Другой держитъ доску: красками намалевана голова обезьянья. И тѣ, несчастныя, цѣлуютъ ее, какъ пречистый образъ.

Тѣмъ, кто отпилъ изъ чаши, полагаютъ печать на лобъ и ведутъ во дворцы: тамъ музыканты играютъ и нарядные танцуютъ гости, тамъ пьютъ и ѣдятъ и веселятся. И какая разгулка, какое довольство! А ужъ тѣхъ антіевыхъ печатей имъ никогда не сбросить.

Но есть и такіе, не хотятъ и не даются они темной силѣ, не пьютъ изъ горестной чаши, не кланяются головѣ обезьяньей. И за то терпятъ злую муку. Для каждаго есть своя мѣра мученія: сколько заслужилъ человѣкъ за прошлую жизнь свою Божьяго гнѣва, — измучивъ его оставляютъ, и больше мучить не смѣютъ.

Претерпѣвый муку врага, спасется.

Обступилъ меня темный полкъ. Ужъ я и такъ и сякъ увертывалась отъ нихъ, но они подстерегли меня. Какъ мухи летаютъ за мной. И вотъ схватили и тащутъ.

Вижу, радъ—оскалилъ пасть: Самъ подошелъ, самъ наклонилъ ко мнѣ чашу, и насильно толкнулъ ее къ моимъ устамъ.

И прикосновеніе чаши учинило мнѣ горькость въ устахъ и гортани, подобно скотской желчи,

— Я не пріобщалась тайнъ вашихъ!—крикнула я.

И, отступивъ, плюнула въ чашу.

И тогда воины взяли меня.

Растянули меня на измазанной липкимъ дегтемъ кожѣ. И какъ дождь завыли надо мной плети.

Били, не чувствовала, только глазамъ моимъ было ужасно. И долго терпѣла я и больше не стало силъ:

— Господи, защити меня!

И тогда бросили плети и повели меня на другое мученіе.

Посадили меня въ желѣзную печь. Дверцу замазали. По стѣнкѣ полѣзла я на самый верхъ и подъ трубой затаилась на жару. Не больно, но было мнѣ томно, голова кружилась. Слышу:

— Печь прохолонула!

И начинаютъ отбивать печь: вѣрно, думали про меня, давно задохнулась. Отбиваютъ печь. А я потихоньку спускаться.

Печь открыли, я вышла—невредимая.

У! какъ злы они!

Врагу не далъ Богъ права насильно распоряжаться душой.

— Что же,—говорятъ,—съ ней дѣлать?

А я поднялась на воздухъ и летѣла. И большими темными птицами летѣли за мной ихъ злые полки.

У берега широкой рѣки спустилась я.

Тутъ нагнали меня и въ мигъ изъ птицъ перемѣнились въ воиновъ.

Какая сила! Зачѣмъ? И столько хлопотъ изъ-за одной грѣшной души! Всю мою жизнь меня гонятъ? Но я положила жить для Бога и терпѣливо ждала.

Слышу, держатъ совѣтъ: я должна отречься отъ Бога.

— Видишь мостъ, мы тебя переведемъ на тотъ берегъ. Не будешь мучиться больше. Тамъ тебѣ будетъ совсѣмъ хорошо.

А мостъ широкій—преширокій и крѣпкій, а поодаль вровень съ мостомъ проложены тонкія жердинки.

Но я должна отречься отъ Бога!

— А давайте,—говорю,—вы по мосту, я—по жердинкѣ, но съ Богомъ, и кто скорѣе перейдетъ?

И! какъ заравгаля.

И заиграла музыка.

Начальники о чемъ-то шептались, показывали то на меня, то въ поле — поле было покрыто ихъ темными войсками. Ко мнѣ приставили стражу: я должна была выйти не раньше, пока вся ихъ сила ни ступитъ на мостъ.

И вострубили трубы по трубному.

Кричатъ съ моста:

— Пускай!

И я пошла. И жердь заколебалась подо мной.

Они старались, они хотѣли опрокинуть: то подымутъ жердь, то опустятъ,—вотъ-вотъ ко дну.

— Господи, помоги!—и я крестъ на себя положила,—Господи, прости меня!

И въ мигъ, какъ птица, быстрѣе птицы, перелетѣла на другой берегъ. А вражья сила не перешла и половины.

Я съ берега смотрѣла. — Тамъ началъ мостъ дѣлиться на куски. И я отъ радости кричала, я закричала съ берега всѣ темной силѣ:

— Силенъ Богъ мой, Ему поклонитесь, поклонитесь Ему. Онъ проститъ и васъ!

2.

Черныя жилища.

Мостъ былъ разрушенъ, а перевозъ занятъ солдатами: солдатъ перевозили въ городъ. И такъ ихъ было много, изъ города ужъ никого не брали на тотъ берегъ.

И я рѣшила скорѣе назадъ ѣхать къ тѣмъ моимъ знакомымъ, гдѣ я только что останавливалась: все равно, на тотъ берегъ не перебраться, — не пропустятъ, а въ городѣ размѣстятъ по домамъ солдатъ и переночевать негдѣ будетъ. Взяла я извозчика, заторопила ѣхать скорѣй. Извозчикъ попался хорошій и живо меня довезъ.

И ужъ какъ я обрадовалась, что будетъ мнѣ кровъ.

Но и какъ была принижена, когда вошла въ знакомый домъ онъ былъ полонъ народу,—это была западня. И не одна я была такая и всѣ мы понимали, что не уйти намъ и нѣтъ спасенія.

Среди темныхъ я замѣтила и знакомыхъ моихъ, хозяевъ дома, съ которыми всего часъ какой такъ дружно разсталась. Они меня видѣли, но дѣлали видъ, что не знаютъ. И я слышала, какъ безсовѣстно они наускивали на меня и наговаривали.

А я не хотѣла сдаваться. И одна была мыслъ—уйти! Я тихонько пробралась къ двери. Минута была подходящая,—вводили какую-то несчастную женщину,—и я юркнула изъ комнаты. Я прошла незамѣтно весь коридоръ до сѣней. Но тутъ и схватили меня.

И я узнала ихъ—это были враги моей души.

— Иди за нами!—накинулись злые.

И я не могла не итти.

* * *

Огромное зданіе—театръ. Биткомъ набито.

Вереницами вверхъ и внизъ идутъ и идутъ. — Одни шли такъ, не глядя, куда было указано, другіе озирались и шагъ ихъ былъ нетвердый.

Я увидѣла нашу сосѣдку.

— Какъ ты сюда попала?

— Это тайность, — сказала она и пошла прочь, не обернулась.

Сначала я стояла у входа на высокомъ мѣстѣ и мнѣ все было видно.

А что тамъ только творилось!

Тамъ были и души тѣхъ, кто еще живетъ на землѣ, а страстями своими еще на землѣ получилъ свой загробный предѣлъ, и терзанія ихъ были тѣ же, что будутъ и послѣ смерти.

Нераскаянный, неоттрудившійся, умирая, продолжаетъ дѣлать все то, что и въ жизни, по своимъ страстямъ. Разница та, что по смерти нѣтъ ужъ воли остановиться, а демоны страстей понукаютъ и грозятъ:

— Ты нашъ! ты нашъ!

Театръ былъ раздѣленъ на отдѣленія и въ каждомъ отдѣленіи было нѣсколько комнатъ; комнаты были всякія — и большія и тѣсныя и просто чуланы. Оконъ нигдѣ не было, горѣли фонари и лампы.

Въ вереницѣ, подвигаясь отъ входа, я шла за народомъ. Въ одни отдѣленія я входила свободно, въ другія меня не пускали.

— Она этого не знаетъ и пусть не видитъ! — кричали оттуда.

Смрадъ и дымъ душили меня.

Я слышала плачъ ужасный:

— Горе намъ! горе!

И другіе говорили.

— Поздно. Не вернутся. Погибли!

И былъ крикъ, вопь и бой.

Какіе-то въ серпъ согнутые человѣчки шныряли туда и сюда. Они не прикасались ко мнѣ, но я чувствовала, они какъ бы въ сѣтяхъ держатъ меня.

— Поймаемъ!—шептались они,—попалась! поймаемъ!

Я отъ нихъ въ сторону и прямо къ двери. Толкнула дверь и очутилась на волѣ.

А мой извозчикъ тотъ, что привезъ меня съ перевоза, ждалъ у воротъ. Вотъ ужъ обрадовалась-то!

— Вези,—говорю, и, не дожидаясь отвѣта, сажусь.

А онъ только возжей передернулъ,—Слава Тебѣ Господи, поѣхали! И все шибче и шибче,—въ глазахъ замелькало. Начинаю кричать, а извозчикъ, словно оглохъ, знай, нахлестываетъ. И вдругъ поняла я, вижу, на облучкѣ присосѣдился, за кушакъ держится такой въ серпъ согнутый, проклятый шептунъ.

«Ну,—думаю, теперь ужъ пропала!».

* * *

Ярмарки,—лари и лавки... Я слѣзла съ извозчика, а ужъ тѣхъ шептуновъ туча и всѣ на одно лицо, въ серпъ согнуты. Повели меня по лавкамъ, и чтобы я непремѣнно чего-нибудь себѣ купила.

— Покупай, все можно.

— Денегъ нѣтъ,—говорю.

— Не безпокойся, сколько хочешь, достанемъ.

— Въ долгу не хочу быть.

— Да бери, бери!—и суютъ бумажки, такъ и цѣпляются.

— Не надо мнѣ!—прикрикнула я.

Отстали. Или куда шмыгнули въ лавку? Господи, вотъ напасть! Хожу такъ, смотрю. За толпой далеко ушла. И опять, вижу ковыляетъ, проклятый: одинъ огромный тащитъ кусокъ матеріи.

— Ну, зачѣмъ ты это?

— Я деньги заплатилъ!—и самъ едва дышетъ: ужъ больно много зацапалъ, не по силамъ.

— Ну, ладно,—говорю,—отнеси на извозчика.

И какъ только потащился онъ съ своей тяжестью, я—бѣжать. Бѣжала, бѣжала, все шибче и шибче, ногъ уже не слышу и взлетѣла на воздухъ. Пролетѣла весь городъ надъ ларями и лавками мимо собора, мимо водокачки, ну, довольно,—спустилась за заставой у завода.

Теперь ужъ никто не пристанетъ!

Оглянулась, а по полю погоней народъ, ой, сила какая!— на меня указываютъ, конечно, за мной. Я скорѣе въ заводскій корпусъ, затворила дверь плотно.

Все машины, а по стѣнѣ и вверху ходятъ колеса. Что мнѣ дѣлать? Я на самый верхъ къ колесамъ и съ колесомъ завертѣлась.

Я видѣла, какъ ворвались въ корпусъ и разбрелись по угламъ: ищутъ! А я захлеснулась, да черезъ ремень и выше—на самые верхнія колеса. И очутилась въ тѣсной душной каморкѣ.

И лежитъ на койкѣ.—Сразу-то я не разглядѣла, мнѣ только очень жалко его, больной вижу, тяжело дышитъ. Подхожу я поближе, наклонилась.

— Не надо ли, — говорю, — чего? Не поставить ли вамъ горчичникъ?

А онъ головой мотаетъ.—Да какъ сдернетъ съ себя одѣяло.

Какой ужасъ!—Я его узнала. Это тотъ, это онъ, у котораго видѣла я въ рукахъ чашу.

3.

Умранъ-Королевичъ.

Въ старинномъ городѣ я съ моей любимой сестрой Аріандой. Все такъ чудесно и узкія улицы и раскрашенные дома, но изъ всѣхъ диковинъ одинъ домъ приковалъ насъ.

— И кто можетъ жить въ такомъ дворцѣ? — разсуждали мы,—и хоть бы глазкомъ заглянуть!

Долго мы не рѣшались, а отойти не могли, и, наконецъ ужъ, осмѣлились и тихонько вошли во дворъ. На дворѣ ни души. Мы смѣлѣе. Поднялись на крыльцо. Такъ и попали въ дворецъ.

А тамъ чего только нѣтъ. Изъ комнаты въ комнату переходили мы, и все бы, кажется, смотрѣлъ, уходить не хотѣлось. И хоть бы кто-нибудь отозвался на наши шаги! Никого. Ни живой души. И мы рѣшили: дворецъ брошенъ, хозяевъ нѣтъ. И ну кричать и бѣгать, какъ дѣти. И вдругъ намъ навстрѣчу изъ комнаты женщина, въ рукахъ большое блюдо, а на блюдѣ маленькій хлѣбецъ—розаночекъ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда?

— Намъ очень домъ понравился. Хотѣлось узнать, кто тутъ живетъ?

— А вамъ это очень нужно? Ну, идите за мной!—и пошла.

И мы за ней.

И водила она насъ по комнатамъ, изъ комнаты въ комнату, подвела къ огромадной двери, вынула ключъ, глубоко вставила ключъ, повернула.

Со стукомъ и трескомъ откатилась половина двери.

— Смотрите на потолокъ!

Это былъ высокій залъ съ разными стеклышками, а на потолкѣ въ кругахъ царскіе портреты.

И вижу я, глаза на портретѣ поворачиваются, какъ живые. Я дернула сестру. А она и сама тоже почувствовала. И мы отступили къ двери.

— Бѣжимъ поскорѣе отсюда!—шепнула я ей.

* * *

Мы ходили по дворцу, ничего ужъ насъ не занимало, только бы уйти поскорѣе! И опять та женщина, отъ которой мы убѣжали, вышла къ намъ навстрѣчу, опять съ большимъ блюдомъ въ рукахъ, а на блюдѣ по прежнему лежалъ маленькій хлѣбецъ—розаночекъ.

— Что вы тутъ все ходите? Скоро царь пріѣдетъ!—она отворила шкапъ и полѣзла въ него, потомъ закрыла за собой дверь.

Попробовали и мы туркнуться въ шкапъ, да заперто. Постучали,—не отвѣчаетъ.

Изъ комнаты въ комнату. — Мы метались, стучали. Или заперты двери или попадаемъ въ тупикъ. Наконецъ-то очутились въ коридорѣ, а изъ коридора дверь на волю.

И видимъ, подымается на крыльцо царь и съ нимъ его слуги.

Куда намъ дѣваться?

Я скорѣй за дверь, затаилась.

«Пройдутъ,—думаю,—тогда и выйду, все равно, одна выйду!»

Я стояла одна за дверью.

И вотъ распахнулась дверь и вошелъ царь.

Я его видѣла близко. И вдругъ глаза наши встрѣтились. Онъ улыбнулся и, наклонивъ голову, пошелъ дальше. Съ нимъ шелъ юродивый Тимоша и юродивый тоже видѣлъ меня.

— Ну, вы, шевелитесь живѣй, сендюконы!—кричалъ юродивый.

И когда затихли шаги въ коридорѣ, я свободно вздохнула. Слава Богу, на волю! У наружныхъ дверей стояли часовые, охраняли входъ. Нѣтъ, никакъ не выйти! И тоже за дверью долго не простоишь.

«Господи, что же мнѣ дѣлать!»

* * *

Я стою у шкапа, гдѣ пропала та женщина съ розаночкомъ. Тутъ же и моя сестра Аріанда.

— Гдѣ же ты пропадала?

— Я стояла за дверью.

— И я тоже.

— Я видѣла царя. А что они говорили!

— Что же они говорили?

— Они тебя знаютъ. Ты очень понравилась королевичу, и онъ послалъ за тобой тебя привести.

— Меня?

— Да.

Я стала жаловаться и досадовать.

«И зачѣмъ мы сюда зашли? И куда мнѣ дѣваться»?

— Господи, что же мнѣ дѣлать!

* * *

За руку шли мы съ сестрой Аріандой по широкому коридору, заглядывали въ каждую комнату, гдѣ бы намъ схорониться. Прошли много дверей.

— Сестра, это за мной!

Я толкнула первую дверь.

И мы юркнули, какъ мыши.

— Насъ тутъ не найдутъ!—шепотомъ говорили мы другъ другу, а сердце колотилось.

Я сѣла въ уголъ на диванѣ у ломбернаго столика, а сестра Аріанда рядомъ въ кресло. И все прислушивалась: по коридору стучали, хлопали дверями.

— А какъ только утихнетъ, мы выйдемъ!—шепотомъ говорили мы другъ другу.

И когда мы такъ утѣшили другъ друга и мечтали о волѣ, бѣлый облачный шаръ спустился съ потолка.

И я не помню, что было.

А когда я очнулась, я увидѣла сестру Аріанду. Она, наклонившись надо мной, держала меня за руку.

— Гдѣ мы? — спросила я.

Она ничего не отвѣтила. Но по лицу ея я увидала. — И увидала: подлѣ меня на диванѣ сидѣлъ королевичъ.

— Разскажи ему, кто я такая!—я сказала сестрѣ Аріандѣ.

— Я знаю тебя, я твой женихъ! — королевичъ взялъ меня за руку и вдругъ перемѣнился: спина согнулась въ серпъ, глаза налились кровью и оскалились два страшныхъ клыка, а изъ ноздрей пыхнуло смрадное пламя.

И руки у меня оледенѣли.

— Сестра Аріанда! сестра Аріанда!

4.

За оградой.

Въ саду по бокамъ дорожекъ стояли серебряные стаканники съ толстыми позолоченными свѣчами, а вокругъ цвѣты. Въ бѣломъ днѣ тихо свѣтились свѣчи. Я въ саду была не одна, молча слѣдовалъ за мной древній бѣлый старецъ. Оба мы прислушивались къ пѣнію, чуть доносившемуся откуда-то изъ-за садовой ограды.

* *
*

Убранство комнатъ меня удивило, я никогда не видала такихъ комнатъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо понимаю, что это мой собственный домъ. Я очень рада гостямъ, я усадила ихъ за столъ и съ сожалѣніемъ напомнила имъ о ихъ умершихъ дѣтяхъ.

— Позвольте, — говорятъ они, — да наши дѣти живы — здоровы, вы перепутали!

Я пробовала возражать, но вижу, не хотятъ признаваться, а можетъ, и вправду считаютъ живыми тѣхъ, кто давнымъ давно мертвъ.

— Малаша! — покликала я нашу Малашу: хотѣла ее съ самоваромъ поторопить.

И вдругъ явился—я ничего подобнаго не представляла!— такой до потолка.

— Что надо? — спросилъ онъ.

— Мнѣ надо Малашу.

— Я самъ подамъ самоваръ, — и пропалъ.

И не прошло и минуты, опять появился не съ самоваромъ, а съ огромнымъ подносомъ, а на подносѣ виноградъ и бѣлый, и синій и черный.

Я взяла вѣточку синяго, смотрю на великана.

«Вѣрно,—думаю,—это изъ царскаго дворца человѣкъ!» — и вспоминаю, что у меня есть финики, и опять кличу Малашу.

А вмѣсто Малаши появляется такой же другой, нѣтъ, еще больше.

— Что надо?

— Да кто вы такіе, — говорю, — я васъ не звала и не знаю!

— Я вашъ слуга Кормилюкъ, а это мой братъ тоже Кормилюкъ, мы двоепки.

«И откуда, — думаю, — у меня такіе слуги двоепки?

А Кормилюки что-то все перешептываются.

И мнѣ не по себѣ какъ-то и я стала изъ-за стола.

А въ сосѣдней комнатѣ какіе-то незнакомые разсѣлись, и вся мебель передвинута.

«Кто это, — думаю, — зачѣмъ они тутъ?» Но ничего не говорю, иду дальше, только досадую: «Кажется, я тутъ хозяйка, безъ спроса влѣзть въ домъ!». И все меня возмущаетъ.

Великаны тащутъ огромный столъ.

— Куда вы?

— Въ дѣтскую.

— Въ какую дѣтскую?

— Для твоихъ дѣтей.

Тутъ я вспомнила о моихъ дѣтяхъ и никакъ не могу припомнить, куда они дѣвались.

Великаны тащили столъ, я за ними. Заглянула въ комнату: четыре кровати.

— А гдѣ же пятая?

— Въ другомъ отдѣленіи.

И опять спохватилась:

— Да гдѣ же дѣти-то?

— Въ путешествіи!—великаны поставили столъ: не войти, не выйти.

— Да зачѣмъ же вы столъ тутъ поставили? Столъ — въ столовую!

* * *

Въ церкви ставники, какъ тамъ въ саду, серебряные, и толстыя позолоченныя свѣчи. Церковь безъ оконъ и свѣтъ счѣчей яркій. Ни души, я одна. Постояла я и пошла назадъ. И, должно быть, попала не въ ту дверь: въ какую комнату не войду, все незнакомо мнѣ. Такъ и плутала. И мнѣ казалось, долго я такъ плутала. Наконецъ-то я вышла въ коридоръ: стеклянная дверь. И я попала во дворъ.

Громадныя ворота. Ворота заперты: продолговатый въ видѣ боченка замокъ на петляхъ, какъ толстое колесо.

«Такой, — думаю, — замокъ одному не поднять!»

И слышу голоса, только очень далеко, и что-то такое знакомое поютъ.

Поискала калитку. Нѣту. Вскарабкалась на ограду. Господи! тамъ садъ — по бокамъ дорожекъ ставники стоятъ серебряные и толстыя позолоченныя свѣчи горятъ. А небо не такое и земля не такая.

«Куда же это я попала? Вѣдь, у меня есть домъ и гдѣ-то въ домѣ есть свое мѣсто, и служатъ мнѣ Кормилюки великаны. Пойду я назадъ въ домъ, дастъ Богъ, отыщу свое мѣсто!

Отворила я стеклянную дверь, думала, въ тотъ самый коридоръ попаду, а оказалось не то, — не туда попала!

Лѣстница изъ скользкаго камня и яснаго, какъ зеркало. Такъ спускаться невозможно, я присѣла и ползкомъ. И такъ до послѣдней ступеньки ползкомъ. Поднялась и пошла по коридору.

* *
*

Подъ парчевымъ золотымъ балдахиномъ кровать и вмѣсто одѣяла парча съ кистями. Въ углу передъ иконами на столикѣ, покрытомъ парчей, раскрытый антиминсъ. На антиминсѣ золотая чаша.

Я стала на колѣни, поцѣловала антиминсъ и приложилась къ иконамъ.

Въ комнатѣ не было оконъ, а было свѣтло, какъ солнечнымъ днемъ. Стѣны были сдѣланы изъ гладкаго камня, я притронулась. Хотѣлось посмотрѣть и на кровать, и тихонько взяла я за край полога, но тамъ никого не было. И тутъ у кровати я замѣтила небольшую потайную дверь. Пріотворила я дверь, и попала въ узкій-преузкій коридоръ.

И я пошла по коридору прямо на зеленую просвѣчивающуюся занавѣску.

Отдернула я занавѣску, но за ней была дверь изъ такого необыкновенно чистаго и тонкаго стекла Дверь была заперта, но все видно.

Посреди комнаты на бѣломъ лежала женщина подъ бѣлымъ покрываломъ, и другая женщина сидѣла въ креслѣ.

Та, что лежала, замѣтивъ меня, испугалась.

— Кто это? Кто?

— Это наша! Странница, — сказала та, что сидѣла въ креслѣ, — пустите ее!

Я не слышала отвѣта, я видѣла, какъ сидѣвшая въ креслѣ, стала и пошла къ двери, а та сѣла въ ея кресло.

И я вошла въ комнату.

И та, что сидѣла въ креслѣ, поднялась ко мнѣ.

— Ей рано! — закричала она, — зачѣмъ пришла? Выпусти ее! Она тамъ нужна, ей еще много хлопотъ!

Я упала на колѣни и стала цѣловать ноги ея.

Нѣжно обняла она мою голову.

— Я твоя мать,—сказала она,—скоро придешь сюда. Теперь иди съ миромъ!

И опять я попала во дворъ. Высокая ограда безъ воротъ. За оградой знакомые голоса, только никакъ не заглянуть туда.

— Что ты ищешь? — услышала я голосъ.

Оглянулась,—никого не вижу. А чувствую, стоитъ за спиной.

— Кто ты?

И все хочу я увидѣть его, кто стоитъ за спиной, но онъ увертывается: обернусь въ одну сторону, онъ сейчасъ на другую переходитъ.

— Ты бы шла въ церковь!

— Я ужъ была, — говорю, — да службы нѣтъ.

— Да служатъ-то здѣсь.

«А и вправду, — подумала я, — попасть бы мнѣ въ церковь, кончится служба, я съ народомъ и уйду!»

— А гдѣ служатъ?

— Я тебя проведу.

— Ради Бога, скажи мнѣ, кто ты?

Молча онъ подалъ мнѣ руку: лица не вижу, а рука, какъ моя. Молча повелъ меня въ домъ и черезъ коридоръ въ ту комнату безъ оконъ съ солнечнымъ свѣтомъ.

Я стала на колѣни, поцѣловала антиминсъ и приложилась къ иконамъ.

— Теперь пойдемъ къ службѣ! — сказалъ вожатый.

И опять коридоромъ.

Остановились среди огромнаго зала.

И тутъ я увидѣла тѣнь — крылатую тѣнь.

— Будетъ ранняя служба, — сказалъ онъ.

Онъ держалъ меня за руку, и была рука его, какъ моя.

И вдругъ стѣна противъ насъ стала скатываться, какъ занавѣсъ.

* * *

Церковь полна молящихся. У всѣхъ въ рукахъ раскрытыя книги. Свѣтъ отъ паникадилъ. И въ кругахъ надъ головой огоньки. Бѣлыя одежды, и другія, какъ алый макъ.

— Ты видала такое?

— Нѣтъ, никогда. Гдѣ же дѣти и старцы?

— Тутъ всѣ: и дѣти и старцы.

— Я ихъ не вижу.

— Ни старцевъ, ни младенцевъ—здѣсь всѣ равны трудомъ передъ Богомъ.

И стѣна, какъ завѣса опустилась.

Я долго ждала: не откроется ли? И онъ молчалъ. За руку стояли мы,—и была рука его, какъ моя.

— Отчего ты меня туда не повелъ?

— Ты не входила еще въ тѣ врата. Помнишь, тамъ небо другое и земля другая?

— А когда кончится служба?

— Тамъ нѣтъ ни конца, ни начала!—и онъ опустилъ мою руку.

Я одна стояла въ огромномъ залѣ. Ноги мои дрожали отъ утомленія и не хватало воздуху.

«Неужто я померла?»—подумалось мнѣ и съ какимъ-то горькимъ чувствомъ я пошла изъ залы.

И такъ дошла до сѣней. А тамъ лѣстница вверхъ. Вижу, спускается Малаша.

Обрадовалась я.

— Какъ мнѣ отсюда выйти?

— А тебѣ куда надо?—смотритъ Малаша и не узнаетъ меня.

— Мнѣ на базаръ.

— Зачѣмъ на базаръ?

— Хлѣба купить. Выведи меня!

— Иди прямо!—строго сказала Малаша.

И я увидѣла дверь. И очутилась въ саду.

5.

Арбузныя сѣмечки.

Въ окно я увидѣла, подъѣхало много экипажей—и все незнакомые. Смотрю и понять не могу, откуда столько и что имъ отъ меня надо: все незнакомые.

Я скорѣе въ людскую, думаю, спрошу прислугу. А навстрѣчу мнѣ не Малаша, а какая-то Настя, а за нею еще и еще, все чужія. Ничего не понимаю. Прошла въ спальню, притворила за собой дверь, стала у двери, прислушиваюсь. Разговоръ обо мнѣ и недобрый.

«Не добрые люди,—думаю,—надо куда-нибудь схорониться?»

И выхожу.

«Вѣдь, мнѣ только бы дойти до коридора, а тамъ ходъ знаю.»

И вижу, у всѣхъ дверей часовые.

И тутъ же вертится эта чужая Настя, а съ ней ея товарки.

Я къ нимъ,—то къ одной, то къ другой:

— Пожалуйста!—прошу,—выведите меня изъ моего дому! Я васъ поблагодарю.

А въ отвѣтъ онѣ шепчутъ:

— А что дашь намъ? Что дашь!

— Денегъ дамъ.

— Ладно, денегъ дашь!

И сейчасъ же повели меня въ какую-то комнату, — я не помню такой комнаты у насъ въ домѣ.

— Отсюда есть ходъ на волю. Давай же денегъ,—говорятъ,—мы тебя выпроводимъ.

Достаю кошелекъ изъ сумочки. Вытряхаю на столъ, чтобы видѣли. А вмѣсто денегъ сыплются арбузныя сѣмечки.

— Это все были деньги, — оправдываюсь, — повѣрьте же мнѣ. Я не знаю, какъ это вышло.

А онѣ въ одинъ голосъ захохотали.

И подъ хохотъ гдѣ-то близко заиграла музыка.

* * *

Я стою въ столовой. Полна комната народу. Всѣ стоятъ.

И я узнала ихъ—это враги души моей.

«Что бы со мной не было, — рѣшаю про себя,—не буду имъ повиноваться! Боже, укрѣпи мои силы!»

Никто на меня не смотритъ, но я понимаю, одна мысль у нихъ обо мнѣ.

Пошептались. И ласково.

— Поѣдемъ,—говорятъ,—съ нами!

А я будто не понимаю.

— Присаживайтесь,—говорю,—я сейчасъ самоваръ велю поставить.

А они, какъ тѣ Настины товарки, захохотали.

И слышу, музыка играетъ.

Подъ руки вывели меня изъ дому. И весь ихъ народъ за ними.

У подъѣзда карета.

— Въ карету не сяду,—говорю,—въ коляскѣ могу.

Думаю себѣ: изъ коляски-то мнѣ уйти будетъ легче!

Откуда-то взялась коляска. Ничего не подѣлаешь, придется садиться. Усѣлись. Поѣхали. Глазъ не сводятъ, никакъ не уйти.

По дорогѣ развалины. Прошу остановиться.

— Мнѣ надо,—говорю.

Остановились. Вылѣзла я.

— Постойте тутъ, я сейчасъ.

И пошла.

«Господи, помоги!»

И слышу шумъ.—Или хватились?

«А я не вернусь! не вернусь!»

Ищутъ.—И! какъ сумашедшіе, бѣгаютъ.

Вижу ихъ. Да имъ-то меня не видать. Завыли, у! какъ злыя собаки. И вѣтеръ поднялся, самъ крышечникъ-вѣтеръ, и пыль. Закружило, завѣяло.

Я летала надъ развалинами, кружилась съ вѣтромъ и пылью.

И вотъ увидѣли меня, а глаза у нихъ злѣе укальницы. Я—выше и полетѣла къ лѣсу. Бѣгомъ пустились за мной. Я залетѣла въ лѣсъ. И они за мной. Плутаютъ, падаютъ встанетъ проклятый и опять бѣжать.

— Постой,—кричатъ,—мы тебѣ что-то скажемъ, постой!— и воютъ и воютъ.

Вылетѣла я изъ лѣсу да къ рѣкѣ, перелетѣла рѣку, и спустилась въ полѣ.

Пастухи пасутъ стадо.

— Откуда вы, пастухи?

— Мы тутошніе, — и сами такъ смотрятъ, — не тебя ли господа наши ищутъ?

Я какъ услышала—милосердый Боже!—да назадъ.

— Постой! постой! — кричатъ пастухи, — мы тебѣ что-то скажемъ!

А я бѣгу, что лечу. Пробѣжала поле. Какая-то постройка,— я туда. Оглянулась—бѣгутъ, ужъ напали на слѣдъ.

Я вскочила въ хлѣвъ. Притворила дверь. Лежали доски, я досками закрыла дверь. И скорчилась въ уголку, не дышу.

И вдругъ упали доски—ломится дверь.

Я читаю молитву въ умѣ. Притихли. Или ушли? Нѣтъ, не уйдутъ.

— Обложить огнемъ, пускай ее!—слышу.

И вотъ упала дверь и они схватили меня. И помчали, какъ вихорь.

* * *

Я въ чистомъ полѣ нагая стою у столба.

Понимаю, для меня поставили столбъ. Тащутъ лѣстницу. Я взойду на этотъ смертный столбъ.

И вдругъ очутилась я на столбѣ.

Я нагая стою на столбѣ. Кто раздѣлъ меня, не знаю, не помню. Я нагая стою на столбѣ. И вижу среди темныхъ силъ главный ихъ—я узнала его,—на крылатомъ конѣ и крылатый, съмечки арбузныя ѣстъ.

Вдругъ раздался залпъ и меня словно вѣтромъ шатнуло.

Дымъ, огонь—и смрадъ ѣстъ глаза.

Опять, какъ вѣтромъ шатнуло и опять.

Я стою на столбѣ, а отъ столба, какъ лѣстница, до самой земли снаряды лежатъ. И по свинцовой лѣстницѣ я сошла со столба.

* * *

Съ гикомъ и хлестомъ вели меня по полю. Или рѣшили покончить? Господи, гдѣ же милосердіе? И плевали и били меня.

Я не знаю, куда меня привели. Огромадная печь,—саженныя дрова кладутъ. И вижу своихъ знакомыхъ и сосѣдей: они трудились у печи,—и какіе изнуренные!—какъ лошади у мапйны.

— Какъ же такъ,—говорю,—вы имъ повинуетесь?

А они только смотрятъ жалобно, не смѣютъ сказать.

По бокамъ печи колеса съ желѣзными крючками, а посреди катучая площадка, на площадкѣ кресло.

Сѣру, деготь, сало и еще что-то бѣлое таскали нечистые къ горящей печи. И все упрекали меня, что совсѣмъ разорила ихъ.

— Да позвольте, я васъ ни о чемъ не просила!

А они мнѣ про сѣмечки.

— Сулила дать денегъ, а чего дала? Мы не свиньи какія!

И все злѣе и злѣе.

И ужъ сами съ собой бормочутъ.

Вдругъ кто то крикнулъ:

— Готово!

И я увидѣла, какъ кресло побѣлѣло отъ жара.

Читаю молитву въ умѣ. Двое юлятъ и пихаютъ, по птичьи подсвистываютъ.

Я вскочила на площадку,—и сѣла въ раскаленное кресло. Площадка двинулась къ печи и меня жаромъ, словно водой, окатило. А въ глазахъ закружилось и полетѣли огни.

Я не помню, не знаю, что было, только слышу, кричатъ,—не пойму. И тогда поднялась я съ кресла и ступила на площадку—площадка чуть теплая.

* * *

Вывели меня на свѣтъ Божій. Никто ужъ не билъ меня, а все съ ласкою.

Впереди одни на коняхъ ѣхали, другіе на свиньяхъ: дорогу показывали. Вижу, къ рѣчкѣ ведутъ—потопить хотятъ.

И какъ лисицы:

— Дай, мы на тебя сапожки надѣнемъ!—а сами сапожки эти клещами держатъ: такъ отъ нихъ жаромъ и пышетъ.

Надѣла я сапоги,—и ноги мои словно провалились куда-то.

— Иди тихонько, вонъ черезъ мостикъ!—сущіе лисы.

И я увидѣла мостъ черезъ рѣку—не мостъ, поняла я, одинъ призракъ.

Я ступила на этотъ мостъ и упала въ воду.

Тутъ кто съ чѣмъ: кто съ крючкомъ, кто съ бревномъ, кто съ лопатой, да лопатой по головѣ меня.—

И нѣтъ больше силъ: вотъ потону.

«Господи, сохрани меня!».

И слышу, кричитъ съ берега:

— Брось! Довольно. Пригодится еще!

И захохотали мучители. А за хохотомъ музыка.

И я вышла на берегъ.

6.

На постояломъ дворѣ.

Въ лѣсу на постояломъ дворѣ остановилась я лошадей покормить. Пора было дальше ѣхать и я велѣла лошадей закладывать. А вижу, и кучеръ и всѣ люди едва на ногахъ стоятъ,—пьянымъ пьяно. И куда ужъ тамъ съ лошадьми управиться! Долго возились и все попусту. Ужъ вечерѣло, а хмель не проходилъ.

Остановиться на ночь въ лѣсу я боялась: никого я не знала—ни двора, ни хозяина.

«Вѣдь, только бы выѣхать изъ лѣсу, а тамъ ужъ какъ-нибудь...»—думала я и рѣшила такъ: сама впередъ пѣшкомъ пойду, а экипажъ меня нагонитъ.

И говорю кучеру:

— Пожалуйста, Трофимъ, поторопитесь! Я пойду, а вы меня догоните.

* *
*

Шла я полемъ. Оглянусь: не ѣдутъ ли? Нѣтъ, не вижу никого. А ужъ солнце зашло. Жутко мнѣ было въ полѣ одной. И вижу, въ сторонѣ каменная ограда. Бросила я дорогу, иду прямо къ оградѣ. Тамъ ворота. Вошла въ ворота и попала на широкій дворъ.

Хожу по двору, разсматриваю: словно бы монастырь какой!

Да и вправду, монастырь. Вижу, монахиня. Подошла она ко мнѣ и, не спрося ни о чемъ, повела въ домъ.

Кельи просторныя, теплыя.

Въ одной кельѣ показала мнѣ монахиня на кровать.

— Тутъ тебѣ отдыхъ!—а сама къ двери.

Кровать хорошая, изголовье высокое, одно плохо—окно надъ самой головой.

— Я тутъ могу простудиться,—говорю,—да и боюсь одна, я пойду съ тобой.

Уговариваетъ монахиня. Да я-то боюсь одна въ такой кельѣ.

— Ну, ладно,—согласилась монахиня,—пойдемъ ужъ!

* *
*

На порогѣ игуменья.

— Ты со мной на одной кровати ложись,—сказала мнѣ игуменья.

Я отговариваюсь:

— Не достойна,—говорю,—грѣшная я.

— Тогда одна ложись, а я пойду.

И оставила меня игуменья, а куда пошла она, не знаю.

Я сейчасъ же легла и заснула.

Вдругъ слышу, въ ногахъ у меня сопитъ.—Поднимаюсь,—игуменья!—игуменья въ ногахъ у меня свернулась калачикомъ. И мнѣ такъ стало совѣстно,—куда тамъ спать! Я тихонько изъ кельи вышла на маленькій дворъ.

Хожу я по двору, разсматриваю хозяйство. Подхожу къ какой-то пристройкѣ, въ родѣ сторожки, а игуменья стоитъ въ окнѣ, наказываетъ кому-то. Увидѣла меня, киваетъ.

Хочу объяснить ей, почему я вышла изъ комнаты.

— Потому и вышла,—перебиваетъ меня игуменья,—тебѣ ѣхать надо.

— Мнѣ не на чемъ ѣхать, мой экипажъ въ лѣсу остался.

— Для тебя есть коляска.

И я увидѣла коляску.

И не замѣтила, какъ сѣла, и не помню, какъ выѣхала.

* * *

Ѣхала я по какимъ-то дорогамъ—мѣста неизвѣстныя—ѣхала безъ остановокъ. И вдругъ повернула къ горѣ, къ такой высокой, отвѣсной.

Узкая дорога. Съ одной стороны фонари горятъ, освѣщаютъ путь, съ другой темь. И вѣтеръ ужасный.

И вижу, два человѣка впереди идутъ, и оттого такъ медленно ѣдемъ мы.

— Посторонитесь,—кричу,—мы опоздаемъ!

А они будто не слышатъ. И не идутъ ужъ,—ползутъ.

Обернулась я, а сзади тоже какіе-то. Я къ нимъ:

— Отгоните ихъ,—говорю,—фонари погаснутъ, пропадемъ!

А они, хоть бы что.

Такъ ѣхала я подъ вѣтромъ. Вѣтеръ рвалъ на мнѣ платье. Фонари подъ вѣтромъ замирали.

Остановились, наконецъ, у воротъ.

И что же оказалось: тѣ, которыхъ я отгоняла, показывали намъ дорогу. И мнѣ стало такъ же совѣстно, какъ тамъ въ кельѣ, когда я проснулась и увидѣла спящую игуменью у себя въ ногахъ.

Провожатые въ сторонкѣ о чемъ-то толковали другъ съ другомъ.

— По языку ея судить не будутъ,—услышала я,—будетъ ей судъ по сердцу.

* * *

Я стою одна у воротъ. Ворота заперты. Стучу,—не отзываются. Что мнѣ дѣлать? И я пошла, куда глаза глядятъ.

И вышли въ поле. Тамъ вдали народъ. Я туда, и попала въ болото. Хочу выбраться,—что ступлю, то завязну. По поясъ зашла. И ужъ нагая—все съ меня снято - нагая въ болотѣ карабкаюсь. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Загрязла по горло.

Какой-то мальчикъ:

— Постой! Ты не по своей дорогѣ пошла.

— Выведи!—прошу.

И онь взялъ меня за руку.

— Этого ни одинъ человѣкъ не минуетъ. Вотъ твоя дорога!

Тина была чаще, а итти стало легче.

— Иди такъ до того человѣка, видишь, на колѣняхъ стоитъ, потомъ поверни направо и такъ все иди,—сказалъ мальчикъ и скрылся.

И ужъ одна шла я, и все шла до того человѣка: онъ въ болотѣ по шею стоялъ на колѣняхъ.

— Ты за что?—спросила я.

— Будетъ судъ мнѣ по сердцу,—и жалобно посмотрѣлъ на меня.

И мнѣ стало такъ совѣстно передъ нимъ, что вотъ иду я, а онъ остается мучиться!

Болото кончилось. Виднѣлся дворецъ.

— «Какъ же такъ,—подумала я,—голая-то я пойду?».

И почувствовала я, опять на ногахъ сапоги и шуба на плечахъ.

* * *

Нагая, запахиваясь въ шубу, я шла по дорогѣ. Дворецъ ужъ близко. И мнѣ неловко, и я все запахиваюсь шубой. Поднялась я на крыльцо, иду осторожно: испугать боюсь. Пріотворила дверь. А тамъ двѣ дѣвушки у окна сидятъ.

— Мы тебя, сестрица, давно ожидаемъ.

— На той сторонѣ за болотомъ осталось бѣлье, пошлите, пожалуйста! Мнѣ очень совѣстно.

А онѣ другъ съ дружкой:

— Я поведу ее въ баню.

— Нѣтъ, я. Я встрѣтила, я пойду съ ней.

— Да у меня,—говорю имъ,—нечего надѣть послѣ бани.

— Не безпокойся, все прислано.

— Кѣмъ прислано?

Обѣ онѣ пошли впередъ, я за ними. И дорогой увидѣла я, ни сапогъ на мнѣ, ни шубы, нагая иду. И мнѣ стыдно, какъ тамъ ночью въ кельѣ и тамъ у воротъ, и тамъ, на болотѣ передъ несчастнымъ.

Вымыли меня въ банѣ, нарядили и чистую, нарядную провели въ просторную комнату. А тамъ за самоваромъ гости, все женщины, и всѣ въ бѣломъ. Чай пьютъ.

«Почему же,—думаю,—меня не угостятъ?»

А та, которая разливала чай, хозяйка, посмотрѣла на меня, улыбнулась.

— Но, вѣдь, чай этотъ не для тебя заваренъ,—сказала она,—подожди немного, для тебя еще только прислана чашка.

И я увидѣла бѣлую фарфоровую чашку съ голубыми цвѣточками, она стояла на кругломъ столикѣ, закрытая салфеткой.

Я поднялась къ столику и вижу, кучеръ Трофимъ.

— Барыня, лошади готовы.

— Да гдѣ же это вы были?

— Да тамъ—на постояломъ дворѣ.

7.

Монахи.

Лежу въ своей комнатѣ ночью и слышу, входятъ, шепчутся. Приподымаюсь—отъ лампадъ мнѣ все видно—и вижу, монахи, пять монаховъ въ мантіяхъ. Монахи подошли къ образамъ, покадили.

Покадили монахи и пошли по комнатѣ шарить. Отыскали ключи. И опять къ образамъ. Нараспѣвъ зачитали.

Я смотрю однимъ глазомъ, нарочно храплю.

Два монаха подходятъ къ кровати: одинъ въ клобукѣ, другой безъ клобука,—оба въ мантіяхъ.

— Чего лежишь, вставай!

А тамъ начинаютъ полуночницу.

Поднялась я съ кровати. Стала съ ними передъ кіотомъ. Сунули монахи мнѣ въ руку зажженную свѣчку. Что-то читали и пѣли. И вдругъ поняла я, что меня постригаютъ. И все, какъ слѣдуетъ, читали и пѣли. Кончили службу. Поздравляютъ:

— Послушница!—поздравляютъ.

— Какъ же такъ,—говорю,—послушница? Вы же меня въ монахини постригали!

А они гурьбой къ большому комоду.

Выдвинули верхній ящикъ, тащутъ меня:

— Смотри.

А тамъ, въ углу ящика узлы туго набитые, а въ другомъ куски хлѣба, посреди же, не знаю что, высокое, краснымъ покрыто.

— Видѣла?

— Вижу,—говорю.

— Это твоему дому.

Захлопнули ящикъ и за средній,—средній выдвинули.

А тамъ серебро—полонъ ящикъ. И свѣтъ, какъ отъ слезъ.

— Твоя доля. Будь справедлива.

И этотъ задвинули, за послѣдній взялись.

А тамъ голова человѣчья, бѣлымъ покрыта.

— Видѣла?

— Вижу,—говорю, сама не смѣю спросить.

Монахъ запустилъ руку подъ голову, вынулъ бѣлую бутылку.

И ящикъ захлопнули.

Вышли они на середку комнаты, одинъ въ клобукѣ, другой безъ клобука, оба въ мантіяхъ. У одного бѣлая бутылка въ рукахъ, у другого красная. И тотъ, у котораго красная, сталъ изъ бутылки песокъ сыпать по полу, а другой изъ бѣлой бутылки чѣмъ-то маслянистымъ полилъ песокъ.

Окружили меня, показываютъ на полъ:

— Цѣлуй!

А я думаю: какъ же мнѣ такъ, вымараюсь? И хочу обманомъ.

«Нагнусь,—думаю—и сдѣлаю видъ, что цѣлую».

Стала я на колѣни.

Маслянистое разлито было по красному.

И нагнулась я къ полу. Ниже, еще ниже—осталось вотъ сколечко!

А ихъ пятеро, какъ набросятся, и десять рукъ мнѣ на голову, да въ песокъ, носомъ въ красный песокъ меня, какъ кошку.

И лежу я придавленная, лежу лбомъ въ песокъ, и глаза мнѣ ѣстъ. Слышу, стали въ кругъ, и кругомъ пошли, захрустѣло по полу—

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла..

И хрустятъ, топаютъ, ужъ бѣгомъ бѣгутъ, — свистятъ мантіи.

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла...

И вдругъ вижу, глубокое небо и въ небѣ крылатый — крестъ въ рукахъ его, а за нимъ бѣлый гробъ несутъ, а за гробомъ двое—крылья вверхъ и крылья распростертыя съ Востока и на Западъ.

Алексѣй Ремизовъ.

ЗНАМЕНІЕ.

Разсказъ.

1.

Озеро—глубокое, голубое. И у самой воды, на мху изумрудномъ—бѣлый-кипенный городъ, зубцы и башни, и золотые кресты, а въ водѣ опрокинулся другой, сказочный городокъ, бѣлозолотой на изумрудномъ подносѣ: Ларивонова пустынь. И постъ колоколъ въ сказочномъ городкѣ, колоколъ медлительный, негулкій, глубокій, гудитъ въ зеленой глуби. И такъ сладостно-тихо жить отдѣленнымъ отъ міра зеленой глубью. Хлѣбарямъ въ бѣломъ подвалѣ послушно мѣсить хлѣбы; трудникамъ терпѣливо доить коровъ вечерами; вратарю, старцу Арсюшѣ, собирать даянія у чугунныхъ воротъ. Истомиться постомъ на повечеріяхъ, заутреняхъ, полунощницахъ; сложить духовнику немудреные грѣхи и всѣмъ вмѣстѣ встрѣтить радостно Красную Пасху.

Такъ и жили, пока въ пустынь не явился брать Селиверстъ. Вешнимъ вечеромъ на Русальной прибѣжалъ онъ къ воротамъ, запыхавшись. Ликъ—опаленный; пальцы непокойно перебираютъ одежду, бѣгаютъ, теребятъ.

У чугунныхъ воротъ низко поклонился Селиверсту прозорливый старецъ Арсюша, вратарь:

— Съ чѣмъ, братъ, приходишь? Съ миромъ ли?

Подпираясь клюкою, долго ждалъ отвѣта старецъ Арсюша. Мохнатый, согбенный—былъ онъ, какъ малый звѣрь какой-то: всталъ ласковый звѣрь на заднія лапы, а совсѣмъ не выпря-

миться, и сейчасъ опустится на передніе и отъ мятежныхъ людей въ лѣсъ убѣжитъ.

Не дождался старецъ отвѣта, впустилъ Селиверста и только вослѣдъ покачалъ мохнатой головой:

— Попомни, братъ, на Страстной-то поется: несытая душа.

Звякнули чугунныя ворота, разверзлась передъ Селиверстомъ зеленая глубь: какъ упалъ камень — отъ края до края побѣжали круги.

Шла всенощная, бѣдная, будняя. Рѣдкія свѣчи — какъ цвѣты папоротника въ купальскую ночь; въ темномъ куполѣ — гулкое аллилуя; мимо свѣтлѣющихъ оконъ — ласточки съ пискомъ, изъ выси въ высь. И тамъ — чуть повыше ласточекъ — Богъ.

Появился высокій, незнаемый монахъ и сталъ сзади — передъ Владычицей, Ширьшей Небесъ. Икона-древняя, явленная — одни глаза, громадные, да синій покровъ надъ землею, какъ твердь: Ширьшая Небесъ.

Чудно молился монахъ: стиснуты губы, стиснуты брови и руки, впился въ пресвѣтлый ликъ, въ упоръ, глазами въ глаза. Смущались монахи; колыхались клобуки, оглядывались; ласточекъ не слыхали ужъ.

Не стерпѣлъ старецъ Арсюша: надо вступиться за Пречистую, всѣмъ сердцемъ любилъ Ширьшую Небесъ. Палъ старецъ на четвереньки — поклонъ земной. Всталъ, согбенный, заклюкалъ по каменнымъ плитамъ — прямо къ Селиверсту — и тихо:

— Ты какъ же молишься-то, братъ, а? Глазами-то Пречистую пробуравить хочешь, а?

Не обернулся, и глазъ не отвелъ Селиверстъ отъ Ширьшей Небесъ, можетъ и не слыхалъ даже старца. Постоялъ — постоялъ старецъ Арсюша, похилился еще ниже и, подпираясь посохомъ, заковылялъ вонъ изъ церкви.

Пошли послѣ всенощной шопоты, зашныряли послушники изъ кельи въ келью, зашушукались съ игумновымъ келейникомъ Варнавой: кто это новый-то? откуда?

Славился Варнава на всю пустынь кудрями: еженочно мочилъ волосы крѣпчайшимъ часмъ для кудреватости, и уже ему ли не знать? Но и Варнава не много зналъ:

— Звать Селиверстомъ. Изъ образованныхъ будто. А откуда—невѣдомо. А выпросилъ у отца игумена старую Симеонову келью.

Семеонова келья—въ угловой башнѣ, въ подвалѣ. Жилъ нѣкогда въ кельѣ юродъ Симеонъ, парицаемый Похабный. Возлѣ каменнаго ложа вдѣланы въ стѣну цѣпи: приковавшись пѣпями къ ложу, заживо отдалъ себя Симеонъ на съѣденіе крысамъ.

Былъ въ кельѣ сумракъ, духъ трудный. Низко, надъ самымъ озеромъ, окошечко, отъ міра закрещенное рѣшеткой. Въ міру плыло солнце, а въ кельѣ—тѣнь отъ рѣшетки: ползла по полу, съ полу на дверь, потухала на темныхъ сводахъ. Изъ угловъ вылазили во множествѣ сѣдыя Симеоновы крысы, шуршали, цапали когтями по камню.

Было отъ нихъ спасеніе только въ красномъ кругу лампады, и горѣла у Селиверста лампада день и ночь.

Изъ кельи выходилъ Селиверстъ только на службы, а пищу трапезникъ приносилъ ему сюда, въ башню. Вареная ничего не принималъ Селиверстъ и воду—однажды въ день, только теплую. Въ скорости сталъ Селиверстъ блѣденъ лицомъ и руками—какъ блѣденъ бываетъ овощной ростокъ, проросшій въ погребѣ. Молча отдавалъ встрѣчнымъ изъ братіи поклонъ, и все запахивался, торопился скорѣе въ келью, и долго оглядывались встрѣчные вслѣдъ и подмигивали другъ дружкѣ.

Вечеромъ, когда были кончены молитвенные труды и старецъ Арсюпа замыкалъ чугунныя пустынскія ворота, братія раздѣлялась. Какіе помоложе, послушники, годовики—шли на зубчатую стѣну, разсаживались на увитыхъ повителью кирпичахъ: не пройдетъ ли внизу, не проѣдетъ ли кто изъ мірскихъ? Перекинуться словомъ съ запоздалой молодайкой въ бѣломъ шушунѣ, вспомянуть несмѣло мірской смѣхъ. А манатейные старцы уходили надъ озеромъ посидѣть. Чуть колыхался въ водѣ бѣлозолотой городокъ. Затеплялись звѣзды вверху, внизу—въ глуби—тихія свѣчи. И только бы слушать тихій—сквозь зеленую глубь—колоколъ и тихое—изъ глуби—пѣніе.

Но сквозь закрещенное рѣшеткой окошко бередилъ водяную тишь непокойный красный глазъ: лампадка Селиверстова.

И слышенъ былъ изъ Симеоновой башни заглушенный стѣнами голосъ: настойчиво, неустанно, дерзостно взывалъ о чемъ-то Селиверстъ.

2.

Игуменъ Веденѣй, когда бывалъ одинъ въ покойчикѣ своемъ, ходилъ въ простомъ обрядѣ: подрясникъ и широкій поясъ, шитый зернью цвѣтной. А борода сѣдая, отъ самыхъ глазъ—длинная, съ зеленью: какъ царь подводный. Ходилъ и все бороду поглаживалъ, и хозяйственно думалъ о своемъ царствѣ.

Хорошо зналъ Веденѣй: подъ зеленый гулъ пустынскихъ колоколовъ лѣниво его людишки живутъ, и винопійцы есть, и суесловы, а главное—ни въ комъ огня нѣтъ, духомъ оскудѣла пустынь. Старецъ Арсюша? Да и тотъ обомшалъ ужъ, и какъ дубъ трухлявый: притронуться страшно.

И вотъ теперь, съ высокаго своего помоста въ церкви игуменъ зоркимъ глазомъ сразу примѣтилъ Селиверста:

— Непросто монахъ молится. Ужъ не онъ-ли?

Весна, лѣто, бѣлая зима: все такъ же Селиверстъ молился, жилъ въ крысиной Симеоновой башнѣ, варенаго не принималъ. Но проку обители отъ него не было: только смута и свара завелась по всей киновіи. Вотъ опять старцы приходили жаловаться: хульно молится этотъ новый, нелѣть ему жить въ кельѣ Симеона-юрода.

И велѣлъ Игуменъ позвать Селиверста.

Снаружи морозъ и солнце, а покойчикъ Веденѣевъ жарко натопленъ. Потихоньку тукали стѣны. Молча стоялъ Селиверстъ у двери. Заложивъ руки за поясъ, молча прохаживался игуменъ. Потомъ взялъ Селиверста за руку и подвелъ къ написанной на стѣнѣ картинѣ:

— Вотъ—смотри и самъ найди здѣсь себя.

Былъ на стѣнѣ изображенъ Зміевидный Блудъ: Змій—зеленый, какъ яписъ, стоглавый, и которая глава присосалась къ сосцамъ женщины, которая къ прекрасному чреву ея, и къ рукамъ, и къ глазамъ грѣшниковъ, улѣпившихъ Змія, какъ мухи. И среди прочихъ — увидалъ Селиверстъ грѣшника то-

шаго, съ выпершими ребрами и разинутымъ ртомъ: Змій ввергалъ въ ротъ огненную рѣку, и все шире тощій разиналъ ротъ, безъ конца поглощая огонь, и была подпись: алчба.

Тихо, какъ бы себѣ, сказалъ Селиверстъ:

— Такъ, отче, алчу я. Огонь меня снѣдаетъ, невозможнаго алчу, знаменія молю—чтобы повѣрить, знаменія требую...

Подошелъ Веденѣй ближе. Помолчалъ. Положилъ Селиверсту руки на голову:

— Бѣдное ты мое чадушко, бѣдное!

Еще помолчалъ—и сталъ снова—игуменъ, хозяинъ рачительный и строгій. Сверху сурово говорилъ Селиверсту о дерзаніи непомѣрномъ, о тишинѣ разоренной, о соблазнѣ малымъ, грозилъ сослать на хуторъ коровникомъ.

Но приглядѣлся игуменъ: не здѣсь Селиверстъ, не слышитъ. Съ той поры махнулъ на него рукой, и пошло все своимъ путемъ.

Бѣлыя поля, бѣлыя стѣны и башни: на снѣгу изъ снѣга пустынь, золотыя ласточки-кресты кружатъ изъ выси въ высь, а надъ всѣмъ—синяя риза Ширьшей Небесъ.

День ото дня все синѣе становилась риза, и синѣе на снѣгу тѣнь отъ Симеоновой башни, и яростнѣй чирикали воробьи на церковныхъ крышахъ. Пригнувшись, похаживалъ старецъ Арсюша около воротъ, приглядывался къ ручейкамъ: какому если мѣшаетъ навозъ—сковырнетъ прочь клюкой.

— Ну, братъ, теки ужъ, чего тамъ...—ухмыляется мохнатый.

Съ первыми красными днями потянулись богомольцы къ озеру—пустынской благодати принять. Складывали на паперти котомки съ хлѣбомъ да лукомъ. Отдыхали подъ прохладными сводами башень, въ глухомъ отъ зеленой воды гулѣ колокола. Шли въ пещеру затворника Ларивона, гдѣ онъ, батюшка, почиваетъ подъ спудомъ. Надѣвали на себя вытертую скуфейку Ларивонову: чтобы въ разумъ войти. Пригубляли щербатую расписную чашечку: чтобы зубъ не болѣлъ.

— Изъ такой же, какъ мы, чашечки пилъ — батюшка-то нашъ,—умилялись щербатой чашечкѣ.

На обратномъ пути, по обычаю, останавливались у чугун-

ныхъ воротъ—у старца Арсюши благословиться, и чтобъ сказалъ прозорливецъ всякому слово свое мудрое.

Но Арсюша недуженъ. Усталымъ звѣренышемъ стоялъ на заднихъ лапахъ: вотъ-вотъ рухнетъ на переднія. Давалъ богомольцамъ только общее благословеніе и улѣзалъ обратно въ конурку.

Уходили неутоленные, неутѣшенные.

— Старъ сталъ Арсюша, старехонекъ. Нѣту силы досельной. А нужно подпору, утѣшенье нужно отъ горькой жизни, надежду на-про черный день.

И непримѣтно какъ-то вышло: стали богомольцы душой къ Селиверсту прилегать. Приходилось и отъ братіи слышать: поселился непростой монахъ въ крысиной башнѣ и варенаго ничего не ѣстъ. — И съ нами ни съ кѣмъ не разговариваетъ: куда ужъ ему съ нами, грѣшными... — говорили которые изъ братіи съ усмѣшкой.

Но усмѣшка — простымъ сердцамъ невдогадъ, запоминали только: варенаго не ѣстъ, въ башнѣ въ крысиной. И сами на службахъ видывали: глазами — въ глаза Ширьшей Небесъ непрестанно, а лицо у монаха — бѣлизны нездѣшней.

Роснымъ розовымъ утромъ у бѣлой Симеоновой башни—на разсвѣтѣ, чуть розовомъ—становились и ждали: пойдетъ къ заутренѣ Селиверстъ.

— Не обезсудь, батюшка, на дорожку благослови. Благослови-ко еще: сынъ у меня боленъ, ему благословенье снесу.

Бѣгали у Селиверста пальцы, торопился, запахивался, неловко и стыдливо благословлялъ:

— Ну, какъ же это, ну... Я, вѣдь... Ну, Богъ благословитъ. Ну...

Но по-малу привыкъ, и уже благословлялъ увѣреннѣй, и смотрѣлъ прямѣе въ глаза. И было у нихъ въ глазахъ такое крѣпкое, неодолимое, катило на Селиверста, какъ волна морская, взмётывало вверхъ, и зналъ твердо: невозможное—возможно, и чуялъ: близко уже, и ничего не было страшно.

3.

Въ этомъ году собралось къ Ларивоновой памяти богомольцевъ несчетно: уже обѣжала округу молва — объявился въ пустыни новый молитвенникъ и заступникъ, и ужъ будто многимъ отъ него была польза. Бѣлымъ стѣнамъ не вмѣстить всѣхъ, и еще въ субботу выползли изъ воротъ къ озеру, гомозились муравьями на изумрудномъ мху. А подальше, подъ бѣлыми зубцами, пестрымъ лугомъ расцвѣла ярмарка. Шатры изъ веретья, и лари, и просто телѣги съ товаромъ: гребешки, пряники, красныя баклуши. И надо всѣмъ — ровный говоръ, стрекотъ и гудъ: богатырская пряха, головой выше старыхъ сосенъ, прядетъ и прядетъ, бѣгутъ холсты даль-дорогою, стрекочутъ кросна. И только когда вдарили къ обѣднѣ — понемногу задремала, затихла пряха, опустѣла ярмарка, повалилъ народъ къ службѣ.

А служили нынче въ старой церкви — еще батюшка Ларивонъ въ ней маливался — бревенчатая и такая какая-то вродѣ старца Арсюши: ласковая, квелая, къ землѣ пригнулась, затянуло мохомъ бревна.

Въ старой церкви — народъ плечомъ къ плечу. Огню дышать нечѣмъ — тускли свѣчи. Ихала, кликала кликуша. Обмирали ребята и бабы. Какую-то въ желтомъ платкѣ понесли вонъ изъ церкви: тяжела бабочка, должно быть, совсѣмъ сморило. Выволокли бабочку наружу — а и наружи не легче: крутило вихремъ пыль и песокъ, во рту сохло, а колодецъ далеко.

Какъ малую песчинку — съ утра вихремъ подняло Селиверста и несло, ближе и ближе, все мелькало, не слышалъ, не видѣлъ: только одни громадные, вѣчные глаза — вобравшіе въ себя скорбь тысячъ глазъ.

И не примѣтилъ, какъ пронесло черезъ всю длинную обѣдню и выплеснуло съ толпою наружу. На паперти по-всегдашнему тянулись съ култышками, тарелочками, горстками. Быстро протащило мимо, и куда-то все дальше послушно плылъ Селиверстъ надъ пестрыми платочками, ржаными и рыжими кудлами.

Недалёко отъ Симеоновой башни—какъ споткнулась—стала толпа, раздалась—и Селиверстъ одинъ. На травѣ стояли носилки, и на нихъ—восковое лицо въ бѣлой косынкѣ; рядомъ какого-то съ запрокинутой головой держали подъ руки двое. Тишина, и сотни глазъ—на него, Селиверста.

Понялъ Селиверстъ, затрясло всего. Нагнуться къ бѣлой косынкѣ, наложить руки.

— «А вдругъ—и правда?»

Тишина нестерпимая. Било Селиверста такъ, что и пальцы не могъ сложить для благословенія. Махнулъ рукой—и, запахивая ряску, путаясь въ полахъ,—побѣжалъ, къ себѣ въ келью.

Разступились—тотчасъ замкнулись опять и со стономъ, тѣсно двинулись за нимъ. Кого-то съ запрокинутой головой вели подъ руки, хлопала по вѣтру хоругвь, вихрило пыль—и все неистовѣй крики:

— Батюшка! Кормилецъ! Заступи! Мы, вѣдь, знаемъ!

Сохло во рту, жаждали, молили. Но окованная, съ ржавымъ кольцомъ, дверь въ Симеонову башню не открывалась на стукъ.

Пошли къ покоямъ игумена Веденѣя, шумѣли моремъ внизу—доплескивало вверхъ, въ тихій покойчикъ. Вышелъ на балконъ Веденѣй—какъ захватили, по-домашнему, въ полукафтаньѣ съ шитымъ поясомъ. Говорилъ Веденѣй, но вѣтромъ разметывало сѣдую бороду, развѣвало слова, и не слышали его словъ спокойныхъ и вразумительныхъ, а только кто-то поймалъ:

— Ждите...

И всѣ ухватились, отъ головы къ головѣ побѣжало: ждите. Увѣрились, затихли и ждали. И вся пустынь ждала. Попрятались по кельямъ. Послушники шмыгали изъ двери въ дверь. Перешептывались съ усмѣшкой, а на сердцѣ скребло: а вдругъ? И какъ же тогда жить? Въ покойчикѣ своемъ Веденѣй мѣста не находилъ: все взадъ и впередъ.

Къ вечеру выползъ изъ конурки своей старецъ Арсюша—крохотный, въ аршинчикъ, согбенный, заклюкалъ къ Ларивоновой церкви. Палъ на четвереньки: поклонъ земной старой церкви. Потомъ на глазахъ у всѣхъ подошелъ, снялъ клобукъ, облобызалъ замшенныя темныя бревна, еще разъ поклонился

низко—и заковылялъ назадъ въ конурку свою у чугунныхъ воротъ. И увидѣли: плакалъ старецъ Арсюша, похлипывалъ носомъ, кулачкомъ по-ребячьи утиралъ глаза.

Тягота налегла, растревожилъ Арсюша:

— Къ чему плакалъ старецъ? Къ чему знаменіе?

Повалили за ворота къ старцу. Стоялъ у конурки своей и потряхивалъ Арсюша кошелемъ изъ старой парчи: кошель на длинной насадкѣ, въ кошелѣ мѣдный колоколецъ—позванивалъ колоколецъ жалобно. Плакалъ старецъ Арсюша и всѣхъ спрашивалъ:

— Православные, кто со мной завтра въ Ерусалимъ? Прощайте, православные! Кто со мной?

Никто не разумѣлъ старца. Шли, смятенные, къ озеру въ становище. Пылалъ надъ озеромъ въ лихоманкѣ лютой закатъ. Вѣтеръ вихрилъ пыль и песокъ, и далеко по дорогѣ—вставали темные путники, головою до неба, медленно наступали на пустынь. Мигъ—и нѣту, и только выметенное вѣтромъ пустое небо.

4.

Стемнѣло, по лугу заполыхали костры. Пламя кланялось, кидалось. Гдѣ выхватитъ въ багровомъ пятнѣ руку и ложку надъ котелкомъ; гдѣ кудлатую голову и губы трубочкой—дуютъ на уголья изо всѣхъ силъ; гдѣ телѣжное колесо, и привязанъ песъ къ колесу.

Колокольня отмѣривала медленныя мѣдныя ленты — часы. Всѣ вздыхали, поднимали головы съ котомокъ, перешептывались. Всю ночь не смыкала глазъ красная лампадка надъ озеромъ. И не спалъ старецъ Арсюша всю ночь: непокойнымъ, учуявшимъ звѣремъ бродилъ между бѣлыхъ стѣнъ, моталъ мохнатой головой и всхлипывалъ.

Только одинъ старецъ Арсюша и увидѣлъ начало: ни съ того—ни съ сего освѣтился сѣнный сарай—все ярче—и заполыхало во всю.

Сразу—странный красный день, какъ день послѣдняго судилища. Четкіе переплеты оконъ, огненные голуби надъ крышей, красная борода Веденѣя, чья-то запрокинутая назадъ

голова. Неслись лица съ красными зрачками, все путалось и мигало, какъ сонъ.

— Братцы, къ озеру—цѣпью, цѣпью стань!

Зазвякали по цѣпи ведра—да вѣтеръ развѣ зальешь? Билъ, гудѣлъ, сѣялъ огненное сѣмя—секунду цвѣли жадные жаркіе цвѣты—и въ тьму. А быстрые бѣсенята суетятся уже въ сосѣднемъ корпусѣ, и только сверкаютъ и сбиристятъ ихъ востренькіе розовые язычки.

— Батюшки мои, къ церкви идетъ! Сейчасъ займется!

— Церковь сейчасъ... Ларивонова!

Какъ старецъ Арсюша, тихая и покорная ждала церковь—моргала отъ огня стеклами. Мело вѣтромъ огонь прямо на трухлыя деревянныя стѣны, уже силъ не было стоять возлѣ—сейчасъ...

Кто-то крикнулъ осипшимъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Селиверстъ! За Селиверстомъ! Гдѣ онъ?

Былъ Селиверстъ здѣсь, въ самой гущѣ. И опять, какъ тогда послѣ обѣдни, раздалась толпа Чернымъ моремъ — и Селиверстъ одинъ, тишина, и тысяча глазъ жадно на него.

— Ведра-то... Ведрами-то... Братцы...—крикнулъ игуменъ Веденѣй слабѣя. Но ни одна рука не поднялась, не звякнуло ни одно ведро.

Услыхалъ себя Селиверстъ—сказалъ, не обертываясь назадъ, внятно и твердо.

— Икону мнѣ.

Съ Ширьшей Небесъ въ рукахъ—ступилъ впередъ, прислонился спиной къ старенькой церкви, противъ воющей огненной стѣны. Вѣтеръ въ лицо, жегъ и палилъ.

Послѣдній разъ оглянулся Селиверстъ: обступили кругомъ глаза. Зачерпнулъ оттуда, неистовая волна хлестнула снизу, отъ сердца—къ рукамъ. Въ страшной тишинѣ, всего себя стиснувъ, сотрясаясь отъ нестерпимой силы—Селиверстъ медленно поднялъ икону надъ огнемъ вверхъ, и потомъ—внизъ, влѣво и вправо.

И показалось: такъ же медленно качнулся красный языкъ передъ нимъ: вверхъ, внизъ, и влѣво, и вправо.

Встали дыбомъ волосы на головѣ, прислушался Селиверстъ назадъ: можетъ быть—спасутъ, можетъ быть—скажутъ, что...

Но сзади себя услышалъ Селиверстъ стоголосый гулъ, и свое имя, и рыданія, и крики.

Понялъ Селиверстъ: конецъ, совершилось.

5.

Черезъ силу добрелъ къ себѣ, заперъ задвижку — и какъ былъ въ рясѣ, въ клобукѣ—ничкомъ на холодное ложе юрода Симеона. Негасимый огонь въ лампадкѣ загасъ. Былъ мракъ и пустота въ кельѣ, цапали по камню крысы, но было теперь все равно.

Одной рукой попалъ на Симеоновы желѣза: вдавилъ руку въ желѣзный браслетъ всей тяжестью—но нельзя вынуть руку. Была рука въ Богъ знаетъ какой дали, и громадная, чудище, невѣроятно шевельнуть ею.

Почуялъ Селиверстъ: весь онъ—такой же, громадный, наполняющій вселенную. И въ то же время—муравьино-крошечный: видѣлъ себя все изъ той же дали, какъ сквозь перевернутую не тѣмъ концомъ подзорную трубу—себя и крошечное окошко, а въ окошкѣ—закрещенная рѣшеткой крошечная заря.

Тутъ же, рядомъ, увидѣлъ другого себя и другую зарю. Вырѣзаны узоры балконной рѣшетки на розовомъ, между рѣшеткой и зарей—черные клобуки сосенъ, а рядомъ на коврѣ—та самая, единственная. Совершилось первое въ жизни, величайшее чудо: и потухло, пусто. Встать потихоньку, чтобы не разбудить, и внизъ—мимо черныхъ монашенокъ-сосенъ.

Все свѣтлѣе крошечное окошко, и ужъ совсѣмъ гдѣ-то близко, по каменному ложу, цапаютъ крысы. Шевельнулъ Селиверстъ горами-руками, поднялся, пошелъ къ свѣту, положилъ голову на каменный подоконникъ. Заря прогорѣла. И выметенное вѣтромъ—такое было синее, пустое и страшное небо.

* * *

Ранней обѣдни въ это утро не было. Разбрелись кто куда: кто прикурнулъ тутъ же на паперти, у Ларивоновой церкви, кто поплелся надъ озеромъ посидѣть. Озеро было ясное, свѣтлое, и какъ на ладони — въ зеленой глуби были видны бѣлыя стѣны.

И разсказывали потомъ—многіе будто самолично видѣли: прогорѣла заря—высокій монахъ вышелъ изъ пустыни и быстрымъ шагомъ пошелъ прямо въ озеро. Вода передъ нимъ разступилась, и явственно былъ слышенъ негулкій звонъ въ глуби. А слѣдомъ выкатилось что-то мохнатенькое изъ чугунныхъ воротъ—не то звѣрь какой, не то человѣкъ—и за высокимъ монахомъ юркнуло въ воду. Въ братіи же шелъ слухъ: нашли въ Симеоновой башнѣ загрызенные крысами тѣло, и потому-де наглухо замурованъ входъ въ башню Симеона-юрода.

Такъ ли, нѣтъ ли, а только послѣ пожара въ Ларивоновой пустыни и Селиверстъ пропалъ, и прозорливый старецъ Арсюша. Но чудесно уцѣлѣла старая Ларивонова церковка. И попрежнему чуть колыхается въ водѣ бѣлозолотой городокъ на изумрудномъ подносѣ, и такъ сладостно-тихо жить отдѣленнымъ отъ міра зеленой глубью.

Евг. Замятинъ.

* *
*

Почернѣлъ, искривился бревенчатый мостъ
И стоятъ лопухи въ человѣческій ростъ,
И крапивы дремучей поютъ лѣса,
Что по нимъ не пройдетъ, не блеснетъ коса.
Вечерами надъ озеромъ слышенъ вздохъ,
И по стѣнамъ расползся корявый мохъ.

Я встрѣчала тамъ
Двадцать первый годъ,
Сладокъ былъ устамъ
Черный душный медъ.
Сучья рвали мнѣ
Платья бѣлый шелкъ,
На большой соснѣ
Соловей не молкъ.
На условный крикъ
Ты сойдешь съ горы,
Словно лѣшій, дикъ,
А нѣжнѣй сестры...
Черезъ лугъ бѣгомъ,
Черезъ рѣчку вплавь,
Да зато потомъ
Не скажу: «оставь!»

Анна Ахматова.

„ЧЕЛОВѢКА НАДО“.

Представленіе изъ жизни народа въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Матеріалъ для построенія взятъ изъ жизни религіозной группы, основанной К. А. Малеваннымъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Дѣйствующія лица:

Александръ Ершовъ. Портной, работающій на лучшіе магазины города.

Вѣра Ершова, жена Александра, модистка.

Илья, Наталія Ершовы — Отецъ Александра, старикъ, сапожникъ. Мать Александра, старуха.

Марія Смирнова, сестра Александра, бывшая модистка.

Алексѣенко. Чернорабочій, пожилой.

Пророкъ Михаилъ. Послѣдователь Константина Орла, старикъ.

Орелъ Константинъ, худощавъ, лицо исхудалое, голова и борода съ просѣдью, глаза впалые. Одѣтъ въ сѣрую больничную куртку и штаны. На ногахъ штиблеты.

Большая комната въ подвальномъ этажѣ на окраинѣ большого города. Въ правомъ углу дверь въ прихожую, направо дверь въ спальню, а налѣво—два окна на улицу, у задней стѣны большой портновскій столъ Александра. Ближе—круглый столъ и диванъ. Скоро сумерки.

Пр. Михаилъ. Сомнительно? Эхъ, братъ, братъ! Такія-ли дѣла были! Въ нашемъ мѣстечкѣ былъ человѣкъ, — въ пору было на цѣпи держать, и то исцѣлилъ. Привели къ нему, погладилъ по головѣ, взглянулъ въ глаза и все какъ рукой сняло. Сейчасъ, вѣришь, ни на что не пожалуется. А твоя-то сестра не въ такой, вѣдь, боли! Ее-то онъ исцѣлитъ. Ты въ этомъ не сомнѣвайся, повѣрь, другъ, повѣрь!

Александръ. И хочу и не могу.

Пр. Михаилъ. Да почему не можешь-то? Развѣ мало было доказательствъ его силы?

Александръ. Да понимаешь, не вѣрится! Ну что же я съ собой сдѣлаю, когда нѣтъ и нѣтъ вѣры?!

Пр. Михаилъ. Ну, а ты все-таки скажи: вѣрю, тогда ты хоть и со- словесной, а все-таки съ вѣрой. Скажи, что вѣришь!

Александръ. Не могу.

Пр. Михаилъ. Э-э...хъ ты какой! Не то что наши братья. Онъ сказалъ: грѣхъ на заводахъ и фабрикахъ служить, они повѣрили и ушли съ фабрикъ. Всю жизнь сломали. Кученко 25 лѣтъ служилъ на заводѣ кузнецомъ, и вотъ за нѣсколько дней до пенсіи приходитъ на заводъ и говоритъ: «больше служить не буду!». Понимаешь ты это, за нѣсколько дней? А ты все разсуждаешь, все мѣришь, такъ-ли, не такъ-ли. Божье дѣло надо дѣлать съ огнемъ, а не такъ себѣ, по арихметикѣ какой-то. Отъ нея только вредъ одинъ и больше ничего... Ну, такъ, какъ же, братецъ ты мой, вѣришь или нѣтъ?

Александръ. Ты не подгоняй меня. Ты дай мнѣ самому дойти. Развѣ я властенъ въ своихъ чувствахъ, вѣдь, я не властенъ!

Пр. Михаилъ. Задачу ты задаешь, другъ. Не знаю, какъ и быть съ тобою. Ну, вотъ что, я самъ все это устрою. Спаситель въ этихъ мѣстахъ, совсѣмъ близко — черезъ домъ Сейчасъ иду туда, упрошу его, онъ одной минутой будетъ здѣсь. Только ты устрой, чтобы постороннихъ не было.

Александръ. Ну, иди.

Пр. Михаилъ. (Въ дверяхъ). А, можетъ, вѣримъ? (уходитъ).

Александръ. Вѣрю-ли я? Не знаю, ничего не понимаю. Я только слышу, въ душѣ кричитъ: «Да, это онъ! Онъ!..» А вотъ разумомъ все еще не могу примириться, все спорю. У меня и тоска, и больно и все во мнѣ кипитъ.

Алексѣенко. (Входитъ). И ты!

Александръ. (Испуганно). Что и я?

Алексѣенко. Голову повѣсилъ. Какая сила была, а вотъ поди-ты!

Александръ. Ты что?

Алексѣенко. Да вотъ все тоже. Нѣтъ на этой землѣ радостнаго человѣка. Всѣмъ больно. И не могу я этого понять. Если бы худо было только вотъ намъ, грѣшникамъ, а то вѣдь и праведникамъ худо. Для чего тогда и жить-то?

Александръ. Для Бога!

Алексѣенко. А, вотъ, я его не чувствую. Понимаешь, не чувствую! Вѣдь, если бы Онъ былъ, такъ развѣ бы такъ жили? Сейчасъ, вѣдь, дохнуть нечѣмъ! Старъ сталъ, а нѣтъ-нѣтъ, да и спрошу: «Да живъ ли ты, Господи?» И голоса отвѣтнаго не слышу. Пусто, въ мірѣ, мертво.

Александръ. А я слышу!..

Алексѣенко. Чего же ты слышишь?

Александръ. Ну, какъ бы это... ну вотъ такъ передъ передъ грозой, томитъ. И это у всѣхъ грозы ждетъ. И я слышу его шаги. Вотъ онъ идетъ по землѣ... Слышишь?.. Богъ идетъ по землѣ!!!

Алексѣенко. (Испуганно). Что ты, Сашенька?

Александръ. Да... да... идетъ! Я слышу—идетъ!..

Алексѣенко. А какъ Маша-то? Не получшѣло ей?

Александръ. Да... да—идетъ!

Алексѣенко. Да ты что это—я тебя про Машеньку, а ты...

Александръ. (Перебивая). Онъ ее исцѣлитъ!

Алексѣенко. Александръ!

Александръ... Братъ Константинъ. У него великій духъ, у него могучій духъ. Сейчасъ придетъ сюда. Онъ исцѣлитъ...

Алексѣенко. Это который изъ Ивановки Константинъ? Ты про него, что ли?

Александръ. Да, про брата Константина.

Алексѣенко. Эхъ, до чего Машеньку жаль. Вѣдь, какая сестра! Я помню, когда ей открылась наша вѣра, такъ она все бросила и въ лютый морозъ по деревнямъ понесла святую вѣсть. Чуть не замерзла. Помнишь, еле живую, нашли на дорогѣ въ снѣгу добрые люди. Кабы не случай, да такъ и замерзла бы. Золотая душа! Машенька! Ты какъ нынче? (Просовываетъ голову въ сосѣднюю комнату въ дверь).

Марія. (Входитъ медленно, прямо, смотритъ мимо). Кончено! Кончено!..

Алексѣенко. Что, сестрица милая, что кончено?

Марія. Жизнь кончена.

Александръ. Она только начинается!

Марія. Кончена...

Алексѣенко. Я во какой старый, сестрица, а и то еще кончать не хочу. Все еще, боюсь, самую сладость не узналъ. А ты еще молодая, голубушка.

Марія. И пусть, и пусть!

Александръ. Еще только начинается жизнь! Я сейчасъ почувствовалъ: Бога еше не было на землѣ, онъ еще долженъ придти. Пишутъ, Богъ сотворилъ небо, и землю, и человѣка, а неправда, навѣрно! Ну, укажите мнѣ, гдѣ это самое божье небо, божья земля, божій человѣкъ? Нѣтъ ихъ! Бога еще не было, но онъ уже идетъ, я чувствую, что идетъ. Машенька, мы на порогѣ, вотъ-вотъ начнется новая жизнь!

Марія. (Съ волненіемъ слушавшая Александра). Отчего это вы такіе странные, у васъ такія лица?

Алексѣенко. (Пугливо). Да, что ты, Машенька!? Богъ съ тобой!

Марія. (Пристально вглядывается). Черныя какія...

Александръ. Это такъ себѣ. Ты не обращай на это вниманія...

Марія. Я лучше уйду отъ васъ. Вы, меня опять всю взбунтовали. Умереть не пускаете? Вы нѣтъ, не обманете... (Уходитъ, оглядываясь).

Алексѣенко. Эхъ, совсѣмъ свяла! И съ чего это только? Послѣ, какъ ребенокъ померъ—съ этого, что ли?

Александръ. Нѣтъ!

Алексѣенко. А отчего же?

Александръ. Мѣсто свое на землѣ потеряла. Саму себя потеряла. Человѣкъ такой ей нуженъ, чтобы скрѣпилъ ее.

Алексѣенко. Такъ это ты его и ждешь?

Александръ. Его!..

Алексѣенко. О, господи! Нынче, говоришь, придетъ исцѣлять-то?

Александръ. Нынче.

Алексѣенко. А, можетъ, не надо?

Александръ. Почему?

Алексѣенко. А что какъ хуже будетъ? Можетъ, такъ-то лучше, какъ Богъ дастъ, а? Ты хорошенько обдумай. На этакую-то страсть рѣшаться...

Александръ. Я думалъ.

Алексѣенко. Думалъ?! Ну, не сердись на старика. Я отъ добраго это тебѣ сказалъ. А ты обдумай! Ну, дай Богъ всего хорошаго! Мнѣ въ Кореневку пойти. Жалѣй Машу-то.

Александръ. (Садится на столъ, поджавъ ноги. На колѣняхъ пиджакъ). Можетъ, до темноты и кончу пиджакъ-то? Только рукавъ и кончить. (Шьетъ). Нѣтъ, темно,—не видать, видно, бросить надо. Вотъ Михаилъ говорилъ, братья ихъ на фабрикахъ работу бросаютъ. И почему это имъ запрещено работать? Не пойму я этого! У нихъ особенное!.. (Молчитъ). Скоро ли онъ сюда придетъ? Ужъ скорѣй бы! (Въ кухнѣ что-то валится со звономъ на полъ, Александръ соскакиваетъ со стола). Опять, видно, отецъ не въ своемъ видѣ?

Мать. (За сценой) Ну, иди, иди, безстыжая, ты, рожа. Иди, погубитель!

Отецъ. Я пойду!.. Я куда хошь пойду!.. Очень просто!..

Мать. Иди, иди! Сюда иди!

Отецъ. Иду! На судъ дѣтей?.. Иду!.. Очень просто!..

Александръ. Такъ и есть!

(Входятъ мать и отецъ).

Мать. Ахъ, ты, безпутная голова! Ну, что ты дѣлаешь, пьяница, ты, несчастная?

Отецъ. Очень просто!..

Мать. У него все очень просто! Принесли ему сапоги въ починку, а онъ ихъ въ кабакъ. У него все очень просто.

Отецъ. Обстоятельства!..

Мать. Обстоятельства! Всю жизнь съ тобой мучаюсь. Дѣтей то своихъ постыдился бы! Дѣтей страмишь, дармоѣдъ паршивый.

Александръ. Мама!

Отецъ. Саша, милый. Эхъ-х-хъ! (Бьетъ въ грудь кулакомъ и скрипитъ зубами) Ты одинъ поймешь. Вотъ, вѣдь, вотъ гдѣ, понимаешь, заноза. Саша... Ты понимаешь, а она не понимаетъ... Саша...

Александръ. Ну, ладно, ладно. Мы съ тобою послѣ поговоримъ, а теперь ты лучше иди спать.

(Марія заглядываетъ въ дверь).

Отецъ. Нѣтъ, дѣтушки, дайте сказать... Пропойца, говоритъ... Сапоги чужіе въ закладъ... Э-х-х-ъ! Ты—всѣхъ любить, а я—чужіе сапоги... Я жъ понимаю! А почему это? Очень просто! Вотъ была она (Указываетъ на жену), былъ я, а теперь, что она, что я?! Капутъ теперь! Была жизнь,—все было, а теперь ничего нѣтъ. Врете, ничего нѣтъ. Все обманъ. Саша, помнишь машину? Машину я вѣчную строилъ. И что вышло? Обманъ! И жисть... Что вышло?.. (Плачетъ).

Александръ. Ну, ладно, ладно! (Пр. Михаилъ заглядываетъ въ дверь и манитъ Александра). Пойдемъ-ка, пойдемъ, милый, мы тамъ съ тобою поговоримъ. Ну, не плачь, ты что думаешь: я, вѣдь, тебя люблю! (Уводитъ отца).

Мать. Болталъ, болталъ, а что болталъ, ничего не поймешь. Дурачекъ онъ у меня. Ну, пойти приготовить Машенькѣ поѣсть. Давно ее не кормила. (Садится на стулъ, качаетъ головой). Охъ, ты, Господи! И что мнѣ, бѣдной головушкѣ, съ Машенькой дѣлать, и ума не приложу! Хоть бы научилъ кто! (Тяжело вздыхаетъ).

Александръ. (Тихо, губы дрожатъ). Мама!

Мать. Что ты, Сашенька?

Александръ. Тамъ комнѣ пришли. Сходи на Кореневку къ брату Ивану, скажи Алексѣенкѣ, братъ Константинъ пришелъ.

Мать. И чтобъ онъ сюда пріѣхалъ?

Александръ. (Торопливо). Нѣтъ!.. Ты только скажи, а ужъ онъ самъ знаетъ.

Мать. А вотъ Машеньку накормлю и съѣзжу.

Александръ. (Волнуясь). Нѣтъ, мама, сейчасъ! Вѣра домой пришла, она Машу накормитъ, а ты иди сейчасъ.

Мать. Да, что тебѣ какъ загорѣлось?

Александръ. Мама, дѣло большое!... Такъ бы не сталъ просить. Ну, ради Христа тебя прошу, сходи, мамашенька милая.

Мать. (Неохотно). Ну, схожу.

Александръ. Ну, спасибо, старушечка моя! Вотъ ужъ спасибо! (Ласкается къ матери).

Мать. (Равнодушно). Ну, ну, ладно, схожу, чего тамъ. (Тяжело вздыхая). Изъ силъ выбилась. Вздохнуть некогда.

(Уходитъ).

Марія. (Вошла въ комнату). Господи, и зачѣмъ вышла я замужъ. Лучше бы мнѣ тогда замерзнуть въ снѣгу. Не знала бы я ничего, ничего бы не чувствовала. (Потерянная стоитъ, прижавшись къ стѣнѣ).

(Быстро вбѣгаетъ въ комнату Вѣра).

Вѣра. Машенька! (Бросается къ Маріи). Господи, Машенька, какъ я устала. Весь-то день-деньской сидишь, шьешь и свѣта не видишь. Страшно устала. А ты какъ, милая?

Марія. Мутно все!

Вѣра. И ты устала. Я вижу. Всѣмъ трудно. И когда это другая жизнь придетъ? Ужъ сколько лѣтъ Саша съ твоимъ твердятъ, что вотъ, вотъ придетъ она и ничего не приходитъ. Все у нихъ это такъ только—мечта... Ой, я это зря болтаю! Ты меня не слушай, милая,—вѣдь, ты знаешь, какая я. Тамъ пришли какіе-то къ Сашѣ. Я схожу туда, а потомъ къ тебѣ. Я сейчасъ. (Уходитъ).

Марія. (Ходитъ, заглядываетъ въ углы). Все поразитъ, все по пятамъ, вотъ-вотъ схватитъ... Господи, куда дѣваться? (Смотритъ въ окно. Сзади пріоткрывается дверь изъ передней, показывается голова пророка Михаила. Марія вздрагиваетъ и оглядывается, но уже нѣтъ никого). Куда же дѣваться-то, Господи! (Мечется глазами по угламъ. Въ комнату тихо входитъ братъ Константинъ—Орелъ, дѣлаетъ два шага къ Маріи, останавливается. Тишина. Марія увидѣла, вскрикнула, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижимается къ стѣнкѣ въ углу. Орелъ неподвижно молча смотритъ на нее. Изъ угла Маріи несется сначала тихій, а потомъ все усиливающійся жуткій хохотъ. Орелъ на минуту теряется, а затѣмъ твердымъ шагомъ идетъ къ Маріи. Марія съ необычайной проворностью ускользаетъ отъ него, бѣжитъ въ другой уголъ).

Орелъ. (Тихо, повелѣвающе). Иди ко мнѣ! (Марія перестаетъ хохотать, руки опускаются, глаза широко открыты, медленно идетъ къ Орлу).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Дѣйствующія лица:

Александръ.
Вѣра.
Марія.
Иванъ. Слесарь. Мужъ Маріи.
Илья. (Отецъ).
Наталья. (Мать).
Орелъ, братъ Константинъ.
Пр. Михаилъ.
Елисѣй. Послѣдователь Орла. Богатый крестьянинъ.
Андрей. Бывшій студентъ.

Братья по вѣрѣ и гости.

Та же комната. Вечеръ. Лампа. Рабочій столъ посрединѣ комнаты, покрытъ бѣлой скатертью. За самоваромъ, — Вѣра, Иванъ, Александръ. Въ сосѣдней комнатѣ (справа) собраніе, оттуда доносятся пѣніе, говоръ толпы.

Александръ. Ты не понимаешь, ну, что-жъ, —не понимай, а я все-таки иду за нимъ. Смѣешься, а онъ все-таки поставилъ на ноги Марію. Ты, вѣдь, видишь Марію?—Она теперь новая. У него свѣтлый духъ. Онъ дѣлаетъ жизнь новой. Вотъ почему иду за нимъ.

Иванъ. Но почему же онъ велитъ уходить изъ города?

Александръ. Не онъ, я самъ ухожу. Ухожу потому, что хочу чистаго труда и чистой оплаты.

Иванъ. Думаешь найдешь въ деревнѣ?

Александръ. Найду.

Иванъ. Слушай, Саша, я тебѣ не чужой—я мужъ твоей сестры. Впрочемъ, къ чорту это. Я просто люблю тебя и только. Саша, брось ты это. Въ городѣ нехорошо, но, вѣдь, никто и не говоритъ тебѣ, чтобы ты мирился. Борись, создавай въ городѣ новую жизнь. Деревня нищая, она тебѣ ничего не дастъ, а городъ давалъ и даетъ. Здѣсь культура!

Александръ. Чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ лучше.

Иванъ. Почему же это? А твоему Орлу развѣ не городъ далъ то, что есть въ немъ высшаго? Это ему деревня дала?

Александръ. Полагаю, что не городъ.

Иванъ. А я утверждаю, что городъ.

Александръ. Ну, ужъ...

Иванъ. Да, городъ. Деревня нищая, она всѣмъ нищая. Дать можетъ тотъ, кто культурнѣе.

Александръ. Я знаю, что такое ваша культура! Вотъ совсѣмъ на дняхъ. Пиджакъ починилъ и понесъ. Захожу въ квартиру, спрашиваю барина,—говорятъ: во дворѣ. Иду, а на

дворѣ заспанныя трепаныя дѣвицы. И не понимаю: чего это ихъ такъ много? «Гдѣ»,—спрашиваю,—«баринъ»? Указали. Отдалъ пиджакъ, получилъ рубль. И ужъ дома, ночью вспомнилъ, что это публичный домъ, а баринъ этотъ самый—хозяинъ. Всталъ — и рубль за окошко. Не могу я! Всѣ у васъ въ городѣ деньги такія—чья-нибудь плоть и кровь! Культура! Онъ мнѣ далъ не серебро, а плоть ихъ! И такъ всѣ. И такъ куда бы ни пошелъ. Мнѣ никогда не давали за мою работу что-либо другое и никогда не дадутъ. Никогда!

Иванъ. Ну, Саша! Только эти рубли отъ города и получилъ? И ничего другого?

Александръ. (Возбужденно). Вотъ другое: пиджакъ, крахмальныя тряпки и вотъ это. (Александръ такъ сильно дергаетъ за конецъ галстука, что галстукъ обрывается). И это за мое тѣло, за мою душу. Да будь она проклята, эта культура, вотъ что!

Иванъ. Значитъ, въ дикари?

Александръ. Къ человѣку,—вотъ, что это значитъ! И этого человѣка даетъ мнѣ онъ (указываетъ на дверь), а не вы. (Александръ срываетъ крахмальную грудь, съ воротничкомъ, кидаетъ на полъ и уходитъ. Молчаніе).

Иванъ. (Вѣрѣ). Трудно съ нимъ говорить.

Вѣра. Ужъ очень онъ нервный.

Иванъ. Ничего изъ этого хорошаго не выйдетъ. (Молчитъ). (Входитъ Александръ. Онъ въ русской рубахѣ, на ходу повязываетъ поясъ.).

Вѣра. (Вошедшему Александру). Саша, а я то какъ же?

Александръ. Ну, и ты со мною поѣзжай въ деревню.

Вѣра. Но я, Саша, никогда не жила въ деревнѣ, ничего не знаю.

Александръ. Научишься!

Вѣра. Нѣтъ, Саша, никогда не научусь, не привыкну. Ты видишь—я какая? Куда я гожусь?

Александръ. Ахъ, да все это дѣло привычки! Надо только...

(Дверь слѣва распахивается, влетаетъ возбужденная Марія. Бѣжитъ, хватается за Ивана).

Марія. Нѣтъ, не могу я. Боюсь. Понимаешь, Ваня, боюсь.

Иванъ. Чего боишься?

Марія. Сама не знаю. То онъ мнѣ антихристъ, то спа-

ситель. Я не могу ему въ лицо смотрѣть. Ты понимаешь: лицо — такое доброе, и посмотрѣть нельзя—страшное. Онъ не человѣкъ. Онъ, я не знаю кто...

Иванъ. Ты не бредишь?

Марія. Ты понимаешь—когда онъ говоритъ, то и страшно, и вѣришь, что онъ все можетъ, что у него есть сила, онъ все устроитъ, всю жизнь, какъ надо. Мнѣ страшно тамъ, я оттуда убѣжала, и меня туда тянетъ, я чувствую, что я уже въ его власти. Я вся дрожу... А сердце... Знаешь, я слушала его, думала: закричу, упаду, насилу выдержала.

Иванъ. (Къ Александру). А все ты!

Марія. Нѣтъ, нѣтъ я счастлива, что я его слышала, я не жалѣю. Я теперь новая. Я пойду еще его слушать.

Иванъ. (Рѣзко). Сиди здѣсь!..

(Дверь вновь распахивается и въ комнату входитъ отецъ Александра).

Отецъ. (Возбужденно Ивану). Ну, что ты, ну, что ты? А вотъ (указываетъ на дверь откуда доносятся голоса), онъ вотъ, да, онъ все... Жизнь, понимаешь? жизнь далъ. Ты мнѣ землю да фабрики, а онъ далъ жизнь. Вѣчная жизнь!.. Саша, Саша, нѣтъ смерти, слышишь? Жизнь!.. Это только болванъ, оселъ какой-нибудь можетъ сказать, что жизни нѣтъ. Жизнь есть!.. (Вдругъ рѣшительно поворачивается къ двери и падаетъ на колѣни). Ты! Ты — Спаситель! Ты,—все... очень просто... а другіе—такъ, корытники.

Марія. (Ивану). Вотъ видишь!

Иванъ. Вижу, вы тутъ всѣ помѣшались.

Мать. (Вбѣгаетъ, отплевывается). Прости ты меня, Господи, а ужъ никто, какъ антихристъ. Истинно, голубчики, антихристъ. Такой страшный, что и не знаю. Фу, ты, Господи. Вотъ, вѣдь, навожденье-то! Голубчики мои, я, вѣдь, тамъ плакала. Какъ дура, такъ вотъ и разревѣлась. (Всхлипываетъ еще и сейчасъ. Остальные молчатъ).

Пророкъ Елисѣй. (Входитъ объ руку съ Андреемъ). Ахъ, братъ, братъ, зналъ бы ты, что онъ перенесъ. Да, если бы всю тяжесть эту на человѣка, такъ онъ бы въ лепешку, истинно въ лепешку. Его и били и мучили, въ тюрьмѣ и сумасшедшемъ домѣ держали, а взгляни на него: какъ младенецъ. Самая святая премудрость въ немъ почиваетъ и ведетъ его. Нѣтъ,

ты ужъ брось упираться. Ты повѣрь, признай. Другого такого нѣту, не найдешь. Повѣрь, другъ...

Андрей. Я очень люблю васъ всѣхъ. Вы всѣ, какъ дѣти. Но я всетаки остаюсь самъ собою. Я буду вѣрить только себѣ.

Пр. Елисѣй. (Вздыхая). Тугой ты, братъ, тугой. А я, братъ, такъ не разсуждалъ. Сказали: «Пришелъ Спаситель». Я пріѣхалъ, увидалъ и повѣрилъ. Я его учувствовалъ. Ну, да ничего. Ты придешь, всѣ придутъ, всѣ повѣрятъ.

(Входятъ дворникъ и парикмахеръ. Дворникъ—небольшого роста, съ всклокоченной головой, въ очкахъ на кончикѣ носа. Парикмахеръ — высокъ, тонкій; въ сюртукѣ; когда-то былъ лакеемъ у важнаго барина).

Дворникъ. Загляженно! Прямо говорю, прикрасно... Если бы не самомнительность,—какъ есть Исаія.

Парикмахеръ. Онъ, по моему, въ болѣсти!.. Въ сумасшедшую лѣчебницу его надо! А вамъ скажу: это антихристъ. Подлинный антихристъ. Остерегитесь, братъ. Повѣрьте мнѣ, остерегитесь.

Дворникъ. Нѣтъ, замѣчательно! Слушаешь: мурашки бѣгаютъ...

За сценой шумъ. Вбѣгаетъ юродивый Николенька, трубитъ въ кулакъ и кричитъ:

Радуйся, радуйся, Сіонъ,
Домъ твой Богомъ посѣщенъ,
Земля съ небомъ сочеталась,
Со премудростью совналась.
Съ праздникомъ, народъ божій!
Тру-ту тру-ру-ру-ру, тру-ру-ру-ру-ру...
Тра-та-та-та-та-та, тра-та-ра-ра-ра..
(Пляшетъ).

Алексѣенко. А, пожалуй, Сашѣ-то вѣрно я сказалъ: лучше бы кое какъ, да только бъ не такая страсть.

(Двери широко распахиваются. Вылетаетъ, женщина истерически плачущая и смѣющаяся, за нею валитъ возбужденная толпа. Позади идетъ, окруженный женщинами, Орелъ. Онъ еще въ экстазѣ. Лицо блѣдное, глаза горятъ. Весь судорожно подергивается).

Орелъ. И была тьма. И припелъ свѣтъ, и стала земля, и стало солнце, и сталъ человѣкъ. Но гдѣ жизнь, гдѣ человѣкъ? Я вижу противныхъ душѣ насѣкомыхъ, я вижу гадовъ, впивающихся въ ноги мои, вижу окровавленныя морды плотоядныхъ и усталое стадо скотовъ, пресмыкающихся, а человѣка

не вижу. И я говорю вамъ, я пришелъ разрушить землю эту и небо. Камня на камнѣ не оставлю отъ твердыни этого звѣринаго, противнаго душѣ моей царства. Я пришелъ убить жизнь вашу и убью ее. Древній Богъ побивалъ васъ камнями моромъ, огнемъ, посылалъ на васъ потопъ, а я сожгу васъ словомъ моимъ, ибо уже истощилось терпѣнье мое. Слышите, я убью васъ. Вы думаете, что Богъ только кротокъ? Нѣтъ, онъ и въ тигрѣ, и въ львѣ, и въ ураганѣ. Никого не пощажу! И придетъ на васъ море огня моего, и когда придетъ оно, я не выстрою ковчега новаго и не посажу въ него Ноя ветшаго со звѣрями чистыми и нечистыми. На моей обновленной землѣ, подъ моимъ небомъ—я не дамъ плодиться породѣ вашей звѣриной. Нѣтъ спасенья вамъ, ибо я—мечъ и огонь, я—смерть и конецъ вашъ!

(Кто-то передъ Орломъ на колѣняхъ кричитъ ему: «ты—царь, ты все можешь». Ему кричатъ: «Святъ, святъ, святъ, Господь Саваоѳъ». Марія отдѣлилась отъ Ивана, ползетъ по полу къ Орлу, припадаетъ къ его сапогу и такъ замираетъ. Среди женщинъ и плачъ, и истерическій смѣхъ).

Орелъ. И изъ небытія, изъ праха вашего я создамъ новую землю, небо и человѣка. И не будетъ стѣны между тобою, земля, и небомъ. Между тобою и небомъ отнынѣ не будетъ раздора. Я соединю васъ, я даю вамъ единую жизнь... а вы, Орлы мои свѣтлые, любите человѣка — мужчину и женщину, не губите жизнь. Любите все на моей новой землѣ, любите, какъ я возлюбилъ васъ. Довольно беззаконію царствовать на землѣ, довольно попираться образу человѣческому! Земля уже напиталась кровью, она задыхается отъ крови и слезъ, отъ смрада разлагающихся труповъ, она ждетъ васъ, какъ ждетъ изсыхающее растеніе живительной влаги. Человѣка любите, молю васъ.

Пророкъ Михаилъ. Вотъ тотъ, кого ждали всѣ вѣка, вотъ онъ,—творецъ радостной жизни. Онъ приходилъ къ вельможамъ и они не приняли его, къ книжникамъ и фарисеямъ—они посмѣялись надъ нимъ, а пришелъ къ намъ—къ букашкамъ маленькимъ—мы приняли его и благовѣствуемъ о немъ. Такъ поклонитесь ему всѣ.

(Всѣ, кромѣ Ивана, Александра, дворника и парикмахера, падаютъ передъ Орломъ съ общимъ крикомъ: «Ты—Спаситель, Творецъ. Веди насъ, царь ясный, въ обитель твою).

Александръ. Да... Такъ и надо. Надо, чтобы все гнилое жгли, убивали; надо, чтобы все въ прахъ, все, всю вселенную. Гибни звѣриное царство. Пусть все новое.

Алексѣенко. Не надо, не надо. И зачѣмъ ты пришелъ? Лучше по старому, только бы не такая страсть.

Марія. Ты даешь мнѣ силу, ты даешь мнѣ путь. Я иду за тобою!

Дворникъ. Загляженно. Ну, и замѣчательно, долженъ сказать!

Иванъ. Какой сумасшедшій наборъ словъ!

Парикмахеръ. (Еле владѣющій собою). Антихристъ! (Дѣлаетъ шагъ, наступаетъ на руку сосѣду, спустившемуся на колѣни, и такъ замираетъ. Сосѣдъ дергаетъ руку и отталкиваетъ парикмахера отъ себя).

Толпа. Ты—Спаситель, Творецъ! Веди насъ въ царство твое, веди на землю твою, Господи!

(Юродивый стоитъ около Орла, тревожно и призывно кричитъ. — Зоветъ къ битвѣ. Колѣнопреклоненная толпа тянется къ Орлу. Одинъ цѣлуетъ сапоги Орла и кричитъ: «Скажи мнѣ — продай имѣніе свое и раздай нищимъ, я сдѣлаю, какъ велишь». А юродивый все трубитъ и трубитъ и все тревожнѣе и призывнѣй).

Орелъ. (Простирая руки). Орлы мои, мои орлы! Идите за мною. Васъ будутъ жалить гады, васъ будутъ мучить, у васъ не будетъ крова, а вы идите за мною! Идите за мною, ибо я иду на новую землю, освященную вѣчнымъ солнцемъ! Орлы мои, орлы!..

Толпа. Идемъ, идемъ за тобою, царь нашъ ясный! Идемъ за тобою!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Дѣйствующія лица:

Александръ.
Вѣра.
Марія.
Отецъ Александра—Илья.
Старикъ—Архипъ.
Юродивый—Николенька.
Герасимъ—мужиченка.
Миша и Петя—молодые парни.
Голодный.
Толпа.

Проселочная дорога. Съ лѣвой стороны стѣна лиственнаго лѣса. Прямо—крестьянскія поля, вдали село. Дорога идетъ мимо опушки лѣса къ селу Между дорогою и полемъ — справа отъ дороги — Александръ, Миша и Петя роютъ глубокую канаву. Еще солнце, но уже вечеръетъ. У лѣса, на травѣ сидятъ Вѣра, Пр. Михаилъ, старикъ, отецъ и друг. послѣдователи Орла.

Миша. Говорятъ, учитель пріѣхалъ, нынче будетъ большое собраніе.

Петя. Пріѣхалъ. Я ходилъ на усадьбу за водою. Самъ его видѣлъ.

Миша. Бѣда сколько съѣхалось народу, и всѣ волнуются. Говорятъ, его нарочно сюда вызвали.

Петя. Изъ города много братьевъ наѣхало. У нихъ тамъ тоже, говорятъ, что-то не такъ... (Переходитъ на другую сторону канавы).

Александръ. (Рѣзко). Ты иди, да не обсыпай края! Этакъ вѣдь никогда не кончишь!

Миша. Извини, братъ.

Александръ. (Опомнившись). Меня извини. Ахъ, какой я сталъ!

Миша. Да ничего, братъ. Что тамъ, это пустое.

Александръ. Измотался я. Сколько исходилъ, а мѣста себѣ найти не могъ. До того доходило, люди—за столъ обѣдать, а я не могу сѣсть. Ну, какъ я сяду, когда я за весь день палецъ о палецъ не ударилъ? И вѣдь какъ я искалъ работы! Такъ искалъ, какъ вотъ голодный хлѣба ищетъ. А никто не бралъ. Богатый—потому что я хотѣлъ жизни въ любви и братствѣ, а бѣдный — у него и самому себѣ не хватаетъ работы. Вездѣ я лишній. Измотался я!

Петя. Братъ Елисѣй хорошій. Онъ все раздаетъ. Я думаю, онъ скоро безъ рубахи останется.

Александръ. Пророкъ Елисѣй хорошій. У него ясно, хорошо. Онъ богатый, я знаю, да эта погань отъ него летитъ, какъ вотъ летятъ щепки, когда домъ рубятъ. Главное, чувствуется, домъ-то рубятъ и настоящій, хорошій домъ, да вотъ...

Миша. Что да вотъ?

Александръ. Опять, что-то сосетъ, нѣтъ чего-то, и еще куда-то хочу идти.

Миша. Это отъ усталости. Вотъ отдохнешь и все пройдетъ.

Александръ. Нѣтъ, это не отъ усталости. Я чувствую, уперся въ стѣнку и нѣтъ мнѣ дальше ходу.

Петя. (Таинственно). А ты не говорилъ съ братомъ Андреемъ?

Александръ. Какимъ Андреемъ?

Петя. Да вотъ, что изъ студентовъ-то?

Александръ. А, знаю. Ну, такъ что же?

Петя. Нѣтъ, такъ.

Миша. Мы ходимъ къ нему на собранія. У него соціалисты и вотъ мы молодые. Ты бы зашелъ какъ-нибудь.

Александръ. Не поможетъ. Нужно вѣрить, что любовь творитъ чудеса, что можно побѣдить безъ силы, вотъ этой самой силы (Протягиваетъ руки). А какъ повѣрить?

Пр. Михаилъ. Спаситель, братцы, повѣрьте, все устроитъ. Терпите и трудитесь, и все будетъ.

Архипъ. Да долго ли терпѣть-то? Все терпи да терпи... Теперь до того дошло, что и въ экономіяхъ запретилъ работать, а мы только этою работою и жили. Прямо скажу—ходу нѣтъ. Теперь до того дошло, что ложись и помирай. Одно слово: голодъ.

Отецъ. Да явамъ, очень просто, разскажу, да... то же вотъ случай изъ нашего братства. Повара Василія знаете? Такъ вотъ его снялъ съ работы, въ ресторанѣ работалъ. Изъ города Василій—въ деревню... да... Хотѣлъ, значитъ, тамъ устроиться, ну, а устроиться-то, очень просто, и не смогъ. И вотъ опять, въ городъ. Сталъ это въ городѣ-то работками около братства промышлять, да только какой же это промыселъ на его семью? Ну, значитъ и заголодали. Да... Вотъ тутъ, значитъ, дочка его, Настя, приходитъ значитъ, и говоритъ,—на работу устроилась, очень просто. Обрадовались, значитъ, глядѣть какъ не знаютъ на нее. Да... И вотъ, значитъ, тутъ на дняхъ кто-то и подсказалъ Василію, что Настя-то собой торгуетъ. Ну, значитъ, дочку убилъ и себя зарѣзалъ. Да...

Архипъ. А тутъ терпи да терпи! Какъ тутъ терпѣть-то?!

Пр. Михаилъ. И все ропщутъ, и все ропщутъ. Господи ты Боже мой!

Мальчикъ. (Вбѣгаетъ взволнованный, перепуганный). Братъ Михаилъ, братъ Михаилъ!

Пр. Михаилъ. Что такое?

Мальчикъ. Тамъ народъ! Тебя требуютъ, худо тамъ. Иди скорѣе!

Пр. Михаилъ. Да что худо-то?

Мальчикъ. Худо! Иди, народъ заволновался.

Пр. Михаилъ. Заволновался. Эхъ, братцы, братцы! Трудно съ вами. Ой, трудно! Ну, идемъ. Иду. (Мальчикъ и Пр. Михаилъ торопливо уходятъ).

Миша. Что же это тамъ такое?

Петя. А это никто какъ приказчикъ Федоръ смуту завелъ. Онъ все это время злой такой былъ и все учителя ругалъ и грозился на него. Это никто какъ онъ.

Архипъ. (Ни къ кому не обращаясь). А все отъ того, что связались съ Андреемъ! Всякія внѣшнія дѣла пошли, а настоящее бросили. Теперь только и слышишь разговору—этотъ богатый, этотъ бѣдный, земля, хлѣбъ, хлѣбъ, земля. Да развѣ это наше дѣло? Погибель это, вотъ что! (Возбужденно къ братьямъ). Вѣдь тутъ гибель, братцы. Духъ-то гибнетъ.

Братъ Иванъ. (Еле слышно). А мнѣ бы и землицы. Мнѣ трудно такъ. Ой, какъ трудно!

Миша. (Архипу). Вотъ ты про Андрея... А кто же тогда о внѣшнемъ-то будетъ заботиться, кто опасныя дѣла-то будетъ дѣлать? Надо кому-нибудь.

Архипъ. Богъ!

Миша. Богъ?

Архипъ. Сказано, придетъ пострадать, спасетъ, ну и долженъ спасти. Мы что ли виноваты, что мы калѣки?

Отецъ. И онъ пришелъ. Среди насъ.

Архипъ. Слава Создателю: среди насъ!

Петя. шѣ). Нѣтъ, намъ безъ силы ничего не сдѣлать. Ну, какъ тутъ? Надо себя и ихъ спасать!

Миша. Да ужъ, надо.

(По лѣсу идетъ юродивый и призывно трубитъ. Онъ весь сіяющій, на устахъ блаженная улыбка).

Юродивый. Тру-ту-ту-ту! Тру-ту-ту-ту! Все въ любви, милые. Все вотъ тутъ (указываетъ на грудь), желанные. Все тутъ. Тутъ и земля, тутъ и солнце, тутъ и Богъ, и человѣкъ тутъ. Все тутъ. Тру-ту-ту-ту! Тру-ту-ту! Овечушки, что вы разбрелись по лѣсу темному? Идите въ стадо единое, овечушки! Тру-ту-ту! Овечушки!

(Юродивый исчезаетъ въ лѣсу, слышно: трубитъ уже издали. Изъ лѣсу—оборванный, шатаясь, какъ пьяный, выходитъ Голодный, за нимъ Орелъ, и поодаль—не спуская глазъ съ Орла—Марія).

Орелъ. (Голодному). Подожди, братъ. Тебѣ говорю.

Всѣ. Спаситель! Вотъ онъ!

Голодный. (Оборачиваясь, Орлу). Ты, ты убилъ повара, ты довелъ, и Настю его — ты зарѣзалъ. Ну, такъ убей и меня. Пей и мою кровь, антихристъ!

(Падаетъ на землю, лежа пытается укусить Орла за ногу. Къ Голодному бросается Марія, но Орелъ дѣлаетъ ей знакъ, и она остается неподвижная, со сжатыми руками, молитвенная).

Орелъ. (Опускается передъ нимъ на колѣни, кладетъ руку на голову). Братъ...

Голодный. Ты меня убилъ! (Хватаетъ Орла за руку и кусаетъ).

Орелъ. Вотъ и другая, бери. (Голодный хватаетъ и другую. Орелъ разрываетъ рубаху, открываетъ свои раны). Видишь? Рѣзали, били, желѣзомъ каленымъ пытали. Мѣста живого нѣтъ. А я—все тотъ же. Терзай и ты, я буду все тотъ же.

Окружающіе. Спаситель! (Пытаются оттащить Голоднаго отъ Орла). Братъ, что ты дѣлаешь?! Побойся Бога, что дѣлаешь!

Орелъ. Оставьте!

Голодный. (Рыдаетъ). Ты все тотъ же, а я умираю!

(Перевертывается лицомъ къ землѣ и, не глядя, отталкиваетъ Орла, Орелъ все стоитъ на колѣняхъ. По дорогѣ — отъ села ѣдетъ телѣга, и въ ней брюхомъ къ небу—пьяный мужиченка Герасимъ, напѣваетъ веселое).

Герасимъ. (Пьянымъ голосомъ). А, Божьи люди, здорово, голуби!

Миша. Миръ и любовь, братецъ!

Герасимъ. Братецъ? Ишь ты, чтобъ тебя въ душу, какъ ласково! (Ждетъ отвѣта, но отвѣта нѣтъ). Ты что, это, братишка, дѣлаешь?

Миша. Канаву роемъ.

Герасимъ. Границу, значитъ, кладете, та-акъ. Отдѣлиться отъ насъ захотѣли?

Миша. Это отъ скота. Чтобы наши коровы не травили вашъ хлѣбъ.

Герасимъ. А вы бы лучше по евангельски: чтобы наши коровки на вашу землю, а ваши на нашу. Ни-и чорта вы не понимаете въ евангеліи, вотъ что! Мы въ навозѣ живемъ, чего ужъ. А вы бы и насъ, сообща бы, а вы нѣтъ: кана-ава. Эхъ, вы, шалапуты! Истинно, шалапуты!

Миша. Иди къ намъ, мы рады!

Голодный. (Стонетъ). Братья! У меня земли нѣтъ, хлѣба нѣтъ, а у братьевъ есть. Я умираю, а братья сыты!

Орелъ. (Молча подымается и отходитъ въ сторону).

Герасимъ. (Обрадованный, указывая на Голоднаго). Вотъ, слышите? Ха-ха-ха! Слышите, вотъ гдѣ евангеліе-то!

Александръ. (Возбужденно, подскакиваетъ къ Герасиму). Правъ ты, дѣдушка, сто разъ правъ! Вѣрно! Протеръ глаза!

Герасимъ. Фу, ты, чтобъ тя въ душу, какъ ты меня испугалъ! Ты чего это?

Александръ. Тоже нашелъ! Домъ Божій! (Смѣется). Благо мнѣ хорошо, а другіе—наплевать. Домъ Божій!

Герасимъ. (Машетъ на Александра рукою). А, ну тебя! (Къ Голодному). Помираешь, говоришь?

Голодный. Ослабъ, помираю.

Герасимъ. Ну, и помирай, дорога тебѣ скатертью. Меньше народу—легче жить.

Голодный. Я твой кусокъ съѣлъ?

Герасимъ. Да вотъ земли хочешь, земля у меня, говоришь? А я, братъ, за землю-то тебя въ морду. Я т-те-бя за землю-то, знаешь ты, сукинъ, ты, сынъ? Это вотъ у нихъ—межи долой, а ты перейди мою межу, такъ я т-тебя, даромъ что ты помираешь. (Сердито дергаетъ лошадь, трогаетъ, но сейчасъ же останавливается—и таинственно назадъ). Тутъ, братцы, какіе-то люди, кажись, за вами слѣдятъ. Попаситесь! До увиданья! Простите, ежели чего. (Ложится на телѣгу, запѣваетъ пѣсню, но теперь грустную, и уѣзжаетъ).

Орелъ. (Задумчиво, ни къ кому не обращаясь). Смерть? Что смерть! Неужели смерть страшнѣе скотской жизни? Жалѣть? Что жалѣть?

Если жизнь—такъ только человѣческая, божеская. (Обращаясь къ присутствующимъ) Братья, доколѣ же на землѣ моей вмѣсто человѣка съ образомъ и подобіемъ Божіимъ будетъ тварь? Человѣка надо! Доколѣ же буду ждать тебя, доколѣ буду призывать тебя на мою несчастную землю? Силы мои при концѣ, я изнемогаю. Приди, я зову тебя!

Пр. Михаилъ. (Вбѣгая, Орлу). Насилу нашелъ! Творецъ, въ твоемъ ковчегѣ не все такъ, въ ковчегѣ твоемъ звѣри. Остерегись, Творецъ!

Орелъ. Въ моемъ ковчегѣ—все такъ.

Пр. Михаилъ. Звѣри и скоты въ ковчегѣ твоемъ, Спаситель!

Орелъ. Смерть имъ!

Пр. Михаилъ. (Не понявъ Орла, недоумѣнно). Убить?

Орелъ. Самъ убью!

Пр. Михаилъ. Спаситель?

Орелъ. Словомъ убью! (Тягостное молчаніе). У народа нѣтъ хлѣба. Дай хлѣба!

Пр. Михаилъ. Гдѣ же я возьму?

Орелъ. Собери и дай! Открой мельницы Елисѣя. (Подходитъ къ Александру). Ты мнѣ по душѣ. Ты изъ города?

Александръ. Изъ города, учитель.

Орелъ. Иди въ городъ! Потомъ и я приду. Мы ударимъ въ главное звѣриное гнѣздо: городъ [illegible] и, указывая на Голоднаго). Помоги ему и накорми его. (Къ пр Михаилу). Идемъ, гдѣ народъ?

ходи сейчасъ туда.

Орелъ. Говорю тебѣ: идемъ. Гдѣ народъ?

Юродивый. (Входятъ). Тру-ту-ту! Овечушки, все тутъ (стучитъ въ грудь), все въ любви.

Орелъ. (Юродивому) Николенька. Я и здѣсь (указываетъ на грудь) —и тутъ (указываетъ на міръ).

Юродивый. (Забѣгаетъ впередъ Орла, торжественно выступая, трубитъ и призываетъ). Тру-ту-ту. Овечушки, все тутъ, въ любви Тру-ту-ту.

(Уходятъ всѣ, кромѣ Александра и Вѣры).

Вѣра. (Радостно). Сашенька, домой?

Александръ. У меня нѣтъ дома.

Вѣра. А мама?

Александръ. У меня нѣтъ мамы.

Вѣра. А я?

Александръ. Никого нѣтъ.

Вѣра. (Плачетъ).

Александръ. Думалъ—деревня, а теперь и этого нѣтъ. Не то понимаешь, что канава, не канава, а то, что я думалъ, что могу самъ по себѣ, безъ другихъ придти къ чистотѣ. Анъ отъ міра-то не уйдешь. Самъ-то я втолкался, а о другихъ забылъ.

Вѣра. Саша, куда ни иди, вездѣ будетъ все тоже. Вѣдь у васъ,—у Орла и у тебя, это только мечта одна. Этого никогда не будетъ. А не будетъ — нечего и мучиться. Бросимъ все это, пойдемъ домой.

Александръ. Ушелъ изъ города въ деревню, но и въ деревнѣ тотъ же хлѣбъ. Во всемъ мірѣ мнѣ маленькому нѣтъ мѣста. Ну, такъ создадимъ новый міръ. Онъ посылаетъ въ городъ—и я пойду. Я разрушать пойду. Нѣтъ силы въ любви—будетъ сила въ рукахъ; нѣтъ силы въ народѣ—мы за народъ сдѣлаемъ. Я иду...

Вѣра. А я какъ же?

Александръ. Что ты?

Вѣра. Я не могу идти, за такимъ.

Александръ. Я одинъ.

Вѣра. А меня бросаешь?

Александръ. (Цѣлуетъ ее).

Вѣра. (Рыдаетъ). Пусти, не надо. Мнѣ нехорошо отъ этого.

(Оттуда, гдѣ слышенъ шумъ, выбѣгаетъ Архипъ и отецъ. Оглядываясь бѣгутъ къ сыну).

Архипъ. (Отцу). Ну, ихъ къ ляду! Того и гляди...

Петя. (Александру). Идемъ туда. Будемъ стоять за учителя. Все равно какъ, а только мы его не отдадимъ имъ.

Александръ. (Оживленно). Идемъ. Мы защитимъ его.

(Петя и Александръ уходятъ. Вѣра нѣкоторое время одна. Она не знаетъ, куда и за кѣмъ ей идти. Сначала направляется за стариками, а затѣмъ идетъ за Александромъ).

Вѣра. Онъ бросилъ меня, а я пойду за нимъ. Какъ же я буду одна? Я не могу одна. Саша! Саша!

(Отвѣта нѣтъ).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣйствующія лица:

Александръ.
Марія.
Вѣра.
Иванъ.
Наталья.
Алексѣенко.
Пр. Михаилъ.

Дворъ и задній фасадъ дома Ершовыхъ. Окна и дверь въ кухню, кухонное крыльцо. Слѣва вдоль всей почти стѣны—навѣсъ. Подъ навѣсомъ на террасѣ—всякій хламъ; на веревкахъ, протянутыхъ отъ стойки къ стойкѣ, сушится бѣлье. Противъ зрителей — заборъ. За нимъ видъ города. Справа погребъ отъ погреба остались только стойки да крыша. Доски разобраны и сложены въ углу. Передъ погребомъ куча земли: роютъ яму. Въ ямѣ Алексѣенко съ лопатой. На ступенькахъ крыльца—отецъ.

Отецъ. (Сіяющій). Адамъ жилъ восемьсотъ лѣтъ, м-да,— Енохъ, никакъ, девятьсотъ, а я (безудержно, радостно смѣется), а я буду вѣчно живой. Вотъ те клюква, скажи на милость! Вотъ вѣдь все строилъ вѣчный двигатель, а вотъ теперь самъ вѣчный двигатель (Смѣется; вскакиваетъ и ходитъ вдоль навѣса по двору). Я теперь могу сколько хочешь, хоть до самаго скончанья вѣка— и ничего, очень просто. Адамъ, говоритъ, восемьсотъ, Енохъ девятьсотъ, а вы будете вѣчно, потому, говоритъ, Адамъ согрѣшилъ и умеръ, а вамъ только не грѣшить — и не умрете. Очень просто!

Иванъ. (Выходитъ изъ дому). А, безсмертный!

Отецъ. Истину сказалъ, да...

Иванъ. Ну, а когда же ты сбросишь свои ветхія одежды и облечешься въ ризы нетлѣнныя?

Отецъ. Это ужъ, батюшка, его воля, когда онъ скажетъ. Да.

Иванъ. А скоро?

Отецъ. Скоро, скоро. (Бросается на грудь къ Ивану и отъ радости дрыгаетъ ногой).

Иванъ. (Освобождаясь отъ объятій отца). Да ты совсѣмъ теленокъ.

Отецъ. (Недовольно). Какой теленокъ?

Иванъ. Да вотъ такой же, какой лѣтомъ по полю бѣгаетъ, хвостъ поднявши. М-му, м-му!

Отецъ. Дуракъ ты, одно слово, и больше ничего. Да!

Иванъ. Ну, ну! Не сердись, старина. Я, знаешь, вѣдь тебя люблю. Слушай-ка, пойдемъ выпьемъ.

Отецъ. (Вяло). Я бы... Да нѣтъ, эхъ! Кто грѣшитъ, тотъ вѣчной жизни не наслѣдуетъ. Вотъ Адамъ согрѣшилъ — и умеръ, а былъ созданъ безсмертный. Да...

Иванъ. Ну, а какъ же ты-то?

Отецъ. Что я-то?

Иванъ. Такъ, значитъ, и ты умрешь?

Отецъ. (Недовольно). Это почему же?

Иванъ (Улыбаясь). Да ты то развѣ не грѣшилъ, безгрѣшенъ?

Отецъ. Раньше грѣшилъ, а теперь безгрѣшенъ.

Иванъ. Да ну, что ты!

Отецъ. (Передразнивая Ивана). Да ну, что ты! Вотъ тебѣ и да ну!

Иванъ (Хохочетъ Ей-Богу, лопну. Ты, ей-ей поглупѣлъ, старикъ. Раньше хошь и пьяница, а всетаки умный былъ, а теперь дуракъ-дуракомъ. Ты прости ужъ за откровенность.

Отецъ. Отъ дурака и слышу.

Иванъ. (Смѣется) Ой, не могу. Ну, какъ же ты? Вотъ и согрѣшилъ, обругался.

Отецъ. Да ну тебя къ чорту, на рога, болванъ окаянный! Ну что, радъ? Захотѣлъ отнять? Ну, на, возьми, возьми. Обдирай всего, всего обдирай! На, бей! Чортъ съ тобой, мнѣ не жалко, на.

Иванъ. Ну, прости.

Отецъ. Убирайся къ чорту!

Иванъ. Старикашка, милый!

Отецъ. Убирайся...

Иванъ. Старикаша, вѣдь я это все къ тому, что все это чепуха, ужъ лучше изобрѣтать вѣчный двигатель...

Отецъ. Да вотъ тебѣ вѣчный двигатель (Указываетъ на себя). Вотъ онъ, изобрѣтенъ. Я вотъ теперь могу сколько хошь. (Выпрямляется, а затѣмъ вспоминаетъ, что согрѣшилъ, останавливается и грустно опускаетъ голову). Отнялъ...

Иванъ. Что отнялъ?

Отецъ. Свинья ты и больше ничего. Онъ мнѣ жизнь далъ, и вотъ ты не постѣснялся, ограбилъ. Да, ты пойми, что я больше не могу быть скотомъ—я человѣкъ. Человѣкъ, пойми ты, чортъ тебя побери.

Иванъ. Старикъ!

Отецъ. А ну тебя къ чорту (Отецъ уходитъ въ домъ).

Иванъ. (Одинъ). Хорошій былъ старикъ, а теперь совсѣмъ

какъ полоумный. И всѣ тутъ... Живешь, какъ въ сумасшедшемъ домѣ, взялъ бы да и убѣжалъ куда-нибудь. Помочь? Да какъ помочь-то? Единственное—отправить ихъ всѣхъ въ сумасшедшій домъ. Одинъ Сашка чего стоитъ! Отъ ѣды отказался; это онъ, видите ли, городъ разрушаетъ. Да тутъ скоро самъ сойдешь съ ума! (Изъ дома выходитъ Вѣра). Ну, что?

Вѣра. Да все тоже.

Иванъ. Не ѣстъ?

Вѣра. Нѣтъ. Что же теперь дѣлать-то?

Иванъ. Я жъ вамъ не разъ говорилъ, вы все не слушаете. Ну теперь какъ знаете.

Вѣра. Онъ какъ тѣнь. Я боюсь, чтобъ худого чего не было. Если бы ты зналъ, Ваня, до чего я измучилась. Ваня, ты будто на меня сердишься, а развѣ я виновата? Господи, Господи! Сколько я съ нимъ выстрадала! Какъ ушла къ нему, мать прокляла. За то, что не вѣнчалась, попа не спросилась—любить и рожать дѣтей! А я за Александромъ—и въ деревню, и изъ деревни сюда, все за нимъ. А онъ — себя голодной смертью умариваетъ. Господи, что дѣлать не знаешь, и научить некому, а ты сердишься?

Иванъ. Сержусь на тебя? Сержусь, да только за что? Ужъ больно досадно мнѣ, что ты миришься съ такимъ положеніемъ. Ты—молодая, красивая.

Вѣра. (Удивленно). Съ какимъ?

Иванъ. Да вѣдь ты теперь не жена.

Вѣра. А кто же?

Иванъ. Ну, нянька, сидѣлка, кто хочешь, но только не жена. Вѣра! послушай меня: уйдемъ, Вѣра—вѣдь ты для меня...

Вѣра. (Быстро). Нѣтъ, нѣтъ, не говори, не надо. Я тебѣ скажу все тоже. Надо рабой—и буду ему рабой. Ты лучше научи, что дѣлать, какъ помочь ему? Почему молчишь? (И вдругъ чему то улыбается).

Иванъ. (Мрачно). Я тебѣ говорилъ. Надо пойти къ доктору и попросить, чтобы онъ его въ больницу. Другого ничего нѣту.

Вѣра. (Какъ маленькая). А какъ его оттуда больше не выпустятъ? (Иванъ отъ возбужденія вздрагиваетъ).

Иванъ. Ну, что чепуху-то говоришь. Очень онъ имъ нуженъ.

(Отворачивается отъ нея).

Вѣра. Ваня, сходимъ со мной—я боюсь одна.

Иванъ. Пойдемъ.

Вѣра. Я зайду матушкѣ скажусь.

Иванъ. Ей скажи, а больше никому не говори, а то помѣшаютъ. (Вѣра уходитъ).

Иванъ. Все жилъ изъ за нея. Не она—давно бы ушелъ. Что мнѣ тутъ? На Машу глядѣть не могу, всѣ чужіе, а Вѣра... Не могу больше. Не могу я! Если останусь—силой ее возьму. Не могу!

Вѣра. Сказала. Идемъ.

(Уходятъ. Нѣкоторое время никого нѣтъ. Потомъ Алексѣенко вылѣзаетъ изъ ямы, обчищается отъ грязи, оглядывается не видятъ ли,—и закуриваетъ).

Алексѣенко. Въ грязи живемъ. Такъ облѣпила тѣло, что и душа грязнится. Пора, а то и душа погибнетъ, а вотъ силъ нѣту. Немощный я. (Спускается въ яму. Изъ дома выходятъ пророкъ Михаилъ и отецъ).

Пр. Михаилъ. Ты насчетъ этого не сомнѣвайся. Ну, согрѣшилъ, ну, что-жъ такое. Было и ушло. Теперь ты опять чистый. Вѣдь сейчасъ уже не грѣшишь?

Отецъ. Нѣтъ.

Пр. Михаилъ. Ну, такъ чего же? Значитъ, и наслѣдуешь вѣчную жизнь. Только ужъ ты, пожалуйста, больше-то не грѣши.

Отецъ. Не буду.

Пр. Михаилъ. Ну, вотъ и хорошо. Смерть—это что? Грѣхъ. Согрѣшилъ—умеръ, а я тебя именемъ Спасителя воскресилъ, ну, и живи, не грѣши.

Отецъ. Не буду.

Марія. (Выходя на крыльцо—Отцу). Тебя мама зоветъ.

(Отецъ уходитъ).

Марія. Я, братъ, Михаилъ, что-то ничего не понимаю. Какъ это все произойдетъ? Вотъ хоть бы Сашу взять. Ему приказано городъ разрушить, а онъ отъ ѣды отказался. Вѣдь такъ не городъ, а себя разрушитъ.

Пр. Михаилъ. Ты, сестрица, вѣрь Спасителю и болѣе ничего. Вѣрь, все устроитъ. До погибели не допуститъ. Ежели онъ мертвыхъ воскрешалъ, такъ неужели живымъ дастъ умереть?

Марія. Я вѣрю!

Пр. Михаилъ. Вѣрь, голубушка, вѣрь—въ немъ сила. Все въ немъ!

Марія. А у васъ-то какъ?

Пр. Михаилъ. Что теперь у насъ дѣлается, такъ и уму непостижимо. Послѣ, какъ ты именемъ его на языческую деревню низвела огонь съ неба, Спаситель на звѣриную толпу ангеловъ своихъ напустилъ, а я именемъ его народу далъ хлѣбъ. И теперь прямо валомъ валятъ. Сейчасъ онъ съ утра до ночи учитъ. Проповѣди такія, что и Господи ты, Боже мой!

Марія. Значитъ, къ концу?

Пр. Михаилъ. Къ концу, сестрица! Къ концу. Не сегодня-завтра должно все рѣшиться. Вотъ только у васъ тутъ въ городѣ заминочка выходитъ. Сашенька-то... Того... Намъ теперича нужны злые ангелы, а онъ не смогъ. Хочу къ соціалистамъ потолковать сходить. Мы по духу-то на такія дѣла—насчетъ насилія-то—не можемъ, а имъ можно. Такъ вотъ, чтобъ они взялись. А мы тѣмъ часомъ свое будемъ дѣлать.

Марія. А съ Сашей-то какъ же?

Пр. Михаилъ. А Сашенькѣ ты скажи, что онъ въ заблужденіи. Спаситель мнѣ по всему братству велѣлъ объявить,—Сашенька, молъ, сбился съ пути.

Марія. А что, какъ онъ умретъ?

Пр. Михаилъ. Ты не бойся. Ты вѣрь. Изъ мертвыхъ воскреситъ, ежели надо будетъ. Сестрица, родная, вѣдь самъ Господь съ нами! Намъ ли сомнѣваться?

Марія. Я вѣрю!

Мать. (Въ окно къ Машѣ). Машенька! Ты бы Сашу на солнышко вывела. Давно просится.

Маша. Сейчасъ, сейчасъ, мама.

(Уходитъ. Изъ ямы вылѣзаетъ Алексѣенко, отбрасываетъ землю и опять спускается въ яму. Входятъ: Марія и Александръ).

Александръ. Мама?

Мать. (Въ окно). Что, Сашечка?

Александръ. Спасибо тебѣ, мама!

Мать. За что, сердечный?

Александръ. Что родила меня. Я такъ радъ, мама, что живу, что могу дѣлать то, что дѣлаю. Спасибо тебѣ, что родила. (Изъ окна доносится плачъ). Ты чего, мама?

Мать. Я такъ, Сашенька, такъ. Иди съ Богомъ. Вотъ иди—съ Алексѣенкой посиди, онъ тамъ въ хозяйскомъ погребѣ работаетъ. Все про тебя спрашивалъ.

Марія. Пойдемъ, я тебя провожу.

Александръ. Нѣтъ, не надо! Я самъ. Ты помоги матери.

Марія. Тебѣ братья хлѣба принесли.

Александръ. Мнѣ не надо. Спасибо, мнѣ не надо. Я со своего пути не сверну.

Марія. Саша, но вѣдь и Спаситель ѣстъ!

Александръ. Это его дѣло.

Марія. Онъ велѣлъ объявить по всему братству, чтобы за тобой не шли, что ты съ правильной пути сбился.

Александръ. Это его дѣло, пусть объявляетъ.

Марія. Его дѣло! А вотъ ты не ѣшь и силу потерялъ, съ проповѣдью не выходишь.

Александръ. Мое дѣло дѣлается.

(Александръ медленно, покачиваясь, изъ стороны въ сторону, съ остановками идетъ къ погребу. По дорогѣ къ нему подходятъ два молодыхъ рабочихъ, привѣтствуютъ его и вмѣстѣ съ нимъ идутъ къ погребу).

Марія. Господи, Господи, совсѣмъ не живой! Страшно смотрѣть. Сердце жмется, тоска... Ваня такъ и льнетъ къ Вѣрѣ. Отъ меня совсѣмъ ушелъ. До чего тяжело. Говорю: все будетъ хорошо, а сама боюсь, сердцемъ вся въ тревогѣ. (Молчитъ). А что, если умретъ Саша? Тогда для чего же было и звать, неужели только, чтобы умертвить? Спаситель, ты сохранишь его! Я тебѣ вѣрю! (Уходитъ).

Александръ. (Сидя на краю ямы, на доскахъ). Миръ брату!

Алексѣенко. Сашенька! Здравствуй, голубчикъ мой! Давно хотѣлъ тебя видѣть, да все не могъ оторваться. Я вѣдь все въ слободѣ работалъ, только сегодня пришелъ. Какъ же ты, другъ?

Александръ. Съ Богомъ всегда хорошо!

Алексѣенко. (Встревоженно). Но что ты какой? Ты что боленъ, что ли?

Александръ. Для кого какъ!

Алексѣенко. Нѣтъ, правда?

Александръ. А ты все суетишься? Господскую культуру держишь?

Алексѣенко. На прокормленье! И тебя, другъ, думаю, даромъ-то не кормятъ. Тоже и ты служишь?

Александръ. Нѣтъ.

Алексѣенко. Такъ какъ же ты?

Рабочій. (Съ гордостью). Не ѣстъ!

Алексѣенко. Да ну, врешь?

Рабочій. Какъ передъ Богомъ, не ѣстъ!

Алексѣенко. Саша, правда?

Александръ. Правда!

Алексѣенко. То-то я гляжу, что-то неладное. На лицо-то земля легла!

Александръ. Это не страшно! Страшнѣй вотъ, если земля ляжетъ на душу.

Алексѣенко. Чудно это ты...

Александръ. Чудно? Ты думаешь я съ ума сошелъ? Я вижу, всѣ такъ думаютъ. Никто не понимаетъ. Поняли бы, если бы я вышелъ съ бомбой, убійцей сталъ, и вѣдь чуть было не сталъ. Я шелъ ужъ. Иду, и вижу—покойника несутъ. Меня вотъ сразу и осѣнило: все понялъ, и опять Богъ пришелъ ко мнѣ. И вотъ съ того времени я и сталъ такой. Меня никто не понимаетъ, но придетъ время, поймутъ и меня. Поймутъ, что любовь, чистота выше всего на свѣтѣ. Вы вотъ называете себя духовными, а духу не вѣрите. А я повѣрилъ истинѣ, повѣрилъ въ духъ Божій—и иду путемъ моимъ. А жизни вашей на насиліи и рабствѣ не принимаю. Слышите это! Погибну, а не приму ее. Вотъ что это значитъ!

Рабочіе. Правильно!

Алексѣенко. Какъ же это такъ?

Рабочій. Ну, вотъ ты отсюда куда пойдешь?

Алексѣенко. Нужники чистить звали на Кореневку. Туда пойду.

Рабочій. Ну вотъ, ты пойдешь господскіе нужники чистить, а онъ отъ всякой работы отказался. Вотъ это какъ!

Другой рабочій. Мы вотъ съ братомъ въ день съѣдаемъ по крошечкѣ хлѣбца и по глотку воды выпиваемъ и то ставимъ въ грѣхъ.

Александръ. Мнѣ тебя жалко, я тебѣ хочу помочь.

Алексѣенко. (Встревоженно). Что ты, что ты!

Александръ. Нѣтъ, хочу!

Алексѣенко. Да разъ грѣхъ, такъ не надо! Брось! Мнѣ по привычкѣ въ ямѣ-то, а ты ужъ сиди! (Улыбаясь). Не пророкъ къ народу въ яму, а народъ долженъ къ пророку!

Рабочій. (Александру). Я помогу ему. Ты сиди, братъ!

Александръ. Нѣтъ, я!

Алексѣенко. Ну, ужъ ладно, вотъ лопата, край обчисть, ктобы сюда земля не валилась. Да только ты не очень...

(Александръ беретъ лопату и отбрасываетъ землю. Послѣ нѣсколькихъ взмаховъ лопатою онъ изнемогаетъ и падаетъ. Алексѣенко и рабочіе бросаются къ нему).

Алексѣенко. Саша, Саша!

(Александръ молчитъ. Онъ смертельно блѣденъ, глаза закрыты, лежитъ безъ движенія. Алексѣенко бѣжитъ въ домъ, оттуда прибѣгаетъ съ матерью и Маріей).

Мать. (Трясетъ Александра). Саша, Сашенька! Господи, да что же это такое! Саша, Сашенька! (Брызгаетъ на него водою). Несчастная моя головушка!

Марія. Мама, это онъ такъ, онъ не умретъ, онъ не можетъ умереть.

Мать. Гляди, не двигается!

Марія. Саша!

Александръ. (Очнувшись, тихо). Что?

Мать. Сашенька?

Александръ. Это ты, мама?

Мать. Я, Сашенька. На, выпей маленько.

Александръ. Нѣтъ, не надо. Я не хочу... Я слабъ... да...

Мать. Господи, что это Вѣра-то не идетъ? Хоть скорѣе бы пришла.

Александръ. (Медленно, съ трудомъ поднимается). Мама, спасибо тебѣ, что ты меня родила! Спасибо! А теперь я пойду въ поле, туда пойду. Мнѣ ѣды не надо. Я подышу воздухомъ, травой, а ѣды мнѣ не надо. Я за ѣду не

продамъ души. Я служилъ Спасителю, но отъ души не отказывался... Мама, я не умру. Я буду всегда жить. Я пойду въ поле. Тамъ цвѣты. Я туда, мама. Я тамъ подышу,—на цвѣтахъ вѣдь крови нѣтъ. А тебѣ спасибо! А гдѣ Вѣруша? Мнѣ т-я-ж-е-л-о.

(Падаетъ на земь. Долгую минуту всѣ неподвижны. Одинъ изъ рабочихъ припадаетъ къ Александру и слушаетъ его сердце).

Рабочій. (Увѣренно). Умеръ!

Рабочій 2-й. (Продѣлавъ то же, что и первый). Умеръ.

Мать. Са... Сашенька! (Припадаетъ къ лежащему Александру).

Марія. Саша умеръ! Не можетъ быть. Они врутъ. Ха-ха-ха! Онъ же не можетъ умереть! Вы не троньте его—я пойду къ Спасителю. Спаситель придетъ, онъ все можетъ. Вы не троньте. Я сейчасъ.

(У воротъ двора на улицѣ —Иванъ и Вѣра. Они только что подошли).

Иванъ. (Схватывая руку Вѣры). Ты—моя! Я тебя возьму силой, если не пойдешь ко мнѣ волей. Я не могу безъ тебя.

Вѣра. Пусти! Пусти, говорю. Я никогда къ тебѣ не приду.

Иванъ. Придешь!..

(Марія, какъ вѣтеръ, влетѣвшая на улицу, стоитъ, какъ вкопанная, передъ мужемъ и Вѣрой нѣсколько секундъ. Овладѣвъ собою, Марія тихо, опустивъ долу голову, идетъ къ Орлу, а Вѣра и Иванъ, все еще удерживающій руку Вѣры, недоумѣнно смотрятъ вслѣдъ уходящей).

Вѣра. (Тихо). Вотъ какъ?

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Дѣйствующія лица:

Орелъ.
Марія.
Илья.
Пр. Михаилъ и пр. Елисѣй.
1-й крестьянинъ.
2-й крестьянинъ.
Петя.
Миша.
Старичекъ.
Дѣвушка, дочь старичка.
Купчиха.
Андрей.
Алексѣенко.
Федя.
Толпа.

Слѣва—внутренность хаты. У задней стѣны кровать, на кровати стонетъ больной Орелъ. Въ правой стѣнѣ дверь, и ближе—печь. Около печи возится женщина, топитъ печь соломою. Отъ горячей соломы все въ красномъ, мигающемъ свѣтѣ. Справа отъ хаты крыльцо; на крыльцѣ сидитъ Марія, въ большомъ платкѣ. Вдали на холмикѣ, подъ деревомъ, группа послѣдователей Орла. Еще глубже — садъ. Въ саду предразсвѣтная тишина, гдѣ-то жалобно стонетъ птица.

Марія. (Заглянула въ дверь и опять садится). Душитъ его, стонетъ какъ! Это его смрадъ земной душитъ. Побѣдитъ ли онъ, и что, какъ не побѣдитъ? Господи, что я! Онъ силенъ, Спаситель, онъ все можетъ! Но вѣдь Сашѣ — попустилъ умереть? Зачѣмъ, Господи? Не пойму я, слаба. Такъ мы устали всѣ, такъ изстрадались. Народъ опять голодаетъ. Тогда ночью — чуднымъ образомъ получили хлѣбъ — и ужъ весь вышелъ, и опять голодъ. Если онъ не побѣдитъ теперь, всѣ перемремъ. Господи, вѣдь еще три дня назадъ — какъ онъ говорилъ, какія были слова: жгли, огнемъ. А теперь — недвижимый. Братья приходятъ, ждутъ слова, а слышатъ стонъ. Ахъ, скорѣй бы прошло, скорѣй бы насталъ день, когда вострубитъ труба и мертвые возстанутъ, живые измѣнятся — и будетъ новая жизнь! (Обертывается къ саду. Надъ деревьями — заря, все свѣтлѣе. Изрѣдка протяжно вскрикиваетъ птица). Только бы онъ всталъ, онъ всѣхъ освѣтитъ, какъ солнце — отъ травки до человѣка. Только бы всталъ! (Заглядываетъ въ дверь). Господи боюсь, я: что если...

Отецъ. (Подходитъ отъ дерева къ Маріи). Ну, Машенька, какъ?

Марія. Стонетъ! Боюсь я...

Пр. Михаилъ. Ну, что ты! Грѣхъ такъ, сестрица!

Марія. Господи, безъ него мнѣ — куда же: только въ землю? Господи...

Пр. Михаилъ. Экіе вы, братья! Ничего-то не разумѣете. Тутъ все по писанію идетъ. Теперь вотъ у него крестныя муки, Голгофа. Сейчасъ на него вся погань, весь тлѣнъ навалился. Сгоритъ онъ — борьба кончится, и жизнь новая настанетъ. Онъ измѣнится — и мы измѣнимся. Премудрость съ тѣ-

ломъ соединится, все будетъ, все! Вѣрьте въ него, въ немъ все, онъ спасетъ—и насъ, и себя.

(Слѣва на сцену входятъ толстая хорошо одѣтая дама — купчиха, Андрей, старичекъ-крестьянинъ и его дочь).

Старичекъ. (Купчихѣ). Тутъ, сестра, Спаситель-то, тутъ онъ, батюшка!

Купчиха. (Къ хижинѣ). Господи, не отверзи меня, несчастную грѣшницу, допусти! Дай хоть взглянуть на тебя!

Андрей. Какъ странно: она ему молится, какъ Богу!

Старичекъ. Вы погодите здѣсь, а я пойду навѣдаюсь, не всталъ ли?

Купчиха. И я съ тобой, братикъ, пойду. Хоть взгляну.

(Идутъ къ хижинѣ. Купчиха молитвенно прижимаетъ руки къ груди, шепчетъ. Снимаетъ перчатки—и опять надѣваетъ, руки дрожатъ).

Старичекъ. (Маріи). Ну, какъ, сестрица?

Марія. Лежитъ. Стонетъ.

Отецъ. Въ крестныхъ мукахъ! За грѣхи наши!

Пр. Михаилъ Да это не онъ стонетъ: грѣхи наши стонутъ. Ему то стонать?

Купчиха (на колѣняхъ) Господи, какъ разбойника на крестѣ, помяни меня, грѣшную! Господи!

Старичекъ. Господи-батюшка, видно, послѣдніе часы настали!

Отецъ. Нынче третій день. Нынче должно все рѣшиться.

Марія. Все хорошо будетъ, онъ все можетъ!

Купчиха. (Молча припадаетъ губами къ ступенькѣ лѣстницы и, пошептавъ что-то со старикомъ, отходитъ). Господи!

(Пока старики говорятъ съ Маріей, Андрей говоритъ съ дѣвушкой).

Андрей. Лиля!

Лиля. Что?

Андрей. О чемъ ты задумалась сейчасъ?

Лиля. Да нѣтъ, я такъ!

Андрей. Лиля, ты когда нибудь думаешь обо мнѣ?

Лиля. Не знаю, можетъ быть. А зачѣмъ вамъ это?

Андрей. Ну, какъ бы это... ну... Я хочу, чтобы ты обо мнѣ хоть иногда думала, потому что... Ну, потому что я думаю о тебѣ. Я, вѣдь, рѣшилъ остаться здѣсь. Бросилъ институтъ,

бросилъ городъ. Я здѣсь на землѣ буду работать. Я хочу чистой жизни, и еще хочу...

Лиля. Вы обо мнѣ думаете?

Андрей Да.

Лиля. (Тихо) Что?

Андрей. Что я тебя люб...

Лиля. Ахъ! (Вскрикиваетъ очень громко, испуганно зажимаетъ себѣ ротъ рукой, оглядывается). Отецъ идетъ. Идемте въ садъ. Тамъ будемъ..

(Уходятъ).

Марія (Отцу). Вонъ Андрей, ты бы пошелъ узналъ, что у насъ дома. (Отецъ уходитъ. Марія заглядываетъ въ дверь, третъ рукой лицо, будто что-то хочетъ стереть, сходитъ внизъ со ступенекъ, ходитъ около крыльца, опять всходитъ на ступеньку—опять спускается).

(Слѣва входятъ два крестьянина).

1-й крестьянинъ. Да что это онъ медлитъ-то, чего ждетъ-то? Довольно говорить-то, пора бы и дѣлать!

2-й крестьянинъ. Говорятъ, нынче все рѣшится. Послѣдніе часы живемъ.

1-й крестьянинъ. Да ну?

2-й крестьянинъ. Право слово! Вотъ какъ подумаешь, такъ морозъ по спинѣ. Самъ подумай: на твоихъ глазахъ—свѣтопреставленье. Ужъ какъ-бы-нибудь онъ это потише, а то больно боязно.

(1-й крестьянинъ манитъ пр. Михаила. Пророкъ подходитъ къ крестьянамъ).

Пр. Михаилъ. Ну, что?

1-й крестьянинъ. Да вотъ насчетъ этого самаго. Когда, значитъ, будетъ?

Пр. Михаилъ. Кто въ духѣ, для того жизнь пришла, братцы. Не сумлѣвайтесь, пришла!

1-й крестьянинъ. Значитъ, можно положиться?

Пр. Михаилъ. Ну, на кого же положиться, какъ не на него! Вѣрьте, братцы, все будетъ. Послѣдніе часы!

2-й крестьянинъ. (Толкаетъ 1-го). Слышь?

Пр. Михаилъ. А какъ въ братствѣ?

1-й крестьянинъ. А во какъ: ежели еще нѣсколько дней, то всѣмъ погибель! Прямо ѣсть нечего!

Пр. Михаилъ. Ничего. Вѣрьте, братцы, все будетъ. Все ебудется! (Отходитъ къ крыльцу).

1-й крестьянинъ. Дай-то, Господи. Намаялись мы. И ѣсть-то нечего, и по тюрьмамъ, и по сумашедшимъ домамъ, и отъ своихъ же односельцевъ... Ну, прямо скажу, свѣту Божьяго не видали.

2-й крестьянинъ. Эти дни, говорю, страсть каку борьбу велъ. Не иначе — порѣшилъ кончить. Все, говоря, кричалъ: «Будя, все разрушу, до основанія разрушу!» Не иначе—порѣшилъ кончить.

1-й крестьянинъ. Тутъ еще наши. Пойду скажу.

(2-й крестьянинъ идетъ къ дереву, а 1-й—влѣво).

Отецъ. (Подходя къ Маріи). Спрашивалъ про нашихъ. Говорятъ, Ваня ушелъ, взялъ мать нашу и ушелъ.

Марія. (Встревоженно). Куда?

Отецъ. А кто его знаетъ.

Марія. (Волнуясь). А Вѣра?

Отецъ. Никакъ къ матери ушла. Да... А толкомъ не знаю.

Марія. Саша умеръ. Спаситель ему умереть. Ваня ушелъ, мама ушла, Вѣра ушла. Весь домъ распался. Никого нѣтъ, некуда пойти! Господи, дай силы, укрѣпи меня.

Отецъ. (Грустно). Вотъ и безсмертный, а неладно. Раньше-то, кажись, легче было.

(Входитъ пророкъ Елисѣй. Онъ измѣнился, очень бѣдно одѣтъ).

Пр. Елисѣй. Слава Богу: голый. Ничего нѣтъ. Въ жизнь новую иду, какимъ мать родила. (Обращаясь къ хижинѣ, гдѣ лежитъ Орелъ). И все—ты! Ты научилъ любить, ты открылъ жизнь!

(Проходитъ къ дереву. Юродивый—сосредоточенно, молчаливо, идетъ къ хижинѣ и у крыльца калачикомъ ложится на землю. За нимъ тихо—Миша, Петя и ихъ сверстники).

Миша. Учитель совсѣмъ плохъ. Если съ нимъ что случится, то я ужъ и не знаю, что и будетъ.

Петя. Трудно будетъ.

Миша. А я замѣтилъ: онъ и самъ не вѣритъ, что можетъ умереть.

Петя. И я замѣчалъ. А ты знаешь, почему онъ можетъ умереть? Потому что міръ не воспринялъ его. Вотъ почему.

Федя. А мнѣ отецъ душу земли отказалъ, а я не взялъ. Я міру ее отдалъ.

Миша. Почему?

Федя. А несправедливо такъ. Надо, чтобы или у всѣхъ было, или ни у кого.

Петя. Это по-Божьи.

Федя. А какъ сдѣлалъ, такъ и міръ будто другой сталъ-ясный такой.

Миша. А мнѣ въ солдаты скоро, я отъ ружья откажусь, у меня ружье есть, такъ я...

(Проходятъ къ дереву).

Марія. Господи, что же онъ?

(Заглядываетъ въ дверь. Въ этотъ моментъ Орелъ протяжно, какъ птица кричитъ; и, точно кѣмъ-то сброшенный, летитъ съ кровати на полъ и бьется на полу. Лицо синее. Глаза вотъ-вотъ выскочатъ. Пытается вздохнуть и не можетъ. Марія стоитъ въ дверяхъ въ нѣмомъ ужасѣ. Отецъ, заглянувъ въ дверь, въ страхѣ бормочетъ что-то несвязное, а женщина у печки обмерла отъ страха. Пр. Михаилъ пораженъ не менѣе другихъ).

Орелъ. Душитъ меня смрадъ. Земля навалилась на меня, душитъ. Откройте всѣ окошки, двери, задо... задохнусь! Сила моя, гдѣ ты? Какъ рѣка льется изъ меня сила, весь изошелъ, изнемогъ. Зачѣмъ давишь меня, истерзанная земля, зачѣмъ возстала противъ меня? Окошки... откройте же, говорю, все откройте. Неужели же во всемъ мірѣ нѣтъ воздуха, хоть бы разъ вздохнуть! Все возстало противъ меня, все противъ... (Удалось вздохнуть, вскакиваетъ). Возстали? Я готовъ! Меня убить? Мнѣ смерть? Заройте въ преисподнюю, я буду тамъ вопіять, и Орлы придутъ, услышатъ. Я саму смерть претворю въ жизнь... Примириться со смертью? (Кричитъ) Нѣтъ, смерти нѣтъ! Слышите, смерти нѣтъ! Охъ, откройте все! (падаетъ на полъ и бьется).

(Отъ дерева доносится пѣніе псалма. Съ 1-мъ крестьяниномъ подходитъ толпа сельчанъ и останавливается у крыльца, прислушиваясь къ доносящимся до нихъ словамъ).

1-й крестьянинъ. (По пути къ хижинѣ). Сейчасъ, вотъ, говорю, сію минуточку все рѣшится.

Изъ толпы. Братцы, запѣвай псаломъ хвалебный. Славь Господа! (Кто-то затягиваетъ).

1-й крестьянинъ. Не сейчасъ, не надо. Вы, тише! Гляньте-ка, у крыльца-то суетятся. Ужъ не началось ли?

Изъ толпы. Ну, вотъ, видишь, чуть бы и опоздали!

1-й крестьянинъ. Пойдемъ, братцы.

(Замѣтивъ смятеніе у крыльца, отъ дерева народъ бѣжитъ къ хатѣ. Иные заглядываютъ въ дверь и, заглянувъ, тотчасъ же отскакиваютъ. Толпѣ передается ужасъ заглянувшихъ въ дверь. Пр. Михаилъ изъ окна манитъ учениковъ Орла въ хату и вмѣстѣ съ ними выноситъ Орла на крыльцо).

Пр. Михаилъ. (Къ толпѣ). Молитесь, братья и сестры, молитесь, чтобы Господь послалъ побѣду вождю нашему!

Толпа. (Падаетъ на колѣни со стономъ и мольбою). Господи! (Задніе поютъ).

Орелъ. (Съ громаднымъ усиліемъ вздохнувъ). Премудрость святая, ты слышишь стоны народа моего. Не отнимай меня отъ нихъ, дай мнѣ завершить велѣнія твои, дай облегчить страданія истерзаннаго народа твоего. Вѣдь, земля затонула въ слезахъ и крови. Не бери, оставь меня съ ними, съ народомъ моимъ.

Пр. Михаилъ. (Возбужденно). Молитесь, братья и сестры!

Толпа. Господи! (Всѣ молятся и поютъ псаломъ).

Орелъ. (Рыдаетъ). Силы нѣту! (Подымается). Вздохнуть еще разъ — одинъ... Ухожу! Орлы... лучше не жить, чѣмъ такъ. Человѣка! Вздохнуть! Человѣка надо!

(Орелъ летитъ съ лѣстницы на землю и лежитъ ничкомъ, неподвижный. Толпа замерла).

Алексѣенко. (Робко шагаетъ изъ глубины сцены).

Толпа. Кончено!

Алексѣенко. (Радостно издали). Кончено? Ну, вотъ, потрудились и достигли. А я понимать—все понимаю, а хоть бы что сдѣлалъ. Какъ у нужника сидѣлъ, такъ и сижу! Слабъ я! (Жалобно, какъ нищій). Братцы, а мнѣ-то, мнѣ-то какъ же? Нѣтъ-ли какого мѣстечка, братцы?

Отецъ. (Держитъ холодѣющую руку Орла). Умеръ! Обманъ и тутъ!

(Кое-кто изъ толпы нагибается надъ Орломъ, чтобы взглянуть въ лицо, но сейчасъ же со страхомъ отскакиваютъ).

Марія. (Стоитъ на крыльцѣ, бѣлая, съ закрытыми главами, покачивается).

Отецъ. Значитъ, все обманъ... Жизни нѣтъ. (Рыдаетъ).

Марія. Онъ умеръ.

Въ толпѣ. Пропали! (Глухой плачъ).

Алексѣенко. (Пораженный). Плачутъ! А?

Марія. Нѣтъ, онъ живъ. (Подбѣгаетъ къ покойнику, заглядываетъ въ его лицо и съ ужасомъ отшатывается. Видитъ Пророка Михаила и бѣжитъ къ нему стремглавъ). Гдѣ же онъ? Гдѣ? Вѣдь, есть же онъ, онъ не можетъ умереть! Скажите мнѣ, гдѣ онъ? Я пойду къ нему и скажу, что вся земля ждетъ его. Гдѣ онъ?

Пр. Михаилъ. (Про себя). А я здѣсь, а я живъ! Я подыму знамя его и понесу!

Молодежь. Все еще только начинается.
Юродивый. Уже началось!
Елисѣй и Федя. Уже началось!
(Всѣ вмѣстѣ).

Юродивый. Чу! Соловей поетъ! Господи, ты, Боже мой, овесъ жнутъ, а соловей поетъ! (Къ пр. Елисѣю). Ты слышишь?

Пр. Елисѣй. Нѣтъ.

Юродивый. (Къ Федѣ). А ты слышишь?

Федя. Нѣтъ.

Юродивый. Чу! Это вотъ тутъ (указываетъ на грудь). Это вотъ тутъ. (Указываетъ на землю). Это жизнь, это онъ. Вселился въ тѣло, въ землю. (Бросается къ покойнику, цѣлуетъ его лицо, его одежду, его ступни). Я ступни твои цѣлую, они ступали по землѣ моей, я руки твои цѣлую, они касались меня, я глаза твои цѣлую, они глядѣли на меня... (Плачетъ).

Въ толпѣ. Онъ умеръ! Антихристъ! Обманулъ! Кончился!

Отецъ. (Лежитъ на землѣ, рветъ на себѣ волосы, бьетъ ногами о землю и что-то кричитъ. Наконецъ встаетъ, открываетъ грудь и говоритъ). Пустой! Совсѣмъ пустой!

(Тихій плачъ толпы).

Юродивый. (Вдругъ вскакиваетъ, что-то вспомнивъ, трубитъ и говоритъ проникновенно). Овечушки, все тутъ (Указывая на грудь). Все въ любви!

Занавѣсъ.

Крестьяне въ программахъ русскихъ соціалистовъ послѣ 19 февраля.

Н. С. Русанова.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Цѣль этого очерка — показать, какую роль играло крестьянство въ идеалахъ русской соціалистической интеллигенціи, шедшей въ первыхъ рядахъ арміи прогресса. Дѣло будетъ, значитъ, идти не о практической работѣ этой интеллигенціи среди крестьянъ, а о тѣхъ взглядахъ на крестьянство, которые лежали въ основаніи упомянутой дѣятельности.

Мы не будемъ касаться причинъ экономическаго и соціально-политическаго характера, которыя вызвали освобожденіе крестьянъ. Но намъ придется остановиться на той сторонѣ дѣла, которая выражалась въ литературной и программной дѣятельности, подготовлявшей и осмысливавшей эту крайне важную реформу. Самую главную роль въ пропагандѣ ея играло, несомнѣнно, то направленіе русской общественной мысли, которое мы можемъ назвать соціально-народническимъ и которое выражалось во взглядахъ двухъ родственныхъ но не сливавшихся между собой отрядовъ этой идейной арміи: взглядахъ Герцена, въ эту пору уже очень идеализировавшаго русскую общину и видѣвшаго въ ней даже средство обновить весь старый хозяйственный укладъ культурной Европы; и взглядахъ Чернышевскаго, который, скептично относясь къ универсальному значенію нашей формы владѣнія, тѣмъ не менѣе понималъ всю практическую важность ея для Россіи и потому требовалъ освобожденія крестьянъ съ доста-

точнымъ количествомъ земли безъ выкупа или при самомъ умѣренномъ выкупѣ и съ сохраненіемъ общины.

Однако, какъ ни велико можетъ быть давленіе убѣжденій и общественнаго энтузіазма въ извѣстные узловые моменты исторіи на общее теченіе дѣлъ, тѣмъ не менѣе реальная почва экономическихъ и соціальныхъ интересовъ оказываетъ очень сильное противодѣйствіе вліянію этихъ факторовъ и обыкновенно позволяетъ осуществиться соціальнымъ идеаламъ лучшей части общества лишь съ большими урѣзками и компромиссами. Мы знаемъ, съ какимъ глубокимъ чувствомъ разочарованія было встрѣчено искренними друзьями народа «Положеніе», носившее на себѣ слѣды самаго несомнѣннаго вмѣшательства въ реформу сословныхъ помѣщичьихъ интересовъ, которые въ концѣ-концовъ лишь слабо нейтрализовались реформаторскимъ пыломъ либеральной бюрократіи. И если крестьянство, движенія котораго такъ боялись офиціальные реформаторы, въ общемъ не проявило сильнаго революціоннаго настроенія (хотя въ 4—5 губерніяхъ дѣло и не обошлось безъ крупныхъ бунтовъ), *) то наоборотъ, передовая интеллигенція, считавшая себя выразительницею интересовъ трудящихся массъ деревни, съ самаго же начала крайне отрицательно отнеслась къ реформѣ, которая была искажена эгоистическими требованіями привиллегированныхъ классовъ и страхами центральной власти.

Каково бы, напр., ни было мнѣніе о принадлежности Чернышевскому «Воззванія къ барскимъ крестьянамъ», написаннаго зимою 61 года (я считаю его вышедшимъ если не цѣликомъ изъ-подъ пера Чернышевскаго, то во всякомъ случаѣ инспирированнымъ имъ), но эта прокламація, особенно въ своей первой части, представляла мастерски приспособленную къ народному пониманію критику совершившейся реформы. Страстныя и скорбныя ноты проникаютъ этотъ памфлетъ, разсчитанный на движеніе въ недовольномъ крестьянствѣ. Приведу лишь нѣсколько мѣстъ изъ этого воззванія, чтобы показать, какъ съ самаго начала 60-хъ годовъ мысль русской интеллигенціи горячо обращается къ нестроеніямъ крестьянской жизни и ищетъ исхода изъ тяжелаго положенія, созданнаго наполовину недоконченной реформой.

*) Всего за два года (1861—1862) офиціальные источники, правда, насчитывали 1172 случая крестьянскихъ безпорядковъ, охватившихъ 2607 селеній, причемъ въ большинствѣ случаевъ усмиреніе производилось военной силой, которая пускала въ ходъ пули и шпицрутены. Но серьезныя по числу участниковъ волненія были только въ Казанской, Пензенской, Тамбовской, Симбирской и Саратовской губерніяхъ.

«Много тутъ разсказывать нечего. На два года останется все попрежнему,—и барщина останется, и помѣщику власть надъ нами останется, какъ была. А гдѣ барщины не было, а былъ оброкъ, тамъ оброкъ останется, либо какой прежде былъ, либо еще больше прежняго станетъ... Нескоро же воли вы дождетесь; малые мальчики до бородъ али до сѣдыхъ волосъ дожить успѣютъ, покуда воля-то придетъ по тѣмъ порядкамъ, какіе царь и помѣщики заводятъ. Ну, а покуда она придетъ, что съ вашей землей будетъ? А вотъ что съ мею будетъ. Когда отмежевывать станутъ, обрѣзывать ее велѣно противъ того, что у васъ прежде было; въ иныхъ селахъ четвертую долю отберутъ изъ прежняго, въ иныхъ—третью, а въ иныхъ—и цѣлую половину, а то и больше, какъ придется гдѣ... Гдѣ было тягло по двѣ десятины въ полѣ, оставятъ меньше одной десятины. И за одну десятину либо меньше мужикъ справляетъ барщину почти что такую же, какъ прежде за двѣ десятины, либо оброкъ плати почти что такой же, какъ прежде за двѣ десятины. Ну, а какъ мужику обойтись съ половиной земли? Значитъ, долженъ будетъ придти къ барину просить; дай, дескать, землицы побольше—больно мало мнѣ подъ хлѣбъ по царскому указу оставили. А помѣщикъ скажетъ: мнѣ за нее прибавочную барщину справляй... Да и заломитъ съ мужика, сколько хочетъ... Да на одну ли пашню надбавка будетъ? Нѣтъ, ты барину за луга подавай,—вѣдь сѣнокосъ-то, почитай, весь отнимутъ у мужика по указу. И за лѣсъ баринъ съ мужика возьметъ,—вѣдь лѣсъ-то, почитай, во всѣхъ селахъ отнимутъ; сказано въ указѣ, что лѣсъ—барское добро, а мужикъ и валежнику подобрать не смѣй, коли барину за то не заплатилъ. Гдѣ въ рѣчкѣ или въ озерѣ рыбу ловили, и за то баринъ станетъ брать. Да за все, чего ты ни коснись, за все станетъ съ мужика баринъ либо къ барщинѣ, либо къ оброку надбавки требовать. Все до послѣдней нитки будетъ баринъ брать съ мужика. Просто сказать, всѣхъ въ нищіе поворотятъ помѣщики по указу.

А мужику куда итти, когда у него хозяйство пропало. Въ Москву, что ли, или въ Питеръ, или на фабрики? Тамъ уже все полно: больше народу не требуется,—помѣстить некуда... А мужику въ деревнѣ, безъ хозяйства да безъ земли—что дѣлать, куда дѣваться, кромѣ какъ въ батраки наняться. Ну, и нанимайся. Сладко ли оно батракомъ-то жить? Нонѣ, сами знаете, не больно вкусно, а тогда и гораздо похуже будетъ, чѣмъ нонѣ живутъ батраки. А почему будетъ хуже—явно дѣло. Какъ всѣхъ-то погонятъ съ земли-то, такъ вездѣ будетъ сотни да тысячи народу шататься да просить помѣщиковъ, чтобы въ батраки ихъ взяли. Значитъ, ужъ помѣщичья воля будетъ, какое имъ житье опредѣлить,—они торговаться не могутъ, какъ нонѣ батракъ съ хозяиномъ торгуется: они куску хлѣба рады будутъ, а то у самаго-то въ животѣ-то пусто, да семья-то—пріюта не имѣетъ *).

Но рядомъ съ этой критикой реформы со стороны «земли», есть и критика ея со стороны «воли»:

Волю, слышь, дали вамъ. Да развѣ такая и въ правду-то воля бываетъ. Хотите знать, такъ вотъ какая... Міромъ все у нихъ (у другихъ народовъ, Н. Р.) правится. У насъ исправникъ, либо становой, либо какой писарь,—а у нихъ этого нѣтъ, а вмѣсто всего староста, который безъ міру ничего подѣлать не можетъ и во всемъ долженъ міру отвѣтъ давать..

Въ концѣ прокламаціи указывается мужикамъ и практическій выходъ: держаться пока тихо, «булги» не подымать попусту, сговариваться промежъ себя и промежъ солдатъ, которые—тоже мужики, пока «промежъ васъ единодушіе будетъ».

А въ ту пору и назначеніе выйдетъ, что пора, дескать, всѣмъ дружно начинать. Мы уже увидимъ, когда пора будетъ, и объявленіе сдѣлаемъ. Тогда и легко будетъ волю добыть. А до той поры готовься къ дѣлу, а самъ виду

*) См. перепечатку воззванія въ книгѣ: Мих. Лемке, «Политическіе процессы М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго», СПБ., 1907 г., стр. 337, 339 и 340.

не показывай, что къ дѣлу подготовленіе у тебя идетъ.... Значитъ, окромѣ васъ, крестьянъ да солдатъ, никому и знать объ этомъ не слѣдуетъ (тамъ же, стр. 345 и 346).

Приблизительно въ это же время, или нѣсколько раньше, а именно въ сентябрѣ 1861 г., вышла прокламація «Къ молодому поколѣнію», авторъ которой, извѣстный поэтъ и публицистъ, М. Л. Михайловъ, поплатился за нее каторгой, гдѣ и умеръ. Въ центрѣ этого воззванія фигурируетъ опять-таки крестьянство. Съ точки зрѣнія его интересовъ и его идеаловъ и разсматривается современное положеніе вещей: «Не народъ существуетъ для правительства, а правительство—для народа *). Но, борясь за интересы крестьянства, авторъ воззванія разсчитываетъ прежде всего на «молодое поколѣніе».

Мы обращаемся къ вамъ по преимуществу потому, что только въ васъ видимъ людей, способныхъ пожертвовать личными интересами благу всей страны. Мы обращаемся къ вамъ потому, что считаемъ васъ людьми болѣе всего способными спасти Россію. Вы — настоящая ея сила, вы—вожаки народа, вы должны объяснить народу и войску все зло, сдѣланное намъ властью» (стр. 5).

И авторъ гордо выставляетъ идеалистическое profession de foi: «Не идеи за выгодами, а выгоды—за идеями».

Но сейчасъ же указываетъ и на реальныя основы міровоззрѣнія, во имя которыхъ онъ приглашаетъ молодое поколѣніе на самоотверженную дѣятельность.

И здѣсь-то развивается та точка зрѣнія соціальнаго народничества, тѣ взгляды на крестьянство, которые въ своемъ энтузіазмѣ носятъ на себѣ слѣды болѣе Герцена, чѣмъ Чернышевскаго:

Въ нашей жизни лежатъ начала, вовсе неизвѣстныя европейцамъ. Нѣмцы увѣряютъ, что мы придемъ къ тому же, къ чему пришла Европа. Это ложь. Мы можемъ точно прійти, если надѣнемъ на себя петлю европейскихъ учрежденій и ея экономическихъ порядковъ; но мы можемъ прійти и къ другому, если развовьемъ тѣ начала, какія живутъ въ народѣ... Припомните, какъ легко Рошеръ рѣшилъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ... Отчего же нашъ народъ недоволенъ царскою милостью, недоволенъ тѣмъ, отъ чего нѣмцы пришли бы въ восторгъ? А недоволенъ народъ потому, что онъ не можетъ представить себя безъ земельной собственности, онъ не можетъ представить себя внѣ земледѣльческой общины. Ему нужно равенство правъ и владѣнія; онъ не вѣритъ и не хочетъ вѣрить въ законность такого порядка, по которому у 30 милліоновъ крестьянъ есть своя земельная собственность, а у остальныхъ 23 милліоновъ земля чужая, принадлежащая какой-нибудь сотнѣ тысячъ владѣльцевъ. Вотъ отчего у насъ нѣтъ страха предъ будущимъ, какъ у Западной Европы; вотъ отчего мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи; мы даже желаемъ ея (стр. 7—8).

И авторъ, самъ внукъ дворового человѣка, засѣченнаго бариномъ за служеніе міру, дѣлитъ все населеніе Россіи на двѣ

*) «Матеріалы для исторіи революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ». 2-е приложеніе къ сборникамъ «Государственныя преступленія въ Россіи», издающимся подъ редакціей Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго); 1905 г., стр. 3.

партіи: кучку людей, принадлежащихъ къ правительственно-дворянской организаціи, и все остальное громадное населеніе Россіи, въ которой онъ видитъ «лучшую рабочую силу страны». Слѣдуетъ поразительная по близости къ знаменитой сэнъ-симоновской «Параболѣ» и, очевидно, вдохновленная ею гипотеза о томъ, что случится съ Россіей, если, съ одной стороны, перемрутъ всѣ высшіе классы, но останется живъ народъ, и если—съ другой—останутся существовать привиллегированныя сословія, но исчезнутъ трудящіеся элементы страны.

Въ заключеніе Михайловъ развертываетъ во весь фронтъ свои требованія новаго и лучшаго строя, во имя которыхъ онъ зоветъ молодое поколѣніе вмѣшаться въ ходъ исторіи, направивъ все, что живо, если возможно, на мирный путь преобразованія; а если это не удастся, то рекомендуя «звать революцію на помощь къ народу». Эти требованія таковы:

Мы хотимъ послѣдовательнаго развитія началъ народнаго управленія. Наша сельская община есть основная ячейка, собраніе такихъ ячеекъ есть Русь... Мы хотимъ равенства всѣхъ передъ закономъ, равенства всѣхъ въ государственныхъ тягостяхъ, податяхъ и повинностяхъ. Мы хотимъ, чтобы правительство давало народу отчетъ въ собранныхъ съ него деньгахъ. Мы хотимъ открытаго словеснаго суда, уничтоженія царской полиціи—явной и тайной, уничтоженія тѣлеснаго наказанія. Мы хотимъ, чтобы земля принадлежала не лицу, а странѣ; чтобы у каждой общины былъ свой надѣлъ, чтобы личныхъ землевладѣльцевъ не существовало, чтобы землю нельзя было продать, какъ продаютъ картофель и капусту; чтобы каждый гражданинъ, кто бы онъ ни былъ, могъ сдѣлаться членомъ земледѣльческой общины... Мы хотимъ сохраненія общиннаго владѣнія землею съ передѣлами черезъ большіе сроки... Мы хотимъ уничтоженія переходнаго состоянія освобожденныхъ крестьянъ; мы хотимъ, чтобы выкупъ всей личной земельной собственности состоялся немедленно. Если операцію эту не въ состояніи взять на себя правительство, пусть возьмутъ ее всѣ сословія страны... (стр. 11).

Но гдѣ же найти силу, необходимую для такого серьезнаго измѣненія въ общественно-политической жизни? Авторъ отвѣчаетъ:

Надежду Россіи составляетъ народная партія изъ молодого поколѣнія всѣхъ сословій; затѣмъ всѣ угнетенные, всѣ, кому тяжело нести крестную ношу русскаго произвола—чиновники, эти несчастные фабричные канцелярій, обреченные на самое жалкое существованіе и зависящіе вполнѣ отъ личнаго произвола своихъ штатскихъ генераловъ; войско, находящееся совершенно въ такомъ же положеніи, и 23 милліона освобожденнаго народа, которому 19 февраля 1861 г. открыта широкая дорога къ европейскому пролетаріату (стр. 14).

Умѣреннѣе по тону и по взгляду на движущія силы переворота листки «Великорусса», которые выходили приблизительно въ то же самое время и на которые успѣлъ еще отвѣтить въ «Колоколѣ» самъ Михайловъ. Авторы листковъ обращаются къ «обществу», къ «образованнымъ классамъ», увѣщевая ихъ составить адресъ государю императору, съ просьбой о существенныхъ экономическихъ и политическихъ преобразованіяхъ, а въ противномъ случаѣ угрожая этимъ культурнымъ элемен-

тамъ неизбѣжностью народнаго движенія. Если, дѣйствительно образованные классы не успѣютъ создать такую сильную, хотя и мирную оппозицію въ странѣ, которая вынудила бы правительство пойти на коренныя реформы, то Россіи, по мнѣнію «Великорусса», предстоитъ фатально кровавая народная революція. И ее «отвратить патріоты не будутъ въ силахъ и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы она направилась благотворнымъ для націи образомъ». Любопытно, однако, что эти люди, апеллирующіе прежде всего къ культурнымъ элементамъ страны и желающіе прежде всего мирнаго выхода изъ сложнаго положенія, ставятъ во главу угла всетаки рѣшеніе крестьянскаго вопроса, и при томъ рѣшеніе очень радикальное.

Итакъ, для мирнаго водворенія законности необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ т.-е. государство должно отдать имъ, по крайней мѣрѣ, всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей и повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи (стр. 27).

Отвѣтомъ на эти листки и явилась напечатанная анонимно въ «Колоколѣ» статья Михайлова, который, наоборотъ, утверждаетъ, что «надо обращаться не къ «обществу», а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала; что «жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно»... «Въ обществѣ,—аргументируетъ авторъ,—лишь незначительное меньшинство «по чувствамъ принадлежитъ къ народу, но на дѣлѣ не имѣетъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастье». Добрыя желанія меньшинства безполезны при его безсиліи, а народу не достаетъ духа начинанія, «иниціативы». И, однако, въ самомъ ближайшемъ будущемъ «меньшинство» должно найти выходъ изъ этого тупика. Путь одинъ: сближеніе съ народомъ.

Но... какъ соединиться съ народомъ людямъ, не имѣющимъ прочной связи даже промежъ себя? Отвѣтъ въ самомъ вопросѣ. Всѣ эти личности... должны дружно сплотиться въ одинъ союзъ... Достигнувъ этого, уже не трудно будетъ сойтись съ народомъ. Въ союзѣ непремѣнно найдутся люди, близкіе ему, можетъ быть, люди изъ его среды. Одного энергическаго человѣка, знающаго народъ и имѣющаго его довѣріе, достаточно, чтобы связать съ нимъ сплоченное меньшинство. Для образованія союза нѣтъ другого пути, какъ составленіе тайныхъ центровъ, обществъ, братствъ... Наша опора—тѣ несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его... Пусть конституціи добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ т е п е р ь. Пусть они идутъ своей дорогой, мы—своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собранія и свободу печати. Мы не знаемъ, вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она цѣль и послѣднее слово. Наша цѣль — полное освобожденіе

крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей (стр. 38).

Наконецъ, самымъ крайнимъ и, если можно такъ выразиться, наиболѣе романтическимъ выраженіемъ оппозиціоннаго настроенія, вызваннаго въ интеллигенціи половинчатымъ освобожденіемъ крестьянъ, является прокламація «Молодой Россіи». вышедшая изъ кружка совсѣмъ юныхъ московскихъ студентовъ, Аргиропуло и Зайчневскаго.

У Герцена хватило политическаго такта и чутья отвѣтить на эту программу юношей, считавшихъ возможнымъ возлагать для великой общественной революціи «главную надежду на молодежь», какъ и должно было отвѣчать, безъ ужаса и безъ скрежета зубовъ. Каковы бы ни были взгляды людей, стремившихся къ новому строю, на необходимость самыхъ крайнихъ революціонныхъ мѣръ, во всякомъ случаѣ Герценъ имѣлъ право отмѣтить черезчуръ абстрактную, висящую въ воздухѣ сущность программы:

Въ помощь нашему дѣлу нужна мысль Запада и нуженъ его опытъ. Но намъ столько же не нужна его революціонная декламація, какъ французамъ была не нужна римско-спартанская риторика, которой они говорили въ концѣ прошлаго вѣка. Говорить чужими образами, звать чужимъ кличемъ — это непониманіе ни дѣла ни народа, это неуваженіе ни къ нему, ни къ народу. Ну, есть ли тѣнь вѣроятія, чтобы русскій народъ возсталъ во имя соціализма Бланки, оглашая воздухъ кликомъ изъ четырехъ словъ, въ числѣ которыхъ три длинныхъ для него непонятны? *).

И Герценъ предвидитъ возможность печальной перспективы, когда народъ, вслѣдствіе историческаго разрыва, отдѣлившаго его отъ интеллигенціи, поднимаетъ руку на своихъ истинныхъ друзей: «Темной ночью, въ которой его воспитали, онъ готовъ, какъ великанъ въ сказкѣ, перебить своихъ дѣтей, потому что на нихъ чужое платье. Не за себя наши мученики несутъ тяжкую кару народной ненависти, а за другихъ» (Ibid., стр. 339).

Но замѣчательно, что не только Герценъ, ставшій къ тому времени эволюціонистомъ, но и революціонеръ Бакунинъ, недавно передъ тѣмъ явившійся изъ Сибири на арену шумной политической дѣятельности, рѣзко и почти въ томъ же духѣ отозвался относительно «Молодой Россіи». Въ своей любопытной брошюрѣ «Народное слово», носящей подзаглавіе «Романовъ, Пугачевъ или Пестель?» и представляющей собою попытку привлечь на сторону революціи центральную власть, требуя, чтобы царь сталъ земскимъ, народнымъ и революціоннымъ. Бакунинъ горячо обличаетъ якобинизмъ нашихъ молодыхъ бланкистовъ:

*) «Колоколъ», № 139, отъ 15 іюля 1862 г. Цитирую по перепечаткѣ въ сборникѣ (вышедшемъ подъ редакціей и съ небольшимъ предисловіемъ г. Л. Тихомирова): «Колоколъ». Избранныя статьи А. И. Герцена, 1887, стр. 338.

Прокламація «Молодая Россія» доказываетъ, что въ нѣкоторыхъ молодыхъ людяхъ существуетъ еще страшное самообольщеніе и совершенное непониманіе нашего критическаго положенія. Они кричатъ и рѣшаютъ, какъ будто за ними стоялъ цѣлый народъ. А народъ-то еще и по ту сторону пропасти, и не только васъ слушать не хочетъ, но даже готовъ избить васъ по первому мановенію царя... Редакторовъ «Молодой Россіи» я упрекаю въ двухъ серьезныхъ преступленіяхъ. Во-первыхъ, въ безумномъ и въ истинно доктринерскомъ пренебреженіи къ народу; а, во-вторыхъ, въ нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія, для успѣха котораго они между тѣмъ готовы жертвовать своею жизнью *).

Ниже мы подробно коснемся взглядовъ Бакунина и бакунистовъ на русскій народъ, т.-е. въ сущности на русское крестьянство. Но уже и теперь мы можемъ отмѣтить тотъ фактъ, что для этого вѣчнаго революціонера основной силой всякаго переворота являлся народъ, какъ совокупность трудящихся, народъ, который если и не обладаетъ нашимъ образованіемъ, такъ зато инстинктивно идетъ въ сторону лучшаго будущаго подъ давленіемъ существенныхъ потребностей.

Со всею своею наукою мы безконечно бѣднѣе народа. Народъ нашъ, пожалуй, грубъ, безграмотенъ, я не говорю—неразвитъ, потому что у него было свое историческое развитіе, покрѣпче и посущественнѣе нашего: онъ никакихъ книгъ, кромѣ немногихъ своихъ, еще не читаетъ. Но зато въ немъ есть жизнь, есть сила, есть будущность;—онъ есть... А насъ собственно нѣтъ; наша жизнь пуста и безцѣльна. У насъ нѣтъ ни дѣла, ни поля для дѣла. И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ. Итакъ, народъ можетъ и безъ насъ обойтись, мы безъ него не можемъ. (Ibid., стр. 226).

Любопытно, что то историческое требованіе, тотъ кличъ раствориться въ народѣ, который станетъ лозунгомъ всей русской интеллигенціи въ 70-хъ годахъ, провозглашается еще здѣсь, еще въ началѣ 60-хъ годовъ, Бакунинымъ съ свойственной ему рѣшительностью мысли и идейнымъ энтузіазмомъ:

Нашъ долгъ теперь крѣпко сомкнуться и единодушно готовиться къ дѣлу. Поклясться другъ другу не отставать отъ народа, идти съ нимъ, покуда силъ станетъ... Сойтись съ народомъ, слиться съ нимъ во едину душу и во едино тѣло—задача трудная, но для насъ неизбѣжная и неотвратимая... Любите народъ, онъ васъ полюбитъ, живите съ нимъ, и онъ пойдетъ за вами, и вы будете сильны его силою... Мы, друзья, выдержимъ до конца и безбоязненно твердымъ шагомъ пойдемъ къ народу, а тамъ, когда съ нимъ сойдемся, помчимся вмѣстѣ съ нимъ, куда вынесетъ буря (стр. 234—235).

Если позволительно приписывать психологическій смыслъ самой грамматикѣ, то, можетъ-быть, не мѣшаетъ обратить вниманіе читателей на ту форму, какую Бакунинъ придаетъ великому историческому кличу, говоря здѣсь пока «идти къ народу», между тѣмъ какъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ этотъ кличъ приметъ уже свой популярный, столь всѣмъ извѣстный видъ «идти въ народъ». Тамъ, несмотря на страстное желаніе слиться съ массой трудящихся, еще шли къ народу, какъ къ чему-то внѣ стоящему. Здѣсь пойдутъ въ народъ,

*) См. М. А. Бакунинъ, «Полное собраніе сочиненій», подъ редакціей А. И. Бакунина, Спб., безъ даты (вѣроятно, въ 1906 г.), т. I, стр. 227.

т.-е. постараются раствориться, исчезнуть въ его могучей инстинктивной силѣ для того, чтобы внести въ него сознаніе и опредѣленность задачъ.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Послѣ возбужденія, овладѣвшаго умами на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ, волна энтузіазма идетъ на убыль. Реакція поднимаетъ голову. Польское возстаніе только ускоряетъ тотъ рѣшительный походъ центральной власти и привиллегированныхъ сословій противъ передовой интеллигенціи, который обозначается почти съ самаго же начала 60-хъ годовъ. Въ 1863 г. общество «Земля и Воля» еще протестуетъ въ своихъ листкахъ противъ «мнимаго разрѣшенія крестьянскаго вопроса, лишенія народа его собственности—земли и избіенія крестьянъ» *). Но скоро оно сходитъ со сцены. Исчезаетъ въ снѣгахъ Сибири и величайшій соціалистическій защитникъ общины, Н. Г. Чернышевскій. Крайніе элементы теряютъ то значеніе, какое они пріобрѣли было въ обществѣ, благодаря своей рѣшительности и самопожертвованію. Будничная жизнь съ ея грубо-реальными требованіями стягивала внизъ, на почву дѣйствительности и борьбы интересовъ тѣхъ прогрессистовъ изъ высшихъ сословій, которые въ кульминаціонный моментъ движенія были увлечены общею тягою въ сторону прогресса. Выразители истинныхъ интересовъ народа, т.-е. фактически въ то время крестьянства, поплатились за свой великій порывъ ссылкою, тюрьмою, смертью. И однако, жизнь неудержимо шла впередъ. Лишенная своихъ вожаковъ, обезглавленная умственно, радикальная оппозиція продолжала служить народу, насколько могла и умѣла. Правда, въ это смутное неопредѣленное время въ ея рядахъ замѣшалось много элементовъ, своею незрѣлостью мѣшавшихъ ясности ея міровоззрѣнія и портившихъ опредѣленность ея задачъ. И все же страстная любовь къ народу текла неизсякаемымъ, хотя и сильно сузившимся ручьемъ среди тѣхъ кучъ мусора и кровавой грязи, которую фатальность русской исторіи нагромождала на пути прогресса.

Такъ, если блестящая пропаганда Писарева являлась въ извѣстномъ родѣ индивидуалистической реакціей противъ широко-общественной точки зрѣнія Добролюбова и Чернышевскаго, воплощавшихъ лучшія стремленія соціалистической молодежи, то все же наряду съ этимъ одностороннимъ радикализмомъ продолжали жить и дѣйствовать люди, не выпускавшіе изъ рукъ тѣхъ нитей преемственности, которыя связывали ихъ съ

*) См. «Свободу» № 1 въ уже цитированныхъ нами «Матеріалахъ» Б. Базилевскаго, стр. 89.

партіей «Современника». Въ противоположность ошибочному представленію о лицахъ, получившихъ названіе «каракозовцевъ», какъ о безумныхъ политическихъ фантазерахъ, люди этого кружка на самомъ дѣлѣ оставались вѣрны той соціально-народнической политикѣ, которая пропагандировалась руководителями «Современника».

Возьмите хотя бы докладъ слѣдственной Муравьевской комиссіи, старавшейся раскрыть всѣ «корни» дѣла и поэтому дѣлавшей во многихъ случаяхъ изъ мухи слона. Этотъ докладъ въ самомъ правописаніи своемъ носитъ слѣды того, что его авторы смотрѣли на соціальные вопросы подъ невѣжественнымъ угломъ зрѣнія Управы благочинія. «Соціялистическое ученіе», «соціялизмъ», «ассоціяція»,—косноязычествуетъ докладъ, стремящійся вывести актъ Каракозова изъ самой программы организаціи. Но вотъ что этотъ официальный документъ принужденъ отмѣчать, говоря о средствахъ осуществленія зловредныхъ ученій общества: «Пропаганду между сельскимъ населеніемъ съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа»; «возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей»; «устройство разныхъ школъ, артелей и мастерскихъ... дабы посредствомъ ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему зловредныя ученія соціялизма»; «распространеніе въ народѣ соціялистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей» и т. д. *).

Съ другой стороны, одинъ изъ тогдашнихъ очень талантливыхъ дѣятелей прогресса, И. А. Худяковъ, принадлежавшій къ кружку Ишутина, откуда вышелъ и Каракозовъ, такъ характеризуетъ своихъ товарищей: «Ишутинскій кружокъ, съ которымъ я познакомился еще лѣтомъ 1865 г., былъ однимъ изъ замѣчательныхъ явленій того времени. Идея добра соединила довольно тѣсно значительную кучку талантливыхъ юношей, которые рано или поздно стали бы зерномъ обширнаго заговора. Эти люди большею частью отказались отъ всѣхъ радостей жизни и посвятили себя дѣлу народнаго освобожденія. Ермоловъ пожертвовалъ съ этою цѣлью всѣмъ своимъ состояніемъ... Самъ Ишутинъ обладалъ большимъ краснорѣчіемъ, когда дѣло касалось разговора съ народомъ. Я уже не говорю о такой высокой и безупречной личности, которая бы сдѣлала честь всякому поколѣнію, какою былъ Д. А. Юрасовъ» **).

*) Вл. Бурцевъ, «За сто лѣтъ»; 1897 г., ч. I, стр. 86.

**) «Иванъ Александровичъ Худяковъ. Опытъ автобіографіи», Женева, 1882 г., стр. 104—105.

Въ какой степени соціальное народничество успѣвало отстоять себя отъ напора другихъ теченій, видно уже изъ того, что въ самый разгаръ вліянія Писарева отъ него начинали отмежевываться люди, которымъ суждено будетъ вскорѣ играть выдающуюся роль въ литературной выработкѣ этого міровоззрѣнія. Я говорю о Н. К. Михайловскомъ, который былъ знакомъ съ кружками передовой молодежи, въ томъ числѣ съ Ножинымъ, высоко талантливымъ молодымъ натуралистомъ, успѣвшимъ дать толчекъ мысли Михайловскаго въ смыслѣ критики тогдашнихъ модныхъ теорій буржуазнаго дарвинизма и даже послѣ своей смерти (наканунѣ Каракозовскаго выстрѣла) не дававшимъ спать членамъ слѣдственной комиссіи. Да, строго говоря, врядъ ли и самъ Писаревъ былъ исключительно проповѣдникомъ буржуазнаго индивидуализма и буржуазнаго свободомыслія. Во всякомъ случаѣ, такимъ крайнимъ индивидуалистомъ, ставившимъ во главу угла свое ощущеніе, свое личное чувство, клеймившимъ понятіе долга названіемъ предразсудка. Писаревъ былъ въ самую раннюю пору своей дѣятельности, когда, по его же собственнымъ словамъ, онъ очень мало былъ знакомъ съ серьезнымъ научнымъ движеніемъ. Конечно, въ этой первой стадіи своего развитія Писаревъ съ большимъ паѳосомъ ставилъ на пьедесталъ, какъ героя, достойнаго всяческаго подражанія, того самаго Базарова, относительно котораго онъ восторженно говорилъ, что «ничто, кромѣ личнаго вкуса, не мѣшаетъ» людямъ, подобнымъ ему, «убивать и грабить, и ничто, кромѣ личнаго вкуса, не побуждаетъ людей подобнаго закала дѣлать открытія въ области наукъ», того самаго Базарова, который заявлялъ: «Я возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... Да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ, ну, а дальше?».

Но во второй половинѣ дѣятельности Писарева, которая характеризуется меньшей проповѣдью индивидуализма и большей проповѣдью общественности и начинается приблизительно съ середины 60-хъ годовъ, у литературнаго апологета «нигилистовъ» уже встрѣчаются многозначительныя фразы. Напр.:

Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы.

Или:

конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ; внѣ этого вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, о чемъ бы стоило заботиться, размышлять и хлопотать.

У Писарева встрѣчается даже ироническая критика современнаго буржуазнаго строя, когда онъ говоритъ о

великомъ и просвѣщенномъ вѣкѣ, въ которомъ средневѣковые костры и плахи смѣнились пенсильванскими общеполезными учрежденіями для производства умалишенныхъ и въ которомъ феодальныя права уступили мѣсто мануфактурному пауперизму.

Но несомнѣнно, что Писаревъ отнюдь не былъ выразителемъ соціальнаго народничества. Такъ, стремясь къ рѣшенію упомянутаго великаго вопроса о голодныхъ и раздѣтыхъ, онъ разсчитывалъ совершить это коренное преобразованіе не при помощи живыхъ силъ, замѣчающихся въ народѣ, а при помощи распространенія знаній, и притомъ исключительно среди интеллигенціи, среди «мыслящихъ реалистовъ». Напр.: «мысль и только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни». Или: «въ человѣчествѣ есть только одно зло — невѣжество; противъ этого зла есть только одно лекарство — наука». И наконецъ: «Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ»,—при помощи которыхъ, молъ, интеллигенція страны впитываетъ въ себя надлежащія знанія и преобразуетъ народную жизнь. Эта вѣра въ могущество распространенія знаній и ихъ дальнѣйшей популяризаціи доходила, какъ извѣстно, у Писарева до энтузіазма, который можно было бы назвать смѣшнымъ, если бы онъ не былъ столь искреннимъ. У кого теперь не вызоветъ улыбки его отзывъ объ «Иллюстрированной жизни животныхъ» Брэма «Эту великую, именно великую книгу переводятъ на русскій языкъ... Но горе переводчикамъ, если они хоть сколько-нибудь обезцвѣтятъ разсказъ Брэма. Это будетъ одно изъ тѣхъ литературныхъ преступленій, которыхъ не должно прощать общество... Такая книга есть историческое событіе въ полномъ и буквальномъ смыслѣ слова». И всетаки мы должны были внести нѣкоторыя поправки въ традиціонное представленіе о физіономіи Писарева, какъ буржуа-индивидуалиста, именно потому, что на примѣрѣ этого крупнаго человѣка хотѣли показать, въ какой степени гигантскій силуэтъ мужика отбрасывалъ свою сумрачную тѣнь на всѣ явленія общественной и умственной жизни въ Россіи и заставлялъ говорить о народѣ или подразумѣвать его въ самыхъ, казалось бы, отвлеченныхъ отъ непосредственной жизни построеніяхъ *).

Что касается до Михайловскаго, то изъ X тома его «Сочи-

*) Ср. Ивановъ-Разумникъ. «Исторія русской общественной мысли»; Спб., 1914 г., изд. 4-е, т. II, стр. 56—91;—и примѣчанія Л. Э. Шишко къ книгѣ А. Туна, «Исторія революціоннаго движенія въ Россіи»; Спб., безъ даты (1906), стр. 77—82.

неній» и моего къ нему введенія читатель можетъ видѣть, что будущій руководитель «Отечественныхъ Записокъ» уже въ своихъ раннихъ рецензіяхъ «Книжнаго Вѣстника» критически относится къ дѣятельности Писарева, а въ качествѣ уже почти сформировавшагося соціальнаго народника (въ своей рецензіи объ Оуэнѣ) рѣзко нападаетъ на мысль утопическаго соціалиста обращаться къ филантропамъ изъ имущихъ классовъ и къ современному правительству за разрѣшеніемъ великаго вопроса труда: «Парламентъ въ Англіи вовсе никогда не имѣлъ цѣлью сдѣлать счастливыми какъ управляемыхъ, такъ и правящихъ», и не забывайте, наконецъ, что никогда такого рода правительство не будетъ себя считать счастливымъ, когда ему придется вдругъ печись о народѣ столько же, сколько и о себѣ самомъ *).

Съ другой стороны, эта точка зрѣнія, въ которой, несомнѣнно, должно видѣть одинъ изъ элементовъ революціоннаго народническаго міросозерцанія, рѣзко противополагалась писаревскому прославленію естественныхъ наукъ и ихъ общественнаго значенія въ знаменитыхъ «Историческихъ письмахъ» Лаврова, которыя печатались въ «Недѣлѣ» въ 1868—1869 гг. и, изданныя въ 1870 г. отдѣльной книжкой, стали евангеліемъ передовой интеллигенціи. Въ нихъ уже была ярко, со всѣмъ паѳосомъ апостола, несущаго новое благовѣстіе міру, развита мысль о тяжелой цѣнѣ прогресса, въ которую обошлось развитіе человѣчества, и о лежащемъ отсюда неоплатномъ долгѣ на интеллигенціи по отношенію къ народу. Напримѣръ: «Каждое удобство жизни, которымъ я пользуюсь, каждая мысль, которую я имѣлъ досугъ пріобрѣсти или выработать, куплена кровью, страданіями или трудомъ милліоновъ... Я сниму съ себя отвѣтственность за кровавую цѣну своего развитія, если употреблю это самое развитіе на то, чтобы уменьшить зло въ настоящемъ и будущемъ» **). Эти именно слова будутъ горѣть яркими буквами на щитѣ тѣхъ борцовъ за лучшее будущее человѣчества, которые двинутся въ началѣ 70-хъ годовъ въ народъ по всему широкому лицу земли русской...

II.

Но въ воздухѣ все болѣе и болѣе зрѣютъ элементы перехода къ настоящей народнической точкѣ зрѣнія, вдвигавшей

*) «Полное собраніе сочиненій Н. К. Михайловскаго», Спб., 1913, т. X, изд. второе, стр. VII и стр. 662.

**) «Историческія письма», Женева, 1891 г., 2-е изд., стр. 77.

народъ въ формулу дѣятельности не только какъ объектъ, но и какъ самостоятельный субъектъ переворота. Мы вскорѣ увидимъ, какъ, несмотря на борьбу двухъ теченій внутри революціонной общественной мысли начала 70-хъ годовъ, лавристскаго и бакунистскаго, будетъ вырабатываться въ интеллигенціи именно эта идея о поставленіи во главу угла народа, который, въ концѣ-концовъ, только и можетъ осуществить надлежащимъ образомъ идеалы соціализма. Главная роль въ выработкѣ этого міровоззрѣнія будетъ принадлежать Бакунину. Бакунинъ, какъ мы уже знаемъ, давно считалъ необходимымъ перенести центръ тяжести сознательной дѣятельности интеллигенціи въ народъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ въ народѣ не только пушечное мясо переворота, не только глину въ рукахъ интеллигентнаго горшечника, а и главнаго фактора коренного общественнаго измѣненія и носителя широкихъ идеаловъ труда. Но, вѣруя въ значеніе народныхъ воззрѣній, съ крайней симпатіей указывая на коллективные и федералистическіе инстинкты народа, Бакунинъ отмѣчалъ отсутствіе въ народѣ активности и преобладаніе въ немъ патріархальныхъ предразсудковъ, мѣшающихъ ему окончательно вышелушить изъ оболочки традицій начала новаго соціальнаго строя. Этимъ нетерпѣливымъ желаніемъ видѣть въ народѣ не только строителя города будущаго, но и воина, разрушающаго современное государство и современную капиталистическую эксплуатацію, и объясняется то любопытное qui pro quo, какое обнаружилось въ рѣзкомъ выпадѣ Бакунина противъ Герценовскаго «Колокола», черезчуръ идеализировавшаго, какъ казалось страстному революціонеру, заправскаго русскаго мужика.

Еще въ концѣ 50-хъ годовъ Герценъ указывалъ, какъ на спасительный «маякъ», ведущій насъ по пути рѣшенія соціальнаго вопроса, на «свѣтъ», который «мерцалъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика», и въ этомъ «паріи въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленномъ, безграмотномъ», видѣлъ учителя всей Европы при рѣшеніи главнѣйшей задачи современности. Десять лѣтъ спустя, незадолго до своей смерти, Герценъ въ своемъ, — уже французскомъ, — «Колоколѣ» не уставалъ развертывать оптимистическую картину сельской общины, гдѣ быстро растетъ свободная личность крестьянина, переносящаго свои идеалы «въ губернское земство, судъ присяжныхъ» и т. п. *).

И вотъ противъ этой-то идеализаціи мужика и русской

*) См. мою статью «Западный соціализмъ и русскій соціализмъ Герцена»; «Русское Богатство», 1909 г., августъ, стр. 70 и 72.

общины Герценомъ и Огаревымъ и возсталъ Бакунинъ еще въ письмѣ изъ Искіи отъ 19 іюля 1866 г.:

Вы все готовы простить государству... лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ: великорусскую общину, отъ которой м и с т и ч е с к и, — не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, — да, съ мистическою вѣрою и теоретической страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра... Почему не развовьете вы въ своемъ «Колоколѣ» этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго и гнуснаго рабства?—безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести... Гнусная гнилость и совершенное безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальныхъ обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра... его систематическая, злорадостная, жестокая притѣснительность въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую самостоятельность, и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки—вотъ во всецѣлости ея настоящаго характера великорусская крестьянская община *).

И однако, страстно нарисованная картина этой злополучной общины, «мирно и покорно живущей подъ сѣнью всероссійскаго государства», не мѣшала Бакунину все болѣе и болѣе выдвигать то народническое міровоззрѣніе, которое опредѣлитъ послѣдующую работу въ народѣ наиболѣе смѣлыхъ и энергичныхъ дѣятелей революціонной интеллигенціи. Переходомъ отъ этой отрицательной оцѣнки общины къ положительной являлось для Бакунина соображеніе о другой сторонѣ сельскаго міра: «Есть, правда, другая сторона: бунтовская, Стеньки-Разиновская, Пугачевская, раскольничья—единственная сторона, отъ которой должно, по моему мнѣнію, ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа. Ну, да эта сторона ужъ не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революціонная, революціонная даже тогда, когда она пробуждается съ призывомъ царскаго имени» (стр. 177).

Какъ бы то ни было, съ конца 60-хъ годовъ Бакунинъ уже считаетъ возможнымъ перенести часть своей неустанной пропаганды въ Европѣ на почвѣ анархическаго интернаціонализма въ ряды русской интеллигенціи, распространяя свои идеи среди наиболѣе смѣлаго и послѣдовательнаго отряда ея, а именно учащейся молодежи. Именно здѣсь, именно въ этой сферѣ велико было вліяніе Бакунина на выработку того революціоннаго народничества, которое красной нитью будетъ тянуться черезъ всѣ 70-ые годы, вдохновляя молодежь на подвигъ борьбы и самопожертвованія. Въ программѣ «Народнаго Дѣла», которое стало выходить въ 1868 г., Бакунинъ восклицаетъ еще скорѣе

*) Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву, 1896 г., стр. 175—177, passim).

въ духѣ западно-европейскаго Интернаціонала: «Земля принадлежитъ только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками—земледѣльческимъ общинамъ, капиталы и всѣ орудія работы работникамъ—рабочимъ ассоціаціямъ». О примѣненіи же этой общей точки зрѣнія къ Россіи говорилось лишь по вопросу федерированія «снизу вверхъ... всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ Имперіею, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли» *). Но уже въ 1869 г. Бакунинъ обратился къ русской учащейся молодежи съ знаменитымъ лозунгомъ «въ народъ»:

Итакъ, молодые друзья, бросайте скорѣе этотъ міръ, обреченный на гибель, эти университеты, академіи и школы, изъ которыхъ васъ гонятъ теперь и въ которыхъ стремились всегда разъединить васъ съ народомъ. Ступайте въ народъ! Тамъ ваше поприще, ваша жизнь, ваша наука... Грамотная молодежь должна быть не учителемъ, не благодѣтелемъ и не диктаторомъ-указателемъ для народа, а только повивальною бабкою самоосвобожденія народнаго, сплотителемъ народныхъ силъ и усилій **).

Отнынѣ вся дѣятельность Бакунина среди русской молодежи будетъ направлена на то, чтобы выработать въ ней идеи анархическаго соціализма и бунтарскаго чувства и двинуть ее въ народъ. Въ своей, вызвавшей сильное возбужденіе умовъ молодежи, брошюрѣ «Наука и насущное революціонное дѣло» (1870 г.) Бакунинъ рѣзко выдвигаетъ свое соціально-экономическое credo.

Въ основаніи всѣхъ историческихъ вопросовъ, національныхъ, религіозныхъ и политическихъ, лежалъ всегда, не только для чернорабочаго народа, но и для всѣхъ сословій, и даже для государства и церкви, самый важный, самый существенный—вопросъ экономическій... Чернорабочій народъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, былъ безсиленъ, потому что былъ въ нищетѣ, и оставался онъ нищимъ потому, что у него не было организованной силы... Всякій народъ, взятый въ своей совокупности, и всякій чернорабочій человѣкъ изъ народа—соціалистъ по своему положенію ***).

Въ своемъ Приложеніи къ «Государственности и анархіи», ставшей символомъ вѣры бакунистовъ въ Россіи, старый революціонеръ уже становился на спеціальную точку зрѣнія русскихъ отношеній. Такъ же, какъ и его великій противникъ Марксъ, Бакунинъ исходитъ изъ жизни, изъ насущныхъ народныхъ стремленій, которыя лишь послѣ осознаются интеллигенціей и могутъ, въ свою очередь, въ видѣ ясныхъ соціалистическихъ идеаловъ сыграть громадную роль въ дѣлѣ пробужденія трудящихся массъ: «Идеалъ выдвигается изъ самой

---

*) Вл. Бурцевъ, «За сто лѣтъ», ч. I, стр. 88—89.

**) Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи, 1869 г., цитировано у Г. А. Куклина, «Итоги революціоннаго движенія въ Россіи за 40 лѣтъ», 1903 г., добавленія, стр. 213.

***) Цитировано у Лаврова «Народники и пропагандисты» въ «Матеріалахъ для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія», 1896 г., №№ 6—7, стр. 144.

глубины народной жизни, есть непремѣннымъ образомъ результатъ народныхъ историческихъ испытаній, его стремленій, страданій, протестовъ, борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ есть какъ бы образное и общепонятное, всегда простое выраженіе его настоящихъ требованій и надеждъ. Понятно, что если народъ не выработаетъ самъ изъ себя этого идеала, то никто не будетъ въ состояніи ему его дать» *).

Но, по мнѣнію Бакунина, въ русскомъ народѣ, который онъ довольно знаменательно называетъ «многомилліоннымъ чернорабочимъ пролетаріатомъ», въ этомъ народѣ именно есть такой идеалъ, на который можетъ опереться русская активная молодежь. Три существенныя черты характеризуютъ,—говоритъ онъ,— общественный идеалъ русскаго народа: «Первая и главная черта, это всенародное убѣжденіе, что земля, вся земля, принадлежитъ народу, орошающему ее своимъ потомъ и оплодотворяющему ее собственноручнымъ трудомъ. Вторая столь же крупная черта—что право на пользованіе ею принадлежитъ не лицу, а цѣлой общинѣ, міру, раздѣляющему ее временно между лицами. Третья черта, одинаковой важности съ двумя предыдущими, это quasi-абсолютная автономія, общинное самоуправленіе, и, вслѣдствіе того, рѣшительное враждебное отношеніе общины къ государству» (Ibid., стр. 250—251).

Эту оптимистическую картину народнаго сознанія,—картину, въ которую Бакунинъ прибавилъ, несомнѣнно, нѣсколько розовыхъ штриховъ со времени своей знаменитой отповѣди Герцену,—портятъ, по мнѣнію страстнаго революціонера, три «затемняющія» черты: патріархальность, поглощеніе лица міромъ, и вѣра въ царскую центральную власть. Но и для этого есть средство, по мнѣнію Бакунина. Суть дѣла въ томъ, что какъ близко идеалъ крестьянской общины ни подходитъ къ идеалу, выработанному западнымъ соціализмомъ, каждая такая община живетъ совершенно замкнутою жизнью, не вступаетъ въ близкую связь съ другими общинами и потому лишена возможности дѣятельно проводить свои идеалы въ жизнь. Вотъ роль «революціонной молодежи» и должна заключаться въ томъ, чтобы установить «всѣми возможными средствами и во что бы то ни стало живую бунтовскую связь между разъединенными общинами» (стр. 257). Развивая эту мысль, Бакунинъ задается вопросомъ: «Въ такомъ положеніи, что можетъ дѣлать нашъ умственный пролетаріатъ, русская честная, искренняя, до конца преданная соціально-революціонная молодежь? Она должна идти въ народъ, несомнѣнно, потому, что нынѣ

*) «Полн. собр. соч.», т. II, стр. 248.

вездѣ, по преимуществу же въ Россіи, внѣ народа, внѣ многомилліонныхъ чернорабочихъ массъ, нѣтъ болѣе ни жизни, ни дѣла, ни будущности» (стр. 258). Конечно, старый интернаціоналистъ считаетъ нужнымъ установить живую связь и между фабричными работниками и крестьянствомъ. Но—и въ этомъ заключалась характеристичная особенность міровоззрѣнія той эпохи—иниціаторомъ движенія въ его представленіи являлось крестьянство: «Надо убѣдить, прежде всего, этихъ передовыхъ людей изъ крестьянства, а черезъ нихъ, если не весь народъ, то, по крайней мѣрѣ, значительную и наиболѣе энергичную часть его, что для цѣлаго народа, для всѣхъ деревень, волостей и областей цѣлой Россіи, да также и внѣ Россіи, существуетъ одна общая бѣда, а потому и одно общее дѣло» (стр. 262).

И въ самой Россіи, можно сказать, почти независимо отъ Бакунина, наиболѣе энергичная часть молодежи, въ лицѣ кружка долгушинцевъ, заплатившая каторгою за свои убѣжденія, уже обращалась въ своей прокламаціи къ интеллигенціи во имя народа: «Къ вамъ, интеллигентные люди, которые вполнѣ поняли крайнюю ненормальность современнаго порядка вещей,—къ вамъ мы обращаемся и приглашаемъ васъ идти въ народъ, чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства» *). Дѣло было въ 1873 г., а менѣе, чѣмъ черезъ годъ, весною 1874 г., въ народъ уже двинулись сотни, тысячи молодыхъ людей, неся знамя соціалистичеекаго идеала въ массы. Но въ этомъ порывѣ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ пропаганды идеаловъ, играла роль наряду съ бакунистской и лавристская группа, или, лучше сказать, лавристское теченіе мысли.

Теперь, на разстояніи 40 лѣтъ, когда стараешься уловить существенную разницу двухъ направленій, жестоко боровшихся между собой, находишь, что дѣло объяснялось едва ли не темпераментомъ. Что касается до самаго міровоззрѣнія, то оно было у обоихъ лагерей одинаково анархическимъ, или, лучше сказать, федералистическимъ и, во всякомъ случаѣ, антигосударственнымъ. Правда, лавристы больше бакунистовъ обращали вниманіе на науку, говорили о томъ, что можно народъ лишь подготовлять къ революціи путемъ пропаганды научнаго соціализма, а не «дѣлать революцію» и не вызывать немедленныхъ бунтовъ, какъ предполагали бакунисты. Но фактически дѣятельность и тѣхъ и другихъ свелась къ пропагандѣ среди народа. И у тѣхъ и у другихъ эта пропаганда опиралась на вѣру въ тяготѣніе массъ къ извѣстнымъ формамъ жизни, ко-

*) Бурцевъ, ч. I, стр. 97.

торыя приближались къ соціалистическому идеалу: дѣло шло о нѣкоторыхъ основныхъ чертахъ народной, преимущественно крестьянской, жизни. Возьмемъ, напр., «Впередъ» и сравнимъ его съ уже извѣстными положеніями бакунизма. Въ программѣ перваго же тома было заявлено: «Соціальный вопросъ есть для насъ вопросъ первостепенный... Вопросъ политическій для насъ подчиненъ вопросу экономическому» *). Соціализмъ, во имя котораго боролся органъ лавристовъ, былъ «рабочимъ соціализмомъ», а «двигателемъ рабочаго соціализма могъ сдѣлаться лишь рабочій классъ, и лишь въ тотъ періодъ, когда фатальный процессъ капиталистическаго производства подвинулъ достаточно далеко разореніе этого класса» (стр. 88). Но въ примѣненіи къ русской дѣйствительности этотъ рабочій соціализмъ оказывался въ сущности крестьянскимъ соціализмомъ:

Для русскаго спеціальная почва, на которой можетъ развиться будущность большинства русскаго населенія въ томъ смыслѣ, который указанъ общими задачами нашего времени, есть крестьянство съ общиннымъ землевладѣніемъ. Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общинной собственности частную (Ibid., стр. 95), —

вотъ историческая задача, которая, по мнѣнію лавристовъ, стояла передъ русской интеллигенціей. Кто скажетъ теперь, что она чѣмъ-нибудь существенно отличалась отъ тѣхъ задачъ, которыя ставили себѣ и бакунисты?

Любопытна, можетъ-быть, была другая, проскользнувшая въ «Впередъ» мысль, которая въ то время прошла незамѣченной, такъ какъ не было для нея почвы для резонанса, но которую теперь можно было бы истолковать, какъ зародышъ скрытыхъ политическихъ тенденцій даже въ тогдашней аполитической молодежи. Дѣйствительно, въ первомъ томѣ сборника «Впередъ», за строками, гдѣ высказывалось самое рѣшительное осужденіе всякихъ чисто политическихъ попытокъ, вдругъ слѣдовало такое мѣсто:

Мы лишь тогда признали бы земскій соборъ правомѣрнымъ органомъ и дѣятелемъ русскаго общественнаго переворота, когда онъ состоялъ бы въ большинствѣ изъ представителей крестьянства, сознательно выбранныхъ, этимъ крестьянствомъ съ цѣлью произвести общественное преобразованіе согласное съ потребностями крестьянства, преобразованіе одновременно экономическое и политическое, и въ которомъ экономическія задачи обусловливали бы политическія формы (стр. 110).

Такимъ образомъ, даже въ этомъ, — одинокомъ, — предвосхищеніи политическаго вопроса мужикъ оказывался главнымъ факторомъ его рѣшенія.

Итакъ, мы видимъ, что, какъ ожесточенно ни боролись

*) П. Лавровъ, «Народники и пропагандисты», въ уже цитированныхъ нами №№ 6—7 «Матеріаловъ», стр. 81 и 82.

братья-враги изъ бакунистскаго и лавристскаго лагерей, общечеловѣческій соціализмъ фатально превращался на нашей почвѣ въ спеціальный русскій соціализмъ. Ставя въ посылкахъ рабочій классъ, пролетаріатъ, эксплуатируемый капиталомъ, мы въ заключеніи постоянно приходили къ дѣятельности въ крестьянствѣ. Такъ могущественно задача устроить нормальныя отношенія въ деревнѣ давила на сознаніе наиболѣе энергичныхъ элементовъ русской интеллигенціи. И этой основной чертой, характеризующей соціализмъ на русской почвѣ, была окрашена мысль всѣхъ передовыхъ русскихъ людей. Но если въ этой статьѣ мы имѣемъ, главнымъ образомъ, дѣло съ тѣми представителями ея, которые назывались революціонерами или еще чаще, въ духѣ терминологіи того времени, радикалами, не надо забывать, что и въ легальной прессѣ широко проводилась эта соціально-народническая точка зрѣнія съ мужикомъ въ центрѣ ея.

Чѣмъ другимъ напр., была славная литературная дѣятельность группы выдающихся мыслителей и публицистовъ изъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ не пропагандой этого же соціализма? Въ pendant къ только что цитированному нами мнѣнію изъ «Впередъ» о преобладающемъ значеніи соціальнаго вопроса и «Отечественныя Записки» въ лицѣ Михайловскаго говорили о «предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими». Признаваясь во всей привлекательности для образованнаго человѣка свободы политической, онѣ, тѣмъ не менѣе, стоически отказывались отъ нея и восклицали: «Если всѣ связанныя съ этою свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка, мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы» *). Имѣя въ виду, главнымъ образомъ, крестьянство, Михайловскій разсматривалъ вопросъ о «національномъ богатствѣ» и рѣшалъ его въ томъ смыслѣ, что «огромная часть производительныхъ силъ страны находится въ рукахъ народа, т.-е. трудящихся классовъ». Во имя этой роли крестьянства въ русскомъ соціализмѣ Михайловскій прилагалъ къ схемѣ нашего общественнаго развитія свое ученіе о «степеняхъ» и о «типахъ развитія», указывая на то обстоятельство, что, какъ степень, наше, еще въ значительной степени натуральное, хозяйство далеко уступаетъ развитому капиталистическому хозяйству Западной Европы, но, какъ типъ, стягивающій въ рукахъ непосредственнаго производителя всѣ роды

*) См. т. I, стр. 868 и 869 «Полнаго собр. соч.»;—ср. мой этюдъ «Н. К. Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ» въ «Соціалистахъ Запада и Россіи»; спб., 1909 г., изд. 2-е, стр. 354.

экономической дѣятельности, должно быть рѣшительно предпочтено экономически-дифференцированному режиму культурныхъ странъ, оторвавшихъ средства производства отъ производителя и раздавившихъ западно-европейскіе рабочіе классы подъ бременемъ капиталистическаго раздѣленія труда.

Точно также, когда среди революціонной части русской интеллигенціи зашелъ великій споръ, во имя чего же нужно дѣйствовать: во имя ли однихъ «интересовъ» народа, или не только «интересовъ», но и «мнѣній», но и «идеаловъ» его,— причемъ за первое рѣшеніе стояли лавристы, а за второе— бакунисты, — то въ этомъ столкновеніи воззрѣній принимали живое участіе «Отечественныя Записки» въ лицѣ Михайловскаго, опять-таки беря точкою опоры для своей аргументаціи настроеніе и, вообще, бытъ деревни. Мы знаемъ, съ какой страстностью обсуждались не только въ печати, но и въ кружкахъ революціонеровъ статьи Успенскаго или Щедрина, говорившихъ о разложеніи русской общины подъ давленіемъ капитала и, вообще, о пришествіи новой буржуазіи, «чумазаго», который долженъ былъ разрушить всѣ основанія русской народной, т.-е. по преимуществу крестьянской жизни.

Можно сказать, что до самаго конца 70-хъ годовъ мужикъ являлся въ идеалахъ русской интеллигенціи не только какъ предметъ заботъ и попеченій, но почти всегда и какъ носитель трудового міровоззрѣнія, мало того, какъ активный факторъ общаго соціальнаго прогресса. Возьмите, напр., то направленіе, которое вошло въ русскую исторію подъ названіемъ «Земли и Воли» и которое совершенно оставило за собою въ тѣни одноименную группу 60-хъ годовъ. Землевольчество было вообще кульминаціоннымъ пунктомъ соціалистическаго народничества. Можно сказать, что до тѣхъ поръ никогда еще въ исторіи не развивались съ такимъ блескомъ, энергіей и послѣдовательностью идеи соціализма, хотѣвшаго опираться на сельскія массы. Въ зиму 1876—1878 гг. сложилась эта «Земля и Воля», которая, по нашему мнѣнію, удачно характеризуется однимъ изъ принимавшихъ въ ней дѣятельное участіе, какъ «компромиссъ между идеалами соціализма, съ одной стороны, и народными идеалами—съ другой» *).

Въ первомъ же номерѣ органа партіи, носившаго ея названіе, отъ 25 октября 1878 г., мы уже читаемъ:

«Земля и Воля!—вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили

*) О. В. Аптекманъ, «Изъ исторіи революціоннаго народничества «Земля и Воля» 70-хъ годовъ», № 19 «Русской Исторической Библіотеки», безъ даты (1906?), стр. 95.

они государственной Руси и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи до другого. Земля и Воля!—вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, соціалисты-народники 60-хъ годовъ. Тѣ же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы... Революціи—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего поправить не въ силахъ. Они могутъ быть только о р у д і я м и исторіи, выразителями н а р о д н ы х ъ стремленій... Внѣ этой роли они—ничто; въ предѣлахъ ея они - одни изъ могущественныхъ факторовъ исторіи. Поэтому, основаніемъ всякой историко-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности. Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ земли и воли. Земли—какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами... Поэтому ее (*программу русскаго народа*, Н. Р.) принимаемъ и мы, революціонеры-народники. Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, *потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу*. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, если бы оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ *).

Въ высшей степени любопытно, что, даже увлекаясь постепенно на путь террористической борьбы и прибѣгая къ покушеніямъ на отдѣльныхъ лицъ, землевольцы ни на минуту не хотѣли оставить изъ виду крестьянскаго вопроса, русскаго сельскаго соціализма:

Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа (Ibid., 74).

III.

Но время идетъ. Столкновеніе старой и молодой Россіи фатально втягиваетъ пропагандистовъ соціализма въ политическую борьбу. Возникаетъ мысль о террорѣ не только какъ объ орудіи мести и охраненія работниковъ партіи отъ ударовъ враговъ, но и какъ о цѣлесообразномъ средствѣ добыванія политической свободы, становящейся теперь, по мнѣнію все большаго и большаго числа соціалистовъ, необходимымъ условіемъ для роста соціалистической партіи и торжества трудовыхъ идеаловъ въ народѣ. Вырабатывается партія «Народной

*) «Революціонная журналистика 70-хъ годовъ», № 7 «Русской Исторической Библіотеки», стр. 71—72).

Воли», которая увлекаетъ за собою наиболѣе значительную часть выдающихся народниковъ-революціонеровъ, теперь все болѣе и болѣе скептически относящихся къ «революціонной, бунтовской сторонѣ» крестьянства. Но, однако, посмотрите, какъ, не взирая на измѣненіе взглядовъ на народъ въ смыслѣ фактора революціи, въ міровоззрѣніи новой партіи все же и народничество, и крестьянство, и аграрный вопросъ продолжаютъ играть существенную роль. Что послѣ великаго раскола, совершившагося лѣтомъ 1879 года, пишетъ новая партія въ программѣ своего «Исполнительнаго Комитета»?

По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, мы — соціалисты и народники. Мы убѣждены, что только на соціалистическихъ началахъ человѣчество можетъ воплотить въ своей жизни свободу, равенство, братство, обезпечить общее матеріальное благосостояніе и полное всестороннее развитіе личности, а, стало-быть, и прогрессъ. Мы убѣждены, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа. Народное благо и народная воля — два наши священнѣйшіе и неразрывно связанные принципа *).

Но что же это такое народъ, о которомъ здѣсь говорится? Самый поверхностный взглядъ, брошенный на программу, показываетъ, что подъ этимъ терминомъ разумѣется крестьянство. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., какъ нельзя яснѣе, слѣдующая фраза:

Въ самомъ народѣ мы видимъ еще живыми, хотя всячески подавляемыми его старые, традиціонные принципы: право народа на землю, общинное и мѣстное самоуправленіе, зачатки федеративнаго устройства, свобода совѣсти и слова. Эти принципы получили бы широкое развитіе и дали бы совершенно новое направленіе, въ народномъ духѣ, всей нашей исторіи, если бы только народъ получилъ возможность жить и устраиваться такъ, какъ хочетъ, сообразно со своими собственными наклонностями (Ibid., стр. 108).

Говоря о пріемахъ своей дѣятельности, о своей тактикѣ, программа упоминаетъ объ организаціи тайныхъ обществъ, о пріобрѣтеніи вліятельнаго положенія въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ. Но, опять-таки, когда дѣло доходитъ до уясненія въ деталяхъ этого послѣдняго понятія, выступаетъ на видъ крестьянство:

Партія должна пріобрѣсти себѣ сознательныхъ сторонниковъ въ наиболѣе выдающейся части крестьянства... Каждый членъ партіи въ народѣ долженъ стремиться занять такое положеніе, чтобы имѣть возможность защищать крестьянскіе интересы (стр. 110).

Вообще почти вездѣ, гдѣ заходитъ рѣчь о народѣ въ этой программѣ, подъ нимъ приходится разумѣть крестьянство съ тѣми идеалами, какіе еще находятся въ немъ, по мнѣнію всѣхъ предшественниковъ «Народной Воли». Такъ, напр.,

*) Напечатано въ № 3 «Народной Воли» отъ 1 января 1880 г. См. «Литература партіи Народной Воли», выпускъ I, № 9 «Русской Исторической Библіотеки», стр. 107.

ставя политической задачей партіи «снять съ народа подавляющій его гнетъ современнаго государства», народовольцы полагаютъ, что, благодаря этому, «въ нашей русской жизни будутъ признаны и поддержаны многіе чисто-соціалистическіе принципы, общіе намъ и народу» (стр. 108).

Скоро, однако, логика положенія совсѣмъ ослабитъ въ новой партіи идеализацію народа т. е. крестьянскихъ массъ, въ смыслѣ дѣятельнаго фактора революціи. Но долго останется въ рядахъ «Народной Воли» вѣра въ народъ, какъ носителя извѣстныхъ соціалистическихъ идеаловъ, не осуществляющаго ихъ лишь въ силу своей «придавленности». Наряду съ выдвиганіемъ на первый планъ дѣятельности партіи среди войска, интеллигенціи и городскихъ рабочихъ и отодвиганіемъ въ этомъ процессѣ «подготовительной работы» среди крестьянства, какъ коснаго въ политическомъ смыслѣ сословія, народовольцы все же въ дальнѣйшихъ своихъ планахъ и надеждахъ, возлагаемыхъ на политическій переворотъ, главнымъ образомъ, разсчитываютъ на уже упомянутое, казавшееся имъ соціалистическимъ, міровоззрѣніе деревни. Что говоритъ, напр., партія относительно городскихъ рабочихъ?

Городское рабочее населеніе, имѣющее особенно важное значеніе для революціи, какъ по своему положенію, такъ и по относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное вниманіе партіи. Успѣхъ перваго нападенія всецѣло зависитъ отъ поведенія рабочихъ и войска... Отъ нихъ (рабочихъ, Н. Р.) болѣе или менѣе активнаго отношенія къ возстанію, къ мѣрамъ временнаго правительства значительно зависитъ весь характеръ движенія и степень полезности революціи для народа *).

А что пишетъ партія о значеніи крестьянства для переворота?—«Не ведя массовой пропаганды, должно, однако, сходиться съ лучшими изъ крестьянъ, обращая ихъ по возможности въ сознательныхъ сторонниковъ партіи, знакомя ихъ съ цѣлями». Далѣе, какъ разъ къ этому мѣсту слѣдуетъ многозначительное замѣчаніе, сдѣланное редакціей «Календаря Народной Воли» (т. е., главнымъ образомъ, Тихомирова): «Привлеченіе въ организацію отдѣльныхъ лицъ изъ крестьянства, способныхъ къ ней примкнуть, конечно, всегда признавалось очень желательнымъ. Составители «Подготовительной работы» лишь косвенно упоминаютъ объ этомъ потому, что дѣло слишкомъ ясно для всѣхъ. Но что касается организаціи въ настоящее время въ массѣ крестьянства, то она признавалась въ эпоху составленія программы совершенной фантазіей, и, если не ошибаемся, дальнѣйшая практика не могла измѣнить въ этомъ отношеніи мнѣній нашихъ соціалистовъ (Ibid., стр. 285, примѣч. 1).

*) «Подготовительная работа партіи»;—см. «Литература партіи Народной Воли», выпускъ II, стр. 286.

Такъ скептически смотрѣла «Народная Воля» на роль крестьянства въ дѣлѣ переворота. Но эта картина совершенно мѣняется, когда партія переходитъ къ своимъ взглядамъ на осуществленіе общественныхъ задачъ въ рамкахъ новаго свободнаго строя. Тутъ народъ, т. е. крестьянство, выдвигается, наоборотъ, уже на первый планъ. Мужикъ долженъ выносить на своихъ плечахъ тяжесть соціальныхъ реформъ. Онъ долженъ вдохновлять своими чаяніями вырабатывающійся порядокъ вещей. Онъ, наконецъ, долженъ заполнять своимъ жизненнымъ содержаніемъ формулу «Народной Воли». Слушайте, дѣйствительно:

Передача государственной власти въ руки народа въ настоящее время могла бы дать всей нашей исторіи совершенно новое направленіе и развитіе въ духѣ народнаго общинно-федеративнаго міросозерцанія. Предположимъ, въ самомъ дѣлѣ, что наше правительство отъ какихъ бы то ни было причинъ... принуждено ликвидировать свои дѣла. Составляется, самостоятельно или по приглашенію правительства, Учредительное Собраніе, снабженное приговорами своихъ избирателей (въ родѣ cahiers de l'Assemblée Constituante). Въ этомъ Собраніи 90% депутатовъ отъ крестьянъ и, если предположить, что наша партія дѣйствуетъ съ достаточной ловкостью,—отъ партіи. Что можетъ постановить такое Собраніе? Съ высшей степени вѣроятно, что оно дало бы намъ полный переворотъ всѣхъ нашихъ экономическихъ и государственныхъ отношеній; мы знаемъ, какъ устраивался нашъ народъ всюду, гдѣ былъ свободенъ отъ давленія государства; мы знаемъ, принципы, которые развивалъ въ своей жизни народъ на Дону, на Яикѣ, на Кубани, на Терекѣ, въ сибирскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, вездѣ, гдѣ устраивался свободно, сообразуясь только съ собственными наклонностями; мы знаемъ вѣчный лозунгъ народныхъ движеній. Право народа на землю, мѣстная автономія, федерація—вотъ постоянные принципы народнаго міросозерцанія. И нѣтъ въ Россіи такой силы, кромѣ государства, которая имѣла бы возможность съ успѣхомъ становиться поперекъ дороги этимъ принципамъ. Устраните государство, и народъ устроится, можетъ-быть, лучше, чѣмъ мы даже можемъ надѣяться *).

Приблизительно такое же отношеніе къ мужику можно было замѣтить и въ легальной соціально-народнической прессѣ, гдѣ Михайловскій, который еще съ 1878 г. пророчески предвидѣлъ возникновеніе Исполнительнаго Комитета, а вскорѣ вступилъ и въ близкія отношенія съ вожаками новой организаціи, въ сентябрѣ 1880 г. развивалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» съ необыкновенной энергіей и убѣдительностью точку зрѣнія новой партіи. Мужикъ и здѣсь являлся центромъ тяжести аргументаціи. Но и здѣсь, какъ у народовольцевъ, отрицалась теперь за нимъ способность совершить самому переворотъ (хотя, судя по нѣкоторымъ мыслямъ, высказаннымъ Михайловскимъ и въ то время и позже, можно предположить, что, пожалуй, у руководителя «Отечественныхъ Записокъ» этотъ скептицизмъ не былъ такъ рѣзко выраженъ,

*) «Народная Воля» № 2, отъ 1 октября 1879 г. «Лит. партіи Народной Воли», вып. I, стр. 56.

какъ у активныхъ народовольцевъ). Михайловскій задается вопросомъ, почему «мы» были такъ «скептически настроены къ принципу свободы», и отвѣчаетъ на это, что—ради «возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства». Это настроеніе славный публицистъ ярко передавалъ во фразѣ: «пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же»,— фразѣ, которая дала поводъ пошло остроумничать гаерамъ литературы. Но теперь, по словамъ Михайловскаго, эта формула отреченія «теряетъ всякій смыслъ», такъ какъ между элементами предполагавшагося возможнымъ переворота «протискивается всемогущій братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ». Заканчивая свою замѣчательную статью утвержденіемъ, что теперь необходима «безусловная свобода мысли и слова», «личная неприкосновенность», «гарантія», Михайловскій, однако, выдвигаетъ тѣсную связь этого преобразованія съ коренной реформой: «Новая эра очень скоро обветшаетъ, если народу отъ нея не будетъ ни тепло, ни холодно» *).

Съ еще большей ясностью соціальную роль крестьянства въ ожиданіи переворота Михайловскій выражаетъ въ своемъ первомъ, въ высшей степени любопытномъ, «Политическомъ письмѣ соціалиста», появившемся во второмъ же номерѣ «Народной Воли», подъ псевдонимомъ Гроньяра. Указывая на необходимость сочетать экономику и политику, Михайловскій сожалѣетъ о томъ, что новой партіи пришлось «оставить свой прекрасный девизъ «Земля и Воля» (какъ извѣстно, это пришлось сдѣлать въ силу раскола, разорвавшаго землевольческую организацію на двѣ части, Н. Р.):

Куда бы ни направилъ въ частномъ случаѣ вашу борьбу практическій ходъ жизни, этотъ девизъ долженъ быть вашимъ. Одной половиной его—«Волей» вы примыкаете ко всѣмъ уважающимъ себя людямъ, которымъ ненавистно самовластіе; другая половина—«Земля»—выдѣляетъ васъ изъ общаго либеральнаго хора. Глубокій политическій смыслъ заключается въ этой двойственной формулѣ: воля—всѣмъ, земля—земледѣльцу. Конституцію сочинить нетрудно: ее напишетъ и Балуевъ, и Шуваловъ, и Побѣдоносцевъ. Но европейская исторія учитъ насъ, что Бисмарки и Наполеоны, даже Миланы и Кристичи во всякую данную минуту могутъ разорвать хартію воли, если въ сохраненіи ея не заинтересована милліонная масса народа. Русскій народъ грудью встанетъ только за такую волю, которая гарантируетъ ему землю. Онъ равнодушно, даже злорадно будетъ смотрѣть на самое наглое нарушеніе конституціи, если въ основѣ ея будетъ лежать циркуляръ Макова. Избирая себѣ девизъ «Земля и Воля», вы повинуетесь не только народнымъ идеаламъ и голосу высшей справедливости, но и практическимъ требованіямъ истиннаго, не призрачнаго осуществленія самой воли **).

*) Полн. собр. соч., т. IV, стр. 957—958.
**) «Лит. партіи Нар. Воли», вып. II, стр. 63.

Итакъ, вотъ, новая партія, привлекавшая къ себѣ въ то время симпатіи всѣхъ живыхъ элементовъ націи, отказывалась отъ вѣры въ крестьянство, какъ инициатора грядущаго переворота, но она отнюдь не думала отказаться отъ вѣры въ него, какъ носителя «народныхъ идеаловъ». Все соціальное значеніе переворота сводилось, такимъ образомъ, къ осуществленію историческихъ чаяній русской деревни. Люди думали, что мужикъ въ состояніи положить въ моментъ революціи основной камень грядущаго строя. Любопытно, кстати сказать, что въ уже цитированной нами программѣ Исполнительнаго Комитета, въ то время, какъ по отношенію къ рабочему населенію городовъ выдвигалась, въ качествѣ требованія партіи, лишь «система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики», по отношенію къ сельскому населенію прямо выставлялась основнымъ требованіемъ, вытекающимъ изъ самаго нутра крестьянства, «самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы», и принадлежность земли народу» (вып. 1, стр. 108). Тамъ еще только «мѣры». А здѣсь уже непосредственное и окончательное осуществленіе извѣстной формулы, составляющей содержаніе соціальной психологіи крестьянства.

Что касается до меньшинства бывшей «Земли и Воли», которое не пошло за народовольческимъ большинствомъ, а образовало гораздо болѣе слабую и скоро сошедшую со сцены партію «Чернаго Передѣла», то о немъ уже и говорить нечего. Его программа исходила изъ народа, проходила черезъ него и возвращалась къ нему. Въ передовой статьѣ № 1 «Чернаго Передѣла» подробно разсматривался вопросъ, какимъ образомъ съ переходомъ земли въ собственность народа община, основанная пока на частномъ владѣніи землевладѣльца, преобразуется въ общину, покоящуюся на коллективной организаціи производства. Отвѣтъ былъ такой, что само, молъ, экономическое развитіе страны и обусловленное имъ повышеніе уровня сельско-хозяйственной культуры вызовутъ неизбѣжно «соціализацію землевладѣльческаго труда», причемъ задача болѣе интенсивной культуры земель будетъ у насъ въ Россіи рѣшена особенно легко именно благодаря «существованію нераздѣльной поземельной собственности въ общинѣ». Такъ, естественно, возникнетъ «артельная эксплуатація мірскихъ полей» *). Интересно, кстати сказать, здѣсь то обстоятельство, что авторъ этой статьи, который явится черезъ три-четыре года родоначальникомъ русскаго соціалъ-демократизма, во второмъ номерѣ

*) Цит. у Куклина, «Итоги», отд. 2-й, стр. 76.

того же «Чернаго Передѣла» уже какъ бы предвидитъ измѣненіе своихъ взглядовъ. «Въ настоящее время промышленное развитіе Россіи ничтожно и понятіе—«трудящіяся массы» почти покрывается понятіемъ «крестьянство». Поэтому, говоря о практической дѣятельности, мы, главнымъ образомъ, имѣемъ въ виду экономическій бытъ, нужды и требованія земледѣльцевъ. Но пока мы дѣлаемъ свое дѣло, русская промышленность также не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Нужда отрываетъ крестьянина отъ земли и гонитъ его на фабрики, на заводы. Рядомъ съ этимъ центръ тяжести экономическихъ вопросовъ передвигается по направленію къ промышленнымъ центрамъ» (Ibid., стр. 93).

Н. Русановъ.

О нашихъ дняхъ.

I.

Душа исполнена тревоги и сомнѣній...

Все въ ней сплелось въ плотный узелъ кошмарныхъ переживаній, рождающихъ чувство гнѣвнаго негодованія, вслѣдъ за которымъ наступаетъ полоса невольной спокойной «резиньяціи». И тогда, въ эти рѣдкія минуты относительнаго душевнаго покоя, мысль обращается къ творенію одного изъ величайшихъ міровыхъ поэтовъ и вмѣстѣ съ нимъ вопрошаетъ:

> Кто жизни выяснитъ неясное стремленье?
> Кто стройно выразитъ нестройный жизни ходъ,
> Хаосъ разрозненный къ единству призоветъ
> И разрѣшитъ въ аккордъ торжественнаго пѣнья?...

И сказанное здѣсь о жизни вообще относится цѣликомъ къ русской революціи: кто, въ самомъ дѣлѣ, «стройно выразитъ ея нестройный ходъ?»

Намъ, современникамъ,—участникамъ и зрителямъ развертывающихся съ молніеносною быстротой событій—сдѣлать это сугубо трудно. Наша революція, подобно всякой революціи, выявила самые противоположные элементы человѣческой души, человѣческихъ дѣяній: геройство и низость, благородство и пошлость, творческое и разрушительное, положительное и отрицательное скрещиваются и переплетаются въ ней, заставляя насъ то восхищаться, то возмущаться отдѣльными моментами ея. Сейчасъ возмущеніе взяло у многихъ верхъ надъ восхищеніемъ. И это законное, здоровое чувство ищетъ опоры у разума. Что жъ говоритъ намъ разумъ? Готовъ ли онъ скрѣпить нашъ моральный приговоръ или, наоборотъ, онъ отвергаетъ его, какъ результатъ пристрастной, недомысленной оцѣнки всѣхъ устремленій и возможностей русской революціи?

«Объективный», всеисчерпывающій отвѣтъ на это дастъ Исторія. Мы же, — очевидцы и участники того, что творится

сейчасъ на Руси, — вольны дѣлиться лишь своими думами и сомнѣніями, неизбѣжно «субъективными», основанными на предпосылкахъ *нашего* пониманія заданій и тенденцій русской революціи.

Началась она блестяще. И показалась многимъ какою то волшебною сказкой. Думалось, что сказкой такъ и останется она до конца. Въ чаду увлеченія и ослѣпленія эффектнымъ началомъ революціи было забыто, *гдѣ, въ какой странѣ и при какихъ условіяхъ* произошла она. — Въ странѣ многовѣкового рабства и гнета, многовѣковой нужды, многовѣковой тьмы; въ странѣ съ многомилліоннымъ, разноплеменнымъ, разноязычнымъ и разновѣрующимъ населеніемъ; въ странѣ, исполненной сословныхъ, классовыхъ и національныхъ противорѣчій; въ странѣ, гдѣ массы почти сплошь (70%) безграмотны, экономически неразвиты, политически невѣжественны. Скованныя желѣзнымъ кольцомъ самодержавія, скрѣпленныя воедино чисто механически, онѣ,—когда разбились цѣпи, разсыпались въ прахъ оковы,— почувствовали себя стихіей. И стали дѣйствовать, какъ *взбунтовавшаяся стихія*: быстро усваивали упрощенные лозунги и грубыя, примитивныя формы политической борьбы.

Къ вѣковому наслѣдію «старины» пришло на помощь и ближайшее прошлое—трехлѣтняя война, сыгравшая колоссальную роль въ психологіи широкихъ массъ: она и объективно, и субъективно способствовала интенсивному выявленію отрицательныхъ сторонъ русской революціи, усугубленію ея противорѣчій и ошибокъ.

И всетаки сквозь толстый слой этихъ ошибокъ и противорѣчій нетрудно разглядѣть подлинный ликъ русской революціи. Онъ можетъ быть очерченъ двумя-тремя словами: *воля* къ всестороннему раскрѣпощенію трудовой Россіи и *воля* къ демократическому миру—вотъ основная тенденція нашей революціи. Всё, что способствовало и способствуетъ внѣдренію въ жизнь этой именно тенденціи, положительно; все, что идетъ вразрѣзъ съ нею, мѣшаетъ ея осуществленію или искажаетъ и извращаетъ задачу революціи,—отрицательно.

Идетъ вразрѣзъ — старая, помѣщичья и quasi-буржуазная Россія; мѣшаетъ и искажаетъ—Россія темная, политически невѣжественная. Но не только она. А и многое другое. Въ томъ числѣ наши собственные политическіе грѣхи—крупные, отчасти неисправимые, «смертные» грѣхи.

Первый изъ нихъ—грѣхъ многоговоренья.

II.

Десять мѣсяцевъ Россія истекала словами, была затоплена резолюціями, задыхалась въ атмосферѣ, отравленной словопреніями.

Мы долго, слишкомъ долго молчали—съ намордниками на устахъ, съ петлею цѣпкихъ рукъ, схватившихъ насъ за горло. На душѣ бурлили страсти. Въ мозгу роились мысли. И слова—тѣлесный образъ одолѣвавшихъ насъ эмоцій и идей—незримою толпой тѣснились въ груди, рвались наружу, искали выхода.

Пробилъ давно желанный, благословенный часъ. Путы сброшены. Намордники сорваны. И полились слова. Вольныя, красочныя, животворящія. Русь, вѣковая молчальница, заговорила. Заговорила полнымъ голосомъ, смѣло, властно, на весь міръ.

«*Въ началѣ было Слово. И слово было Дѣло*».

Такими же были и наши слова въ первые дни, въ первый—пусть даже и во второй!—мѣсяцъ Великой русской революціи. Въ нихъ чувствовалась могучая творческая сила. Ибо они будили мысль, волновали совѣсть, стимулировали волю, влекли воскресшія сердца другъ къ другу, роднили ихъ въ единомъ, стремительномъ порывѣ къ строительству новой прекрасной жизни.

Но...

Умерло лѣто. Кончена сказка.

И она неминуемо должна была кончиться. Ибо революція есть революція, а не волшебный отрывокъ изъ Шехеразады. Свобода, рожденная въ странѣ вѣкового рабства, вѣковой нужды и вѣкового невѣжества,—мечъ обоюдоострый, палка о двухъ концахъ, первоначальный хаосъ, изъ котораго лишь дѣломъ—неустаннымъ и напряженнымъ—можетъ и долженъ возникнуть свѣтъ. Безумцы и слѣпцы, Маниловы и Панглоссы хотѣли только розъ. О розахъ лишь мечтали. Но вмѣстѣ съ розами пришли шипы и терніи.

Распустился чертополохъ. Густыми порослями пошелъ бурьянъ. Итоги прошлаго бѣшенымъ потокомъ ворвались въ настоящее и затуманили будущее. Съ низинъ жизни и человѣческой души—пришибленной, обезчеловѣченной — поднялись ирраціональныя, темныя силы. Заговорили «духи земли», исполненные жажды удовлетворенія и мщенія. Сказку смѣнила Исторія, неумолимая въ своихъ требованіяхъ, неизмѣнная въ своей закономѣрности, всегда безстрастная, «къ добру и злу постыдно равнодушная», всегда готовая и взметнуть

человѣчество на высоты, озаренныя солнцемъ Правды, и ринуть его въ бездну порока и Кривды.

Ясный ликъ Революціи омрачился. Исказился. Звѣриное стало побѣждать человѣческое. Разруха оттѣснила строительство. Организація уступила мѣсто дезорганизаціи. Единеніе «живыхъ силъ» страны замѣнилось распадомъ. Многоначаліе неизбѣжно стало вырождаться въ безначаліе. Страшное слово «Анархія» пронеслось по лицу всей русской земли. Оно пестритъ на страницахъ періодической прессы — не только буржуазной. Оно пестритъ въ умахъ — не только обывательскихъ. Оно изъ грознаго призрака претворилось въ живой, конкретный фактъ...

Поблекли всѣ слова: полиняли, выдохлись. Властныя и дѣйственныя въ началѣ революціи, они безпомощно сейчасъ повисли въ воздухѣ, не претворяясь въ дѣло. Нѣтъ въ нихъ ни силы зажигательной, ни красоты одухотворяющей. Тѣ же по звукосочетанію, по физической природѣ своей, они точно охолощены: стали безтонными, лишились внутренняго содержанія. Отлетѣлъ ихъ духъ живой. Безкровныя, зачастую прѣсныя, тягучія, они ужъ мало кого трогаютъ: влетаютъ въ одно ухо и вылетаютъ въ другое, не оставляя почти никакого слѣда. Нѣтъ, впрочемъ, слѣдъ остается — ощущеніе нудной истомы и раздраженія. Это ужъ не слова, призывающія къ дѣйствію и вдохновляющія на подвигъ, а пассы гипнотизера, рождающія толпы обезволенныхъ, омеряченныхъ людей.

А мы все говорили, говорили, говорили. И договорились... до новаго выступленія большевиковъ.

III.

Даже въ минуты наиболѣе рѣзкихъ, острыхъ конфликтовъ съ политическимъ противникомъ надо умѣть подняться на должную высоту и оцѣнить, возможно спокойнѣе, всю совокупность тѣхъ *реальныхъ* условій, на фонѣ которыхъ этотъ противникъ развертываетъ свою дѣятельность, черпаетъ силы, создаетъ себѣ успѣхъ — пусть временный, пусть преходящій, но все же успѣхъ.

Для насъ идеологія большевизма утопична, сплошь соткана изъ элементовъ фанатическаго доктринерства, недооцѣнки и переоцѣнки объективныхъ данныхъ русской дѣйствительности. По нашему, тактика большевиковъ чревата грозными, въ смыслѣ реставраціи, возможностями и перспективами, гибельна и потому преступна.

Все это такъ. И тѣмъ не менѣе широкіе трудовые слои русскаго населенія заворожены, въ извѣстной мѣрѣ, и идеологіей и тактикой большевизма. «Разсудку вопреки», но всежъ заворожены. Ибо большевизмъ дѣйствуетъ не «наперекоръ стихіямъ», а какъ разъ наоборотъ: въ духѣ «стихій»—ими онъ живетъ и дышетъ, ими питается, имъ потакаетъ, ихъ волю хочетъ утвердить. Онъ—по существу *демагогиченъ*, а демагогія—другой изъ смертныхъ грѣховъ революціи, и этотъ грѣхъ органически интимно связанъ съ грѣхомъ многоговоренья.

Нѣтъ демагогіи de facto безпочвенной. Успѣхъ ея коренится *субъективно* въ психологіи массъ, а *объективно* въ тѣхъ фактахъ, которые создавали, создаютъ, поддерживаютъ и взвинчиваютъ эту психологію. Такими фактами обиловала дореволюціонная, царская Россія. Число ихъ возросло, а качество повысилось въ Россіи пореволюціонной, республиканской. Была война и связанныя съ нею многочисленныя тяготы. Война осталась, тяготы усугубились. Была хозяйственная разруха. Она съ каждымъ днемъ даетъ о себѣ чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Былъ произволъ, вѣками узаконенный, традиціей освященный. Стала наростать анархія: самоуправство, самосудъ—по существу, тотъ же произволъ, только безсистемный, распыленный. Была надежда на просвѣтъ; она, съ началомъ революціи, загорѣлась въ сердцахъ ослѣпительно-яркимъ пламенемъ, но вскорѣ стала меркнуть «въ бездѣйствіи пустомъ».

Надо было налаживать общегосударственный механизмъ, а мы спорили о характерѣ и конструкціи центральной власти. Надо было организовать работу на мѣстахъ, дисциплинировать населеніе въ сознаніи не только правъ его, но и обязанностей, а мы занялись разработкой формулъ, опредѣляющихъ взаимоотношеніе между властью центральной и мѣстной. Надо было спѣшить съ удовлетвореніемъ ближайшихъ, каждодневныхъ нуждъ населенія, а мы исходили энергіей въ борьбѣ за гегемонію въ многочисленныхъ комитетахъ, запутавшихся окончательно въ пониманіи и квалификаціи своихъ правъ и полномочій. Надо было торопиться съ созывомъ Учредительнаго Собранія, а мы все медлили въ цѣляхъ собрать его при наличіи какихъ-то «идеальныхъ» условій, теряя силы и авторитетъ въ засѣданіяхъ то Московскаго, то Демократическаго Совѣщанія, то Предпарламента.

А время между тѣмъ шло. Злободневные вопросы оставались нерѣшенными, чаянья неудовлетооренными. Объективное положеніе вещей не улучшалось. Субъективное отношеніе къ

нимъ обострялось. Недовольство росло. Нетерпѣніе и раздраженіе повышалось. Чувствовалась потребность въ героическихъ мѣрахъ. Часть населенія усмотрѣла ихъ въ корниловщинѣ. Но корниловщина сорвалась, подливши масла въ огонь большевизма. Послѣдній поднялъ голову и вновь стремительно несетъ насъ въ объятія корниловщины. Оба они,—и большевизмъ и корниловщина,—конечно, плодъ демагогіи. Но демагогія эта, повторяю, питается реальными условіями нашей дѣйствительности. И въ сложномъ переплетѣ этихъ условій колоссальную роль играетъ психологія массъ—психологія примитивная, мало просвѣтленная лучами сознанія, исполненная подпочвенныхъ, ирраціоналныхъ переживаній и вожделѣній.

Но демагогія демагогіи рознь. Правда, всѣ виды ея отмѣчены одной и тою же печатью—печатью безсознательнаго или сознательнаго политическаго авантюризма, разсчитаннаго на быструю воспламеняемость и легкую горючесть того «живого матеріала», который всюду и всегда былъ подлиннымъ творцомъ исторіи. И тѣмъ не менѣе худшимъ изъ видовъ демагогіи является тотъ, который сейчасъ практикуется во всю. Я имѣю въ виду привычку замалчивать ошибки, недочеты и явственно-неприглядныя, отрицательныя черты такъ называемой «революціонной демократіи».

«Революціонная демократія» стала какимъ-то фетишемъ. Въ отношеніяхъ къ ней установлено священное «табу», особаго рода неприкосновенность, въ основѣ которой лежитъ трусливая готовность все оправдывать, все прощать, все разрѣшать. Это безумно. И тамъ, гдѣ нужно безпощадно бичевать, тамъ нѣтъ и не должно быть мѣста ни оправданію, ни прощенью.

Революціонная демократія, волею историческихъ судебъ, стала героемъ переживаемаго нами момента. И поскольку революціонной демократіи дано творить исторію, творить новыя формы жизни, постольку мы вправѣ, мы обязаны требовать отъ нея проявленія maximum'а морально-политическаго такта. Каждый эксцессъ ея ложится темнымъ, несмываемымъ пятномъ на ясномъ ликѣ революціи. И всякое попустительство въ этомъ отношеніи объясняется лишь цѣлями демагогіи.

Самовлюбленность вообще — отвратительнѣйшій изъ пороковъ. Самовлюбленность массъ — тягчайшій грѣхъ передъ лицомъ грядущихъ поколѣній: она — родная сестра разнузданности. И потакать ей—преступно, позорно...

IV.

Когда взволнованная мысль даетъ уму и совѣсти отчетъ—честный, нелицепріятный — о событіяхъ переживаемаго нами сейчасъ глубоко-драматическаго момента, въ памяти невольно встаетъ діалогъ между Мефистофелемъ и Свѣтлымъ Духомъ изъ гетевскаго «Фауста».

Судьбы русскаго народа тѣсно сплетены съ судьбами культурнаго человѣчества, а судьбы послѣдняго блестяще намѣчены въ величайшемъ изъ созданій художественнаго генія — въ «Фаустѣ».

Что жъ побѣдитъ въ немъ, въ концѣ концовъ: стремленіе къ свѣту иль рабская зависимость отъ «тьмы»?

Мефистофель увѣренъ въ послѣднемъ. Онъ дерзко, нагло заявляетъ:

Бьюсь объ закладъ: онъ будетъ мой!...

Но «Свѣтлый Духъ» прекрасно знаетъ, что «къ свѣту путь идетъ сквозь лѣсъ заблужденій», и потому съ спокойною увѣренностью возражаетъ:

Ну, хорошо; теперь ты власть имѣешь!
Сбей этотъ духъ съ живыхъ его основъ
И низведи, коль съ нимъ ты совладѣешь,
Его до низменныхъ круговъ.
Но устыдись, узнавъ когда-нибудь,
Что добрый человѣкъ въ своемъ стремленьи темномъ
Найти съумѣетъ настоящій путь.

Нѣтъ словъ, болѣе ярко характеризующихъ то настроеніе которое сейчасъ—въ дни тяжкихъ испытаній—поддерживаетъ и бодрость въ сердцахъ и ясность мысли въ умахъ, безгранично преданныхъ дѣлу русской революціи, русской свободы. Пусть рветъ и мечетъ злоба, лишенная привычнаго ей покоя; пусть недомыслiе, взрощенное въ атмосферѣ «бичей и скорпіоновъ» стараго порядка, сулитъ намъ одни лишь бѣдствія и неминуемую гибель—не страшно. Ибо знаемъ мы, что правда на нашей сторонѣ — правда, провѣренная опытомъ исторіи, прошедшая сквозь горнило безпристрастной мысли, освѣщенная и согрѣтая лучами пророческой интуиціи. Знаемъ, что трудовой народъ нашъ хочетъ пріобщиться къ великой семьѣ культурныхъ народовъ, что

Хотя теперь и ходитъ онъ, блуждая,
Но скоро по пути онъ свѣтлому пойдетъ...

Знаемъ это—и вѣримъ: не падаемъ духомъ, не опускаемъ рукъ, не отдаемся во власть всеразлагающаго, парализующаго волю пессимизма.

И вѣра эта требуетъ лишь одного: борьбы, безпощадной, неустанной, съ «духомъ разрушенья». Надо зорко слѣдить за хитросплетеніями и ковнями его. Надо не упускать изъ виду ни на мгновенье его хвастливаго вызова:

Бьюсь объ закладъ: онъ будетъ мой!
Мнѣ только дай ты позволенье—
Пойдетъ, не медля, онъ за мной...

Къ сожалѣнью... темнымъ, подпочвеннымъ силамъ русскаго народа «дано позволенье». И въ этомъ—третій изъ «смертныхъ грѣховъ» революціонной демократіи. Зачѣмъ обманывать себя? Зачѣмъ трусливо отмахиваться отъ рѣжущей глаза, печальной, обидной правды? Можно осмыслить, понять её—понять, откуда, какъ и почему создалась она. И это для насъ будетъ лишь правда—*истина*, которой надлежитъ еще подвергнуться суду правды—*справедливости*. Удовлетворяя запросамъ нашего *интеллектуальнаго* сознанія, она можетъ расцѣниваться, какъ позоръ и преступленіе, въ свѣтѣ велѣній сознанія моральнаго: разумъ пріемлетъ, а совѣсть отвергаетъ—таковъ удѣлъ пѣлаго ряда личныхъ и коллективныхъ, соборныхъ, дѣйствій человѣка. И съ такимъ мѣриломъ, мѣриломъ двуединой правды, мы обязаны подходить къ событіямъ и фактамъ переживаемой нами грозной дѣйствительности. Иначе мы окажемся жалкими слѣпцами, и судъ исторіи произнесетъ надъ нами суровый, жестокій приговоръ.

Мы требуемъ — съ полнымъ сознаніемъ своей правоты — уступокъ, серьезныхъ, безоговорочныхъ, отъ буржуазіи.

Но неужели, будучи безпощадны по отношенію къ буржуазіи, мы должны спокойно и — что отвратительнѣе всего — покровительственно относиться къ проявленіямъ самаго примитивнаго классоваго эгоизма тѣхъ, кто руководствуется въ дѣйствіяхъ своихъ не коллективнымъ интересомъ, а вульгарнымъ лозунгомъ: «лови моментъ», «хватай, пока не растаскали», «орудуй повсю», ибо «праздникъ на твоей улицѣ»?

Мы безпощадно поносимъ представителей старой власти за невѣжество и абсолютную безталанность ея. Но развѣ это обязываетъ насъ проходить молчаливо мимо тѣхъ же доблестныхъ качествъ у представителей «новой», «революціонной» власти, среди которыхъ немало подлинныхъ parvenu и карьеристовъ?

Нѣтъ. Пора положить конецъ этой бушмено-готтентотской морали. Пора разъ навсегда отмежеваться и отъ разнузданной толпы, вдохновляемой въ дѣйствіяхъ своихъ примитивными инстинктами, и отъ новоявленныхъ «соціалистовъ», цинично присосѣдившихся къ революціи во имя удовлетворенія своихъ

не въ мѣру развитыхъ аппетитовъ. Этого требуетъ правильно-понимаемый революціонный долгъ. Это диктуется велѣніями соціалистической совѣсти.

Развертывающаяся всё шире и шире трагедія гражданской войны есть *до извѣстной степени* результатъ тѣхъ «смертныхъ грѣховъ», о которыхъ здѣсь шла рѣчь. Она, въ извѣстной мѣрѣ, плодъ нашей непростительной дряблости и чисто головотяпской маниловщины.

Повторяю, событія нашихъ дней коренятся въ *объективныхъ* условіяхъ русской дѣйствительности и винить въ нихъ *только* большевиковъ—неумно. Ибо и нашего тутъ «ложка дегтю» есть. И большущая, преосновательная ложка. Мы разговаривали, когда нужно было дѣйствовать. Мы занимались попустительствомъ, когда нужно было бичевать. Мы отмалчивались, когда нужно было кричать, протестовать, бороться безпощадно.

Здоровый, творческій «духъ» демократіи «сбитъ съ живыхъ его основъ», онъ «низведенъ до низменныхъ круговъ». Мефистофельское стало одолѣвать. Надо будить фаустовское.

V.

Повторяю, немало ошибокъ и крупныхъ, непоправимыхъ промаховъ было допущено въ теченіе восьми мѣсяцевъ и нами, эсъэрами, и тѣмъ правительствомъ, которое мы поддерживали. Но если бы работа этого правительства шла безошибочно и гладко, при самой благопріятной обстановкѣ, то и тогда ему не удалось бы сдѣлать и сотой доли того, что чаяла измученная вѣковымъ гнетомъ и истерзанная войной Россія. Разрушать страну, отдавать ее на потокъ и разореніе, сѣять нужду и бѣдствія въ тысячу разъ легче, чѣмъ исцѣлять общественныя язвы и строить новую жизнь. Кто думаетъ и говоритъ иначе, кто собирается взрощенный вѣками россійскій адъ превратить за нѣсколько мѣсяцевъ въ рай,—тотъ либо ничего не смыслитъ въ исторіи и политикѣ, либо сознательно лжетъ.

Нагляднѣйшей иллюстраціей тутъ можетъ служить вся политика и тактика такъ называемыхъ «народныхъ» комиссаровъ, дѣятельность которыхъ должна, помоему, расцѣниваться, какъ нѣчто *сверхъ-отрицательное въ судьбахъ нашей революціи.*

Мы спрашиваемъ — искренно, съ мучительной тоской въ сердцѣ: что дала Россіи власть «народныхъ» комиссаровъ, эта дважды «однородная» власть? Принесла она странѣ «успокоеніе»? Дала «порядокъ»? Устранила разруху? Установила справедливый демократическій миръ?

Ничего подобнаго. Все обстоитъ при ней гораздо хуже, чѣмъ было раньше. И не только потому, что разрушать легко, а строить непомѣрно трудно, но и потому, что какъ характеръ этой власти, такъ и способы ея дѣйствія большинству россіянъ ничего, кромѣ недовѣрія, протеста и возмущенія не внушаютъ.

Говорятъ, что совѣтъ народныхъ комиссаровъ — власть *революціонная*, рожденная и утвержденная волею революціонной Россіи. Неправда. Родилась она путемъ *военнаго заговора*. Держится силою штыковъ и пулеметовъ. Опирается на взбунтовавшуюся стихію.

Говорятъ, что эта власть *рабоче-крестьянская*. Неправда. Выборы въ Учредительное Собраніе показали, что подавляющее большинство рабоче-крестьянскаго населенія Россіи отдало свои голоса не большевикамъ, а другимъ партіямъ и прежде всего— соц.-революціонерамъ.

Говорятъ, что это — власть *совѣтская*. Неправда: въ лучшемъ случаѣ это—власть большевистская, *партійная*. Она возникла во время второго съѣзда совѣтовъ, на которомъ изъ 900 совѣтовъ были представлены лишь 300, т. е. одна треть. Съѣздъ этотъ былъ неправомочнымъ, и неправомочность его усугублялась тѣмъ, что часть съѣхавшихся делегатовъ, с.-р. и меньшевики, покинули съѣздъ съ самаго его начала. Но даже этотъ неправомочный и оскопленный съѣздъ долженъ былъ признать власть комиссаровъ заднимъ числомъ, какъ совершившійся фактъ, который ему оставалось лишь одобрить,—какъ одобряетъ или, вѣрнѣе, штемпелюетъ онъ всѣ декреты и распоряженія этого «рабоче-крестьянскаго» правительства, не удосуживаясь даже обсудить ихъ толкомъ.

Говорятъ, что это — *власть лойяльная, правомѣрная*. Неправда. Она предупредила въ спѣшномъ порядкѣ работу Учредительнаго Собранія, посягнула на права «хозяина земли русской» и разрѣшила своимъ ставленникамъ и прислужникамъ совершить насиліе надъ нимъ.

Говорятъ, наконецъ, что это—власть *творческая, дѣйственная*. Да,— дѣйственная: поскольку насиліе и связанные съ насиліемъ произволъ и разрушеніе есть также дѣйствіе. Не больше.

Итакъ, она—не всенародная и даже не совѣтская, а партійная власть. Она породила у насъ гражданскую войну, которая съ каждымъ днемъ все больше и больше разрастается. Она расколола революціонную демократію и тѣмъ самымъ подкосила мощь революціи. Она вызвала къ жизни самые низменные инстинкты толпы, разнуздала страсти настолько, что сама не

можетъ справиться сейчасъ съ анархіей, самосудами, погромами и пьянствомъ. Она связала имя свое съ цѣлымъ рядомъ нечистыхъ именъ—предателей, провокаторовъ и просто-хулигановъ, прикрывающихся знаменемъ большевизма.

Она проявила полное банкротство въ дѣлѣ государственнаго творчества и прежде всего въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Она посягнула на неприкосновенность Учр. Собранія. Она укрѣпила силы реакціи.

Борясь за свободу своихъ дѣйствій, — она упразднила всѣ свободы; борясь противъ смертной казни, она объявляетъ своихъ политическихъ противниковъ «внѣ закона»; борясь противъ штыковъ Корнилова,—управляетъ Россіей при помощи пушекъ и пулеметовъ; борясь противъ диктатуры «калединцевъ», утвердила диктатуру тріумвирата: Крыленко-Ленинъ-Троцкій; борясь за миръ съ внѣшнимъ врагомъ,—перенесла войну внутрь страны.

И вотъ я спрашиваю: можно ли при такомъ пониманіи существа этой власти и ея методовъ дѣйствія—можно ли добросовѣстно, безкорыстно поддерживать ее, идти съ нею рука объ руку?

Нѣтъ. Она больше, чѣмъ что-либо другое, способствовала низведенію живого, творческаго «духа» революціи до «низменныхъ круговъ». Она—могила «фаустовскаго» души человѣческой. И потому мы относились и относимся къ ней рѣзко отрицательно...

VI.

Намѣтившійся переломъ въ настроеніи большевистскихъ массъ будетъ, конечно, въ значительной мѣрѣ способствовать рѣшенію стоящей передъ русской революціей задачи. Но этого больше чѣмъ недостаточно. Надо разъ навсегда оставить тактику безвольнаго *выжиданія*, тактику, основанную на традиціонно-русскомъ «авось—небось—да какъ нибудь». Надо парализовать своевременно и надежно возможность наскока и натиска со стороны «героевъ», за которыми всегда готова идти «толпа», загипнотизированная истерическими выкриками и надлежащимъ образомъ отпрепарированная всей совокупностью условій русской жизни. Чтобы предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе, чтобы, въ худшемъ случаѣ, свести его къ *minimum'у*, нужна, конечно, не только «мобилизація собственныхъ силъ»: нуженъ сознательный отказъ отъ пассивной благонамѣренности, въ цѣляхъ смѣлаго, свободнаго выявленія своей революціонной *воли*. Довольно благодушной мягкотѣлости

и сантиментовъ! Ничего хорошаго они намъ не дали. Упорству надо противопоставить упорство, дерзаніямъ—дерзаніе, силѣ—силу. Будемъ учиться у большевиковъ *) — не безотвѣтственности, не демагогіи, не цинизму, не наглости, а рѣшимости, настойчивости, послѣдовательности. Наша покладистость всегда была имъ на руку. Наша уступчивость ихъ окрылила. Мы не имѣемъ права медлить. Русская земля въ огнѣ. Революціонная демократія летитъ въ пропасть. Не провоцировать событія, а предупреждать ихъ, противнику давать рѣзкій энергичный отпоръ—къ этому призываетъ революціонный долгъ нашъ. Только исполняя его неуклонно, мы сможемъ вытравить изъ большевизма его наиболѣе вредные, дезорганизующіе элементы, сможемъ вырвать большевистскія массы изъ тисковъ, безжалостно влекущихъ ихъ въ бездну, сможемъ освободить ихъ отъ чаръ гипнотизеровъ, сможемъ вернуть ихъ на путь разумнаго революціоннаго творчества. Всякая другая тактика означала бы сейчасъ полное банкротство соціалъ-революціоннаго движенія на Руси и привела бы къ краху нашу исполненную крестныхъ мукъ Великую Революцію...

Я началъ статью свою словами Гете. Его же словами хочется мнѣ и закончить ее.

Мефистофель, указывая Фаусту на «Свѣтлаго Духа», говоритъ:

Себѣ избралъ онъ вѣчное сіянье,
Мы—въ вѣчный мракъ погружены,
А вы—то день, то ночь испытывать должны.

Кроваво-черный туманъ взвился надъ Русскою Землей. Темная ночь царитъ у многихъ изъ насъ въ сердцахъ.

Но день придетъ! Началомъ его будетъ часъ *возрожденія* Учредительнаго Собранія. Долгъ каждаго гражданина — всемѣрно приближать наступленіе его... **).

В. Лункевичъ.

---

*) О подголоскахъ и подпаскахъ большевизма, какъ сѣдовласыхъ, такъ и желторотыхъ, именующихъ себя «лѣвыми эсъ-эрами»,—рѣчь будетъ особая.

**) Статья эта является переработкой нѣсколькихъ небольшихъ статей, напечатанныхъ въ «Знамени Труда» Закавк. Обл. Комитета п. с.-р.

Февральская революція и октябрьскій переворотъ.

I.

«Февральская революція—революція буржуазная. Октябрьская революція—революція инстинно-народная, рабоче-крестьянско-солдатская, короче сказать, соціалистическая».

Такъ поютъ, вопіютъ, взываютъ и глаголютъ большевики. И такъ подтягиваютъ имъ «лѣвые» эсъ-эры, вѣрные пажи и оруженосцы рыцарей октябрьской ночи.

Однако, точно-ли февральская революція была революціей только буржуазной? И точно-ли октябрьскій переворотъ былъ соціалистической революціей?

Тѣ, кто переживалъ незабвенные дни конца февраля и начала марта, тѣ, кто участвовалъ въ низверженіи царскаго самодержавія, никогда не забудутъ глубоко народнаго характера этой революціи.

О, конечно, это не была соціалистическая революція. Но это было огромное всероссійское движеніе трудовой демократіи, въ первыхъ рядахъ которой шла революціонная и соціалистическая интеллигенція, поддерживаемая могучимъ напоромъ рабочихъ и солдатъ, т. е. крестьянъ, одѣтыхъ въ сѣрыя шинели.

Немудрено, что съ самаго начала и начавшаяся формироваться революціонная власть, и программа перваго Временнаго правительства были если не соціалистическими, то и не буржуазными, но глубоко демократическими, проникнутыми духомъ соціальнаго творчества.

Конечно, въ первые дни революціи новые органы управленія еще находились въ нѣкоторой преемственной связи съ дореволюціонными учрежденіями. Однако, они скоро освободились отъ этихъ примѣсей. Такъ молодая, только что вылупившаяся изъ яйца птица еще носитъ на себѣ слѣды приставшей

къ ней скорлупы, но скоро сбрасываетъ ихъ съ себя, чтобы свободно ходить, а вскорѣ и летать.

Временное правительство формально было выдвинуто строго цензовой, преимущественно помѣщичьей и буржуазной, Государственной Думой въ лицѣ комитета изъ представителей различныхъ думскихъ фракцій. Но выборъ тѣхъ или другихъ членовъ правительства подтверждался тѣмъ самопроизвольно выросшимъ изъ самой революціи представительствомъ трудовой демократіи, которое подъ именемъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ играло первое время такую роль въ направленіи общей политики страны.

Третьеіюньская Дума, принадлежавшая по самому характеру своему и основамъ своего избранія къ учрежденіямъ царскаго періода, противорѣчила глубоко демократическому духу февральской революціи и могла вести отнынѣ лишь призрачное существованіе. Уничтоженная формально лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ, она въ сущности умерла уже въ мартѣ. И старанія вдохнуть въ нее жизнь, исходившія отъ цензовыхъ и умѣренно демократическихъ элементовъ, были безсильными попытками гальванизировать распадавшійся трупъ.

Во главѣ угла управленія становились, такимъ образомъ, Временное правительство и контролировавшій и подталкивавшій его Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Разумѣется, было бы трудно формулировать въ строго научныхъ терминахъ эту фактически создавшуюся конституцію. Но мы не будемъ далеки отъ дѣйствительности, если скажемъ, что Совѣтъ игралъ въ общемъ роль парламента, тогда какъ Временное правительство — роль отвѣтственнаго предъ нимъ министерства.

Надо только въ эту приблизительную формулу отношеній между Временнымъ правительствомъ и Совѣтомъ вести нѣсколько дополнительныхъ поясненій. Временному правительству принадлежала не только исполнительная, но и законодательная власть. Совѣтъ же не былъ законодательнымъ учрежденіемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но онъ былъ болѣе, чѣмъ простой парламентъ. Если революціонное законодательство въ видѣ декретовъ и циркуляровъ исходило главнымъ образомъ отъ Временнаго правительства и сотрудничавшихъ съ его членами разныхъ комиссій изъ спеціалистовъ, то можно сказать, что большинство этихъ мѣръ было внушено и, во всякомъ случаѣ, одобрено Совѣтомъ.

Совѣтъ, какъ представитель народной демократіи, бывшей главнымъ орудіемъ революціи въ лицѣ петербургскихъ рабо-

чихъ и петербургскаго гарнизона, имѣлъ огромное моральное значеніе. Вотъ почему, несмотря на присутствіе въ первомъ Временномъ правительствѣ лишь одного соціалиста, Керенскаго, вліяніе широко демократическихъ и соціалистическихъ идей отражалось очень сильно на программѣ и дѣйствіяхъ первоначальнаго кабинета.

Конституціоналисты-демократы и даже болѣе умѣренные элементы составляли большинство членовъ Временнаго правительства. И однако фактическое установленіе республики, всеобщая подача голосовъ, включающая и женщинъ, отмѣна смертной казни, гражданское полноправіе солдатъ на фронтѣ, притомъ въ дѣйствующей арміи, и въ размѣрахъ, неизвѣстныхъ ни одному современному, хотя бы и самому демократическому, государству, полнѣйшее равноправіе всѣхъ народностей и отмѣна всякихъ ограниченій, связанныхъ съ національностью, введеніе въ суды непосредственныхъ представителей народа, безусловная свобода печати, собраній, союзовъ и дѣйствительная неприкосновенность личности,—все это во многихъ отношеніяхъ далеко переступало границы требованій, выставляемыхъ обыкновенно либералами и умѣренными демократами. И все это свидѣтельствовало о томъ давленіи, какое Совѣтъ оказывалъ на Временное правительство.

Въ области внѣшней политики Совѣтъ своимъ знаменитымъ, поистинѣ историческимъ манифестомъ къ народамъ всего міра рѣзко отмежевывался отъ имперіалистской войны и обращалъ братскій призывъ къ рабочимъ классамъ какъ враждебныхъ намъ, такъ и союзныхъ съ нами державъ, оказать рѣшительное сопротивленіе захватнымъ стремленіямъ своихъ капиталистическихъ правительствъ.

Короче сказать, во всѣхъ сферахъ общественной жизни вѣяло свѣжимъ дыханіемъ весны. Несмотря на ужасную, вконецъ истощившую русскій народъ войну, во всей странѣ чувствовалась великая воля къ политическому и соціальному творчеству, страстное желаніе создать новый, лучшій строй, осуществить широко демократическую программу реформъ, дать удовлетвореніе основнымъ потребностямъ трудящихся массъ.

Особенно партія соціалистовъ-революціонеровъ, скоро ставшая самой могущественной политической организаціей въ Россіи, много сдѣлала для приданія соціальнаго характера революціи, унесшей старый порядокъ. Своимъ лозунгомъ «вся земля всему народу», который составлялъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ революціоннаго народничества въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и теперь былъ широко подхваченъ крестьянствомъ, соціалисты-революціонеры поставили въ очередной по-

рядокъ историческаго момента такую радикальную реформу, представляющую собою цѣлую земельную революцію. Не будучи соціалистической, она тѣмъ не менѣе пробивала существенную брешь въ частной капиталистической собственности и давала возможность всякому трудящемуся прилагать свой трудъ къ общей матери-землѣ.

Къ несчастію, игравшая столь значительную роль въ первоначальномъ Временномъ правительствѣ партія ка-дэ не оцѣнила надлежащимъ образомъ значеніе совершившейся демократической революціи, и прежде всего въ области внѣшней политики. Такой выдающійся ученый и, казалось бы, опытный политикъ, какъ Милюковъ, продолжая коснѣть въ предразсудкахъ имперіализма, принимавшаго притомъ въ Россіи книжный и педантическій характеръ, шелъ на поводу у буржуазныхъ правительствъ союзныхъ съ нами державъ и въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ сознательно тормазилъ глубоко мирную, чисто интернаціоналистическую политику русской трудовой демократіи.

«Война до окончательной побѣды», «разгромъ германскаго милитаризма» и т. п. лозунги, служившіе ширмой для захватныхъ стремленій правительствъ согласія, нисколько не уступавшихъ въ этомъ отношеніи имперіалистскимъ вожделѣніямъ центральныхъ державъ, — эти «патріотическіе» клики глубоко противорѣчили настроенію огромнаго большинства русскаго народа и создавали почву для все усиливавшагося недовольства нашей трудовой демократіи той линіей поведенія, какой слѣдовало въ международныхъ вопросахъ первое министерство.

Наступилъ первый кризисъ власти, въ результатѣ котораго Милюковъ былъ вынужденъ уйти. Но и коалиціонное министерство, въ составъ котораго, рядомъ съ представителями умѣренной и радикальной буржуазіи, вошли обладающіе большимъ удѣльнымъ вѣсомъ представители партіи соціалистовъ-революціонеровъ, народныхъ соціалистовъ и соціалъ-демократовъ меньшевиковъ, не сумѣло рѣзко порвать съ внѣшней политикой предшествующаго кабинета.

Мы не можемъ останавливаться въ нашемъ краткомъ очеркѣ черезчуръ долго на причинахъ этой межеумочной тактики. Она объяснялась столь же общими условіями, сколько и личными особенностями того политическаго дѣятеля, въ которомъ и въ Россіи, и за границей любили видѣть въ этотъ моментъ истиннаго воплотителя русской революціи и который поэтому пользовался огромнымъ авторитетомъ

Съ другой стороны, буржуазные элементы коалиціоннаго министерства, несмотря на искреннее желаніе нѣкоторыхъ изъ

нихъ возвыситься надъ классовыми интересами, не могли стать рѣшительно на точку зрѣнія своихъ соціалистическихъ коллегъ. Въ лучшемъ случаѣ они нейтрализовали ихъ политику, дѣлали ее колеблющейся, нерѣшительной, лишенной творческаго энтузіазма.

Это обнаружилось главнымъ образомъ въ сферѣ международныхъ сношеній, гдѣ, несмотря на уходъ Милюкова, не замѣчалось рѣзкаго разрыва съ его политикой. Когда русская армія была еще сильна и могла служить сильнымъ козыремъ въ рукахъ нашего революціоннаго правительства, министерство иностранныхъ дѣлъ упустило этотъ моментъ для надлежащаго давленія на имперіалистическія правительства союзниковъ въ видахъ скорѣйшаго заключенія справедливаго демократическаго мира, мира безъ побѣдителей и побѣжденныхъ.

Точно также коалиціонное правительство лишь слабо поддерживало делегацію, отправленную за-границу Петроградскимъ Совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ и Всероссійскимъ съѣздомъ Совѣтовъ съ цѣлью созыва народной соціалистической конференціи въ Стокгольмѣ. Вмѣсто того, чтобы облегчить работу этихъ «аргонавтовъ мира», наше иностранное министерство точно забыло объ ихъ существованіи. И его дипломатическіе агенты зачастую даже вели закулисныя интриги противъ нихъ и помогали имперіалистскимъ правительствамъ союзниковъ въ ихъ борьбѣ противъ делегаціи, которая тщетно старалась свести для братскаго обмѣна мыслей соціалистическія и рабочія организаціи разныхъ странъ, еще недавно составлявшія отдѣльныя, но солидарныя части разорваннаго теперь войной на два враждебные лагеря интернаціонала.

Лучше обстояло дѣло въ области внутренней политики, гдѣ на первый планъ выступило радикальное измѣненіе аграрныхъ отношеній, выразившееся въ грандіозномъ планѣ соціализаціи земли, съ которой партія соціалистовъ-революціонеровъ связала неразрывно свое имя. Этотъ планъ принималъ форму хорошо разработаннаго закона, создававшаго практическія условія для осуществленія исконнаго желанія русскаго народа.

Но и внутренняя политика юной русской демократіи представляла нѣкоторыя тѣневыя стороны, которыя, по мѣрѣ того, какъ шло время, ставили все большія препятствія дальнѣйшему развитію фактически установившагося республиканскаго строя и въ концѣ-концовъ создали новый, на сей разъ чрезвычайно опасный кризисъ власти, поведшій къ октябрьскому перевороту.

Однимъ изъ главныхъ изъяновъ этой внутренней политики было чересчуръ продолжительное оттягиваніе созыва Учреди-

тельнаго Собранія. Историческое и политическое значеніе этого перваго полномочнаго парламента Россійской Республики огромно. Учредительное Собраніе—подъ разными названіями Великаго Собора, Земскаго Собора, Народнаго и Учредительнаго Собранія—было завѣтною мечтою лучшихъ людей русской интеллигенціи, начиная съ декабристовъ. Наконецъ-то великій народъ достигалъ своей цѣли: создать полномочный органъ своей подлинной воли и черезъ него сдѣлаться господиномъ своихъ судебъ. Надо было ковать желѣзо, пока оно было горячо, пока энтузіазмъ охватывалъ всѣ слои населенія и препятствовалъ классовымъ и групповымъ интересамъ слишкомъ брать верхъ надъ общими интересами трудовой демократіи, стремившейся осуществить путемъ революціи не только политическія, но и соціальныя задачи момента.

Къ несчастію, представители русской передовой мысли были черезчуръ увлечены идеею выработать возможно совершенныя условія выборовъ въ Учредительныя Собранія. Спеціальная комиссія, занимавшаяся этимъ дѣломъ, трудилась надъ задачей съ крайнимъ усердіемъ и большимъ знаніемъ. Но время шло, мѣсяцъ проходилъ за мѣсяцемъ, и такая огромная страна, какъ Россія, которая обнимаетъ цѣлый міръ народностей, находящихся на различныхъ ступеняхъ развитія, не могла, конечно, ждать, пока соберется Учредительное Собраніе, не создавая временныхъ учрежденій, необходимыхъ для рѣшенія чисто практическихъ вопросовъ, въ особенности же тѣхъ, которые были связаны съ ужасными затрудненіями, вызванными войной.

Повсюду возникали мѣстныя группировки рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, получавшія названія Совѣтовъ и являвшіяся очагами политическихъ и соціальныхъ стремленій трудовой демократіи. Рядомъ съ Петроградскимъ Совѣтомъ долженъ былъ естественно сложиться и Всероссійскій Съѣздъ Совѣтовъ рабочихъ и солдатъ, объединявшій упомянутыя мѣстныя организаціи. Крестьянскіе Совѣты образовали свой Всероссійскій Съѣздъ крестьянскихъ депутатовъ. Эти обширныя, сильно расплывающіяся представительныя тѣла выдѣляли изъ себя особыя административныя учрежденія, называвшіяся Центральными Исполнительными Комитетами и отправлявшія всю дѣйствительную работу.

Параллельно съ ростомъ этихъ классовыхъ органовъ трудовой демократіи стали расти и органы мѣстнаго самоуправленія,—думы и земства,—на широкой демократической основѣ участія уже всего населенія въ распоряженіи своими дѣлами. И рано или поздно должно было, за отсутствіемъ всего отлагав-

шагося и отлагавшагося Учредительнаго Собранія, возникнуть стремленіе къ образованію новой, болѣе общей и въ извѣстномъ смыслѣ высшей власти, основанной на одновременномъ представительствѣ Совѣтовъ и мѣстныхъ самоуправленій. Демократическое Совѣщаніе, имѣвшее мѣсто въ сентябрѣ, и было процессомъ рожденія этой власти, которое подъ именемъ Временнаго Совѣта Россійской Республики, или «предпарламента», должно было замѣнить отсутствовавшее всероссійское представительство, стать предварительной законодательной палатой, дающей извѣстную опору Временному Правительству и подкрѣпляющей черезчуръ неустойчивый государственный механизмъ.

Увы, предпарламентъ, открытый 7 октября, упалъ 25 октября, какъ карточный домикъ, при первомъ же толчкѣ большевистскихъ заговорщиковъ. Дѣло въ томъ, что, несмотря на видимость и внѣшнія формы своего политическаго существованія, онъ былъ мертворожденнымъ дѣтищемъ,—какъ и само правительство 25 сентября, которое онъ былъ призванъ дополнять и поддерживать и которое явилось, въ результатѣ третьяго кризиса власти, очень мало жизнеспособнымъ.

Коалиція буржуазныхъ и соціалистическихъ элементовъ изжила свой короткій вѣкъ и свое историческое значеніе. Когда, среди огромныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ затрудненій, оно уступило мѣсто такъ называемой директоріи, а эта въ свою очередь стала искать новыхъ комбинацій власти и хваталась за всевозможные способы расширенія и укрѣпленія своего престижа,—коалиціонному началу собственно уже не могло быть мѣста въ процессѣ развитія русской революціи. Немудрено, что повтореніе коалиціи было лишь ея разжиженіемъ и дискредитированіемъ, и, что, къ несчастію, своимъ неизбѣжнымъ паденіемъ она нанесла сильный ударъ и самой демократической республикѣ...

II.

— Тѣмъ лучше—перебьетъ меня здѣсь сторонникъ большевизма, — тѣмъ лучше, ибо если демократической республикѣ нанесенъ тяжелый ударъ, то живетъ и здравствуетъ созданная нами рабоче-крестьянская «коммунистическая» республика. Вы, буржуа и мнимые соціалисты, совершили въ февралѣ буржуазную революцію, сваливъ царя. Мы, большевики, совершили въ октябрѣ соціалистическую революцію, низвергнувъ власть буржуазіи и мнимосоціалистическихъ соглашателей.

Благодаря намъ начинается новая эра, эра коммунизма, который съ каждымъ днемъ укрѣпляется въ Россіи, а скоро долженъ зажечь революціоннымъ огнемъ Европу и весь міръ...

Посмотримъ же, что на самомъ дѣлѣ далъ коммунистическаго и даже просто соціалистическаго переворотъ темной октябрьской ночи.

Онъ обѣщалъ осуществить истинное правленіе трудящихся массъ, вручивъ всю власть Совѣтамъ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ и разрушивъ всѣ формы парламентаризма, всѣ органы демократіи, считаемой имъ глубоко буржуазнымъ началомъ.

И онъ далъ намъ рядъ то сталкивающихся въ своихъ дѣйствіяхъ, то практически подчиненныхъ учрежденій, — Совѣтовъ, — которыя, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, являются ничѣмъ инымъ, какъ случайнымъ собраніемъ людей, избранныхъ гдѣ по двухстепенной, гдѣ по трехстепенной системѣ выборовъ, совершенно неподготовленныхъ къ роли законодателя, и покорно, почти безъ всякаго обсужденія, голосующихъ то, что представляютъ на ихъ формальное утвержденіе народные комиссары, зачастую обходящіеся и безъ этихъ «буржуазныхъ формальностей».

Насильственно разогнавъ Учредительное Собраніе, онъ лишилъ Всероссійскую Республику единственнаго органа, гдѣ могла бы проявляться и вырабатываться въ одно гармоничное цѣлое воля цѣлой массы народовъ и племенъ, населяющихъ великую страну, единственнаго органа, при помощи котораго вся Россія могла бы выступать съ достаточнымъ авторитетомъ во внѣшнемъ мірѣ, въ семьѣ культурныхъ націй, защищать свои интересы, отстаивать свои права, участвовать во всемірной исторической жизни.

Большевизмъ обѣщалъ намъ дать справедливый демократическій миръ, по которомъ изжаждался русскій народъ, истомились всѣ народы, миръ безъ побѣдителей и побѣжденныхъ, безъ захвата чужихъ земель, безъ грабежа и конфискацій, извѣстныхъ подъ именемъ контрибуцій, съ правомъ каждой народности располагать своею судьбою.

А что мы получили? Послѣ цѣлаго ряда громкихъ фразъ то о побѣдѣ надъ германскимъ имперіализмомъ, то о священной войнѣ съ хищническими правительствами всей вселенной намъ преподносятъ позорный миръ, миръ — «несчастіе», миръ сепаратный, лишающій Россію сотенъ тысячъ квадратныхъ верстъ и ограбляющій ее на цѣлые милліарды, которые намъ придется платить, согласно нѣмецкой формулѣ, за содержаніе русскихъ военноплѣнныхъ, наконецъ, миръ, отрывающій насъ отъ союз-

ныхъ демократій и оставляющій насъ одинокими, безъ всякой поддержки и защиты, предъ лицомъ могучаго и хорошо организованнаго врага.

И если начавшееся среди рабочаго класса центральныхъ державъ броженіе не выльется въ форму революціоннаго возстанія противъ правительствъ юнкеровъ и имперіалистически настроенныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, то трудно сказать, гдѣ остановятся хищническіе аппетиты Германіи, Австро-Венгріи и ихъ болѣе мелкихъ союзниковъ.

Большевизмъ обѣщалъ внутри Россіи послѣдовательно провести повсюду начало самоопредѣленія народностей, удовлетворить законныя стремленія различныхъ національностей и областей къ политической и культурной автономіи. И онъ почти тотчасъ же послѣ своего появленія у власти ополчился противъ Украйны, Дона, Кавказа, а теперь и противъ Финляндіи, преслѣдуя нелѣпый планъ пропагандистской войны во имя коммунизма и насильственно вмѣшиваясь во внутреннія отношенія между различными классами данныхъ народностей и областей.

А этотъ самый коммунизмъ, который людьми октябрьскаго переворота ставился основною цѣлью ихъ революціонной дѣятельности? Во что превратился онъ?

Украденный у эсъ-эровъ, но окаррикатуренный, искаженный, наскоро принятый законъ о соціализаціи земли способенъ создать въ деревнѣ только рядъ недоразумѣній и грозитъ вызвать весною же страшную поножевщину среди крестьянъ, которые будутъ бродить, какъ въ лѣсу, между противорѣчивыми параграфами декрета и, лишенные органовъ практическаго осуществленія соціализаціи, будутъ вынуждены прибѣгать къ индивидуальнымъ захватамъ гдѣ каждый можетъ и сколько каждый можетъ. Аграрная война грозитъ, такимъ образомъ, возгорѣться между отдѣльными крестьянами, отдѣльными деревнями, отдѣльными волостями, уѣздами и областями. И въ результатѣ этого частнаго и коллективнаго насилія, несомнѣнно, получится обнищаніе огромной массы земледѣльцевъ и скопленіе земельной собственности въ рукахъ кулаковъ и міроѣдовъ, которые уже торопятся записаться въ ряды активныхъ большевиковъ и при помощи политики насилія, проходящей чрезъ всѣ органы большевистской власти сверху до низу, станутъ всемогущими тиранами деревни.

Но соціализація земли еще не соціализмъ. Перейдемъ же къ тѣмъ мѣрамъ, въ которыхъ большевизмъ пытался воплотить всего полнѣе и послѣдовательнѣе свой не просто соціалистиче-

скій,—этого для нашихъ смольныхъ героевъ еще мало,—а коммунистическій идеалъ.

Главы «рабоче-крестьянскаго правительства» знали, или, по крайней мѣрѣ, были наслышаны, что коренное преобразованіе соціальнаго строя должно начинаться съ перехода производительныхъ общественныхъ силъ изъ рукъ капиталистовъ въ руки самого общества. И вотъ наши стремительные революціонеры принялись соціализировать или націонализировать различныя капиталистическія учрежденія.

Увы! Эта соціализація или націонализація свелась неключительно къ разгрому этихъ учрежденій.

Такъ, напримѣръ, первымъ шагомъ къ соціализаціи фабрикъ и заводовъ было введеніе такъ называемаго рабочаго контроля. Но при страшно низкомъ уровнѣ техническихъ навыковъ тѣхъ импровизированныхъ рабочихъ, зачастую изъ неопытныхъ крестьянъ, которые были привлечены войною на заводы и затопили ядро профессіональныхъ, умственно и нравственно развитыхъ рабочихъ; при слѣпомъ озлобленіи, питаемомъ большинствомъ теперешняго рабочаго персонала къ техникамъ и инженерамъ; при разгулѣ эгоистическихъ стремленій, вызванныхъ тягостями и ужасами продолжительной войны, пресловутый рабочій контроль повелъ только къ безпорядкамъ, хаосамъ и закрытію фабрикъ.

Рабочіе дѣлали невыносимою жизнь технически образованныхъ служащихъ на заводѣ, Они устанавливали для себ невозможно короткій при данныхъ условіяхъ рабочій день. Съ другой стороны, они назначали себѣ столь-же невозможно высокую для данныхъ обстоятельствъ заработную плату. Въ иныхъ случаяхъ ихъ наивный эгоизмъ доходилъ до требованія «списать съ основного капитала» учрежденій извѣстную сумму и употребить ее на увеличеніе вознагражденія рабочихъ. Эти злополучные «коммунисты» и не понимали, что основной капиталъ, этотъ предметъ ихъ дѣлежныхъ вожделеній, являлся лишь цифровымъ выраженіемъ стоимости фабричныхъ зданій, машинъ и т. п. матеріальныхъ условій производства, всякое уменьшеніе которыхъ грозило сокращеніемъ самого производства и, стало быть, въ концѣ концовъ уменьшеніемъ заработка трудящихся.

Въ результатѣ инженеры и техники убѣгали съ заводовъ, работа шла, какъ попало, и хозяева предпочитали оставлять свои заведенія въ рукахъ большевистскаго государства, если... если только рабочіе на томъ или другомъ заводѣ не были настолько смышлены, чтобы, понимая неизбѣжное крушеніе

предпріятія, обращаться самимъ къ капиталисту съ просьбою вести дѣло, какъ прежде, и лишь прикрываться ширмою «рабочаго контроля».

Еще поучительнѣе—увы, поучительнѣе въ отрицательномъ смыслѣ—были коммунистическіе опыты большевиковъ надъ финансами, кредитомъ и вообще банковымъ дѣломъ. Націонализація этихъ учрежденій, представляющихъ высшіе, наиболѣе сложные и хрупкіе органы капиталистическаго хозяйства, соперничала по своей продуманности и цѣлесообразности съ дѣйствіями впавшаго въ безуміе человѣка, который, чтобы заставить идти отстающіе часы скорѣе, сталъ бы гвоздить по нимъ молоткомъ и въ довершеніе выбросилъ бы ихъ за окно.

Націонализація, т. е. по существу ликвидація всякихъ операцій частныхъ банковъ, совершенно остановила движеніе средствъ обмѣна и платежа и крайне затруднила и безъ того чрезвычайно замедлившееся обращеніе продуктовъ производства и потребленія. Капиталы попрятались, и наивное отыскиваніе ихъ при помощи ревизіи счетовъ и осмотра безопасныхъ ящиковъ въ банкахъ дало только новый поводъ спеціалистамъ издѣваться надъ сердитымъ безсиліемъ Смольнаго ввести коммунизмъ въ капиталистическомъ обществѣ, не имѣя возможности организовать общественное производство въ отсталой и разоренной войною странѣ съ неудержимо падающею мирной промышленностью и случайно разбухшимъ персоналомъ рабочихъ въ арсеналахъ пушечныхъ и ружейныхъ заводахъ.

Прибавьте къ этому разгромъ большевиками мѣстныхъ органовъ самоуправленія и различныхъ учрежденій, игравшихъ роль питающихъ трубъ, при помощи которыхъ резервуаръ государственнаго бюджета наполнялся платежными и кредитными средствами. Прибавьте къ этому героическую операцію «аннуллированія», отмѣны государственныхъ долговъ, лишившую насъ и заграничнаго кредита. И вы поймете, почему при исчисляемомъ самими коммунистами изъ Смольнаго дефицитѣ въ 20 милліардовъ рублей на текущій счетъ (при 28 милліардахъ расходу и 8 милліардахъ доходу) рабоче-крестьянское правительство принуждено питаться только безпрестаннымъ выпускомъ новыхъ бумажекъ въ размѣрѣ 60 милліоновъ рублей въ день и... мечтами о томъ, не удастся ли ему взыскать съ каждой крестьянской лошади сверхъ двухъ лошадей по 100 р. и столько же съ каждой десятины мужицкой земли сверхъ 25 десятины. Тогда какъ «хозяйственный мужичекъ», котораго имѣетъ въ виду эта мѣра, повидимому, думаетъ на счетъ этого

налога свою думу и подставить агентамъ коммунистическаго фиска не кошелекъ, а—вилы!

Вотъ въ чемъ дѣйствительно октябрьскій переворотъ проявилъ свою «революціонную» сущность по сравненію съ февральской революціей, такъ это въ радикальной перемѣнѣ фронта по отношенію къ основнымъ гражданскимъ и политическимъ свободамъ. Фификая на демократію, на неприкосновенность личности, на свободу печати, слова, собраній, союзовъ, большевизмъ возвратился къ политикѣ самодержавія и усугубилъ тѣ пріемы его управленія, противъ которыхъ была направлена побѣдоносная февральская революція и отъ которыхъ юная демократическая Россія стала было отвыкать.

Владычество Смольнаго самодержавія ознаменовалось возобновленіемъ гоненій на интеллигенцію, на прессу, на высшую и среднюю школу, на профессіональные союзы, запрещеніемъ уличныхъ демонстрацій, запрещеніемъ стачекъ служащихъ и, стало быть, при теперешнемъ «коммунистическомъ» строѣ, стачекъ всѣхъ вообще рабочихъ.

И что всего знаменательнѣе, можетъ быть, при этомъ походѣ возродившагося деспотизма противъ демократическихъ элементовъ новой Россіи, такъ это возвращеніе прежнихъ, царскихъ, способовъ мышленія и прежнихъ, царскихъ же, пріемовъ управленія.

Интеллигенція объявляется, напр., врагомъ народа, измѣнницей законнымъ властямъ изъ Смольнаго. Богъ мой! Что новаго въ этихъ вѣщаніяхъ по сравненію съ царской демагогіей 80-хъ годовъ, когда интеллигенціи «высаживали днище» во имя любви народныхъ массъ къ возлюбленному монарху, или съ царской же демагогіей временъ Столыпина, патетически восклицавшаго: «вамъ нужны великія потрясенія,—намъ нужна великая Россія»?

Бастующіе чиновники, служащіе и рабочіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ клеймятся «саботажниками», «предателями» и подвергаются всевозможнымъ преслѣдованіямъ со стороны нынѣшнихъ властей. Опять-таки что новаго въ этихъ дѣяніяхъ и въ этой словесности по сравненію съ подвигами и циркулярами царскихъ министровъ, ну хотя бы мѣрами Витте и Дурново противъ желѣзнодорожныхъ и прочихъ стачечниковъ 1905 г.,—мѣрами, кстати сказать, воспроизводящими въ свою очередь обычную тиранническую политику западноевропейской буржуазіи по отношенію къ бастующимъ государственнымъ служащимъ? Здѣсь итальянецъ Пелу, французъ Клемансо и россіяне Дурново и Ленинъ свиваются въ одну

гирлянду и отплясываютъ одинъ и тотъ же танецъ насильниковъ и угнетателей.

А мѣры противъ печати, а обосновка ихъ «бесъ лести преданными» публицистами, философами и поэтами Смольнаго? Развѣ мы уже не привыкли къ этому царскому произволу, къ этой вѣрноподданнической словесности при Романовыхъ? Размахъ преслѣдованій прессы теперь больше, цинизмъ аргументаціи преслѣдователей ярче—вотъ, пожалуй, единственная разница между деспотизмомъ Смольнаго и деспотизмомъ Царскаго Села.

Закрыть почти всѣ органы печати — до этого не доходили даже Плеве и Столыпинъ. Но аргументація-то права на закрытіе та же самая, что и при царяхъ. Когда я прочиталъ въ одной изъ большевистскихъ, съ позволенія сказать, газетъ блестящее соображеніе, что Его Величество Смольный хорошо дѣлаетъ, конфискуя и запрещая «контръ-революціонную» печать, ибо дать свободу этой печати отравлять души вѣрноподданныхъ солдатъ и рабочихъ это значило бы одно и то же, что дать врагамъ возможность свободно отравлять удушливыми газами наши войска, я чуть было не прослезился отъ радостнаго волненія: о, небо, я помолодѣлъ на нѣсколько лѣтъ! Вѣдь, какъ разъ эту аргументацію я читалъ въ покойномъ «Колоколѣ» и покойномъ «Русскомъ Знамени».

Пресловутые военно-революціонные трибуналы и трибуналы по дѣламъ печати являются при настоящихъ условіяхъ спеціальными судилищами для лицъ и для органовъ печати, которые въ глазахъ современнаго правительства представляютъ собою опасныя силы, колеблющія соціалистическій рай, существующій въ воображеніи смольныхъ самодержцевъ.

Любопытна во всемъ этомъ водоворотѣ закружившихся общественныхъ классовъ, національностей, личностей, міровоззрѣній и взглядовъ та психологія свершителей и сторонниковъ октябрьскаго переворота, которая заставляетъ ихъ видѣть въ современномъ хаосѣ и распаденіи не только стараго царскаго, но и начавшагося было формироваться юнаго демократическаго строя, зарю новаго періода человѣчества, нѣчто такое, подобнаго чему не было до сихъ поръ въ исторіи, и что входитъ нынѣ въ міръ благодаря русскому большевизму.

И эта вѣра въ необыкновенность, въ исключительность результатовъ злополучной октябрьской ночи идетъ въ двухъ направленіяхъ. У большевизма есть свои оптимисты и свои пессимисты.

О взглядахъ оптимистовъ распространяться долго нечего,

Въ вульгарной формѣ ихъ можно видѣть каждый день на столбцахъ всѣхъ этихъ «Извѣстій», «Красныхъ Газетъ» и прочихъ «Правдъ» и неправдъ, которыя величиною шрифта въ своихъ кричащихъ аншлагахъ на первой страницѣ хотятъ создать въ умахъ своихъ наивныхъ читателей соотвѣтствующее представленіе и о величинѣ совершающейся во всемъ мірѣ соціальной революціи, начатой будто бы въ Россіи октябрьскимъ переворотомъ.

Любопытнѣе взгляды пессимистовъ, тѣмъ болѣе, что въ наиболѣе рельефной формѣ они выражены Р. В. Ивановымъ-Разумникомъ, едва ли не единственнымъ замѣтнымъ представителемъ русской передовой интеллигенціи, котораго съ сожалѣніемъ видишь въ большевистскомъ лагерѣ.

Этотъ авторъ тоже вѣритъ въ торжество всемірной, начатой Россіею революціи, но торжество лишь «далекое». Для ближайшаго историческаго момента онъ, наоборотъ, съ какой-то болѣзненной жаждой выискиваетъ признаки предстоящаго—временнаго, но ужаснаго—крушенія этой революціи.

Въ своей статьѣ «Двѣ Россіи», помѣщенной во второмъ сборникѣ «Скифовъ» (1918), онъ пишетъ въ стилѣ апокалиптическаго импрессіонизма:

«Воскрешенный Іисусъ, Народъ родной страны» — вновь рождается нынѣ въ огнѣ войны, въ грозѣ и бурѣ революціи. Къ старому возврата нѣтъ: «она загорѣлась, звѣзда Востока! Не погасить ее Ироду кровью младенцевъ»... Не погасить, но и намъ—не измѣнить предначертаннаго міровой исторіей крестнаго пути возрожденнаго народа къ новой исторической Голгофѣ. Это—горькая чаша, но, повидимому, неизбѣжная, насъ она не минуетъ; принимая ее, мы не должны забывать однако, что Голгофа для идеи—грядущее ея воскресеніе «въ силѣ и славѣ». И потому—будемъ готовы къ дальнѣйшему тяжелому, тернистому пути, по которому уже идемъ съ самаго начала «великой русской революціи» (стр. 218).

И далѣе:

«Вѣра во всемірность русской революціи, въ далекое торжество ея—вѣра наша. И только вѣра эта поможетъ намъ пережить тяжелые надвинувшіеся и грядущіе дни распятія и «положенія во гробъ» русской свободы—подобно тому, какъ вѣра въ воскресеніе Распятаго оживила сердца вѣрующихъ христіанъ. Вѣра въ грядущее поможетъ пережить надвигающееся настоящее. Впереди—темные дни торжества черныхъ силъ, которыя нынѣ собираются на одной сторонѣ пропасти вмѣстѣ съ развалинами «Святой Руси» (стр. 226).

И наконецъ:

«Въ этой благой вѣсти, которую русская революція несетъ съ собою въ міръ,—наша вѣра и наша надежда на свѣтлое будущее. Какая бы тьма ни упала теперь на землю, какой тернистый, крестный путь ни суждено будетъ пройти русскому народу,—мы за распятой видимъ воскресшую свободу, мы за тьмою видимъ восходящее Солнце» (стр. 231).

Статья помѣчена ноябремъ 1817 г., значитъ, была написана послѣ того, какъ совершился октябрьскій переворотъ. Если вдуматься въ приведенные нами цитаты, особенно въ общій смыслъ всей статьи, и если перевести разсужденія автора съ библейскаго языка на языкъ гражданскій, то точка зрѣнія Р. В. Иванова-Разумника можетъ быть представлена приблизительно такъ.

Октябрьскій переворотъ, это и есть настоящая, соціалистическая революція, которая совершилась въ Россіи и которая является сигналомъ такой же соціалистической революціи во всемъ мірѣ. Но, тѣмъ не менѣе, октябрьскій переворотъ, этотъ давно жданный Мессія, будетъ въ ближайшемъ будущемъ временно подавленъ темными силами реакціи, — буржуазіей, соглашателями, соціалистами не-большевистскаго лагеря, — и возродится въ новой формѣ, съ новою силою лишь позже. И тогда, лишь тогда наступятъ новы небеса и нова земля. А пока мы, истинные, мы, чистые соціалисты, мы, «коммунисты»,—выражаясь по-ленински,—должны быть готовыми ко всякимъ испытаніямъ, ко всякимъ страданіямъ. Ибо сначала «Голгофа», и лишь затѣмъ воскресеніе Христа, чистаго соціализма, и его вознесеніе, и его новое пришествіе, во еже судити живымъ и мертвымъ.

Мы рѣшительно не согласны съ этимъ взглядомъ, съ этимъ историческимъ, хочется сказать, апокалиптическимъ построеніемъ. Для насъ настоящей великой революціей была революція февральская, огромный народный, въ извѣстномъ смыслѣ національный и даже интернаціональный — захватившій всѣ народности Россіи—порывъ, порывъ, въ которомъ выражалась воля всей страны, всей демократіи къ политическому, соціальному, но не соціалистическому творчеству.

И эта революція была настоящимъ Христомъ, который приносилъ намъ новый «законъ», новую «истину», новые пріемы управленія, основанные на свободѣ личности и на солидарности гражданъ, на минимумѣ принужденія, на широкой практикѣ демократическихъ основъ. Во главѣ общественныхъ партій становились партіи соціалистическія, и прежде всего

партія соціалистовъ-революціонеровъ, которая своей аграрной программой придавала соціальный характеръ великому политическому преобразованію. Но всѣ мало-мальски демократическія, хотя бы и буржуазныя партіи по необходимости принимали участіе въ процессѣ созиданія новой республиканской Россіи и всѣ втягивались въ общественную работу ея переустройства.

Только этимъ путемъ могло бы наладиться сживаніе различныхъ партій и различныхъ интересовъ подъ гегемоніей соціалистической демократіи. Внѣ раскрѣпощающаго общественнаго движенія остались бы лишь сравнительно незначительныя кучки и группы реакціонеровъ, которыя стояли бы, за старое. Сама классовая борьба постепенно принимала бы, если хотите, болѣе широкія, но и болѣе мягкія формы, исключающія гражданскую войну...

Октябрьскій переворотъ насильственно перерывалъ эту нить правильнаго демократическаго развитія. Не его били, заушали и распинали, а онъ билъ, заушалъ и распиналъ. Онъ былъ не Христомъ, а тѣмъ служителемъ насилія, который гналъ истиннаго Христа на Голгофу, умерщвлялъ его и прикладывалъ камень ко гробу. Именно октябрьскій переворотъ вводилъ въ управленіе молодой демократической Россіей тѣ формы деспотизма и произвола, которыя носили на себѣ этикетку «священнаго насилія», а были точнымъ воспроизведеніемъ и даже усугубленіемъ пріемовъ самаго подлиннаго царскаго насилія.

Октябрьскій Христосъ Ивановъ-Разумника насильничалъ, распиналъ, раздиралъ соціалистическую демократію на двѣ части, велъ себя, какъ побѣдитель среди побѣжденной нисшей расы, открывалъ походъ противъ интеллигенціи, многострадальной исторіи которой какъ разъ нашъ авторъ посвятилъ немало разсудительныхъ страницъ,—возобновилъ практику обысковъ, арестовъ, запрещеній и разстрѣловъ демонстрацій, закрытій и разгромовъ газетъ, раздувалъ пламя огромной гражданской войны не только между соціалистами и буржуазіей, но и между—и даже больше всего между—соціалистами и соціалистами...

Тучи реакціи надвигаются. Это такъ. Самая непримиримая, самая отсталая часть буржуазіи въ союзѣ съ крупными землевладѣльцами, въ союзѣ съ представителями старой военщины стягиваетъ свои силы. И, увы! та Голгофа, о которой говоритъ Ивановъ-Разумникъ, ждетъ не только его коммунистическаго на словахъ, но насильничающаго на дѣлѣ ложнаго Христа октябрьской ночи. Она ждетъ и дѣйствительнаго Христа февраль-

скихъ революціонныхъ дней, широкую демократическую всероссійскую революцію, которая открывала настежь двери огромной работѣ всѣхъ творческихъ прогрессивныхъ силъ страны.

Но мы надѣемся, мы глубоко увѣрены, что скоро спадутъ чешуи съ глазъ той части трудящихся массъ, которая ослѣплена большевистскимъ Христомъ и идетъ за нимъ, всаживая штыкъ, посылая пули въ грудь своихъ братьевъ.

И если русской трудовой демократіи удастся возстановить свой единый фронтъ, если гораздо лучше ея съорганизованная, дисциплинированная, культурная трудовая демократія другихъ странъ, захваченная намѣчающимся среди нея революціоннымъ процессомъ, придастъ нашимъ трудящимся массамъ больше положительности, серьезности, прочности, то Голгофа будетъ удѣломъ лишь октябрьскаго Христа.

Торжество же великой русской революціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество всемірной революціи, отнюдь не будетъ тѣмъ «далекимъ» праздникомъ воскресенія, къ которому стремится, котораго жаждетъ Ивановъ-Разумникъ, пока что приглашающій насъ, однако, въ какомъ-то ожесточенномъ экстазѣ мученика, заблаговременно и надолго лечь въ гробъ...

Мы вѣримъ въ скорое и окончательное воскресеніе демократической, республиканской, соціалистической, воистину революціонной Россіи.

Н. С. Русановъ.

Охлосъ и Демосъ.

«Народъ не велѣно пущать къ Таврическому... Осади назадъ!»

Такъ говорили демонстрантамъ 5-го января красногвардейцы. Въ Россійской демократической республикѣ правящій демосъ, народъ держали на почтительномъ разстояніи отъ его Учредительнаго Собранія...

Однако, въ залѣ Таврическаго Дворца присутствовали не одни депутаты. Во-первыхъ, на хорахъ была «публика». Во-вторыхъ, въ дверяхъ, въ проходахъ толпился то же какой-то людъ—въ солдатскихъ шинеляхъ, въ матросскихъ форменкахъ. Вѣдь, все это то же былъ «народъ»! И не только потому, что весь этотъ людъ долженъ былъ—въ глазахъ «хозяевъ», имѣвшихъ ключи отъ Таврическаго Дворца,—спеціально изображать изъ себя «разгнѣванный народъ», чьему голосу «Совѣтъ народныхъ комиссаровъ» уступаетъ, разгоняя Учредительное Собраніе, — но и потому, что на какомъ же основаніи можно этихъ рядовыхъ простолюдиновъ въ рабочихъ блузахъ, въ солдатскихъ шинеляхъ и матросскихъ форменкахъ исключить изъ «народа»? Чѣмъ они отличаются отъ такихъ же рабочихъ, солдатъ и матросовъ, шедшихъ, напримѣръ, въ рядахъ демонстрантовъ въ честь Учредительнаго Собранія, а нѣсколько дней позже—провожавшихъ печальный кортежъ гробовъ на Преображенское кладбище?

И все же разница между двумя этими сортами «народа», несомнѣнно, имѣется. Разница не по соціальному составу, разница не по имущественному достатку, не по происхожденію. Но огромная разница во всемъ поведеніи.

И это прежде всего бросается въ глаза, когда мы посмотримъ на огромную выдержку и самодисциплину демонстрантовъ 5-го января. Демонстрація должна была быть мощной. И, несмотря на то, что изъ за угла, изъ дворовъ,

съ крышъ разстрѣливали—часто безъ предупрежденія—толпу, разстрѣливали повторно, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, разстрѣливали злобно, низко и подло, разстрѣливали, цѣлясь въ подставленныя подъ дула винтовокъ открытыя груди рабочихъ и солдатъ, — имъ въ отвѣтъ не раздалось ни единаго выстрѣла. И еще одна, поражавшая всѣхъ наблюдателей, особенность: нѣсколько разъ, встрѣчаемая залпами, волна демонстрантовъ взмывалась послѣ залповъ впередъ, заглушая пѣніемъ революціонныхъ гимновъ стукотню выстрѣловъ; нѣсколько разъ съ потрясающимъ энтузіазмомъ сплачивались вокругъ красныхъ знаменъ, принимая ихъ изъ рукъ падающихъ на землю раненыхъ или убитыхъ. И когда подъ выстрѣлами иные ложились въ снѣгъ, находились цѣлыя группы людей, которые предпочитали пасть жертвой, и, невооруженные, стояли съ гордо поднятыми головами... какая потрясающая картина!

Или эта траурная демонстрація. Десятки, сотни тысячъ людей. Стройныя колонны, густые ряды шпалерами. Ни одного «охранителя общественнаго порядка». Ихъ не нужно. Порядокъ поддерживается самъ собою. Ни давки, ни тѣсноты. На кладбищѣ все убрано, все расчищено стараніями самихъ рабочихъ сосѣдняго Обуховскаго завода. Во время рѣчей ораторовъ—мертвая тишина. Вся программа шествія и торжественнаго чествованія памяти павшихъ выполнена точно, какъ будто тщательно срепетированная заранѣе, подъ руководствомъ опытнаго режиссера. И, между тѣмъ, все это достигнуто именно «само собою», здоровымъ чутьемъ, инстинктивнымъ тактомъ и самодисциплиной рабочихъ массъ. Здѣсь дѣйствовалъ организованный, сознательный «демосъ».

А кто былъ на хорахъ и въ проходахъ Таврическаго Дворца? Тоже народъ? Нѣтъ, шумная, пестрая, безпорядочная «улица». Болѣе рѣзкаго контраста съ тѣмъ, что происходило на демонстраціяхъ 5-го и 9 го января, нельзя себѣ и представить. Да, въ зданіе Таврическаго Дворца ворвалась, со своимъ гамомъ и шумомъ, улица,—объ этомъ свидѣтельствовалъ каждый звукъ и каждый жестъ. Нестройные выкрики, пронзительный свистъ какихъ-то спеціалистовъ этого дѣла, вкладывавшихъ въ ротъ два пальца и наполнявшихъ залъ оглушительнымъ посвистомъ, способнымъ заполнить былинный посвистъ Соловья-разбойника; стража, наряженная якобы для соблюденія порядка и напрягающая всѣ силы для произведенія наибольшаго безпорядка; винтовки и револьверы, направляемые время отъ времени съ хоръ и изъ проходовъ по направленію къ неугоднымъ ората-

рамъ; хулиганскія выходки людей, набранныхъ въ Таврическій Дворецъ, чтобы инсценировать «народное сочувствіе» большевикамъ, и потому чувствующихъ себя вправѣ «располагаться, какъ дома» и класть ноги на столъ; не «народъ», а толпа, какъ будто не знающая, гдѣ она находится,—въ зданіи Учредительнаго Собранія или въ чайной союза русскаго народа, гдѣ каждый можетъ свистать, горланить и, вообще, выражаться болѣе нечленораздѣльными, чѣмъ членораздѣльными звуками,—такова была эта, единственная въ своемъ родѣ, картина, этотъ безпримѣрный скандалъ въ лѣтописяхъ народнаго представительства; скандалъ, въ которомъ дирижирующая роль принадлежала людямъ, носившимъ иногда высокое званіе членовъ Учредительнаго Собранія, иногда—«высокое» званіе членовъ Совѣта народныхъ комиссаровъ. И, чтобы еще болѣе подчеркнуть всю стадность, всю элементарную стихійность этой «толпы», она, вмѣстѣ со своими «верхами», дебютировала въ Учредительномъ Собраніи дикой сценой — колотя кулаками по пюпитрамъ, топая ногами по полу, крича и жестикулируя, словно толпа буйныхъ умалишенныхъ,—при такомъ обычномъ, такомъ естественномъ событіи, какъ попытка старѣйшаго по возрасту члена Учредительнаго Собранія формально объявить его засѣданіе открытымъ и предложить выбрать изъ своей среды предсѣдателя!

Изъ этого простого сопоставленія внѣшняго поведенія уже намѣчается первое, глазомѣрное, грубое различіе. Съ одной стороны—демосъ, народъ, какъ стройное единство, проникнутое единымъ сознаніемъ, единой волей и высоко-развитой самодисциплиной. Съ другой—охлосъ, толпа, улица, чернь, разнуздавшая свои инстинкты, давшая волю своимъ страстямъ, бушующая грубо и дико, какъ элементарная, слѣпая стихія.

Красногвардейцамъ и матросамъ было поручено занять помѣщеніе редакціи и конторы газеты «Дѣло Народа». Они «заняли». И прежде всего—произвели форменный погромъ. Рвали въ клочки рукописи, переплетенные экземпляры разныхъ газетъ, счета, конторскія книги—все, все. Пишущій эти строки помнитъ, какъ въ 1906 году, передъ Столыпинскимъ разгономъ первой Государственной Думы, газета партіи с.-р.,—она тоже называлась «Дѣло Народа»,—подверглась налету царскихъ опричниковъ. Ее окружили вооруженными до зубовъ городовыми, пѣшей и конной полиціей; арестовали всѣхъ, кто былъ въ зданіи; тщательно обыскали всѣхъ и все. Картина была отвратительная—недаромъ предпріятіемъ руководилъ бывшій провокаторъ, а тогда уже чиновникъ особыхъ порученій Статковскій.

Но и тогда «налетъ» не носилъ такого дикаго, погромнаго характера, какъ налетъ Смольной опричины въ эти дни. Тогдашніе городовые и жандармы хранили какую-то, хотя бы внѣшнюю дисциплинированность. Они не впадали въ безобразное, стихійно-злобное изступленіе, не срывали своей злобы на печатной бумагѣ газетъ и конторскихъ книгахъ. Они помнили, что выполняютъ, въ качествѣ служебнаго орудія, какой-то правительственный актъ, и что хоть съ внѣшней стороны правительство не должно выглядѣть въ ихъ лицѣ, какъ правительство погромщиковъ. Элементарное приличіе тогда считали необходимымъ соблюдать. Внѣшняя корректность была чѣмъ-то обязательнымъ. Произволъ заворачивался въ фиговые листы. Показываться всенародно «въ чемъ мать родила» казалось зазорнымъ...

Красногвардейцамъ и матросамъ поручено было произвести обыскъ въ помѣщеніи Вольно-Экономическаго Общества. Обыскъ производился тѣмъ упрощеннымъ способомъ, какимъ это принято теперь. Столы выламывались штыками, больше разрушали и громили, чѣмъ обыскивали. Въ число обнаруженныхъ при обыскѣ уликъ хотѣли во что бы то ни стало втиснуть какую-то пулеметную ленту, о которой даже не могли дать точныхъ указаній, гдѣ именно она обнаружена.

Послѣ обыска въ помѣщеніи Украинскаго клуба портретъ Шевченки оказался проткнутымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ штыкомъ и повѣшенъ головой внизъ.

При обстрѣлѣ отступавшихъ съ Литейнаго проспекта демонстрантовъ ихъ преслѣдовали выстрѣлами въ спину. Затѣмъ, догнавъ ихъ и вырвавъ красное знамя, его ломали въ куски, рвали въ лохмотья, топтали сапогами. Когда-то Милюковъ вызвалъ всеобщее негодованіе соціалистовъ безъ различія фракцій, обнаруживъ словесное неуваженіе къ этой эмблемѣ соціализма, которую онъ обозвалъ «красною тряпкой». Теперь никого не удивляетъ, если эту святую для соціалистовъ эмблему топчетъ тяжелый грязный сапогъ красногвардейца. Ему «все позволено».

На улицѣ отбираютъ у газетчиковъ всѣ газеты. Еще иногда даютъ пощаду газетамъ буржуазнымъ или просто бульварнымъ. Но газеты соціалистическія, являющіяся среди рабочихъ массъ противовѣсомъ «Правдѣ», уничтожаются самымъ безпощаднымъ образомъ: онѣ сваливаются огромными грудами на улицѣ, и черезъ мигъ горитъ веселый костеръ. Огненнымъ языкомъ слизываетъ огонь дочиста строки, вышедшія изъ подъ пера Горькаго, Церетели, Чернова. Фамусовъ и Скалозубъ,

воскресни они въ наши дни, были бы пріятно изумлены. Не они ли мечтали: «чтобъ зло пресѣчь, собрать бы книги всѣ, да сжечь!» И развѣ не порадовало бы ихъ взоровъ, что хоть часть соціалистической литературы торжественно предается на улицѣ всесожженію? Да какой же лучшей подготовки къ будущему торжеству полковника Скалозуба можно желать, чѣмъ это вандальское обращеніе съ печатнымъ словомъ со стороны людей, претендующихъ на званіе соціалистовъ!

Арестуютъ людей... Обыскиваютъ на улицахъ... Въ отвѣтъ на требованіе показать ордеръ получается отвѣтъ: «Ну, ты еще поговори у меня!» — «Штыкомъ подъ ребро хочешь?» — «Безъ пули не обойтись тебѣ!» — «Ну, нечего, нечего, проходи, пока шкура цѣла!» Простой смертный, делегатъ всероссійскаго крестьянскаго съѣзда, избранникъ народный, членъ Учредительнаго Собранія,—всѣ равны передъ этимъ грубымъ солдафонствомъ, достойнымъ худшихъ временъ самодержавнаго произвола.

Въ больницѣ, тяжко больные, лежатъ два «министра-капиталиста». Правда, никакихъ ни капиталовъ, ни фабрикъ за ними не числится, но... они смѣютъ не вѣрить въ соціализмъ! Этого достаточно. На ихъ головы направляется озлобленіе самыхъ темныхъ элементовъ народа. «Министры-капиталисты!» Эта упрощенная формула вполнѣ достаточна. «Довольно они попили нашей кровушки!» — родится при этихъ словахъ темная озлобленная мысль. И разжигаемая этими мыслями толпа немедленно выдвинетъ «передовыхъ барановъ», у которыхъ среди общей темноты сознанія краснымъ туманомъ забродитъ жгучая стихія злобы и мести. Генералъ Духонинъ, Коровиченко, Шингаревъ, Кокошкинъ... Стрѣляютъ въ ѣдущаго по улицѣ Церетели, «случайнымъ выстрѣломъ» на улицѣ оцарапана шея ѣдущаго на извозчикѣ Горькаго. Чья очередь дальше?

При арестахъ и обыскахъ пропадаютъ цѣнныя вещи. Послѣ взятія Зимняго Дворца «совѣтскими» солдатами, долго на улицахъ идетъ торгъ похищенными оттуда вещами. Красногвардейство идетъ рука объ руку съ «краснымъ» хулиганствомъ и «краснымъ» мародерствомъ...

Торжество «совѣтской» власти ознаменовывается нескончаемымъ рядомъ разгромовъ винныхъ погребовъ. Вокругъ мѣста грабежа затѣвается перестрѣлка, порою идетъ правильная осада. И чувствуется, что распредѣленіе мѣстъ едва ли не случайно, и что разгоняющіе могли бы быть на мѣстѣ разгоняемыхъ, и наоборотъ. Ибо въ атмосферѣ грубаго произвола, отсутствія всякой дисциплины, царства всеобщей распущенности не гро-

митъ, не беретъ, не захватываетъ, не «пользуется» въ той или иной формѣ только лѣнивый.

Личная безопасность исчезаетъ. Каждый извозчикъ на собственномъ горькомъ опытѣ знаетъ, до какой степени не обезпечена личность человѣческая теперь на улицахъ столицы, и, выѣзжая ночью, пугливо озирается по сторонамъ, словно онъ—въ дремучемъ лѣсу, гдѣ «пошаливаютъ» и лихіе люди, и дикіе звѣри.

Все это—подвиги о х л о с а.

Что такое народъ? Народъ есть совокупность трудящихся классовъ.

Таковъ былъ одинъ изъ элементарнѣйшихъ пунктовъ стараго народническаго катехизиса.

Но это народъ-«демосъ». А народъ-«охлосъ»? О, этотъ видъ «народа» гораздо пестрѣе...

И прежде всего всѣ тѣ подонки, все отребье населенія—то, что нѣмцы называютъ «Lumpenproletariat», — весь этотъ «воздушный народъ», безъ опредѣленныхъ занятій, безъ правильныхъ средствъ къ существованію, выбитый изъ жизненной колеи, временами впадающій почти въ бродяжество и «босячество», временами какими-то неисповѣдимыми судьбами преуспѣвающій, не очень разборчивый на способы, какими можно преуспѣть,—занимаетъ въ «охлосѣ», въ «черни», въ «улицѣ», выступающей, какъ особая сила, не послѣднее мѣсто. Такъ въ котлѣ въ спокойномъ состояніи вся муть осѣдаетъ на дно, но поставьте его на огонь, заставьте клокотать и кипѣть—и всѣ эти осадки, всѣ эти «подоночные» элементы, вся муть подымается на верхъ и собирается въ грязно-бурую накипь.

Но ряды этихъ «выбитыхъ изъ колеи общественности» состояній, этихъ деклассированныхъ, «declassés», какъ выражаются французы, неимовѣрно растутъ въ эпоху общественнаго кризиса и разрухи. Безработные, бездомные, обнищавшіе, лишившіеся занятій,—эти выкидыши всѣхъ классовъ образуютъ безпокойную, озлобленную пеструю массу. Ихъ озлобленность безпредметна, ихъ настроеніе случайно, ибо какая же прочная равнодѣйствующая общественнаго недовольства можетъ быть среди людей, въ которой подобрались, кто съ бору, кто съ сосенки, въ которой господствуетъ, въ концѣ концовъ, причудливая смѣсь «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній». Вѣдь, поистинѣ, «изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ сюда сошлися для стяжаній». Почва изъ подъ ногъ выхвачена, а между тѣмъ «стяжать» средства существованія необходимо. Создалась уже привычка къ неопредѣленному, непрочности

существованія, отвычка отъ правильной работы, отъ трудовой дисциплины. Наряду съ люмпенъ-пролетаріями, духовно сродни имъ, заводятся люмпенъ-торговцы, люмпенъ-ремесленники, люмпенъ-спекулянты. Всѣ они живутъ кое-какъ, то взносимые на хребетъ жизненной волны,—если «пофартило», то сбрасываемые внизъ. Подвижные, прошедшіе огонь, воду и мѣдныя трубы, «тертые калачи», они всюду въ моментъ народнаго броженія могутъ выдвинуться въ первые ряды, кричать бойче всѣхъ, приспособляться къ кому угодно и выть по волчьи съ волками любой породы. Они сами, какъ соціальное перекати-поле: ихъ можетъ легко подхватить и понести любой вѣтеръ. Легко возбудимые, нервные, въ состояніи возбужденія безудержные и безшабашные, они легко могутъ явиться увѣсистымъ тараномъ въ рукахъ умѣлаго человѣка или умѣлой котеріи и «вышибать» самыя прочныя и наглухо запертыя ворота...

Въ эпоху самодержавія эти элементы давали богатый матеріалъ для черносотенной демагогіи. Надо ли громить евреевъ, надо ли громить интеллигенцію, надо ли «коренному» крестьянину противопоставить буйную деревенскую вольницу, хотя бы купленную или подпоенную кулакомъ; надо ли въ рабочихъ кварталахъ противъ «омѣщанившагося» квалифицированнаго рабочаго двинуть фабричную «чернь», набивающую чайныя союза русскаго народа,—среди этихъ неудачниковъ, непристроенныхъ къ жизни, обрюшенныхъ и озлобленныхъ «чандаловъ» современнаго города можно всегда произвести успѣшный наборъ. Въ эпохи революціи, наоборотъ, эти элементы сравнительно быстро и легко переходятъ въ самый крайній лагерь, перенимая внѣшне его лозунги, безъ милосердія ихъ упрощая, утрируя и коверкая. Соціализмъ, конечно, у этихъ вчерашнихъ адептовъ черносотенства немедленно вырождается въ какое-то плоское, нестерпимо-вульгарное красносотенство съ анархическимъ пошибомъ и наклонностями. Этотъ переходъ съ одного крайняго полюса на другой совершается съ такой легкостью, что уже одна эта легкость заставляетъ задуматься даже самаго легкомысленнаго человѣка. Вотчина безшабашнаго Иліодора—Царицынъ—послѣ революціи со сногсшибательною быстротою превратилась въ одну изъ первыхъ цитаделей истинно-русскаго, «ультрафіалетоваго» большевизма. Вѣрный признакъ, что столь же неожиданно и быстро при иномъ поворотѣ колеса исторіи мы увидимъ «возвратное теченіе»...

Во времена итальянской революціи, «лаццарони» южныхъ городовъ быстро обнаружили, рядомъ съ полной беззаботностью въ политическомъ отношеніи, еще и продажность. Контръ-

революція быстро научилась орудовать въ этой средѣ, вербуя своихъ наймитовъ. Вести классовую борьбу даже неимущіе изъ этой среды неспособны. Они способны лишь громить. Вотъ почему, когда къ ней обращаются соціалисты, они вынуждены давать ей вмѣсто классовыхъ лозунговъ—лозунги соціалъ-погромные.

Въ Италіи тѣхъ временъ число этихъ «лаццарони», этихъ «бездѣльниковъ» было огромно, въ связи съ тѣмъ, что вся хозяйственная эволюція Италіи характеризовалась преобладаніемъ разрушительныхъ процессовъ надъ созидательными. Въ этомъ она походила на Россію. Этому сходству въ исходныхъ точкахъ чисто-экономическаго характера соотвѣтствовало и сходство въ соціально-психологическихъ послѣдствіяхъ. Такъ, напр., эпидемія холеры въ Италіи сопровождалась такими же холерными бунтами, избіеніями докторовъ, ихъ обвиненіями въ систематическомъ отравленіи простого люда, какъ это бывало и въ Россіи.

Погромныя настроенія—основная черта «охлоса», вмѣстѣ съ его легковѣріемъ,—легковѣріемъ въ дурную сторону, т. е. воспріимчивостью ко всякому натравливанію. Хорошо вспаханной психологической почвой для этого является органическая отчужденность и недовѣрчивое отношеніе къ интеллигенціи. Охлосъ и интеллигенція—два противоположныхъ полюса. Если народъ, демосъ тянется къ интеллигенціи и цѣнитъ ее, то чернь, охлосъ—ей завидуетъ, ей недоброжелательствуетъ, и одновременно—обычное душевное противорѣчіе—ее глубоко презираетъ за «чистоплюйство». Черты душевной утонченности, неразлучныя съ интеллигенціей, внутренно противны охлосу: онъ ихъ психологически не переваритъ. Примитивизмъ и грубая стихійность—вотъ его интимнѣйшая сердцевина. Это—двѣ силы непримиримыя.

Въ моменты остраго кризиса, постигающаго народное хозяйство страны, количество «деклассированныхъ» элементовъ возрастаетъ внезапно съ необыкновенной быстротой и въ колоссальныхъ размѣрахъ.

Возьмемъ современный петроградскій пролетаріатъ. При остановкѣ работъ на массѣ крупнѣйшихъ фабрикъ и заводовъ, фактически рабочіе этихъ заводовъ—полудеклассированные. За время войны ихъ составъ лишился цѣннѣйшихъ элементовъ—постоянныхъ, старыхъ, опытныхъ рабочихъ, невѣдомо зачѣмъ угнанныхъ на фронтъ; и съ той же безсмысленностью, характерной для стараго режима, эта убыль была пополнена какъ попало и кѣмъ попало,—пришлыми крестьянами, мелкимъ мѣ-

щанствомъ, прислугой, бывшими дворниками, штатъ которыхъ сократился, и, наконецъ, просто дезертирами. И вотъ — вся эта масса перешла на положеніе временно-незанятыхъ, какъ бы отпускныхъ на какой-то неопредѣленный, вилами на водѣ писанный срокъ, — правда, на неполномъ жалованьи, но все же на жалованьи. Въ другихъ мѣстахъ было и того хуже: на заводахъ водворился какой-то промежуточный режимъ «наканунѣ демобилизаціи», когда не то работаютъ, не то не работаютъ, являются на заводъ, не зная, что на немъ дѣлать, и либо больше слоняясь, чѣмъ работая, либо работая безъ малѣйшей вѣры, что эта работа есть дѣйствительно нужная работа, а не порча матеріала. И, конечно, такое положеніе можетъ только деморализовать, а порою даже развращать рабочихъ, чувствующихъ, что они находятся на положеніи пансіонеровъ государства, ни къ чему настоящимъ образомъ «непривязанныхъ»...

И нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой непрочности положенія для многихъ такимъ благодатнымъ выходомъ явилось пресловутое «красногвардейство». Наши «комиссародержцы» прекрасно поняли эту слабую сторону нынѣшняго пролетаріата и предложили ему блестящій выходъ изъ безработицы: хорошо оплачиваемыя мѣста, съ громкимъ и почетнымъ именемъ «красной гвардіи» и фактическимъ положеніемъ — какой-то иррегулярной, не знающей никакой настоящей дисциплины полу-полиціи, полу-войска для служенія на «внутреннемъ фронтѣ». И вотъ прежде всего хлынула неокрѣпшая, неперебѣсившаяся, не прошедшая трудовой школы рабочая молодежь, — иногда почти подростки, сразу получившіе винтовку и револьверъ въ руки и занявшіе въ рабочихъ кварталахъ то самое положеніе, которое ихъ хозяева—въ Россіи: положеніе побѣдителей, почти завоевателей, у которыхъ во всемъ — своя рука-владыка. Трудно переоцѣнить все значеніе внесеннаго такимъ образомъ въ сознаніе рабочей молодежи соблазна. Еще не разобравшіеся толкомъ въ вопросахъ соціализма полу-ребята сразу стали орудіемъ чисто-партійной власти. Въ странѣ, гдѣ произволъ и взяточничество долгое время были прочною частью быта, въ странѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, не оказалось никакой охраны общественнаго порядка и личной безопасности, этотъ «взлетъ» кверху элементовъ, которые доселѣ въ рабочихъ кварталахъ разсматривались, какъ подчиненные, несамостоятельные, какъ «пятыя спицы въ колесницѣ», не могъ психологически и морально пройти безнаказанно для нихъ. Охлократическое вырожденіе рабочей молодежи началось, можно сказать, по

сигналу, данному сверху. Наверху нуждались въ слугахъ не разсуждающихъ, покорныхъ, усердныхъ до буйства, до способности перестараться. И за деньги ихъ получили...

Другимъ поставщикомъ явился нашъ флотъ. Безъ преувеличеній можно сказать, что у власти, именующей себя «совѣтской», есть цѣлая особая категорія слугъ съ ярко выраженными видовыми особенностями: это — «сухопутные матросы». Они превращены въ какихъ-то спеціалистовъ по всѣмъ областямъ. Надо ли Петрограду зерна? Снаряжаются въ [illegible] мѣста Россіи добывательныя экспедиціи изъ матросовъ. Нужно ли проводить на мѣстахъ какой-нибудь, незамѣченный тугою на ухо Россіею, ленинскій декретъ? Матросы тутъ какъ тутъ. Карательная экспедиція противъ какого-нибудь «контрреволюціоннаго города»? Матросамъ, конечно, отводится видное мѣсто. Нужно, во избѣжаніе винныхъ погромовъ, уничтожить источники соблазна, т. е. именемъ Совѣтовъ обойти винные погреба и перебить въ нихъ бутылки? И здѣсь матросы выручатъ. Надо разогнать городскую Думу? Надо, наконецъ, создать для Учредительнаго Собранія унизительную картину «парламента въ участкѣ»? Надо «твердокаменно» загородить дорогу рабочей манифестаціи, объявленной «калединской»? Паки и паки — матросы!

И, вотъ, движутся туда и сюда сухопутныя «команды дальняго плаванія»... Не бѣда, что Гебенъ и Бреслау держатъ въ страхѣ все русское побережье Чернаго моря. Они будутъ дѣлать свое дѣло, пока не перемѣнятъ фронта и не нарвутся на англичанъ. Черноморскимъ матросамъ некогда: они десятками разстрѣливаютъ флотскихъ офицеровъ въ Севастополѣ, они усмиряютъ крымскихъ татаръ, они заняты на Ростовскомъ фронтѣ. Суша — вотъ отнынѣ истинная стихія матроса... И нечего дивиться при видѣ того, какъ собственными руками матросы Балтійскаго флота подготовляютъ конечную гибель всего своего флота. Они поддерживаютъ власть, разлагающую и оголяющую фронтъ, и своей азартной внѣшней и внутренней политикой подготовляющую оккупацію нѣмцами Прибалтійскаго края. Они, по сигналу изъ Смольнаго, вмѣшиваются въ гражданскую войну, вспыхнувшую въ Финляндіи, вызывая рискъ такого же — только въ пользу другой стороны, — вмѣшательства шведовъ и нѣмцевъ, — вмѣшательства, результатомъ котораго была бы оккупація Финляндіи. И тогда — конецъ Петрограду, угрожаемому съ двухъ сторонъ! И тогда — конецъ всему Балтійскому флоту, замкнутому стальнымъ кольцомъ вражескихъ силъ!.. Широкое участіе матросовъ въ октябрь-

скомъ переворотѣ и въ дальнѣйшей поддержкѣ Смольнаго правительства исторически тяготѣетъ къ трагическому акту самоубійства Балтійскаго флота. Это самоубійство можетъ быть избѣгнуто лишь однимъ путемъ: позорнымъ склоненіемъ революціонныхъ знаменъ передъ Вильгельмомъ и постыднѣйшей капитуляціей, съ согласіемъ на любыя условія мира, которыя только ему заблагоразсудится поставить. Но если даже оно и не будетъ избѣгнуто—что изъ того? Всѣ матросы Балтійскаго флота—я имѣю въ виду оставшихся въ живыхъ—радикально «деклассируются». А охлократія и есть господство деклассированной «красной улицы».

Въ психологіи матроса, живущаго въ объятіяхъ самой непостоянной и перемѣнчивой изъ стихій—моря съ его капризами погоды, которыхъ не предусмотрѣть, съ его внезапными бурями и шквалами, есть что-то отражающее это буйное стихійное непостоянство. И другая особенность — жизнь на самодовлѣющихъ «пловучихъ крѣпостяхъ»—тоже наложила на матросскую среду свой отпечатокъ. Эти черты матросской психологіи особенно умѣло использовали вчера — большевики, а сегодня не менѣе умѣло ихъ начинаютъ использовать анархисты. Буйная удаль, съ примѣсью непостоянства, беззаботная подвижность и неприкованность ни къ какимъ прочнымъ «устоямъ», и, наконецъ, самодовлѣющее противопоставленіе остальному міру, при крѣпкой товарищеской спайкѣ въ собственномъ узкомъ кругу,—это ли не черты, наиболѣе пригодныя для формировки подвижныхъ авангардныхъ отрядовъ, способныхъ стать во главѣ мятущагося «охлоса»?

Третьимъ устоемъ нынѣшней партіи явилось с о л д а т с т в о,—точнѣе, опредѣленная часть солдатства. Какая же именно часть?

Статистика выборовъ въ Учредительное Собраніе даетъ на это совершенно недвусмысленный отвѣтъ: тыловые гарнизоны. Партію большевиковъ послѣ этихъ выборовъ многіе такъ и звали—партіей тыловыхъ гарнизоновъ.

Исторія перехода въ руки большевиковъ Петроградскаго гарнизона была проста, ясна и фатально-неизбѣжна. Все время льстить Петроградскому гарнизону, какъ единственно-надежному оплоту революціи, и препятствовать выводу какихъ бы то ни было частей его на фронтъ, всякому требованію отъ него пополненій, маршевыхъ ротъ, пулеметовъ, выдавая эти требованія за коварный планъ разоружить революцію и подготовить реакцію,—такова была эта нескрываемо-демагогическая линія поведенія. Меньшевики и с.-ры, поскольку они пользовались влія-

ніемъ, преодолѣвали исходящее отсюда сопротивленіе и одерживали побѣды, которыя могли быть только пирровыми: такимъ путемъ они вербовали и выводили изъ гарнизона элементы, находившіеся подъ ихъ вліяніемъ. Оставались лѣнтяи, бросившіе всякое солдатское обученіе и занимавшіеся лишь картежной игрой да лущеньемъ подсолнуховъ; оставались шкурники, естественно предпочитавшіе тылъ окопамъ,—оставались «мѣшечники» мелкіе маклаки, спекулянты и мародеры, занявшіеся торговлей табакомъ, папиросами, сѣмечками, сбытомъ казеннаго добра да пользовавшіеся безплатнымъ проѣздомъ по желѣзнымъ дорогамъ, чтобы исполнять миссію самовольныхъ комиссіонеровъ продовольственнаго дѣла, клавшихъ цѣликомъ въ карманъ всю весьма солидную разницу между мѣстными и питерскими цѣнами на предметы продовольствія... Небольшая примѣсь оставшихся болѣе идейныхъ элементовъ—преимущественно большевиковъ, принципіально уклонявшихся отъ составленія маршевыхъ ротъ,—давала всѣмъ этимъ элементамъ весьма удобную «вывѣску», ширму для своего эгоизма, лѣни и трусости.

Петроградская тактика послужила образцомъ для тактики во всѣхъ другихъ городахъ. Россія до-революціонная, Россія мудраго управленія Протопопова, была вся наводнена непомѣрно разросшимися тыловыми гарнизонами. Частью для того, чтобы слабость русской арміи въ военно-техническомъ оборудованіи возмѣстить изобиліемъ «пушечнаго мяса», частью для того, чтобы по всей Россіи имѣть подъ рукой достаточную военную силу для подавленія революціоннаго движенія, старый порядокъ мобилизовалъ, мобилизовалъ и мобилизовалъ возрастъ за возрастомъ, категорію за категоріей.

Огромное количество людей было оторвано отъ производительнаго труда на сроки, столь длинные, какъ не предполагалъ никто. Между тѣмъ, война затягивалась до безконечности. Они отвыкали отъ своего профессіональнаго труда и быстро подвергались неизбѣжной деморализаціи. Въ извѣстномъ разсказѣ «Мишаньки» Глѣбъ Успенскій нарисовалъ яркую картину того, какъ примитивные типы здоровыхъ, отличныхъ деревенскихъ парней, въ привычной колеѣ трудовой жизни представлявшіе образецъ твердыхъ жизненныхъ правилъ и превосходнаго поведенія,—выскочивъ изъ этой привычной колеи и очутившись въ водоворотѣ незнакомой имъ городской жизни, быстро растерялись, потеряли почву подъ ногами и въ слишкомъ сложной для ихъ грубыхъ мозговъ обстановкѣ потеряли способность различать, гдѣ зло, гдѣ добро. Тыловые гарнизоны

явились самой настоящей лабораторіей такихъ деклассированныхъ солдатчиной, деморализуемыхъ бездѣльемъ тылового казарменнаго прозябанія, безсмысленно ожесточенныхъ безудержной демагогіей «Мишанекъ»...

На фронтѣ тотъ же процессъ нашелъ другихъ, нѣсколько неожиданныхъ агентовъ своего ускоренія. Это были — массами двинутые на фронтъ жандармы и городовые стараго режима. Для того ли, чтобы «загладить» свои старые грѣхи передъ народомъ, или для того, чтобы «саботировать» войну, на которую погнали ихъ, побѣжденныхъ, революціонеры-побѣдители, — но только, по прибытіи на фронтъ, распредѣленные по разнымъ воинскимъ частямъ (свести въ особые отряды ихъ боялись, чтобы эти отряды не послужили легкимъ орудіемъ контръ-революціонныхъ военныхъ заговорщиковъ), они заняли тамъ самую крайнюю позицію. Эти сверхъ-большевики, съ идейнымъ большевизмомъ ничего не имѣвшіе общаго, нашли себѣ податливую аудиторію въ темной, усталой, еще при старомъ режимѣ отвыкшей побѣждать и утратившей вѣру въ себя массъ. Тяга домой, усиленная летаргическимъ замираніемъ фронта въ какомъ-то состояніи неписаннаго, молчаливаго сепаратнаго перемирія, при которомъ приходилось безсмысленно прозябать въ грязныхъ окопахъ, все увеличивала и увеличивала число этихъ мнимыхъ «большевиковъ», которымъ правильнѣе было бы дать имя «домовиковъ».

Такимъ образомъ, не работающіе рабочіе, сухопутные матросы и невоюющіе солдаты—вотъ тѣ «три кита», на которыхъ держится нашъ нынѣшній охлократическій образъ правленія...

* * *

Когда, еще до паденія самодержавія, мнѣ приходилось задумываться надъ характеристикой особенностей всего соціально-экономическаго развитія Россіи,—постоянно мысли мои возвращались къ одной, чреватой величайшими историческими послѣдствіями чертѣ.

Эту черту я опредѣлялъ, какъ крайне неблагопріятное соотношеніе между положительными и отрицательными сторонами русскаго капитализма.

Капитализмъ всякой страны въ эпохи кризисовъ развертываетъ въ наибольшей мѣрѣ свои разрушительныя, человѣкоубійственныя черты; въ эпохи промышленнаго процвѣтанія, наоборотъ,—свои творческія, культурообразующія. Но смѣны

кризисовъ періодами процвѣтанія—только періодическіе приливы и отливы капиталистическаго океана, только зигзаги его хода. Капитализмъ каждой страны, независимо отъ этой «качки», отъ этого крена то въ сторону минусовъ, то въ сторону плюсовъ, знаетъ свою «среднюю» пропорцію; и эта пропорція, конечно, неодинакова въ разныхъ странахъ. Можно даже сказать, что предложить наиболѣе существенную классификацію капиталистическихъ странъ—это значитъ расположить ихъ въ порядкѣ убыванія положительныхъ и наростанія отрицательныхъ сторонъ капитализма. Притомъ окажется, что страны привиллегированныя, въ смыслѣ чрезмѣрнаго перевѣса творческихъ сторонъ капитализма надъ разрушающими, таятъ въ себѣ максимальную опасность буржуазнаго вырожденія пролетаріата. Наоборотъ, страны наиболѣе обдѣленныя, гдѣ капиталистическое хищничество наиболѣе затемняетъ, сдавливаетъ и уродуетъ капиталистическое строительство, чреваты въ наибольшей мѣрѣ прямо противоположной опасностью—охлократическаго вырожденія пролетаріата. Здѣсь, какъ и во всѣхъ областяхъ, есть какая-то норма капиталистической погоды, наиболѣе благопріятная росту на почвѣ буржуазныхъ отношеній соціалистической силы, достаточно сплоченной и культурно-воспитанной процессами капиталистической жизнедѣятельности, и въ то же время достаточно гараптированной отъ мѣщански примиренческаго къ нимъ отношенія. Между пролетарскимъ мѣщанствомъ и пролетарской чернью, какъ между Сциллой и Харибдой, лежитъ средній путь пролетаріата, какъ соціалистическаго демоса.

Если дальше Англіи и Германіи не восходила ни одна изъ европейскихъ странъ на тѣ вершины капиталистическаго развитія, гдѣ свирѣпствуетъ эпидемія омѣщаненія пролетаріата, то глубже Россіи, кажется, ни одна не спускалась на тѣ болотистыя низины этого развитія, гдѣ изобилуютъ міазмы обосяченія его. Нигдѣ, быть можетъ, въ такой мѣрѣ не свирѣпствовало капиталистическое накопленіе, въ союзѣ съ бюрократическимъ хищничествомъ и дворянско-крѣпостнической эксплуатаціей, разрушая всѣ старые «устои», выбивая хозяйственную почву изъ подъ ногъ, выводя изъ жизненной колеи, переворачивая вверхъ дномъ, создавая броженіе, развалъ и распадъ, какъ въ Россіи. И нигдѣ не вознаграждало оно такъ мало, какъ въ Россіи, за эту свою негативную работу—работой позитивной, творящей новые устои общественнаго бытія. Въ связи съ этимъ стояли неналадженность, неустроенность, «ненаѣзженность» русской жизни,

создававшая атмосферу вѣчнаго «переходнаго времени», вѣчной жизни «наканунѣ» чего-то, вѣчнаго переминанія съ ноги на ногу на какомъ-то историческомъ распутьи, среди политической распутицы вездѣ и моральнаго распутинства наверху. «Мятущійся» русскій интеллигентъ, «здѣ града не имущій, но грядущаго взыскующій», въ то же время самъ не знающій, на что опереться, и попадающій то и дѣло въ положеніе «лишняго человѣка», русскій интеллигентъ, этотъ вѣчный идейный бродяга и отщепенецъ, и своими сильными и своими слабыми сторонами отражалъ на себѣ, какъ самый чуткій термометръ, лишь это «бродильное» состояніе всей русской жизни. Развѣ случайно, что первый, по всему духу своему истинно-пролетарскій писатель Россіи, Максимъ Горькій, въ своихъ произведеніяхъ гораздо ярче и всестороннѣе изобразилъ бытъ людей «деклассированныхъ», выбитыхъ изъ всякой жизненной колеи, босяковъ, чѣмъ классово-устойчивыхъ пролетаріевъ новаго капиталистическаго стиля? Развѣ случайно еще въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, когда послѣ долгаго политическаго маразма предшествующаго реакціоннаго лихолѣтья стала возрождаться и искать своихъ путей революція, то одною изъ самыхъ первыхъ замѣтныхъ новообразованій было теченіе, — нынѣ полузабытое,— программу котораго въ шутку окрестили «босяцкой программой?» Теченіе это видѣло наиболѣе горючій и годный къ революціи элементъ въ пролетаризированныхъ, но не нашедшихъ своей жизненной «полочки» подъ ферулой фабриканта элементахъ города и деревни,—въ «резервной рабочей арміи» совершенно особаго рода, такъ сказать, не-капиталистической или «капиталистически-излишней» рабочей арміи, непомѣрное разростаніе которой есть слѣдствіе того, что процессы разложенія всѣхъ старыхъ устоевъ жизни у насъ далеко опережаютъ процессы складыванія новыхъ устоевъ. Это теченіе искало въ пестрой массѣ «разночинцевъ» другой элементъ революціоннаго броженія, полагая, что «разночинецъ» стоитъ въ такомъ же, приблизительно, отношеніи къ заправской «интеллигенціи», какъ и «босякъ»—къ пролетарію. Это теченіе не предполагало, что интеллигентное «босячество» и пролетарски-солдатское «босячество», сыгравъ минимальную роль въ дѣлѣ подготовленія и побѣды революціи, придутъ на готовое сейчасъ же, на второй день послѣ революціи, и своимъ грязнымъ, мутнымъ потокомъ наводнятъ и затопятъ все. Это теченіе не предвидѣло также, что универсальное «босячество» нежданно блеснетъ предъ нами еще одною своею гранью: ужасающимъ моральнымъ босячествомъ, доходящимъ

до краснаго іезуитизма, и такимъ же идейнымъ босячествомъ, превращающимъ соціализмъ въ какое-то уравнительно-коммунистическое «опрощеніе» всей страны, а Марксовскій лозунгъ «экспропріаціи экспропріаторовъ» въ Ленинскій лозунгъ: «грабежъ награбленнаго», въ какой-то универсальный захватническій лозунгъ «на шарапъ!»

Превалированіе въ капитализмѣ разрушительныхъ сторонъ надъ созидательными означаетъ перевѣсъ въ классахъ эксплуатируемыхъ—стихійной ненависти и жажды мести надъ разсчитаннымъ стремленіемъ къ реорганизаціи строя, съ устраненіемъ отвѣтственности персональнаго состава привиллегированныхъ классовъ за ихъ исторически сложившееся классовое положеніе. Эта мстительно-погромная и самосудная стихія всегда притягивала къ себѣ демагогію. Въ революціи 1905 г. она «обрабатывалась» преимущественно максималистами и анархистами. Въ Прибалтійскомъ краѣ она впервые создала «лѣсныхъ братьевъ». На Уралѣ она противъ партійныхъ организацій выдвинула Лбова и лбовцевъ. По всей Россіи она распылилась въ «экспропріаторство», съ его подвигами разныхъ, ни къ какой дисциплинѣ неспособныхъ, «удалыхъ добрыхъ молодцевъ», новѣйшихъ ушкуйничковъ, «красносотенцевъ» революціи.

Въ нынѣшней революціи «большевизмъ», оттертый отъ «демоса» союзомъ соціалистовъ-революціонеровъ и меньшевиковъ, апеллировалъ къ «охлосу», перехвативъ его у максималистовъ и анархистовъ цѣною собственнаго анархо-максималистскаго перерожденія. А такъ какъ война страшно обострила всѣ пертурбаціонные процессы, такъ какъ великая внутренняя всероссійская разруха усиливала все время центробѣжныя силы за счетъ центростремительныхъ, то въ одинъ прекрасный моментъ «охлосъ» сломалъ всѣ тормоза, опрокинулъ всѣ рогатки, сбросилъ всѣ организаціонные недоуздки,—и «демосъ» безпомощно расплылся и потонулъ въ «охлосѣ»...

* * *

Когда приходится задаваться вопросомъ: готова ли Россія къ соціализму?—то обычно взвѣшиваютъ, во первыхъ, степень развитія производительныхъ силъ страны, ибо свести «соціализмъ» ко всеобщему равенству на нищенскомъ уровнѣ значитъ только дискредитировать идею соціализма. Затѣмъ обращаются къ вопросу о степени организованности рабочаго класса—и прежде всего къ степени его экономической организо-

ванности. Среди соціалистическихъ мыслителей болѣе или менѣе общепризнано, что хозяйственная структура будущаго общества будетъ вовсе не «создана изъ ничего» росчеркомъ пера на соціалистическомъ декретѣ. Нѣтъ, эмбріонъ этой структуры долженъ созрѣть уже въ материнскомъ лонѣ буржуазнаго общества, — и тотъ фактъ, что буржуазное общество, какъ mère dénaturée, стремится къ вытравленію этого плода, ничего не мѣняетъ. Кооперативная и профессіональная организація рабочаго класса, со всею совокупностью группирующихся вокругъ нихъ учрежденій, — вотъ этотъ зародышъ. Будущій соціалистическій строй долженъ представлять собою, во первыхъ, огромную, обязательно включающую всѣхъ гражданъ, общенаціональную «потребилку», учитывающую всѣ потребности страны и ставящую, на основаніи этого учета, свой «заказъ» всему національному производству. Во вторыхъ, соціалистическій строй будетъ такимъ же публично-правовымъ союзомъ всѣхъ гражданъ, подѣленныхъ по родамъ занятій,— эти могучія самоуправляющіяся трудовыя корпораціи будутъ автономно управлять соотвѣтственными вѣтвями національнаго производства. Гармонія производства и потребленія предполагаютъ, такимъ образомъ, общенаціональную организованность: во первыхъ, всѣхъ гражданъ, какъ потребителей, — зародышемъ чего являются нынѣшніе частно-правовые союзы, кооперативы; во вторыхъ, всѣхъ гражданъ, какъ производителей,—зародышемъ чего являются нынѣшніе частно-правовые профессіональные союзы.

Совершенно ясно, что моментъ превращенія зародышей будущаго строя,—частно-правовыхъ организацій въ публично-правовыя соединенія, въ органы трудового государства,—будетъ колоссальнымъ экзаменомъ зрѣлости. И не выдержать этого экзамена будетъ значить надолго похоронить собственное дѣло. Прежде, чѣмъ практически попытаться совершенно отстранить буржуазію отъ кормила во всемъ народномъ хозяйствѣ и встать на ея мѣсто, рабочему классу необходимо пройти школу хозяйственнаго самоуправленія въ кооперативахъ и синдикатахъ, не говоря уже о городскихъ муниципалитетахъ и сельскихъ самоуправленіяхъ. Не тотъ рабочій классъ, который громче всѣхъ аплодируетъ самымъ крайнимъ соціалистическимъ требованіямъ на митингахъ, болѣе всего готовъ для соціализма,—а тотъ, который съумѣлъ создать наиболѣе внушительную профессіональную и кооперативную организацію, въ то же время не размѣнявшись на мелочи повседневной дѣловой работы и не забывъ за практической дѣловитостью великаго общаго идейнаго соціалистическаго дѣла.

И профессіональные союзы, и кооперативы вначалѣ бываютъ лишь организаціей передовыхъ кучекъ рабочихъ. Такимъ частно-правовымъ соединеніямъ вдругъ превратиться въ государственные общегражданскіе органы новаго, соціалистическаго строя—было бы такимъ головоломнымъ salto mortale, отъ котораго дѣлу соціализма не поздоровилось бы. Соціализмъ и соціалистическая тактика—не акробатическое искусство. Рожденіе новаго общества будетъ тѣмъ легче, безболѣзненнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ меньше окажется фактическое различіе между принципіально различными частно-правовыми кооперативами, синдикатами современности — и публично правовымъ соединеніемъ гражданъ новаго трудового общества въ территоріально-потребительные союзы, съ одной стороны, въ производительно-трудовыя корпораціи—съ другой. Иными словами, уже на началахъ добровольнаго соединенія кооперативы и синдикаты должны охватить какъ можно полнѣе рабочій классъ, — это разъ; уже на началахъ частной иниціативы они должны пріобрѣсти практику успѣшнаго разрѣшенія самыхъ многосложныхъ хозяйственныхъ заданій,—это два.

Соціализмъ въ экономической области есть ничто иное, какъ переходъ отъ старой системы—самодержавія капиталиста на «его» фабрикѣ, черезъ промежуточную систему «фабричнаго конституціонализма» (къ этому тяготѣетъ все рабочее законодательство, все содержаніе соціалистической программы—минимумъ въ рабочемъ вопросѣ), къ конечной стадіи: полной фабричной демократіи, т. е. трудовой индустріальной республикѣ. Но фабричная демократія требуетъ, чтобы былъ налицо фабричный демосъ. Старое общество, беременное новымъ, боится своего дитяти: вѣдь, оно, какъ въ миѳѣ о Зевсѣ, убившемъ своего отца Сатурна, несетъ ему гибель. Старое общество заинтересовано, чтобы историческіе роды закончились нежизнеспособнымъ выкидышемъ. Вотъ почему процессъ самоорганизаціи рабочаго класса, процессъ выработки изъ аморфной рабочей «массы» выкристаллизованнаго демоса усердно минируется и подрывается наиболѣе предусмотрительными и злостными сторонниками стараго строя. Пока масса находится въ состояніи распыленности, пока она организована лишь поверхностно и на бумагѣ,—до тѣхъ поръ она, быть можетъ, способна дѣлать чудеса въ области борьбы и разрушенія, но она является безпомощной въ дѣлѣ творчества. Людская пыль можетъ вздыматься вѣтромъ, крутиться грандіознымъ смерчемъ, засыпая и погребая подъ своей стихійной тяжестью то, что встаетъ ей поперекъ дороги. Но самыя бурныя движенія «люд-

ской пыли», при всей своей мощи, не гарантируютъ никакихъ прочныхъ и осязательныхъ результатовъ. Все это—лишь метанія охлоса. Охлосъ—это улица, это — толпа, это—чернь, это — людская пыль, соединенія которой стадны, и движенія которой — капризны, неустойчивы и случайны. Строить на нихъ—значитъ, поистинѣ, строить «на пескѣ».

Созданіе изъ аморфныхъ «массъ» — настоящаго «демоса», превращеніе неустойчивой «толпы» въ «народъ» — означаетъ параллельный процессъ: выработки рабочей личности.

Толпа, масса—безлична. Въ ней личность обезличивается. Личностью, отдѣльнымъ индивидомъ въ ней управляетъ по преимуществу стихія массовой заразы. Разныя направленія этой массовой заразы обладаютъ силою и неотвратимостью настоящихъ психическихъ эпидемій. Въ толпѣ личность нивеллируется. Въ «демосѣ», наоборотъ, личность бережно охраняется, все самобытное, оригинальное въ ней выявляется и находитъ арену для своего обнаруженія. «Безличная личность» толпы создаетъ, какъ свое необходимое дополненіе, «вожака стада», движенія котораго имитируются всѣми. Толпа, охлосъ есть необходимое и естественное «подножіе ногъ» какого-нибудь самодержца. Свергнувъ наслѣдственнаго самодержца, она охотно поставитъ на его мѣсто демагога. И чѣмъ усерднѣе будетъ этотъ демагогъ твердить, что онъ—всѣмъ слуга, тѣмъ легче онъ обезпечитъ за собою совершенно тираническую власть и выработается въ маленькаго деспота. Безъ демоса не можетъ быть и демократіи. Ея мѣсто занимаетъ охлократія, съ ногъ до головы опутанная ловкой и беззастѣнчивой демагогіей. За иллюстраціями ходить недалеко: ими пестритъ до ряби въ глазахъ вся дѣятельность совѣта народныхъ комиссаровъ.

Новый строй нуждается въ новомъ человѣкѣ. Пути его трудны. Его не можетъ быть безъ перевоспитанія личности рабочаго человѣка. Безъ такого перевоспитанія «демосъ» будетъ вѣчно скользить по наклонной плоскости назадъ ко впаденію въ охлосо-образное существованіе. Объ этомъ не думаютъ иные «ура—соціалисты», полагающіе, что отваги и натиска вполнѣ достаточно, ибо съ ними штурмомъ можно взять всѣ препятствія—интеллектуальныя, моральныя, психологическія—на пути къ соціализму, ибо ими можно съ успѣхомъ заполнить всѣ пробѣлы и прорѣхи въ подготовкѣ рабочаго класса къ соціализму.

Выработка новой личности... Но кому же не ясно, какимъ колоссальнымъ препятствіемъ для этого служитъ психологическій слѣдъ, врѣзанный въ души тремя годами войны? Оди-

чаніе, ожесточеніе, озвѣрѣніе — медленно и постепенно вели они «тихую сапу» подъ самыя основы душевной устойчивости массъ и, наконецъ, привели къ чудовищному взрыву. Когда, послѣ убійства Шингарева и Кокошкина, двое матросовъ поссорились изъ-за кожаной куртки одного изъ нихъ — «дѣлили ризы его между собою и объ одеждѣ его метали жребій»,— какого еще болѣе яркаго примѣра омертвѣнія духовнаго, затменія совѣсти, обростанія сердца заскорузлой корою можно было желать? И когда на такихъ людяхъ держится «соціалистическая власть»,—развѣ здѣсь, въ немногомъ, краснорѣчиво не выражается многое? Для соціализма нѣтъ цѣнности выше, чѣмъ жизнь человѣческая. Соціалистическій демосъ живо чувствуетъ это. Но псевдо-соціалистическій охлосъ совершенно чуждъ «этихъ глупыхъ нѣжностей». Для него жизнь—копейка, въ особенности чужая; да и своя подчасъ, «коли такая линія найдетъ», не дороже. Это не препятствуетъ періодическому разгулу шкурныхъ инстинктовъ: толпа, чернь соткана изъ противорѣчій. На фонѣ охлократическаго вырожденія нашей революціи послѣ октябрьскаго переворота страннымъ отголоскомъ словно изъ какого-то другого міра было чествованіе годовщины памяти Каляева. Чуткая, глубокая, вдумчивая совѣсть, остановившая его вооруженную бомбою руку, какъ только онъ увидѣлъ, что эта бомба поразитъ сидящихъ рядомъ въ каретѣ великокняжескихъ дѣтей... Какъ это дико въ наши дни, когда изъ тяжелыхъ орудій «во имя соціализма» громятъ цѣлые города, когда случайные жители забиваются въ страхѣ за жизнь въ подвалы домовъ и нерѣдко задыхаются тамъ въ ужасныхъ мукахъ, подъ обвалившимся отъ бомбардировки зданіемъ! Въ наши дни, когда свирѣпый самосудъ сдѣлался «бытовымъ явленіемъ»; когда, въ паникѣ отъ нѣмецкаго нашествія, солдаты, вооруженные «защитники отечества», первые захватываютъ вагоны, выбрасываютъ изъ нихъ всѣхъ пассажировъ—стариковъ, женщинъ и дѣтей; когда съ поѣзда на всемъ ходу сбрасываютъ человѣка, осмѣлившагося «поперекъ слово молвить» озлобленнымъ людямъ, не терпящимъ никакого противорѣчія; когда «защитники родины и революціи», бѣгущіе отъ нѣмцевъ, готовы вести между собою кровопролитнѣйшіе бои вокругъ винныхъ погребовъ; когда разорвать въ куски, растерзать, поднять на штыки готовы походя, — согласитесь, нѣжный образъ Каляева является какъ бы выходцемъ съ другой планеты. Еще такъ недавно этотъ актъ Каляева казался намъ моральнымъ символомъ всей революціи. А теперь?

Но кто думаетъ теперь о воспитаніи моральной личности

рабочаго, о томъ, что новое вино не вливаютъ въ старые мѣхи, о томъ, что для преображеннаго строя нуженъ и новый, преображенный человѣкъ? Мы теперь черезъ все перескакиваемъ декретами, все устраняемъ, черкнувъ перомъ по бумагѣ: «по нинскому прошенью, по щучьему велѣнью — быть по сему!» Перескочимъ и черезъ «новаго человѣка». Вотъ только черезъ одичаніе и озвѣрѣніе не перескочимъ, а запнемся, и сами, сломя голову, окунемся въ него. Въ гражданской войнѣ, которую охлосъ теперь порою ведетъ съ демосомъ, за отсутствіемъ, послѣ пораженія контръ-революціи, другихъ враговъ, охлосъ сплошь и рядомъ побѣждаетъ по очень простой причинѣ: охлосъ ни на секунду не задумывается передъ такими дѣйствіями, отъ которыхъ демосъ не можетъ не отпрянуть въ ужасѣ. Бѣлинскій когда-то сказалъ: негодяи потому въ жизни всегда побѣждаютъ честныхъ людей, что честные люди обращаются съ негодяями, какъ съ честными людьми, а негодяи — съ честными людьми, какъ съ негодяями. Охлосъ состоитъ не изъ негодяевъ, но онъ — законная добыча авантюристовъ и негодяевъ. Боясь ослабить демократію межлоусобіемъ, демосъ дозволяетъ себя скрутить демагогамъ, идущимъ во главѣ охлоса. Ослабленіе демократіи получается сугубое: но вожди демоса утѣшаютъ себя сознаніемъ, что въ этомъ ихъ вины нѣтъ, и въ спокойствіи индивидуальной совѣсти находятъ тихое пристанище отъ вида всеобщаго развала демократіи...

* * *

Перевоспитаніе личности... Соціалистическая культура... Кто думаетъ о ней сейчасъ, когда какое-то «опрощеніе» — финансовое, государственное, экономическое, культурное — сдѣлалось закономъ жизни?

Правда, у насъ былъ когда-то патентованный проповѣдникъ созданія особой «пролетарской культуры», Луначарскій, который нынѣ вѣдаетъ «народнымъ просвѣщеніемъ». Не опровергаетъ ли это наши рѣчи объ охлократическомъ вырожденіи нашей духовной культуры въ этой фазѣ революціи, въ которую мы вступили послѣ октябрьскаго переворота?

Въ эти грозные дни, когда волны нѣмецкаго нашествія, въ разгаръ нашей демобилизаціи и самодемобилизаціи арміи, начали катиться черезъ Прибалтійскій край и Псковскую губернію къ самому Петрограду, — я, не вѣря глазамъ своимъ, читалъ объявленіе о томъ, что въ зданіи Арміи и Флота, управляемомъ гражданкой Луначарской, объявляется «веселая тан-

цулька», со «всеобщей мобилизаціей всѣхъ танцевальныхъ силъ», куда зовутъ всѣхъ «молодушекъ и красныхъ дѣвушекъ» получить свое полное удовольствіе по дешевой цѣнѣ: «за входъ пять рублевъ»... Балами и танцульками полно все. Серпантинъ, бой конфетти, всѣ приманки, вплоть до какой-то «соціальной любви» въ заключеніе вечера, пестрятъ на всѣхъ афишахъ. Все «соціализировано»... Вся мѣщанско-обывательская пошлость хлынула волной внизъ, въ демократію, подъ флагомъ соціализаціи культуры, съ претензіями на революціонныя новшества. Уродуютъ немилосердно авторовъ, «революціонизируя» ихъ, всякій на свой солтыкъ. Въ театрѣ Московскаго Совѣта Р. и С. Д. даютъ Евгенія Онѣгина, гдѣ, согласно Ленинскому декрету о бракѣ, Татьяну заставляютъ не говорить: «я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна», но бросаться въ объятія Онѣгина; Гоголевскую «Женитьбу» ставятъ не иначе, какъ передѣлавъ ея заглавіе въ «Женихи стараго режима», и т. п., и т. п. Всѣхъ больше танцуетъ «красный Кронштадтъ»: тамъ какая-то эпидемія баловъ и плясовъ, тамъ цѣлую ночь пускаютъ ради этого электричество, изъ за недостатка котораго порой у насъ останавливаются заводы и сидятъ вечерами въ полутьмѣ обыватели. Вопіющее опошленіе вкусовъ, побѣдоносно спускающееся съ «верховъ» сытой обывательщины въ низы, идетъ рука объ руку съ «демократизаціей» легкости нравовъ. Въ связи съ заполненіемъ городовъ солдатчиной — здоровенными малыми, поставленными на безсемейное положеніе,— летучіе браки дѣлаются закономъ жизни, и это—тоже сходитъ чуть ли не за соціалистическое отрицаніе нынѣшняго брака и семьи. Охлократія заражаетъ молодую демократію всей поверхностностью, несерьезностью, мелочной, некрасивой и грязной развращенностью мѣщанства. Соціализму грозитъ самая подлинная, самая серьезная опасность отъ этого прикрытія его именемъ вещей, органически чуждыхъ и противоположныхъ малѣйшему намеку на соціализмъ. Все, что есть стихійно-здраваго, примитивно-дѣвственнаго и неиспорченнаго въ психологіи и бытѣ рабочаго человѣка,—заражается болѣзнями перезрѣлой мнимой культуры...

А, между тѣмъ, немногія попытки понести къ народу истинное искусство уже не разъ свидѣтельствовали о томъ, что народная душа способна тянуться къ нему и благоуханно раскрываться навстрѣчу его теплу и свѣту, какъ полевой цвѣтокъ—навстрѣчу солнцу. Сколько трогательныхъ сценъ, сколько потрясающихъ изліяній сохранили въ своей памяти піонеры, приносившіе въ «низы» образцы настоящей, высокой и одухотво-

ренной, утонченной красоты! Но это стремленіе «демоса» къ дѣйствительному эстетическому и интеллектуальному развитію — оно слабымъ ручейкомъ пробивается въ сыпучихъ пескахъ, то и дѣло пропадая въ нихъ; русло его засорено всякимъ мусоромъ, всякими «танцульками» и «Женихами стараго режима». Жизнь вопіетъ о томъ, что необходима особая культурная организація, развивающая вкусы народа, озаряющая часы его веселій радостнымъ свѣтомъ подлинной, возвышающей красоты, спасающая отъ впаденія въ пошлость. А у насъ все-разрѣшающіе «Совѣты», въ погонѣ за вкусами улицы, копируютъ худшія зазыванія моднаго кафешантаннаго жанра. У насъ задача — поднятія умственнаго уровня массъ, серьезнаго самообразованія и ученья,— а у насъ пичкаютъ его упрощенной пищей дешевыхъ популярныхъ брошюрокъ, съ элементарной жвачкой, да насвистываютъ рабочихъ, какъ скворцовъ, на поверхностно-фразистыхъ митингахъ, да, въ погонѣ за популярностью, создаютъ соціалистическія газеты уличнаго, немного не подзаборнаго жанра, вродѣ пресловутой, неподражаемой «Красной Газеты». Вездѣ, вездѣ наглый охлосъ наводняетъ арену и безпомощно тонетъ въ немъ неокрѣпшій демосъ...

Культурныя организаціи... Организація образовательная... Что говорить о нихъ, когда лозунгъ охлократіи—вообще уничтоженіе прочныхъ организацій и замѣна ихъ поверхностными, летучими псевдо-организаціями. Нашъ демосъ въ области государственнаго строительства только-что получилъ было свои опорные пункты: волостныя земства, земельные комитеты, муниципалитеты, уѣздныя, губернскія, областныя земскія учрежденія, увѣнчаніемъ которыхъ должно было явиться Учредительное Собраніе. Но «увѣнчаніе зданія» было обречено на однодневное существованіе. Муниципалитеты, земства, земельные комитеты разгоняются. Довольно съ насъ и «Совѣтовъ»! Это—какія-то универсальныя организаціи. Они организуютъ эстетическое воспитаніе народа, они и образованіемъ его займутся, они и общественное хозяйство поведутъ—все они! У насъ есть кооперативы, которымъ, казалось бы, и книги въ руки по части продовольственнаго дѣла? Объявимъ кооператоровъ «селедочниками», отстранимъ ихъ, а продовольствіе организуемъ посылкой вооруженныхъ красногвардейскихъ и матросскихъ отрядовъ, которые все реквизируютъ, доставятъ, распредѣлятъ — и ладно! У насъ были зародыши профессіональныхъ организацій? Потопимъ эти кристаллы объединенія въ аморфной массѣ, рѣшивъ, что мы уже вполнѣ созрѣли для соціализма, и что потому добровольные профессіональные союзы должны усту-

пить свое мѣсто принудительному соединенію всѣхъ рабочихъ профессій въ публично-правовую организацію, служащую исполнительнымъ органомъ новому, соціалистическому государству!

Вотъ именно: мы до всего дозрѣли, мы къ чему угодно готовы—преготовы. Отличительная особенность «охлоса», сравнительно съ «демосомъ», въ томъ и состоитъ, что охлосъ считаетъ себя готовымъ для всего. Такъ, льстя ему, говорятъ тѣ, кто управляетъ имъ, какъ стадомъ, при помощи этой лести. Только демосъ понимаетъ, какая великая лѣстница развитія, какіе горизонты восхожденій простираются передъ нимъ. Только демосъ отдаетъ себѣ отчетъ въ собственныхъ силахъ и способенъ къ самоограниченію въ своихъ достиженіяхъ и планахъ. Только демосъ приэтомъ трезво взвѣшиваетъ свои недостатки и вооружается для борьбы съ ними. Охлосъ этого чуждъ. Онъ привыкъ къ угодничеству. Истинные друзья, считающіе себя вправѣ говорить ему въ лицо хотя бы горькую и суровую правду, не золотящіе пилюль и желающіе ему «служить, но не прислуживаться»,—его раздражаютъ и досадуютъ. Онъ предпочитаетъ поддакивающихъ и поддѣлывающихся. Подбадриваемый ими, онъ будетъ скользить весело «по тропинкѣ бѣдствій, не предвидя отъ сего гибельныхъ послѣдствій». Это легче и на первый взглядъ пріятнѣе, чѣмъ омрачать свой путь взвѣшиваніемъ препятствій, предостереженіемъ противъ промаховъ, подчеркиваніемъ пробѣловъ и недобора въ силахъ.

Если въ царствѣ демоса, готовясь и взвѣшивая шансы, работаютъ въ сложномъ дѣлѣ общественнаго строительства, то въ царствѣ охлоса — «распоряжаются». Особенно въ царствѣ охлоса, взбудораженнаго войной. Незамѣтно и невидно, своими «нежалящими когтями» бытовая обстановка военнаго времени цѣпко впивается въ психологію и ужъ не выпускаетъ ее. Посмотрите на всю работу «октябрьской» власти. Вглядитесь хотя въ самый текстъ, въ самый языкъ ея законодательствованія. По содержанію, по стилю, по всему ея «декреты»— суть настоящіе «приказы по соціальной арміи». По способамъ проведенія ихъ въ жизнь дѣятельность новой власти дастъ намъ опять какую-то картину своеобразнаго «штыкъ-соціализма». Давно уже было отмѣчено, что законодательство новой власти совершенно не обнаруживаетъ не только дѣятельности, но даже и сколько-нибудь серьезныхъ намѣреній и плановъ *организаціоннаго* характера въ области производства. «Взять» и «раздать» — въ этомъ альфа и омега экономической мудрости. Она живетъ на *готовомъ*, распоряжаясь этимъ готовымъ и *проживая* его—совершенно «по военному». Она не заду-

мывается даже передъ тѣмъ, чтобы жить за счетъ полуизношеннаго основного капитала страны. Соціализмъ въ охлократическомъ его изданіи—словно армія, совершившая оккупацію чужой территоріи и накладывающая руку на его запасы. Самая «экспропріація экспропріаторовъ» у нихъ принимаетъ примитивный характеръ контрибуцій, налагаемыхъ на буржуазію покоряемыхъ контръ-революціонныхъ городовъ. Псевдо-соціализмъ охлократіи насквозь пропахъ казармой. Нужды нѣтъ, что этотъ соціализмъ провозглашаетъ себя непримиримѣйшимъ врагомъ войны и милитаризма. Онъ самъ духовно подвергся казарменному перерожденію, сталъ своеобразнымъ милитарнымъ соціализмомъ.

И охлократія шагаетъ тяжелымъ солдатскимъ сапогомъ, топча молодые всходы демократіи,—грубая, топорная, жестокая. Самодурствомъ она потягается съ самодержавіемъ. Охлократія есть не царство возставшихъ гражданъ, а царство взбунтовавшихся рабовъ. Но рабъ, не отдѣлавшійся отъ рабьей психологіи, привыкъ къ деспотизму, и мыслитъ себѣ день освобожденія, лишь какъ право перевернуть остріе деспотизма въ противоположную сторону, взявъ его рукоятку въ собственныя руки. А что затѣмъ онъ остріемъ деспотизма начинаетъ сослѣпу тыкать, и зря, по сторонамъ, въ своихъ собственныхъ братьевъ, — такъ, вѣдь, это такъ понятно, такъ естественно... Особенно принявъ во вниманіе, что демагоги, накаляющіе и разжигающіе его самыя элементарныя страсти, для поддержанія своего господства должны вѣчно натравливать его на «чужихъ», на возможныхъ конкуррентовъ по вліянію. Одна изъ особенностей охлоса — рядомъ со слѣпымъ повиновеніемъ пресмыкающимся передъ нимъ по видимости демагогамъ, болѣзненная недовѣрчивость и подозрительность, воспитанная наусьниваніемъ, клеветой и всеобвинительнымъ жаромъ фанатиковъ. Психологію охлоса ничего не стоитъ отравить. И отравленныя сѣмена даютъ ядовитые всходы злобы, ненависти и мести. Охлосъ живетъ пережевываніемъ собственной отрыжки—воспоминаніями о былыхъ обидахъ, гнетѣ и униженіи и жаждой заплатить окомъ за око и зубомъ за зубъ. Ему чуждо желаніе демоса—быть великодушнымъ въ своей побѣдѣ. Только демосъ, дойдя до освобожденія, хочетъ глядѣть впередъ, а не назадъ, хочетъ оставить открытыми ворота въ новую жизнь даже тѣмъ, кто былъ жертвой своего привиллегированнаго классоваго положенія и, пробуя противиться побѣдному ходу впередъ колесницы исторіи, угодилъ было подъ ея колеса...

* * *

Борьба охлоса съ демосомъ... Это — не надо забывать — вовсе не есть борьба двухъ внѣшне разграниченныхъ коллективныхъ силъ. Это — борьба двухъ началъ въ душѣ народной. Подлинно, «двѣ души живутъ въ его груди, и одна хочетъ разлучиться съ другой»...

Въ «охлосѣ» есть, конечно, элементы чужеядные, пристроившіеся сбоку и способные лишь грязнить все, въ чемъ принимаютъ участіе. Какой-нибудь «Гонка-каторжникъ», уголовный, опоясывающій рукавъ красной лентой, чтобы на основаніи «Ленинскаго декрета» повести деревенскую голытьбу на разгромъ и расхищеніе образцоваго имѣнія, взятаго въ свое завѣдываніе земельнымъ комитетомъ, и разгоняющій, для большей свободы дѣйствій, и этотъ земельный комитетъ, и волостное земство, якобы «продавшіеся буржуазіи», какой-нибудь бывшій жандармъ, большевикствующій ради своей шкуры противъ наступленія на фронтѣ; мартовскій революціонеръ, затыкающій за поясъ всѣхъ въ неистовствѣ самой красной демагогіи — все это просто клещи, впивающіеся въ тѣло народной революціи. Но они — меньшинство. Они только способствуютъ завѣдомо своекорыстно развращенію «охлоса». Большинство же — это сѣрая масса «Мишанекъ» и «Кудинычей», поверхностно съагитированныхъ наиболѣе крикливыми и фразистыми демагогами, состоитъ изъ обыкновенныхъ русскихъ людей, по существу не злыхъ, а лишь обозленныхъ, по существу не хищниковъ, а лишь разгильдяйски неряшливыхъ къ общественному добру, по существу не продажныхъ и не безчестныхъ, а лишь страдающихъ болѣзнью истинно-русской распущенности, по существу не насильниковъ, а лишь грубыхъ и привыкшихъ къ «своимъ средствіямъ», по существу не равнодушныхъ къ судьбамъ траны, а лишь по-дѣтски или по-дикарски легкомысленныхъ.

Это — лишь сырой матеріалъ для будущаго «народа», но еще не «народъ» въ томъ истинномъ смыслѣ этого слова, который дѣлаетъ огромный численный, *большой* народъ ео ipso *великимъ* народомъ.

Въ каждомъ отдѣльномъ человѣческомъ экземплярѣ этого народа происходитъ психологическая борьба охлократическаго начала съ демократическимъ. Торжество перваго начала лежитъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Здѣсь — разнуздываніе страстей, здѣсь — самонадѣянное развязываніе себѣ рукъ, здѣсь — предъявленіе *требованій* отъ *жизни*, освобожденное отъ «бременъ неудобоносимыхъ» признанія своихъ *обязанностей* передъ *жизнью*. Торжество второго начала можетъ воспослѣдовать лишь въ результатѣ великихъ жизненныхъ испытаній и тяжелыхъ историческихъ родовъ.

При великой темнотѣ, великой неопытности и духовной первобытности массъ, можетъ создаться положеніе, когда путь охлократическаго вырожденія народнаго движенія долженъ — хотимъ мы этого или не хотимъ — быть пройденъ до конца. Пусть онъ поставитъ подъ величайшую угрозу всѣ завоеванія революціи, весь народъ, всю страну, пусть самое бытіе ея будетъ поставлено на карту, — ничего не подѣлаешь. Урокъ самой жизни, горькій урокъ опыта долженъ быть данъ, ничѣмъ не возмущенный, въ чистомъ видѣ. Иначе опять и опять будетъ повторяться паденіе, и его удастся внѣшнею силою лишь прерывать—и тѣмъ самый процессъ его лишь затянуть. Порою приходится быть невольнымъ зрителемъ того, какъ свернувшіе, несмотря на всѣ окрики и предостереженія, на ложный путь, должны пройти его до конца. Вино откупорено—его надо выпить. И что значитъ при этомъ знаніе сторонняго зрителя, что это вино пьющему—отрава!

Но, наконецъ, долженъ наступить и наступаетъ поворотный моментъ.

Народъ долженъ испугаться самого себя—и отъ этого проникнуться мужествомъ.

Путемъ тяжкаго похмѣлья, горькихъ разочарованій и душевныхъ утратъ, порою послѣ обусловленнаго ими духовнаго столбняка наступаетъ кризисъ. Онъ можетъ и долженъ быть смертельнымъ для охлоса. Онъ можетъ и долженъ быть рожденіемъ демоса.

Не отчаивайтесь въ народѣ, не ставьте надъ нимъ крестъ, когда онъ, какъ взрослый ребенокъ, играетъ съ огнемъ, рискуя поджечь—и даже поджигая — собственную хату. Это—не безнадежный больной и не испорченный отъ природы, а лишь стихійный человѣкъ. Умѣйте продолжать любить его и жалѣть его. Не любя, нельзя ему помочь выздоровѣть духовно. Не вѣря въ запасъ его неисчерпанныхъ силъ, нельзя развернуть всю полноту собственныхъ силъ ему въ помощь.

Любите его «черненькимъ». Любите не слащавой, сентиментальной любовью прекраснодушныхъ народо-поклонниковъ, а« ненавидящей любовью» друга, истиннаго друга, не боящагося бичевать во имя любви все, недостойное любви.

И тогда вы сдѣлаете все, что въ силахъ человѣческихъ, для подготовки великаго историческаго событія: рожденія изъ хаоса, изъ человѣческой пыли, способной къ вырожденію въ охлосъ,—рожденія изъ него великаго демоса—этого будущаго деміурга Исторіи...

Викторъ Черновъ.

Стихія и творчество.

(Русская литература предъ лицомъ революціи).

I.

Революція 1917 года разразилась стихійно, нежданно.

Неизбѣжность революціи, завершающей политическое освобожденіе Россіи и начинающей новую эпоху ея соціальнаго переустройства, была ясна всѣмъ уже сейчасъ же послѣ первыхъ проявленій «неудачи», пораженія 1905—7 гг. Міровая война, поставивъ на очередь съ небывалою напряженностью вопросъ о коренномъ переустройствѣ всей Европы, въ особенности приблизила къ осуществленію мечту о переворотѣ въ Россіи. Его ждали, къ нему *пробовали* готовиться, чувство «такъ дольше жить нельзя» наростало и снова—какъ въ 1905 году—становилось всеобщимъ. И все-таки стремительная быстрота, размахъ радостныхъ событій всѣхъ увлекъ, поразилъ. Жизнь стала похожа на сказку, сказка, казалось, становилась жизнью. Армія стала вмѣстѣ съ народомъ, солдатъ и рабочій помогали другъ другу въ борьбѣ со старымъ, въ строительствѣ новаго. За этою первою побѣдоносной волной поднялась и сермяжная, провинціальная Русь, поднялось крестьянство. Кровно связанная съ массами демократическая интеллигенція вложила всю душу, всѣ силы и страсть свою въ работу надъ созиданіемъ новой Россіи. Лозунгъ «сознательность и организованность» настоятельно подчеркивался работниками Совѣтовъ, мѣстныхъ самоуправленій, союзовъ и обществъ. И лозунгъ этотъ, казалось, былъ близокъ, понятенъ, ощутимъ для *всей* массы, жадно набросившейся на книжки и брошюры, хлынувшей на лекціи, собранія, митинги, жаждавшей *дѣлать*, *творить* жизнь и *учиться*, *просвѣщать* духъ въ одно и то же время. Многіе люди, пережившіе событія 1905 года, глубоко переболѣвшіе

всѣ тогдашніе промахи, ошибки, слабости движенія, сравнивая «тогда» и «теперь», склонны были превозносить нынѣшнюю «великую» революцію надъ той «малой». *Тогда*, говорили эти люди, движеніе было заговорщическимъ, партійнымъ, сектантскимъ, *интеллигентскимъ*, теперь революція подлинно *народная*, революція трудовыхъ массъ—рабочихъ, солдатъ и крестьянъ. Тогда были слова и хорошія книжки, теперь дѣла, борьба и соціально-политическое строительство стоятъ на первомъ планѣ. Теперь здравый смыслъ и революціонное, непосредственное чутье массъ разрываютъ путы старыхъ догматовъ и пріемовъ, куютъ новыя формы здоровой, жизнеспособной демократіи...

«Отлетѣли цвѣты, догорѣли огни»... Чѣмъ дальше развивалась революція 1917 года, тѣмъ чаще стали вздыхать о 1905 годѣ и корить новое старымъ. Любопытно отмѣтить, что какъ разъ тѣ, которые въ началѣ нынѣшней революціи больше всего ругали «узкую», «близорукую» партійную интеллигенцію и возлагали всѣ надежды на «здоровые инстинкты» массъ, теперь, обратно, не щадя сильныхъ и рѣзкихъ словъ для обличенія темныхъ и разнузданныхъ массъ, снова превозносятъ до небесъ героическую и чистую духомъ интеллигенцію. Напротивъ, тѣ, кто вначалѣ съ невѣроятнымъ упрямствомъ и слѣпотою «повторяли зады» революціонной фразеологіи 1905 года, пытаясь совершенно *вычеркнуть* изъ русской жизни и сплошь замазать «дегтемъ» двѣнадцать лѣтъ «проклятой реакціи», теперь превратились въ апостоловъ новой «самобытной» революціи и всячески стараются принизить творческое значеніе сознательнаго меньшинства (революціонной интеллигенціи), превращаясь въ прислужниковъ и присяжныхъ хвалителей «народной» стихіи. «Стихія», вообще, въ наши дни стала новымъ божествомъ. Воля «народная», воля трудящихся массъ, воля большинства нынѣ считается не только *силою*, на которую *естественно и неизбѣжно* должно опираться здоровое общественное и государственное строительство, но всегда правильною, благою, безгрѣшною основою жизни, противъ которой никто не *смѣетъ* возражать, спорить, бороться. Идеалъ демократіи, какъ общества свободныхъ и равныхъ гражданъ, признанъ устарѣлымъ, «мѣщанской» выдумкой, онъ замѣненъ «диктатурой народа» (другіе говорятъ: пролетаріата) и уже обрисовываются контуры своеобразнаго строя «кверху дномъ», гдѣ вчерашніе рабы—мученики станутъ жестокими и мстительными самодержавными владыками, а вчерашніе «баре», «буржуи», «образованные» и прочіе «эксплоататоры» (категорія, опредѣляемая нынѣ исклю-

чительно «на глазъ», «по платью», по «чутью») превратя въ презрѣнныхъ паріевъ, ограниченныхъ, «пока не исправятся», въ гражданско-политическихъ правахъ и *обязанныхъ* отдавать всѣ свои силы, знанія, идеи на *потребленіе* новымъ «хозяевамъ жизни», притомъ именно такъ и въ такихъ предѣлахъ, какъ эти хозяева сочтутъ удобнѣе и выгоднѣе для укрѣпленія своей власти.

Строй этотъ кощунственно именуется соціалистическимъ (или «переходнымъ къ соціалистическому»), хотя худшей карикатуры на соціализмъ нельзя придумать. Господство элементарныхъ потребностей, сытой и — главное — *властной* стихіи надъ творческой и свободной работой *разума*, сознательно устраняющей, организующей жизнь *волею* равноправныхъ личностей — есть главнѣйшая черта этого угрожающаго намъ — а кто знаетъ, можетъ, и всей Европѣ — «троглодитскаго» лже-соціализма. Нѣчто въ этомъ родѣ пророчески предвидѣлъ геній Герцена, когда онъ предсказывалъ, что соціализмъ (въ смыслѣ чисто внѣшней экономической формы жизни) можетъ развиться «до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей» и тогда... «изъ груди протестующаго меньшинства снова вырвется крикъ отрицанія».

Да, что бы ни говорили люди, склонные идеализировать массу и «лежать на брюхѣ» передъ «богомъ-народушкою» (во всѣхъ видахъ), а «протестующее меньшинство» всегда останется единственнымъ *постоянно*-прогрессивнымъ факторомъ историческаго развитія. И какъ ни малы были *объективные* результаты революціоннаго движенія 1905 года, въ немъ была одна вѣчная, незабываемо-свѣтлая сторона, — «народъ» и «интеллигенція» тогда дружно шли *вмѣстѣ*.

Революція 1905 года была не только кореннымъ переломомъ въ политической исторіи Россіи, она была великимъ *культурнымъ* событіемъ. Годы, предшествовавшіе этой революціи и непосредственно за ней слѣдовавшіе, были годами удивительно напряженной идейной работы во *всѣхъ* областяхъ жизни духа: въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ, общественной мысли, религіозныхъ исканіяхъ, чистой «политикѣ». Счастливъ, кто жилъ и особенно *росъ*, *созрѣвалъ* въ эти годы. Громадное ихъ значеніе особенно видно, конечно, теперь, ретроспективно, тогда многаго современники не дооцѣнивали и не видѣли: что имѣемъ, не хранимъ, потерявши плачемъ, — къ сожалѣнію, таковъ почти неизбѣжный законъ культурно-исторической расточительности. Правда, на это могутъ возразить: вотъ, навѣрное, и про 1917 г. также *потомъ* будутъ говорить, а теперь «хаятъ». Что жъ, я съ этимъ особенно спорить не буду. Только напомню, что,

говоря о 1905 годѣ, я разумѣю и *предшествующіе* и *послѣдующіе*, значитъ, если кто захочетъ потомъ оцѣнить по заслугамъ «семнадцатый» годъ, долженъ связать съ нимъ культурно-политическій сдвигъ за 12 лѣтъ такъ называемой «реакціи». Не будь *этого* сдвига, не будь этой живой традиціи, *связавшей* 1905 г. съ 1917-ымъ, кто знаетъ, какіе еще худшіе сюрпризы преподнесла бы намъ «чисто-стихійная» революція. Но эта связь—традиція подобна хрупкой ниточкѣ.

Слишкомъ много испытаній и непосильно-тяжкаго труда подъяло на себя только-что крѣпнувшее молодое поколѣніе, которое представлялось болѣе свѣжимъ и достойнымъ «узрѣть Царствіе Твое» усталому, опаленному неудачею 1905 года поколѣнію старшему. Особенно роковую роль сыграла въ этомъ процессѣ разрушенія нѣжныхъ ростковъ—возможностей новаго *здороваго* подъема, проклятая міровая бойня, стихійно обрушившаяся на Россію. Она ускорила *стихійную* революцію, но нанесла страшныя раны зародышамъ новой культуры и организаціи во имя революціи! Этотъ тяжелый болѣзненный процессъ нашелъ полное выраженіе въ *художественной литературѣ* послѣднихъ десятилѣтій. Чередованіе взлетовъ и паденій, попытокъ радостно принять жизнь и жуткаго бѣгства отъ жизни, глубокій внутренній «надрывъ», «червячокъ», растерянность духа, плохо прикрытыя хитроумными философическими сплетеніями и стараніемъ прославить стихію, «бунтовать» во чтобы то ни стало, мучительная скорбь за народъ и личность въ настоящемъ и очень слабая вѣра въ *будущее* Россіи, при еще болѣе слабомъ *сознаніи* формъ и путей къ этому будущему,—вотъ что мы найдемъ въ поэтическихъ и критико-публицистическихъ твореніяхъ бурной эпохи войны и революціи.

Во время революцій «принято» упрекать и обличать литературу (или искусство вообще) въ «безсловесности», отчужденности отъ жизни, отсталости. «Литература не на высотѣ событій», «жизнь прошла мимо и поверхъ литературы», искусство стало ненужнымъ, блѣдной тѣнью (копіей или фантазіей, мечтой) передъ яркимъ заревомъ жизненнаго творчества. Сколько такихъ близорукихъ, пошленькихъ сужденій слышали мы въ 1905 году, слышимъ и теперь. Говорящіе такъ, очевидно, разсматриваютъ литературное и всякое иное творчество, какъ второстепенную прибавку къ жизни, какъ забаву, украшеніе, орудіе морали или политики, форму познанія дѣйствительности, вообще, какъ нѣчто не только порождаемое *при содѣйствіи* жизненныхъ событій, но и судимое всегда съ

точки зрѣнія «соотвѣтствія» уровню этихъ событій. Но думать такъ, значитъ, не понимать, не чувствовать самаго главнаго и «священнаго» въ художественномъ творчествѣ, его внутренней свободы, самозаконности, культурной автономіи. Искусство—великій спутникъ и вожатый жизни, искусство всегда создаетъ свой міръ бытія, міръ *идейныхъ* (не *только* «формальныхъ») *эстетическихъ цѣнностей* сложною связью сплетенныхъ со всѣми иными цѣнностями (этическими, научными, политическими, даже техническими). Этотъ міръ цѣнностей, существованіе и своеобразный («не физическій», «не психическій») характеръ котораго все чаще и единодушнѣе подчеркивается философскою мыслью нашихъ дней, конечно, не есть особый міръ метафизическихъ «идей», «сущностей», пассивно «находимый» и «воспринимаемый» нашимъ слабымъ и несовершеннымъ духомъ, нѣтъ, это міръ, нами непрерывно *творимый* и непрерывно *развивающійся* въ живомъ взаимодѣйствіи съ міромъ нашей соціальной, коллективной психики. Понявъ это, мы найдемъ легче объясненіе тому интересному факту, что великія событія жизни почти всегда *предваряются* или *завершаются* великими произведеніями искусства, но очень рѣдко непосредственно сопровождаются ими. Художникъ-поэтъ чуетъ приближеніе грозы и указываетъ на нее тогда, когда люди будней еще не въ силахъ ее услышать. Переживъ великія минуты грозы, художникъ копитъ въ душѣ впечатлѣнія своего созерцанія и рождаетъ достойное ихъ произведеніе, когда эти бури уже затихаютъ. «Прошла любовь, явилась Муза»—писалъ Пушкинъ и сколькіе за нимъ повторяли это признаніе. Не одни бури личной любви—страсти, но и бури общественныя придаютъ силы «Музѣ», уже склоняясь на ущербъ, къ закату. Нужно овладѣть потокомъ жизни, чтобы драгоцѣнные камни, несомые въ его часто слишкомъ мутныхъ и судорожно пѣнящихся волнахъ, — осѣли на дно души и заблистали ослѣпительно - чистымъ свѣтомъ передъ взорами воспринимающихъ художественное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, таковъ законъ творчества художниковъ-поэтовъ, могучихъ, вѣчныхъ, творчества «классиковъ», не въ узко-«партійномъ», а въ широкомъ «образцовомъ» смыслѣ слова. Вѣчная, несбыточная мечта романтиковъ создать искусство-мистерію, искусство-жизнь, искусство-безконечность обрекаетъ ихъ на безкрылыя муки незавершенности и тоски, превращаетъ ихъ въ рабовъ настроенія и мимолетныхъ впечатлѣній жизни. Произведеніе романтическое по своему духу и идеямъ остается въ вѣкахъ и поколѣніяхъ лишь тогда, когда оно хотя бы

по формѣ своей приблизилось къ «классическому» стилю, иначе оно будетъ только любопытной рѣдкостью, чудачествомъ, обломкомъ эпохи или неудавшейся «пророческой» формой, что́ «отцвѣла, не успѣвши расцвѣсть». Стихія творчества облагораживается и возвышается только мѣрою, формою, органически соотвѣтствующей содержанію, только Аполлонъ можетъ ввести буйнаго Діониса въ ряды просвѣтленныхъ олимпійцевъ, иначе онъ останется за порогомъ въ оргіяхъ и хаосѣ. И часто бываетъ такъ, что бурлящая въ творческомъ хаосѣ жизнь не замѣчаетъ, не дооцѣниваетъ въ современномъ этимъ бурямъ искусствѣ именно самыхъ крупныхъ произведеній, кровно связанныхъ съ этимъ хаосомъ, но уже подымающихся надъ нимъ, облагораживающихъ, обобщающихъ его первое наслѣдіе.

Примѣры можно найти во всѣ эпохи. Хорошо извѣстно, какъ мало были поняты величайшіе наши художники — Тургеневъ, Л. Толстой и Достоевскій современной имъ публикой и критикой, какъ скоро оцѣнило ихъ уже ближайшее потомство. На нашихъ глазахъ такой же приблизительно процессъ произошелъ съ Чеховымъ, теперь приходитъ очередь для «буревѣстниковъ» 1905 г.—Горькаго, Андреева, Куприна, лучшихъ «декадентовъ». Попробуйте перечитать ихъ *тогдашнія* (о значеніи этой оговорки пойдетъ рѣчь дальше) произведенія,—силою, свѣжестью, зрѣлостью формы даже поразятъ они васъ. Загляните въ критику и невольно изумитесь, неужели *эти* люди читали *эти* произведенія, какъ могли они *такъ* ихъ видѣть, не замѣчать «главнаго», «основного»... для насъ. Да, для *насъ* въ этомъ все дѣло. Произведенія *живутъ* и растутъ вмѣстѣ со смѣною поколѣній, незамѣтно ихъ воспитывая и оборачиваясь къ читателю все новыми сторонами. «Безсловесность» движенія 1905 года уже оказывается несомнѣннымъ миѳомъ, напротивъ, оно оказало громадное вліяніе на современную ему литературу и культуру, находилось съ нею въ живомъ творческомъ взаимодѣйствіи. Только не надо искать въ этой «большой» литературѣ пятаго года непремѣнно *изображеніе непосредственнаго* отраженія революціонныхъ событій. Революція или ея предчувствіе есть неизмѣнная внутренняя *тема* произведеній, вокругъ нея невольно вращаются мысли и образы, но само содержаніе произведеній можетъ быть очень далеко отъ событій. Трудно не замѣтить этой связи во всѣхъ буревѣстническихъ стихотвореніяхъ и разсказахъ Горькаго, Андреева, въ «Поединкѣ» Куприна, въ «Мелкомъ бѣсѣ» Сологуба, въ наиболѣе крупныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ Бальмонта, Брюсова, Блока.

Но эта революція—тема поэтовъ—часто совершенно не похожа на революцію реальную. Что казалось бы общаго имѣетъ съ россійской революціей 1905 г. та абстрактная «европейская борьба» съ буржуазіей на баррикадахъ, отголосками которой живетъ душа героевъ изумительной драмы Андреева «Къ звѣздамъ»? Или схематизированная имъ же тѣнь французской великой революціи въ «Такъ было» или разгулъ анархіи въ «Царѣ-Голодѣ»?

Какимъ страннымъ преувеличеніемъ «буржуазно-трезвенныхъ» результатовъ пятаго года казались въ свое время многимъ пророчества всеобщаго разрушенія, («Грядущіе гунны» Брюсова) или мечты о всеобщемъ просвѣтленномъ преображеніи въ поэмѣ «Ея прибытіе» у Блока?

Испугался аристократъ-эстетъ! размечтался мистикъ-поэтъ!—вотъ какъ судили тогда объ этихъ произведеніяхъ. Но прошли года и мы не только восхищаемся ихъ художественными красотами, но ощущаемъ ихъ идейную цѣнность, ощущаемъ, что поэты были правы, выявляя въ этихъ произведеніяхъ нѣкоторыя недоразвившіяся возможности, «обертоны» революціи пятаго года, отчетливѣе вскрывшіеся въ революцію нынѣшнюю.

Нѣтъ, не слабы, а очень сильны были тогда вожди нашей литературы и поэзіи, сильны прежде всего вѣрою въ *творческое* развитіе революціи, которая ихъ, часто помимо воли, неизмѣнно проникала, побѣждая всѣ тревожныя раздумія и предчувствія. Ихъ тревога гораздо чаще вызвана была мыслью о возможномъ *искаженіи* лика революціи въ случаѣ ея стихійной побѣды, чѣмъ страхомъ за эту побѣду. Но тутъ-то и ждало самое горькое разочарованіе. Революція пятаго года, такъ много начавшая, не успѣла, не смогла ничего закончить. Она распылилась на волны мелкихъ, безсильныхъ, отчаянныхъ вспышекъ и была физически убита.

Фактъ гибели всѣхъ надеждъ и чаяній пятаго года лежитъ въ основѣ того уродливаго, больного пути, которымъ пошло дальше творчество нашихъ крупнѣйшихъ художниковъ. Всѣ они, безъ исключенія, опалили крылья на этомъ всероссійскомъ пораженіи. Исчерпавъ темы, зародившіяся въ ихъ душѣ въ той или иной связи съ революціей, они остались безъ руля и безъ вѣтрилъ. Для Андреева, напр., процессъ этого исчерпанія завершился «Анатэмой» и особнякомъ стоящимъ «Океаномъ», послѣ этихъ послѣднихъ вершинъ своего творчества онъ безпомощно мечется отъ одной темы къ другой, намѣчая рядъ интереснѣйшихъ и глубокихъ задачъ, но совершенно не будучи въ силахъ ихъ воплотить, завершить художественно

Купринъ — былой пѣвецъ сильной и грубоватой, но всегда красивой *жизненности* превращается частью въ сентиментальнаго моралиста («Яма», «Гранатовый браслетъ»), частью просто въ размѣнявшагося на пошлыя мелочи анекдотиста. Зайцевъ живетъ воспоминаніями съ ихъ неизмѣннымъ нѣжнымъ рефреномъ: все проходитъ,—и молодость, и счастье, и радость, покорись судьбѣ, человѣкъ! Бальмонтъ превращается въ версификатора на репертуаръ всѣхъ «племенъ, нарѣчій, состояній», Брюсовъ замыкается въ археологическое эстетство, Блокъ пытается заточить себя въ «черный колодезь» личнаго самоугрызенія. И даже Горькій—этотъ, казалось, такой вѣрующій и ясный духомъ общественникъ—смѣняетъ былой полетъ мощной лирики и драмы на уныло-слащавое «житійство» тенденціозныхъ повѣстей, а позже, обрѣтя *себя* снова, возрождается почти исключительно, какъ художникъ своего прошлаго, воспоминаній (вплоть до вышедшей отдѣльнымъ изданіемъ въ этомъ году повѣсти «Въ людяхъ»).

Смерть революціи тяжко ранила духъ творчества. Съ кровавымъ отсвѣтомъ «дней войны, дней свободы», съ «роковой пустотою» въ душахъ, оглушенныхъ гуломъ набата, проходятъ передъ нами за послѣдніе годы всѣ эти старшіе богатыри современной литературы. И ни война, увлекшая многихъ въ недостойное бряцанье оружіемъ, ни революція, встрѣченная почти молчаніемъ, не внесли въ эту картину замѣтныхъ измѣненій (объ единичныхъ исключеніяхъ скажу еще ниже).

Ну, а «младшіе»? Что дали они? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить сразу, его надо расчленить на три отдѣльныхъ вопроса, каковы были писатели и поэты «второго поколѣнія» *до войны*, какими сдѣлала ихъ война, какими сдѣлала ихъ революція? Впрочемъ, первый вопросъ въ подробномъ отвѣтѣ не нуждается не только потому, что долго на немъ останавливаться сейчасъ не интересно («устарѣло», «не ко времени», пожалуй, скажетъ иной читатель), но и потому, что для него не очень много матеріала: своеобразный ликъ литературной молодежи началъ значаться главнымъ образомъ въ связи съ войною, въ этомъ характерное (совершенно естественное) отличіе отъ старшаго поколѣнія.

До войны были только ростки, намеки: чувствовалось, что зрѣетъ что-то свѣжее, молодое, бродятъ новые соки, обнаруживаются жизнеспособные результаты, плоды бурныхъ исканій и метаній предшествовавшаго періода декадентскаго и символическаго, по преимуществу. Общее устремленіе этихъ росткевъ можно обозначить, какъ *нео-реализмъ*, впитавшій въ себя

формальныя и эмоціональныя пріобрѣтенія новаго искусства. Тѣсная связь пейзажа и описанія вообще съ душевными настроеніями перешла изъ крайней формы импрессіонизма въ болѣе гармоническое равновѣсіе, задушевную жизненность образовъ, красокъ, лицъ и характеровъ, отношеніе къ моральнымъ и соціальнымъ проблемамъ стало болѣе яснымъ, увѣреннымъ, бодро-жизнерадостнымъ. Въ тѣсной связи съ этимъ стояло повышенное чувство рѣчи, требовательность въ отношеніи формы, выразившаяся параллельно и въ крайнемъ эстетствѣ акмеистовъ, соприкасавшемся съ археологіей и чистой формалистикой стиха, и въ нелѣпыхъ, но подчасъ любопытныхъ поискахъ футуристовъ за особымъ «поэтическимъ языкомъ». Напротивъ, попытки обоихъ названныхъ теченій объяснить свое идейное содержаніе остались безпомощнымъ метаніемъ, большинство писателей совсѣмъ не имѣло четкаго идейнаго лика. Интересно отмѣтить живую преемственность поколѣній, именно въ основной «неореалистической» струѣ литературы, которая нашла себѣ выраженіе главнымъ образомъ въ сборникахъ «Московскаго товарищества писателей». Здѣсь, рядомъ съ Зайцевымъ, унесшимъ воспоминаніе о пятомъ годѣ въ душѣ, рядомъ съ Алексѣемъ Н. Толстымъ, надолго сохранившимъ отпечатокъ сумбурности его породившей эпохи, рядомъ съ Вересаевымъ, выступавшимъ преимущественно какъ теоретикъ-публицистъ съ идеей «да» жизни и пріятія міра (повѣсти его стали явно тенденціозными въ этомъ духѣ), выступалъ Сергѣевъ-Ценскій, для котораго пятый годъ ознаменовался длительной болѣзнью роста (кошмарный романъ «Бабаевъ») и завершился выходомъ въ яркій гармоничный, трепещущій живою плотью реализмъ, сочетавшійся съ душевной ясностью («Движенія», «Наклонная Елена», «Преображеніе», «Медвѣженокъ»). Рядомъ съ нимъ окрѣпъ размашистый и задорный Шмелевъ, поэтъ ласковаго солнца, освѣщающаго пеструю, милую, хоть и нелѣпую подчасъ землю, Треневъ, поэтъ плодороднаго юга, медленно расправляющаго онѣмѣлые отъ дремоты члены навстрѣчу новой жизни, и кое-кто еще.

Обновлялось русское слово, живой языкъ. Литература запестрѣла провинціализмами, появились поэты-сибиряки (Шишковъ, Гребенщиковъ), сѣверяне (Чапыгинъ), повѣсти Замятина были смѣлой попыткой смѣшать грани разговорной рѣчи и художественнаго слова, заглядывая глубоко въ толщу «звѣринаго» быта провинціи. Другіе шли отъ истоковъ народной рѣчи, то книжно-житійной и сказочной (на этомъ пути обрѣлъ себѣ уголокъ успокоенія отъ мукъ «подполья», все еще про-

рывающихся, однако,—Ремизовъ), то пѣсенной и былинной (поэзія Клюева и Есенина, сразу попавшихъ подъ перекрестный огонь похвалъ и ругани и нѣсколько зараженныхъ ядомъ «легкой славы», «обезьяньихъ лапъ» рынка и города). Чувствовалось, что все бурлитъ, шевелится, зрѣетъ что-то новое сильное и прекрасное.

Но вотъ грянула война. Совершенно независимо отъ принципіальной оцѣнки этого факта съ точки зрѣнія политической, идеологической, надо признать одно: война была воспринята вначалѣ молодымъ поколѣніемъ, какъ очистительная и освободительная буря!

Если старые поэты соблазнились военными темами внѣшне, пассивно, по слабости и отчаянію, новые увлеклись ими совершенно искренно и творчески. «Увлеклись», конечно, очень различно. Одни воспѣвали «рокочущую трубу побѣдъ» (Гумилевъ) на почвѣ инстинктивнаго чувства почти животной увѣренности въ себѣ, въ мірѣ, въ людяхъ; другіе воспринимали войну, какъ великую тяготу и испытаніе мощи народнаго духа (Клюевъ въ «Бесѣдномъ наигрышѣ» и «Мірскихъ Думахъ»); третьи, какъ «роковое», рѣшающее судьбы родины событье (Ахматова, сюда же близокъ и Блокъ въ «Стихахъ о Россіи», единственный цѣломудренно увлеченный «бѣлымъ знаменемъ» и задолго чуявшій войну); четвертые, какъ внѣшнюю «бѣду», дающую возможность раскрыться новымъ сторонамъ души народа (Шмелевъ въ «Суровыхъ Дняхъ»). Но всѣ повѣрили, что черезъ войну началась новая эра, что это и есть желанная буря. И не могли не повѣрить, *ибо эти* бурю пятаго года зрѣло и до конца не переболѣли и въ ихъ духовной жизни четырнадцатый годъ былъ дѣйствительно первой настоящей бурей. Вспомнимъ наивно-радостное и проникнутое товарищеской дѣятельностью настроеніе *самыхъ первыхъ* мѣсяцевъ войны, въ которыхъ была, вѣдь, не одна шумиха продажныхъ писакъ и нѣмцеѣдовъ, а и вѣра въ скорый конецъ бѣды, въ народную силу, которая сумѣетъ и эту бѣду обратить себѣ и другимъ во спасеніе, и тогда мы поймемъ это явленіе. Но незбѣжно поймемъ и послѣдующій крахъ настроенія. Война оказалась затяжной, оказалась безсмысленной, гибельной для народа, губящей всѣ ростки свободы. Война оказалась грязью, «механикой», толчеей воды въ ступѣ.

Крупнѣйшій изъ писателей новаго поколѣнія Шмелевъ изобразилъ этотъ процессъ умиранія радости и вѣры въ войну въ «Суровыхъ Дняхъ» и далъ въ надрывномъ, мучительно личномъ и въ тоже время явно тенденціозномъ «Ликѣ скры-

томъ» pendant къ «Бабаеву» Сергѣева-Ценскаго эпохи войны японской. Война *опалила крылья* молодому поколѣнію и въ революцію оно вошло уже надорваннымъ. Даже радость первыхъ дней революціи она воспринимала съ жуткимъ чувствомъ: а вотъ провалится, а вотъ опять обманетъ... Вотъ отчего молчатъ во время революціи почти всѣ выше названные мною художники нео-реализма. Онъ былъ еще молодымъ растеньицемъ, война его смяла, скомкала, надорвала. Революція предчувствовалась (напр., тѣмъ же Шмелевымъ въ «Большой дорогѣ» и «Забавномъ Приключеніи»), какъ стихійный взрывъ народнаго темнаго бунта, какъ результатъ разрухи и всеобщаго озлобленія. Не отъ избытка силъ, а отъ скудости и стремленія хоть что-нибудь спасти—должна была она родиться. Японская война относилась къ революціи пятаго года, какъ нелѣпая помѣха, жалкая битая карта правительства, думавшаго усыпить народъ побѣдами. Революція 17 года рождена войною, въ этомъ ея сила и ея проклятіе, ибо война эта не *создана* ни правительствомъ, ни народомъ, а *обрушилась* на всѣхъ, помимо воли, (да и вообще есть *міровая* катастрофа). Интеллигенція наша (и литература, какъ ея выраженіе) надорвалась на войнѣ, еще не успѣвъ собрать силы для новаго *творческаго* мятежа. И надо особенно подчеркнуть, *надрывъ* этотъ коснулся *всѣхъ*, какъ кто ни относился къ войнѣ и къ революціи. Наиболѣе ярко и интересно прослѣдить его можно у тѣхъ, кто опьяняетъ себя восторгомъ и восхищеніемъ передъ стихіею. Если одни молчатъ, другіе слишкомъ громко кричатъ, особенно кричатъ теперь, когда революція сорвалась въ пропасть анархіи и классовой диктатуры и чертитъ въ воздухѣ мертвыя «петли». Кричатъ будто бы не отъ ужаса, кричатъ «ура» и «осанна». Но не будемъ этимъ обольщаться. Вѣдь, не всякъ, глаголай: Господи, Господи, входитъ «въ царствіе небесное» и не всякъ, кричавшій въ свое время «ура», былъ подлинно «рати лучшій воинъ». Присмотримся ближе къ идейному облику этихъ «кричащихъ радостно», прислушаемся къ ихъ голосу, не откроемъ ли мы и въ немъ подозрительныхъ перебоевъ, дрожаній надрыва? Не есть ли всѣ ихъ гимны и теоріи «великаго бунта», особаго типа наркозъ, самообольщеніе, bonne mine au mauvais'jeu. Иные кричатъ откровенно звѣринымъ крикомъ ужаса (Маяковскій въ поэмѣ «Война и міръ»), иные создаютъ себѣ надъ этимъ ужасомъ особый «златотканный покровъ». Таковы, напр., «Скиѳы» съ Ивановымъ-Разумникомъ во главѣ. Остановимся на нихъ, они этого стоятъ, ибо, скажу откровенно, въ литературно-художественномъ и идейномъ отно-

шеніи все это теченіе очень оригинально и значительно. Иное дѣло—вопросъ, къ чему оно идетъ и цѣнно ли *намъ* его «во имя»? Объ этомъ и будетъ наша рѣчь дальше.

II.

Рѣчь эту приходится однако начать съ оговорокъ, чтобы она попала по адресу. I-й сборникъ «Скиѳы» вышелъ задолго до большевистскаго переворота весною 1917 г., писался же этотъ сборникъ, по словамъ редакціи, еще «съ весны 1916 г.» и вышелъ бы въ свѣтъ гораздо раньше, если бы не помѣшали цензурныя условія. Сборникъ этотъ характеренъ, какъ показатель отношенія руководящей имъ группы къ *войнѣ*, второй сборникъ выявляетъ яснѣе отношеніе къ *революціи*. Говорить можно, конечно, только о *руководящей группѣ* (редакція плюсъ 2—3 очень подходящихъ къ ней участника), а не о всѣхъ участникахъ въ цѣломъ. И въ первомъ и во второмъ сборникѣ есть рядъ художественно и идейно цѣнныхъ вещей, о которыхъ слѣдуетъ судить совершенно независимо отъ нашего отношенія къ редакціонной идеологіи. Это не значитъ, чтобы онѣ совершенно не были съ этой идеологіей связаны, онѣ приняты въ сборникъ именно за «связующія» черты, онѣ опредѣленнымъ образомъ истолкованы редакціей (иногда открыто, иногда скрыто) ad majorem gloriam «скиѳской» идеологіи. Таковы, напр., въ I-мъ сборникѣ стихи Брюсова о «Древнихъ скиѳахъ»: для Брюсова это—только эстетико-археологическая тема, «вчувствованіе» въ душу народа и эпохи въ духѣ его обычныхъ цикловъ о «правдѣ вѣчной кумировъ», для редакціи это—прославленіе любезной ея сердцу буйной удали и стихійнаго творчества дикихъ скиѳовъ. Остроумный публицистическій очеркъ М. Пришвина «Страшный судъ», съ тонкой ироніей обрисовывающій изнанку обывательскаго «патріотизма», сказочная «русалья» А. Ремизова, противопоставляющая семейную идиллію разрушительной силѣ чародѣйки-красавицы, начало повѣсти А. Терека о религіозномъ кризисѣ-«бунтѣ» въ душѣ молодого послушника,—все это связано съ главной темой «Скиѳовъ», темой о разрушеніи, возстаніи, нарушеніи «закона», «черты» и всякаго мѣщанскаго «предѣла». Во второмъ сборникѣ такое же значеніе имѣетъ повѣсть Замятина «Островитяне»—лучшая вещь въ сборникахъ,—обнаружившая въ этомъ глубоко-русскомъ «нутряномъ» писателѣ, новую «грань», умѣнье изобразить чужую, англійскую, жизнь и *въ ней также* «разворошить» то отвратительное мѣщанское подполье, убивающее и уродующее въ зародышѣ всякій нѣж-

ный, свѣжій, чистый порывъ, которое такъ ярко умѣлъ онъ показать (въ «Уѣздномъ» и «На куличкахъ») у насъ, въ русской обывательщинѣ. «Слово о погибели земли русской» А. Ремизова, напечатанное также во II-мъ сборникѣ, рѣзко *противорѣчитъ* отношенію редакціи «Скиѳовъ» къ русской современности, оно выбрано умышленно для художественнаго контраста и опредѣленно «опровергнуто» въ сопроводительной статьѣ Иванова-Разумника. Неизданная статья Герцена о февральской революціи помѣщена ради аналогіи съ нѣкоторыми «уроками» нашихъ дней, статья Л. Шестова о «музыкѣ и призракахъ» въ философіи близка духу редакціи своей *скептической, иронической* тенденціей, хотя ся философское содержаніе далеко выходитъ за предѣлы сборника, то же можно отчасти сказать объ очень спеціальной по содержанію статьѣ Арсенія Авраамова о музыкѣ, о многихъ стихахъ Клюева и Есенина. Изъ всѣхъ этихъ вводныхъ замѣчаній уже напрашивается выводъ, намѣчается наше отношеніе къ идеологіи сборниковъ: она пѣнна и свѣжа, поскольку *ищетъ* новаго, подымаетъ мятежъ, разрываетъ путы обыденщины и мѣщанства. Но достаточно ли такое частичное признаніе для «Скиѳовъ»? Вѣдь, они почуютъ въ немъ опять проклятую половинчатость, «соглашательство». Они хотятъ *жить бунтомъ*, жить стихіей и чистымъ отрицаніемъ. Возможно ли это? Посмотримъ, куда это приводитъ?

Вглядимся, напримѣръ, въ манифестъ «Скиѳовъ», открывающій собою первый сборникъ. Къ чему онъ зоветъ, о чемъ кличетъ? Духъ «скиѳовъ» опредѣляется, какъ готовность къ вѣчному мятежу противъ «мѣщанства всесвѣтнаго», противъ всякаго «кумира» и «запрета», духъ вѣчно буйствующей и творящей новое жизни, земли, природы, силъ не порвавшихъ съ нею здоровыхъ духомъ дикарей, людей вольной степи и плодоноснаго чернозема, людей труда и борьбы. Манифестъ написанъ воодушевленно, но, право же, въ немъ больше звонкихъ словъ, чѣмъ ясныхъ мыслей. Прежде всего остается непонятнымъ, почему именно скиѳы избраны за образецъ «вольнаго народа». Ужъ не потому ли, что это—племя легенды, племя скорѣе символическое, чѣмъ реально-историческое, и о немъ легче фантазировать? Однако, кое-что о скиѳахъ исторія знаетъ и, между прочимъ, знаетъ, что демократическая и глубоко освободительная для личности эллинская цивилизація, смѣшавшись съ варварствомъ скиѳовъ на нашемъ русскомъ Югѣ, преобразилась въ монархическую и восточную по соціально-психическому типу культуру «Боспорскаго царства». «Вольнолюбивые» скиѳы были одною изъ силъ, исказившихъ

и обезсилившихъ эллинскую цивилизацію въ ея распространеніи на Востокъ. Ну, это, конечно, между прочимъ. Было бы смѣшно ставить символу въ упрекъ его несоотвѣтствіе съ исторіей. Но историческая ошибка здѣсь характерна, ибо она связана съ глубоко-ложной философской предпосылкой. Эта предпосылка, старая очень старая, теорія Руссо и славянофиловъ о «дурномъ», «вредномъ» пути исторической цивилизаціи, о правдѣ «первобытнаго», «простого и бѣднаго», «вольнаго» быта, къ которому нужно вернуться, прикоснуться, прильнуть, чтобы вздохнуть свободно и стать сильнымъ. Въ этой теоріи, въ этомъ жизне-устремленіи есть здоровое зерно: призывъ къ глубокой критикѣ «культурныхъ» традицій человѣчества, борьба съ дѣйствительно «мѣщанской» доктриной «прямолинейнаго», непрерывнаго и благопріятнаго прогресса. Это здоровое зерно руссоизма и славянофильства было воспринято и блестяще защищено «русскимъ соціализмомъ», «народничествомъ» Герцена и Михайловскаго въ разнообразнѣйшихъ областяхъ философскаго и соціологическаго анализа. Къ міровоззрѣнію Герцена и Михайловскаго близко примыкаетъ редакція «Скиѳовъ», въ лицѣ нынѣ уже покойнаго Иванчина-Писарева (не отвѣтственнаго, разумѣется, за самоновѣйшіе уклоны мысли своихъ коллегъ) и благополучно здравствующихъ Иванова-Разумника и С. Мстиславскаго. Въ моментъ выхода перваго сборника они, былые члены редакціи «Завѣтовъ», стояли еще въ рядахъ одного великаго и дорогого намъ цѣлаго. Въ моментъ выхода II-го сборника они оказались уже внѣ этого цѣлаго, въ ближайшемъ сообществѣ съ нынѣшними правителями и повелителями судебъ многострадальной Россіи. Дѣло здѣсь совсѣмъ не въ политикѣ и партійныхъ перегородкахъ. Дѣло въ глубокомъ, принципальномъ отходѣ «скиѳовъ» отъ нѣкоторыхъ *основныхъ цѣнностей* того «соціально-индивидуалистическаго» міровоззрѣнія которому до сихъ поръ воображаютъ себя близкими граждане-редакторы сборника. Основною цѣнностью нашего міровоззрѣнія была и остается живая человѣческая личность, *мыслящая*, чувствующая и дѣйствующая. Идеалъ «человѣчности» въ этикѣ, политикѣ, эстетикѣ, во всемъ творчествѣ личной и общественной жизни для насъ есть одновременно и опорная точка, и конечный выводъ *критической мысли*. Мы—не сухіе «книжники», не раціоналисты, не «византійцы»—моленники и аскеты, боящіеся радостей жизни, не формалисты «порядка» и «законности» во что бы то ни стало, которымъ противопоставляетъ манифестъ жизнерадостно «звенящихъ кубками» и мечущихъ во все свои стрѣлы скиѳовъ. Но, не клоня голову свою передъ

«историческими» цѣнностями, *пока* они не прошли черезъ горнило критической мысли, мы принимаемъ и будемъ *защищать* тѣ изъ этихъ цѣнностей, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ оцѣнкамъ, идеаламъ, цѣлямъ. Мы не хотимъ, отказавшись отъ права критики, преклоняться передъ *силою* и волею массы, хотя бы «жизнь», «стихія», «кипѣніе силъ» и все прочее были бы въ этой массѣ цѣнны и творчески значительны.

Мы не сотворимъ себѣ кумира изъ варварства, «скиѳства», анархическаго бунтарства, мы зовемъ къ знанію, къ пониманію, къ чуткому воспріятію народной души въ ея поэтическихъ и соціальныхъ исканіяхъ, къ расширенію горизонтовъ мысли и чувства соприкосновеніемъ съ «примитивомъ», «народною правдою», разнообразными эпохами и культурами (хотя бы «варварскими»), но эту *правду* мы судимъ свободно и примемъ изъ нея лишь то, что гармонически войдетъ въ нашъ идеалъ, совершенствуя его и расцвѣчивая новыми красками. «Дьяволъ съ Богомъ борется» не только въ утонченной культурѣ, но и въ самомъ первобытномъ скиѳскомъ бытѣ, и еще очень спорно, гдѣ и когда сильнѣе, крѣпче стоитъ дѣло добра: на зарѣ пути цивилизаціи или на ея вершинахъ. Историческая справка о «скиѳахъ» и эллинахъ припомнилась мнѣ, именно какъ примѣръ губительнаго вліянія «низшей» культуры на «высшую».

Противоположеніе «скиѳа» «эллину» полно глубокаго смысла и напрасно такъ легко отмахивается отъ него «манифестъ», бездоказательно утверждая гармонію этихъ двухъ идеаловъ и противопоставляя ихъ «общему врагу», «мѣщанину всесвѣтному». Конечно, въ *историческомъ* эллинствѣ свѣтъ и тѣни были перемѣшаны такъ же пестро, какъ въ историческомъ скиѳствѣ, оттого-то оно и не устояло отъ «упадка» оріентализаціи, но *идеалъ* эллинской культуры нужно понять и осознать ярче, чѣмъ это сдѣлали авторы манифеста. Вѣчная правда и красота Эллады, какъ прекрасно показалъ въ пламенныхъ своихъ рѣчахъ ея послѣдній ревнитель Ницше, въ томъ и состоитъ, что эллины усваивали и перерабатывали чужія культуры въ новое гармоническое человѣчное цѣлое. Эта «эластичность» эллинской цивилизаціи имѣла свой предѣлъ (въ тѣсной связи съ *соціальными* несовершенствами Греціи) и звать «назадъ къ эллинству» было бы, конечно, странно, — но классическіе образцы живутъ вѣчно, какъ стимулы къ созданію новой, *высшей* культуры того же «человѣчнаго» типа. Основною чертой такой культуры является гармоническое сочетаніе плоти и духа, инстинктовъ и разума, жизни и мысли. Это ли идеалъ «скиѳовъ»? *Нѣтъ*, ихъ цѣли иныя. Для нихъ, какъ

совершенно недвусмысленно заявляетъ манифестъ, и нѣтъ ни скопческихъ запретовъ клириковъ единоспасающей Правды-Истины, ни втройнѣ лицемѣрныхъ запретовъ политиковъ Правды-Справедливости. Ничего—кромѣ жизни, кромѣ Правды-Красоты, изначальной, истинной, Справедливость и Истину опредѣляющей Правды. «Жизнь» и «Красота», конечно, слова хорошія. Но важны не слова, а понятія, за ними скрытыя. Понятія же опредѣляются *критической, самоопредѣляющейся мыслью.* Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, что причинно генетически опредѣляетъ эту мысль; по прекрасному слову поэта:

...кто бъ этотъ пылъ священный
Здѣсь не вдохнулъ въ меня, карая иль любя,—
Игра бездушныхъ силъ иль разумъ сокровенный,—
Вновь погасить его нѣтъ власти у тебя!

Такъ и только такъ можетъ обращаться человѣкъ къ своей матери-мачехѣ, безжалостной Стихіи, Природѣ. Разъ мысль родилась, она ставитъ передъ собою идеалы, — изъ нихъ же идеалъ *совершенной человѣчности* есть для насъ, людей начала 20 вѣка, высшій и *все* судимъ мы съ этой точки зрѣнія. Значитъ, не «Жизнь» и «Красота» опредѣляютъ истину и справедливость, но опредѣляются основною мыслью, какъ равноправныя съ истиной, справедливостью, «принятыя» ею цѣнности. Иначе мы рискуемъ *забыть* о «двуединой Правдѣ» нашихъ, недавно общихъ учителей, во имя новаго кумира «скиѳовъ»—Жизни-Красоты. Именно *мысли,* все освѣщающей и проникающей у эллина, и не хватаетъ дикому скиѳу. Въ историческомъ развитіи человѣчества слѣпой бунтарь-скиѳъ всегда и вездѣ съ самаго начала борьбы своей попадаетъ въ рабство «быту», «традиціи», въ рабство «Мѣщанину Всесвѣтному», самъ въ него превращается, если не сумѣетъ возвыситься до эллина, принести свою «стихійную» лепту въ сокровищницу вѣчно развивающагося эллинства—міровой *человѣчной* цивилизаціи, руководимой Мыслью — единою *вѣрною* «подругой человѣка».

Я умышленно остановился подробно на манифестѣ, такъ какъ выше намѣченнымъ противоположеніемъ *стихіи* и *творческой мысли* опредѣляется наше отношеніе ко всѣмъ дальнѣйшимъ сужденіямъ и идеаламъ группы «скиѳствующихъ». Идеологія «скиѳовъ»—есть вывернутое на изнанку славянофильство, славянофильство не охранительствующее или умѣренно-либеральствующее, а бунтарское, анархическое, восходящее по прямой линіи къ *худшимъ* сторонамъ бакунизма и «самобытной» идеализаціи Разиныхъ и Пугачевыхъ.

Трогательное единеніе большинства «философовъ» и поэтовъ изъ «скиѳовъ» съ политиками и публицистами изъ «лѣво-эсэровскаго» «Знамени Труда», въ которомъ подъ руководствомъ того же Иванова-Разумника процвѣтаетъ «литературный фельетонъ», популяризующій и вульгаризующій на разные лады то же неистовое кумиропоклонство передъ «стихійностью» и «народностью», совершенно естественно. Но во всякомъ *демагогическомъ* по духу движеніи есть «вожди и массы», «герои и толпа», «жрецы и жертвы» и наше отношеніе къ нимъ не можетъ быть одинаковымъ. Все понять, говорятъ часто, значитъ все простить. Съ міровой точки зрѣнія это можетъ быть и вѣрно, но не все можно и должно «прощать», пока оно не превратилось въ прошлое, а рѣшаетъ судьбу родины. Конечно, массамъ народнымъ, увлеченнымъ сказкою о близкомъ земномъ раѣ, массамъ, истомившимся «черною жизнью», и озлобленнымъ, сокрушающимъ все на пути, даже и прощать нечего, ибо никто въ нихъ камнемъ бросать не вправѣ. Но «кому много дано, съ того много и спросится», и къ вождямъ, восхищающимся и поющимъ «гимны съ пляскою» передъ этимъ разрушеніемъ, надо приглядѣться внимательнѣе. «Скиѳская» идеологія имѣетъ полукомическую, примитивную и сравнительно безобидную форму у тѣхъ фанатиковъ, которые призываютъ Россію брататься съ «отсталымъ» Востокомъ (Китаемъ, Индіей, Персіей), чтобы поднять міровую революцію противъ гнилого, мѣщанскаго Запада. Къ этому сваломъ, напр., въ «лѣво-эсэровскомъ» журнальчикѣ «Нашъ Путь»—невольно хочется обмолвкою сказать: «наше *бездорожье*», или «безпутство»—нынѣшній, съ позволенія сказать, «министръ по самоуправленію», гражд. В. Трутовскій. Дѣло становится серьезнѣе, когда вожди, вродѣ Камкова, кощунствуютъ надъ идеей Интернаціонала, когда гр. Мстиславскій одною рукой пишетъ въ «Зн. Труда» призывъ «не войнѣ, но возстанію» въ міровомъ масштабѣ, а другой кропаетъ брошюру «Брестскіе переговоры», сладострастно описывающую всѣ перипетіи позорнаго торга, съ ясно выраженнымъ сознаніемъ безсилія нашихъ кустарей отъ интернаціонализма передъ послѣднимъ словомъ дипломатической техники нѣмецкихъ имперіалистовъ. Изъ-за звѣриныхъ шкуръ, стрѣлъ и прочихъ атрибутовъ каменнаго, увѣреннаго въ побѣдѣ своей «скиѳа» у гр. Мстиславскаго нѣтъ-нѣтъ да и выглянетъ мундиръ исполнительнаго чиновника «государственности», много напрактиковавшагося по части «крокодиловыхъ слезъ» и «сенечкинаго яда». Какъ тутъ не вспомнить Достоевскаго и его исте-

рическихъ героевъ, сочетавшихъ идеалы «Мадонны и Содома» въ одномъ порывѣ! Да полно, «ужъ нѣтъ ли здѣсь обмана» или самообмана? Не скрывается ли за «скиѳскимъ» бунтомъ вмѣсто желаннаго избытка «силъ первородныхъ» психологія *подпольнаго человѣка*, съ отчаянія выдумавшаго себѣ мечту «стряхнуть логариѳмы всѣ къ черту и по своей глупой волѣ жить»? Не *ряженые* ли передъ нами «Скиѳы»—пресыщенные культурой римляне эпохи упадка, баре, которыхъ на кислую капусту потянуло, потому, что «мороженымъ» они уже досыта наѣлись и оно опротивѣло? Не игра ли пресыщенныхъ и морально распатанныхъ, страстями своими и страстишками боримыхъ интеллигентовъ конца вѣка—все это скиѳство?

Эти черты, дѣйствительно, выступаютъ съ несомнѣнною ясностью въ идеологіи самаго серьезнаго, интереснаго вдохновителя «скиѳовъ» гр. Иванова-Разумника. Вотъ у кого можно спросить многаго, спросить *все* до конца? Это—не темный, озлобленный бунтарь, не фанатикъ-юнопа, не карьеристъ-лицемѣръ профессіональнаго политиканства. Гражданинъ Ивановъ-Разумникъ, человѣкъ, всегда жившій въ мірѣ творческой мысли, тонкій эстетъ и чуткій цѣнитель-критикъ въ литературѣ, человѣкъ, у котораго есть несомнѣнныя заслуги въ прошломъ. «Исторія русской общественной мысли» Иванова-Разумника была одною изъ первыхъ попытокъ переоцѣнки традиціонныхъ цѣнностей «радикальной интеллигенціи», ея отношенія къ эстетикѣ, къ идеалистической философіи, къ религіи. Книга его «О смыслѣ жизни» выдвинула идею самоцѣнности личности и жизненнаго процесса, какъ «настоящаго», въ противовѣсъ превращенію живыхъ людей нынѣшняго поколѣнія въ средство для будущаго. Ивановъ-Разумникъ умѣлъ создать новое и культурно-оригинальное цѣлое изъ беллетристическаго отдѣла покойныхъ «Завѣтовъ», сочетая принципы свободы искусства съ идейной однородностью матеріала. Какъ же можетъ теперь такой человѣкъ проповѣдывать разудалое и разлагающее «скиѳство»? Какъ можетъ историкъ литературы Ивановъ-Разумникъ, прекрасно знающій и любящій *настоящаго* Герцена, завѣдомо искажать его идеи, подбирая къ фельетонамъ «Знамени Труда» тенденціозныя цитаты, позволяющія направить остріе критики, безпощадно разоблачавшей *буржуазный* либерализмъ и *буржуазное* Учредительное Собраніе 1848 года, противъ идеаловъ соціалистической интеллигенціи нашихъ дней и соціалистическаго, въ своемъ большинствѣ, Всероссійскаго Учредительнаго Собранія? Какъ не видитъ «свободный» эстетъ и требовательный къ формѣ редакторъ вопіющей къ небу топор-

ности многихъ «революціонныхъ» стиховъ П. Орѣшина, тенденціозности Клюева и Есенина, когда они начинаютъ брящать на лирѣ *политической* поэзіи? Какъ можетъ Ивановъ-Разумникъ прилагать руку свою къ этому развращенію начинающихъ поэтовъ, къ этому поощренію погони за модой у поэта болѣе искушеннаго? Покажите любому человѣку, безъ всякихъ объясненій, прежніе, простые, стихи того-же Орѣшина и нынѣшніе, надуманные, онъ сразу скажетъ, что лучше? Сопоставьте изумительные по образности и силѣ «Избяныя пѣсни» Клюева, нѣжные стихи объ осенней природѣ, *историческую* «Марѳу-Посадницу» и циклъ «Подъ Отчимъ Кровомъ» Есенина (это все, вѣдь, въ тѣхъ же «Скиѳахъ» напечатано!) съ *начетническими* мудрованіями и вульгарно-политическими манифестами того же Клюева въ циклѣ «Земля и желѣзо», съ его гимнами произволу и сытости (въ этомъ ли идеалъ «Земли и Воли»?), въ «громопобѣдныхъ» виршахъ «Пѣсни Солнценосца», съ косноязычнымъ «Отчарамъ» и другими перегруженными символикой поэмами «Стихослова» у Есенина,—и станетъ ясно, что критикъ, навязывая «народнымъ» поэтамъ несвойственныя имъ по характеру таланта проповѣдническія задачи, превращается изъ направителя художественныхъ вкусовъ общества въ поддѣлывателя и разрушителя литературы. Ивановъ-Разумникъ послѣдніе годы систематически разрушаетъ своими руками начатое имъ же дѣло пріобщенія широкихъ круговъ демократіи къ *подлинной, большой* культурѣ. Расширивъ стѣны интеллигентскаго «монастыря» нашей «общественнической» эстетики, онъ не оказался способенъ воздвигать на его мѣстѣ просторный *открытый* (по «эллински») храмъ человѣческой эстетики,—нѣтъ, онъ хочетъ разобрать стѣны до камня и пустить на вольный степной вѣтеръ *всю* работу предшествующихъ поколѣній, зоветъ начать съ начала, чуть ли не «голаго человѣка на голой землѣ». Впрочемъ, нѣтъ, не съ голаго... Онъ убѣжденъ, что «народное» творчество, «народныя» вѣрованія заключаютъ въ себѣ наряду съ отживающими элементами старой Россіи, которую оплакиваетъ Ремизовъ, возведенный нашимъ критикомъ въ мракобѣса-апостола «православія, самодержавія, народности» (какъ могъ критикъ такъ *грубо* понять *широкіе* символы Ремизовскаго Слова о погибели?!), еще и элементы новой Россіи. Но гдѣ же эти «новые» элементы въ поэзіи Клюева и Есенина? Всѣ образы ихъ, какъ бы ни были они свѣжи и красочны, вся идеологія ихъ поэзіи—традиціонна. Легенды, житія, повѣрья, народная пѣсня, былина, обрядъ—вотъ матеріалъ, на которомъ выросла эта поэзія. Она дѣйствительно *иногда* (далеко не всегда)

черпала изъ сокровищницы глубинныхъ, не оффиціальныхъ, не книжныхъ, но устныхъ преданій и настроеній, пріоткрыла новыя стороны души народа. но нельзя сказать, что *идеи* этой поэзіи революціонны и противоположны тѣмъ идеямъ, которыми восхищались въ «народѣ», напр., славянофилы.

Внѣшнее содержаніе, конечно, иное, царь смѣнился народомъ—хозяиномъ, поэзія рая небеснаго, загробнаго превратилась въ непосредственное прославленіе наслажденій рая земного. Но, вѣдь, «царь» и «рай», даже отчасти «богъ» народный были символами тѣхъ же цѣнностей.

Типъ міросозерцанія остался прежній: все мышленіе и творчество образовъ авторитарно, подвластно инстинктамъ и стихіямъ. «Бунтарскія» ноты поэзіи Клюева и Есенина всегда жили въ народѣ, въ разбойничьихъ пѣсняхъ, въ раскольничьихъ «потаенныхъ» стихахъ, въ народной сатирѣ, они уживались *рядомъ* съ поэзіей «старой Руси», дополняли ее контрастами. Народъ всегда искалъ правду и возставалъ противъ тяжкой доли, но предъ лицомъ критической и творческой мысли духъ этого бунта—духъ самосожигательства, скрытничества, казаческой удали гораздо ближе старому міру, чѣмъ новому. Про очень многія «революціонныя» строфы этихъ стиховъ, про многія страницы статей о «революціи духа» въ «Скиѳахъ» и «Знамени Труда» можно сказать «въ новизнѣ здѣсь старина слышится». Слышится эта «старина», глубоко враждебная духу *личнаго* почина, старина стадная и духовно порабощенная въ экстатическихъ статьяхъ Евг. Лундберга «Подъ знакомъ зодіака» («Знамя Труда» №№ 106, 108 и 117), прославляющихъ параллельно «чудо» революціи и «чудо» художественнаго творчества, какъ разныя формы прорыва въ вѣчность, въ истинное бытіе, побѣду надъ плоскимъ позитивизмомъ. Просмотрите и гораздо болѣе тонкія статьи Конст. Эрберга (напр., «Знамя Труда», № 136) и наивныя, захлебывающіяся, театральныя письма В. Шимановскаго, широковѣщательные манифесты Арс. Авраамова, убѣжденно проповѣдующаго конецъ всей «старой» музыкальной системы, *потому*, что она не вмѣщаетъ въ себя многогранныхъ «ладовъ» народной пѣсни,—и вамъ станетъ ясно: бунтъ «Скиѳовъ» неизбѣжно долженъ завершиться *религіознымъ народничествомъ*, новою формой *мистическаго анархизма*.

Духъ «скиѳскаго» мятежа есть чисто-романтическое (въ смыслѣ прежнихъ опредѣленій этого понятія Ивановымъ-Разумникомъ) стремленіе за «предѣлы предѣльнаго», за предѣлы «трехмѣрнаго» міра, это—бунтъ» противъ законовъ природы во

имя абсолютнаго произвола *неразумной* воли—инстинкта. Вотъ гдѣ обнаруживается соприкосновеніе Иванова-Разумника съ Андреемъ Бѣлымъ, присутствіе котораго среди «скиѳовъ» напрасно вызывало недоумѣніе. Андрей Бѣлый не случаенъ въ «Скиѳахъ». Онъ—членъ редакціонной коллегіи 2-го сборника, «преемникъ» (какая иронія судьбы!) Иванчина-Писарева! Сумбурнѣйшій, истязающій читателя своей хитросплетенной и въ то же время до нельзя «растрепанной» формою романъ Бѣлаго «Котикъ Летаевъ», проникнутый самой беззастѣнчивой, бычурной тенденціозностью, романъ, въ которомъ интересная попытка едва ли не впервые изобразить смутный и хрупкій міръ души подростающаго ребенка испорчена навязываемой событіямъ теософической доктриной, очевидно, вполнѣ по душѣ Иванову-Разумнику. Истерическіе стихи Андрея Бѣлаго, прославляющіе «Россію, Мессію грядущаго дня», призывающіе къ безумствамъ и самосожженію, цитируются Ивановымъ-Разумникомъ, какъ одно изъ свидѣтельствъ о «новой» творческой душѣ Россіи, услышанной поэтомъ. Неужели критикъ не замѣтилъ (не могъ не замѣтить, утверждаю я, онъ знаетъ и помнитъ *всего* А. Бѣлаго!), какъ эти стихи поразительно похожи на другіе, прежніе (изъ «Пепла»), гдѣ Россіи предрекалась судьба «исчезнуть въ пространствахъ», «туда, гдѣ смертей и болѣзней лихая прошла колея». Минутное настроеніе поэта теперь прямо противоположно, но духъ истеріи, власть инстинктовъ осталась та же. И во-истину, не симптомомъ духовнаго возрожденія Россіи, но лишь показателемъ глубокаго безсилія, моральнаго краха «верховъ» нашей *слишкомъ утонченной* мистической интеллигенціи является такой поворотъ на 180°. Еще ярче примѣръ А. Блока, этого, несомнѣнно, самаго чуткаго и непосредственнаго, природнаго поэта, чудные стихи котораго о Россіи и проклятомъ поколѣніи съ «роковою пустотою» въ душахъ нѣсколько разъ уже приходилось цитировать намъ въ этой статьѣ. Блокъ тоже увѣровалъ въ Россію, «обновленную» октябрьскимъ переворотомъ, и написалъ въ «Знамени Труда» (№ 122) рядъ довольно шаблонныхъ, безпомощныхъ фельетоновъ, проклиная все «старое», восхищаясь «новымъ», а главное противопоставляя «музыкальную» (читай: слѣпую) стихію народа «интеллигентской антимузыкальной» узости, умѣренности, разумности. И опять «въ новизнѣ старина слышится»: въ Блокѣ-революціонерѣ живъ былой поэтъ «бѣлого знамени», стращавшій интеллигенцію (въ статьѣ-рефератѣ «Стихія и культура», нынѣ перепечатанномъ тамъ же въ «Знамени Труда») вулканическимъ взрывомъ

народной мести, которая сокрушитъ «аполлиническій сонъ» цивилизаціи (припомнимъ, кстати, и аналогичныя рѣчи славянофила Гершензона въ печальной памяти «Вѣхахъ»). Блокъ всю жизнь свою воздвигаетъ кумиры и, когда они рушатся, старается во что бы то ни стало полюбить грязную дѣйствительность, пришедшую на смѣну мечтѣ.

Блокъ—типичный романтикъ, каждое произведеніе свое разсматривающій, какъ «неудачу», а не какъ достиженіе (см. его стихотвореніе «Художникъ» въ III т. собр. стих.) И въ какія бы одежды политика-публициста, философа онъ себя не рядилъ, онъ останется милымъ намъ въ своей безпомощности поэтомъ мечты—грезы, болѣзненно переживающимъ всю дѣйствительность. Но опять спрошу, какова при всемъ этомъ роль Иванова-Разумника? Вѣдь онъ неоднократно заявлялъ, что типы романтика и реалиста непримиримы, и *себя* причислилъ къ реалистамъ. Какъ же онъ теперь очутился во главѣ необузданной пропаганды мистическаго романтизма, пропаганды духа Діонисова въ его чистомъ видѣ, враждебномъ Аполлону, враждебномъ разуму, волѣ, художественной мѣрѣ. И добро бы это служеніе стихіямъ недавно еще грѣшившаго чрезмѣрнымъ раціонализмомъ и схематизмомъ (такъ испортившимъ, напр., интересную «Исторію русской общественной мысли») писателя было безвавѣтно-восторженнымъ, безоглядным. Нѣтъ, посреди гимновъ революціи читателя окатываютъ ушатомъ холодной воды прозрачными намеками на то, что все можетъ кончиться крахомъ, «Голгоѳою», которая, молъ, «въ вѣкахъ останется» и «пути укажетъ». Но, если такъ, значитъ, все это—игра, «дьяволовъ водевиль» какой-то! Если такъ, значитъ, «крайности сошлись», писатель-эрудитъ и догматикъ бросился съ тоски, ради эксперимента, въ буйство и мистику, а тамъ, глядишь, отряхнется и какъ ни въ чемъ не бывало въ старую оптимистическую, «позитивную» волынку заиграетъ. Давно ли въ «Испытаніи огнемъ» (нанечат. въ I-мъ сборн. «Скиѳы»), этой очень шаблонной, не-личной (хотя бы и правильной во многомъ по существу) статьѣ Ивановъ-Разумникъ пытался просто «продолжать свое дѣло», игнорируя неизбѣжную переоцѣнку цѣнностей предъ лицомъ міровой военной катастрофы, а теперь вдругъ сразу увѣровалъ, будто «распалась связь временъ». Не оттого ли легко увѣровалъ, что всегда носилъ въ себѣ глубоко запрятанной внутри душу «подпольнаго человѣка», *бунтаря-надрывника* и только успокаивалъ себя благополучными схемами. А теперь вырвана почва изъ подъ-ногъ и все закружилось, полетѣло въ пропасть...

И мы скажемъ: пусть летитъ! Пусть «скиѳы» дѣлаютъ свое «бѣсовское», разрушительное, убійственное для *личности* и *творческаго* духа дѣло! Мы, вѣрные путеводной звѣздѣ старыхъ учителей нашихъ, вѣрные «эллинскому» идеалу красоты и правды, будемъ бороться съ ними во имя воплощенія въ жизнь той *гармоніи чувства и мысли*, которой восхищался Глѣбъ Успенскій въ образѣ цѣннорожденой Афродиты. Неразрывный союзъ интеллигенціи и народа, труда и мысли — только онъ одинъ поможетъ побѣдить звѣрство кощунствующихъ надъ культурой скиѳовъ!

А. Гизетти.

Страницы изъ политическаго дневника.

I Разрѣшеніе «кризиса власти».

Итакъ, новое правительство почти сформировано. Оно признано «пріемлемымъ»—хотя бы и «скрѣпя сердце». Сформировано оно по принципу максимальной обезцвѣченности. Одинъ шагъ въ эту сторону уже былъ давно сдѣланъ, когда изъ министерства понадобилось удалить И. Г. Церетели и замѣнить его А. Никитинымъ. Теперь мы имѣемъ дальнѣйшіе шаги въ томъ же духѣ. М. И. Скобелевъ замѣненъ К. И. Гвоздевымъ,—не въ исполненіе ли пословицы «послѣ скобеля—топоромъ?». Затѣмъ и Н. Д. Авксентьевъ замѣненъ—тѣмъ же всезамѣняющимъ А. Никитинымъ, который, повидимому, есть настоящая bonne à tout faire, — и швецъ, и жнецъ, и въ дуду игрецъ. Постъ министра земледѣлія пока остается незамѣщеннымъ: нынѣшній управляющій министерствомъ, П. А. Вихляевъ, повидимому, слишкомъ опредѣленная фигура, чтобы занять его въ этомъ правительствѣ, а болѣе «стертой монеты» пока пріискать не удалось. Ничего: «ищите—и обрящете». И не попади раньше окончательнаго пополненія министерства въ составъ его ген. Верховскій, все министерство можно было бы назвать «министерствомъ послушныхъ отраженій» при одной единственной центральной фигурѣ А. Ф. Керенскаго.

Однако, ошиблись бы тѣ, кто отсюда вывелъ бы вульгарное заключеніе, будто причину такого личнаго состава министерства надо искать въ личныхъ свойствахъ самого министра-президента, въ томъ, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ». Нѣтъ, здѣсь на этотъ разъ имѣетъ мѣсто совершенно опредѣленное *воздержаніе* нашихъ крупныхъ

партій отъ делегированія въ министерство болѣе видныхъ представителей. Ихъ приберегаютъ, ихъ «резервируютъ»... Что-жъ, можетъ быть, въ ихъ интересахъ такъ и слѣдуетъ; но въ интересахъ ли организаціи власти?

Когда говорятъ въ защиту коалиціи всѣхъ «живыхъ силъ» страны, когда яркими красками рисуютъ наше россійское безлюдье и относительное богатство конституціонно-демократической партіи личными силами, когда возмущаются готовностью «съ легкимъ сердцемъ» оттолкнуть ее со всѣми ея рессурсами, со всѣми ея кадрами опытныхъ государственныхъ дѣятелей, то забываютъ объ одномъ: а именно о томъ, что не однѣ лишь соціалистическія партіи, а и партія народной свободы въ данный моментъ избѣгаетъ ссудить А. Ф. Керенскаго крупными величинами. Ея лидеры и ближайшіе «лидеро-способные» остаются «въ резервѣ». Посылаютъ дѣятелей третьяго и четвертаго разряда. Какъ будто всѣ молчаливо сговорились повторить исторію Липранди съ генераломъ Рсадомъ...

Но, можетъ быть, дѣло обстоитъ иначе? Можетъ быть, мы просто рѣшили, что сейчасъ переходное время, для котораго заглаза достаточно имѣть такъ называемое «дѣловое министерство?».

«Дѣловое министерство» хорошо для одной изъ такихъ глухихъ, межеумочныхъ эпохъ, про которыя можно повторить знаменитую щедринскую ироническую формулу «наше время — не время широкихъ задачъ». Но мы не живемъ въ такую сѣрую, захолустную будничную пору исторіи. Жизнь все еще кипитъ, какъ въ котлѣ, и ея лихорадочный темпъ по прежнему въ любой моментъ можетъ насъ поставить — и ставитъ — лицомъ къ лицу съ такими событіями, которыя потребуютъ максимальной силы и максимальной авторитетности власти.

«Коалиція» еще имѣла бы смыслъ, если бы ея цѣлью было поставить у руля государственнаго корабля цвѣтъ, сливки всѣхъ партій. Но коалиція, при которой каждая партія скупо удѣляетъ «нѣчто» изъ своего состава, припрятывая въ сторону цѣнности покрупнѣе,—имѣетъ всѣ неудобства, всѣ слабыя стороны коалиціи, съ ея пестротой, несогласованностью, взаимоотчужденностью, безъ ея сильныхъ сторонъ. И та коалиція, которая сейчасъ осуществилась, есть, прежде всего, коалиція въ воздержаніи отъ посылки такихъ отвѣтственныхъ представителей партій, которыя самымъ своимъ нахожденіемъ въ составѣ правительства сдѣлали бы дѣло послѣдняго неотдѣлимымъ отъ дѣла этихъ партій. Нѣтъ, посылаютъ такихъ, въ чьемъ лицѣ партіи, какъ таковыя, *наименѣе* ангажированы..,

— «Я величайшій поклонникъ нынѣшняго главы правительства» — говорилъ на «демократическомъ совѣщаніи А. С. Зарудный»,—но и онъ «долженъ сознаться, что не желалъ бы одному ему довѣрить управленіе Россіей», ибо при такомъ положеніи «люди талантливые, умные и властные» могутъ «падать по наклонной плоскости» и отсюда можетъ быть «прямой выходъ къ диктатурѣ».

О «непомѣрномъ увеличеніи личнаго момента въ управленіи демократическимъ государствомъ» говорилъ и И. Г. Церетели, заявившій: «я думаю, каковы бы ни были представители революціи и революціонной демократіи, но если они возносятся ею самой, то пусть она и пеняетъ сама на себя, если у нихъ закружится голова».

Но если это такъ, если наша молодая демократія страдаетъ слабостью неумѣренной «персонификаціи» своихъ идей, если у нея слишкомъ много *фетишизма личности*,—то надо особенно опасаться того, какъ бы толпа фетишистовъ не поступила такъ, какъ дикари поступаютъ при неудачѣ со своими фетишами: они ихъ развѣнчиваютъ, бьютъ, бросаютъ въ грязь и попираютъ ногами.

И потому при построеніи новаго Временнаго Правительства слѣдовало особенно избѣгать такого положенія, при которомъ въ немъ все сводилось бы на одинъ «центръ центровъ», на одну, занимающую исключительное положеніе, фигуру.

Къ сожалѣнію, именно такъ и построено нынѣшнее правительство. Мы какъ будто забыли, что «на одномъ гвоздѣ всего не повѣсишь», — даже тогда, когда гвоздь сидитъ въ стѣнѣ крѣпко, когда вокругъ него не образовалось зловѣщихъ трещинъ и не осыпается известка. Мы продолжаемъ *перенапрягать* личную популярность А. Ф. Керенскаго, заставляя его «вывозить» все министерство, — хотя и безъ того эта популярность уже трещитъ, и ее нетрудно доканать.

Если у отдѣльныхъ представителей демократіи можетъ «закружиться голова», то, казалось бы, средство противъ этого просто: въ организаціи власти по принципу кооперацiи равнозначныхъ величинъ. Правительство должно быть какъ бы живымъ демократическимъ созвѣздіемъ, а не «планетной системой», съ однимъ «центральнымъ свѣтиломъ» и пассивными спутниками, сіяющими не своимъ свѣтомъ, а отраженнымъ солнечнымъ. Если «непомѣрное увеличеніе личнаго момента въ управленіи» уже имѣло мѣсто, то нужно не усугублять этой опасности, а предохранять отъ нея соотвѣтственной конструкціей правительства по его личному составу. А мы почему-то по-

ступаемъ какъ разъ наоборотъ: сами видимъ опасность, и сами же ослабляемъ сдерживающія начала...

Но — скажутъ намъ — сдерживающія начала заключаются не въ лицахъ, призванныхъ «кооперировать», а въ контрольномъ аппаратѣ. И здѣсь у насъ имѣется весьма цѣнное пріобрѣтеніе: нынѣшній «Совѣтъ Демократическихъ Организацій», который завтра, съ пополненіемъ цензовыми элементами, превратится въ узаконенный «Совѣтъ Россійской Республики!»

Безспорно. Но этотъ «Совѣтъ»—и онъ такъ же *обезцвѣченъ юридически*, какъ Временное Правительство *обезцвѣчено персонально.*

Совѣтъ не будетъ имѣть права *запросовъ*, — онъ будетъ имѣть лишь право *вопросовъ*...

Совѣтъ не будетъ имѣть права утвержденія и отверженія законовъ,—онъ будетъ лишь имѣть право разсмотрѣнія и сужденія о законахъ...

Совѣтъ не будетъ имѣть права законодательной иниціативы,—онъ будетъ лишь имѣть право сообщать правительству свои законодательныя соображенія...

Совѣтъ не будетъ знать отвѣтственнаго передъ нимъ правительства, — онъ долженъ довольствоваться необходимостью для правительства считаться съ нимъ, какъ съ фактическою силой.

А величина его фактической силы, его авторитета? Какъ велика она будетъ? Чѣмъ она будетъ опредѣляться?

О, конечно, не только *потенціальной* величиной этой силы, но и *самосознаніемъ*, или даже,—sit venia verbo,—*революціоннымъ самоощущеніемъ* Совѣта.

Та соціальная величина, которая не сознаетъ себя силой,— не есть актуальная сила.

А Совѣтъ, не имѣющій единства настроенія, разорванный на противорѣчиво настроенныя части, больной *властебоязнью*,— этотъ Совѣтъ лишенъ всякаго революціоннаго самоощущенія.

Совѣтъ идетъ совершенно опредѣленною дорогой: со ступеньки на ступеньку, отъ капитуляціи къ капитуляціи.

Это — не пораженіе демократіи, ибо не было поражающаго. Это — не отступленіе передъ натискомъ врага, ибо натиска не было. Это просто — самочинный массовый отходъ въ тылъ. Это принципіальная *боязнь наступленія.*

Когда на югозападномъ фронтѣ одинъ комиссаръ Временнаго Правительства, въ должности «главноуговаривающаго» на своемъ фронтѣ, убѣждалъ солдатъ двинуться на штурмъ укрѣпленной горки, одинъ солдатикъ спросилъ: «ну, а когда мы

возьмемъ эту горку, вѣдь, вы скажете, что нужно захватить тотъ лѣсокъ?» — «Возможно»... — «А послѣ лѣска — вонъ тотъ хуторъ?» — «Конечно». — «А потомъ, пожалуй, и вонъ ту, другую горку»? — «И это можетъ быть». — «Ну, такъ ужъ мы лучше повернемъ назадъ!»

«Большевики» стоятъ передъ нашимъ напуганнымъ воображеніемъ въ роли этого «комиссара», и мы боимся, что стоитъ намъ сдвинуться съ мѣста, какъ они начнутъ насъ толкать еще, еще и еще дальше... И мы помнимъ: они отъ «комиссаровъ» внѣшняго фронта отличаются тѣмъ, что то — комиссары, полные чувства отвѣтственности, а это — безотвѣтственные. А потому мы отъ нихъ ждемъ понуканій впередъ, ужъ совсѣмъ безграничныхъ и ни съ какою здравой стретегіей не сообразованныхъ. И отходимъ въ тылъ.

Отошли — въ вопросѣ о личномъ составѣ правительства. Отошли — въ вопросѣ о правахъ нашего предпарламента. Отошли — и отъ программы 14-го августа... Отошли — и не могли не понимать, что въ странѣ это можетъ вызвать только разочарованіе...

* *
*

И вотъ почему въ тотъ памятный день, вѣрнѣе, въ памятную ночь, когда слабымъ, едва натянутымъ большинствомъ утвердили ту «комбинацію», которая сейчасъ воплотилась въ жизнь, — въ залѣ не чувствовалось подъема, не чувствовалось ощущенія, что перманентный кризисъ власти разрѣшенъ, что мы вышли изъ тупика. Не было ни чувства удовлетворенія, ни воодушевленія. И тѣ, кто побѣдилъ, — меньше всего чувствовали себя побѣдителями или именинниками. Атмосфера была тяжелая, спертая, напряженная. И, какъ послѣднее утѣшеніе, повторялась фраза: «не важно, вѣдь, это — временное рѣшеніе; требовалось выгадать время, создать хоть что-нибудь. Быть можетъ, это правительство всего на двѣ-три недѣли»...

И какъ послѣ этого не припомнить народную присказку:

«Окуля, что пьешь не оттуля?» — «А я, маменька, еще распарывать буду!»

II. Психологія властебоязни.

Есть одно великое, здоровое чувство: чувство отвѣтственности. И есть его болѣзненное извращеніе: паническая боязнь отвѣтственности, ведущая къ *властебоязни*.

Демократія умѣетъ побѣждать, — но она положительно не умѣетъ *быть побѣдительницей*, вести себя, какъ побѣдительница.

Большинство предыдущихъ революцій были ареною ожесточенной борьбы за власть. Наша, русская революція порою вырождается въ борьбу за то, какъ отчураться отъ власти и свалить ее на чьи-нибудь плечи.

И не совсѣмъ преувеличеніе—разговоры недавняго времени о «власти, валяющейся на улицѣ», власти, которую получить ничего не стоитъ: наклонись и подыми.

Возьмемъ новѣйшую комбинацію власти. Въ ея сооруженіи принимали участіе съ ка-детской стороны—Набоковъ и Аджемовъ, съ меньшевистской—Церетели и Чхеидзе, съ эсъ-эровской—Авксентьевъ и Гоцъ. Но не характерно ли, что всѣ эти лидеры партій «приложили руки» къ построенію организаціи власти, но ни одинъ самъ не пошелъ въ правительство?

Положеніе ясное. Въ каждой партіи есть такіе дѣятели, чье вхожденіе въ составъ кабинета абсолютно ангажируетъ партію, къ которой они принадлежатъ, и есть дѣятели «тоже партійные», полу-партійные и около-партійные. Не случайно всѣ партіи обнаружили тенденцію посылать въ составъ даннаго правительства своихъ дѣятелей не перваго, а второго рода. И не случайно во всей этой комбинаціи есть только одна краснорѣчиво говорящая за себя фигура—фигура А. Ф. Керенскаго. Мѣтко замѣтилъ Церетели, что эта фигура есть какъ бы *персонификація идеи коалиціи*,—изъ всѣхъ совѣтскихъ дѣятелей наименѣе «связанная» съ совѣтами, наиболѣе «независимая» отъ нихъ и наиболѣе «пріемлемая» для цензовой Россіи. А. Ф. Керенскій, несмотря на свою формальную принадлежность къ опредѣленной партіи, пытался и пытается занять *надпартійную* политическую позицію. И онъ—находка для того момента, когда крупныя партіи борются за возможность свалить на чужія плечи бремя власти; этими чужими плечами и являются *индивидуальныя* плечи опредѣленнаго *лица*, котораго затѣмъ окружаютъ не типичными, не характерными, а какъ бы «разведенными водицей» представителями другихъ партій.

Самымъ ярымъ и талантливымъ сторонникамъ коалиціи я скажу: развѣ то, что вы произвели на свѣтъ, есть *коалиція?* Это—суррогатъ коалиціи, ея поддѣлка. Если вы вѣрите въ спасительность коалиціи, вы не со стороны должны ее строить изъ какихъ-то другихъ элементовъ, — нѣтъ, вы сами должны въ нее идти. Да, именно вы должны идти, а не ваши блѣдныя тѣни.

Созданіе *суррогата коалиціи* есть замаскированный уходъ отъ власти всѣхъ заключающихъ коалицію партій. Это—оставленіе своихъ замѣстителей вокругъ лица, занявшаго надпартійную позицію; это — фактическое уклоненіе отъ занятій отвѣтственныхъ постовъ, это—тяга къ безотвѣтственности, это—торжество властебоязни.

Я хорошо знаю все, что можетъ быть сказано въ защиту этой позиціи. Иногда она, — по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ,— чрезвычайно удобна. Бываютъ историческіе моменты, особенно неблагодарные для нахожденія у государственнаго руля, моменты, когда передъ тѣмъ было слишкомъ много напутано, и когда не позавидуешь тому, кто первый приступитъ къ распутыванію. Я совершенно понимаю, что въ такіе моменты для партіи выгодно «резервировать» свои силы и свой престижъ для болѣе благопріятнаго будущаго. Я не спорю: сейчасъ мы переживаемъ одинъ изъ такихъ моментовъ.

Почему же я не согласенъ съ тѣми, кто считалъ для даннаго момента болѣе осторожнымъ и политичнымъ создать нѣкоторую промежуточную комбинацію? Почему я не хочу видѣть тактически-искусный шагъ именно въ допущеніи организаціи власти межеумочнаго, суррогатнаго характера?

Да только потому, что моментъ слишкомъ серьезенъ, и мы *не въ правѣ* разсуждать съ точки зрѣнія удобства для своей «партійной лавочки».

Мы — на стремнинѣ теченія исторической рѣки. Мы — у самыхъ пороговъ. У руля сейчасъ болѣе, чѣмъ когда либо, требуется твердая рука и единство воли.

Въ такой моментъ, казалось бы, не спасливая, скупая бережливость, не прибереганіе на лучшее будущее наиболѣе надежныхъ силъ, а обратное—ихъ полная мобилизація—должна быть лозунгомъ момента. А что дѣлаемъ мы?—Мы ихъ уводимъ на мѣста зрителей, мы возлагаемъ на нихъ обязанность—глядѣть, оцѣнивать, критиковать. Пусть это дѣлается «съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ» дать *благосклонныхъ* критиковъ, критиковъ-наставниковъ, доброжелательно совѣтующихъ восклицаніями съ берега, когда надо повернуть руль правѣе, когда—лѣвѣе. Но, вѣдь, бѣда въ томъ, что на стремнинѣ ладья летитъ, какъ стрѣла, что кормчій нуждается въ мгновенной интуиціи, а пока звуки доброжелательнаго совѣта долетятъ до слуха и произведутъ все необходимое дѣйствіе на сознаніе и волю,—перемѣнить курсъ порою будетъ уже поздно. И не отъ одной доброй воли критика зависитъ, быть ли ему критикомъ благосклоннымъ или неблагосклоннымъ, тѣмъ болѣе, что на-

тянутая благосклонность недолго выдержитъ, когда встрѣтитъ строгій провѣрочный экзаменъ собравшейся аудиторіи...

Но слѣдуетъ ли изъ всего этого заключить, что наша демократія *сама не вѣритъ въ себя?*

О, я хорошо знаю всѣ слабости нашей молодой демократіи. Я знаю, что у нея мало людей, что крупныя способности у нея—всѣ наперечетъ, что ей не хватаетъ длительнаго опыта отвѣтственной государственной дѣятельности, что въ массѣ ей не хватаетъ той методичности въ работѣ и трудовой дисциплины, которыя не на чемъ было выработать. Я знаю, что она изъ прошлаго вынесла больше умѣнья бороться, свергать и разрушать, чѣмъ созидать и строить, что она страдаетъ слабостью слишкомъ много разговаривать и слишкомъ мало дѣлать; я знаю, наконецъ, что въ ней живы «истинно-русскія» черты фанатизма, догматической прямолинейности и нетерпимости, способныя саботировать всякое живое дѣло; короче, я знаю, что въ нашей демократіи — слишкомъ много демагогіи, а въ нашемъ демосѣ—слишкомъ много охлоса...

Но въ то же время я знаю, что это—болѣзни, болѣзни, вовсе не спеціально присущія демократіи, какъ таковой. Нѣтъ, это—наши общія, національно-русскія слабости. Не демократія только, а Россія вообще страдаетъ ужасающимъ *безлюдьемъ*. Гдѣ искать настоящихъ общественныхъ и государственныхъ работниковъ? Въ старой бюрократіи, что ли, блистательно обанкротившейся во всѣхъ отрасляхъ жизни и управленія? Или въ промежуточномъ слоѣ цензовой Россіи, которая вершила при старомъ строѣ дѣлами земствъ и думъ и которая умѣла только «приказывать» и практически шагу не умѣла ступить безъ «третьяго элемента», пополнявшагося изъ поднадзорной интеллигенціи!

На нѣтъ и суда нѣтъ. Да, мы скудны интеллектуальными и организаціонными силами. Но изъ боязни этой скудости отступать на безотвѣтственныя позиціи—значитъ ли улучшать дѣло? Или развѣ это выходъ—изобрѣтать какую-то особенную полуотвѣтственную позицію, когда лидеры демократіи собственными руками стряпаютъ своеобразную правительственную «сборную селянку изъ разной рыбы», а потомъ относятся къ ней, какъ къ чему-то посланному внѣшнимъ рокомъ? Исторія знаетъ моменты, когда нѣтъ ничего несостоятельнѣе уклончивости. Исторія ставитъ свои категорическіе императивы, — и лицомъ къ лицу съ ними соціалистической демократіи приходится, наконецъ, сказать: *«если не мы, то кто же? И если не теперь, то когда же?»*

«Когда же? А послѣ созыва Учредительнаго Собранія!»—

могутъ отвѣтить намъ. «Тогда соціалистическая демократія, имѣя твердую точку опоры въ большинствѣ собранія, возьметъ власть, не опасаясь упрека въ узурпаторствѣ; тогда наступитъ наше время; а теперь — лишь бы какъ-нибудь дотянуть до Учредительнаго Собранія, лишь бы сладить до этого времени хоть какое-нибудь, хоть плохонькое связывающее всѣхъ коалиціонное правительство!»

Я очень боюсь, что въ этомъ отвѣтѣ мы имѣемъ лишь вольное политическое переложеніе вывѣски одного остроумнаго трактирщика: «сегодня за деньги, а завтра—задаромъ!»

Въ чемъ дѣло? Облегчится ли *по существу* та задача, которую придется разрѣшать соціалистической партіи послѣ созыва Учредительнаго Собранія? Нисколько. Если въ ея распоряженіи нѣтъ людей, и на этомъ ей суждено жестоко «срѣзаться», представъ на историческій экзаменъ, то въ полтора-два мѣсяца, отдѣляющія насъ отъ нашей Конституанты, родиться и вырости новые люди все равно не успѣютъ. Задачи же, подлежащія разрѣшенію, не станутъ ни менѣе сложными, ни болѣе легкими. Напротивъ, всѣ наши болячки окажутся еще болѣе запущенными, и средства леченія потребуются еще болѣе радикальныя, еще болѣе героическія. Что же касается вопроса объ «узурпаторствѣ», то кто же можетъ искренно оспаривать очевидный фактъ, что сейчасъ *массы* тянутся именно къ соціалистическимъ лозунгамъ и партіямъ, а, слѣдовательно, пришелъ ихъ историческій чередъ — показать свою способность спасти родину и революцію!

Напротивъ, если, получивъ вотумъ народнаго довѣрія, мы его не используемъ, а будемъ топтаться вокругъ власти—«ни въ коробъ не лѣзу, ни изъ короба не выхожу, ни короба не отдаю»,—то эта пустопорожняя тактика, поистинѣ, сможетъ произвести впечатлѣніе полной государственой импотентности и привести къ разочарованію народныхъ низовъ. И тогда—чѣмъ чортъ не шутитъ!—въ «разсчетливомъ» выжиданіи формально-безспорнаго вотума довѣрія страны мы будемъ терять довѣріе; начавши съ возглавленія чуть не всенароднаго движенія, мы растеряемъ низы и ухитримся явиться въ Учредительное Собраніе въ качествѣ меньшинства.

Властебоязнь, вытекающая изъ опасенія безлюдія, побуждая стремиться во что бы то ни стало къ «политическому займу» у ка-детъ, ставитъ насъ въ абсолютную зависимость отъ «заимодавцевъ». Они могутъ насъ какъ угодно шантажировать, они могутъ вынуждать у насъ капитуляцію за капитуляціей, если мы по прежнему будемъ одержимы паническою болѣзнью

властебоязни, если за «одолженіе», которое намъ дѣлаютъ цензовики, входя съ нами въ коалицію, мы будемъ платить въ концѣ концовъ всегда ту цѣну, на которой они окончательно упрутся. И, наконецъ, въ результатѣ всегда будетъ выходить коалиція на такихъ условіяхъ, что въ нее будетъ нельзя, будетъ слишкомъ зазорно входить намъ самимъ, а придется посылать свои блѣдныя тѣни, своихъ фактотумовъ... относительно которыхъ всегда есть рискъ, что они превратятся въ *чужихъ* фактотумовъ, во исполненіе старыхъ словъ: sic vos—non vobis!

Сейчасъ соціалистическая демократія — въ большинствѣ. Уклоняясь отъ прямой отвѣтственности, создавая промежуточныя quasi-рѣшенія, она не можетъ избѣгнуть всей полноты *косвенной* отвѣтственности за политику, по отношенію къ которой она является и попустительницей, да и повивальной бабкой. Изъ боязни прямой отвѣтственности за себя взваливать на свои плечи косвенную отвѣтственность за чужіе грѣхи—не значитъ ли это прятаться отъ дождя да въ воду?

3. Коалиція безъ коалиціи.

«Пекли-то пирожки, анъ вышли покрышки на горшки». Эта присказка приходитъ мнѣ то и дѣло на умъ, когда я присматриваюсь день ото дня къ работѣ нашего предпарламента.

Когда налаживали новое коалиціонное правительство, то удручающую сѣрость его личнаго состава оправдывали тѣмъ, что центръ тяжести коалиціоннаго дѣйствія отнынѣ переносится изъ правительства—въ представительный органъ, передъ которымъ оно будетъ отвѣтственно. Всю бѣду за прошлые коалиціонные опыты хотѣли взвалить на то, что коалиція практиковалась «на верхахъ», безъ соотвѣтственной коалиціи въ «низахъ»,—была лишь «видимость коалиціи», или «внѣшняя», «механическая коалиція». Теперь, какъ принято выражаться, попробуютъ найти «реальную коалицію» въ самой странѣ. Выявиться она, очевидно, должна была въ предпарламентѣ.

Теперь же, думается, всякому непредубѣжденному наблюдателю ясно, что никакой «реальной коалиціи» въ предпарламентѣ не получилось. Первое же выступленіе Аджемова, отъ котораго ждали почему-то, какъ отъ «лѣваго» кадета, попытки проложить мостикъ между цензовиками и трудовой Россіей, было аттакой цензовиковъ на позиціи трудовой Россіи. Если бы слово «контръ-революціонный» не было такъ избито и обезсмысленно демагогіей, то я сказалъ бы, что рѣчь Аджемова

была по существу совершенно опредѣленно контръ-революціоннымъ выступленіемъ. О Милюковѣ я и не говорю: стару березу въ дугу не согнешь. Но всего лучше было выступленіе Струве. Не въ томъ дѣло, что онъ затѣялъ старую волынку «вѣховской» раздѣлки революціи. А въ томъ, что онъ первый рѣшился взять быка за рога: съ трибуны предпарламента воздалъ хвалу государственному преступнику, мятежному генералу, чье имя стало символомъ вооруженнаго подавленія народной стихіи — генералу Корнилову. И почти всѣ цензовики откликнулись на это шумной оваціей. Это не была заранѣе подготовленная демонстрація: нѣтъ, это было случайное, непосредственное проявленіе непосредственныхъ чувствъ. Но тѣмъ знаменательнѣе этотъ фактъ. Послѣ него даже слѣпой увидитъ, что мечтать о «реальной коалиціи» въ предпарламентѣ,—это все равно, что «изъ печенаго яйца живого цыпленка высиживать». Занятіе неблагодарное. Правда, у насъ уже, какъ будто, завелись такіе «кулуарные политики», которые будутъ предаваться этому занятію съ упоеніемъ и вѣрой. Кулуарный политикъ, этотъ затасканный типъ, хорошо намъ извѣстный по старухѣ —Европѣ, есть, должно быть такой, «суженый» всякой начинающей парламентское поприще политической партіи, котораго никакимъ конемъ не объѣдешь. Но если тамъ онъ— сила, и все мелкотравчатое въ его дѣятельности задрапировано престижемъ, который дается подлиннымъ вліяніемъ и подлинной властью, то, вѣдь, у насъ есть пока только предпарламентъ изъ папье-маше, но нѣтъ вросшаго въ жизнь прочнаго, какъ хроническая болѣзнь, парламентаризма—того буржуазнаго парламентаризма, въ которомъ кулуарные политики—это цари и боги. Мы еще переживаемъ революціонный періодъ. У насъ либо парламентъ сдѣлается органомъ революціи, — либо революція пройдетъ мимо парламента и даже черезъ него; пусть, споткнувшись о него, она разобьется на смерть, но что же дѣлать! «Міръ съ ума сойдетъ—на цѣпь не посадишь»—говоритъ русская пословица. Въ такое время, какъ переживаемое сейчасъ нами, кулуарный политикъ—не только мыльный пузырь съ высшей, исторической точки зрѣнія: онъ безпомощенъ и его суетливость пустопорожня даже на взглядъ самаго простого обывателя, если только онъ хоть немножко не чуждъ наблюдательности. Нашъ кулуарный политикъ — это просто «швецъ Данило—что ни шьетъ, все гнило».

Послѣ перваго кризиса коалиціоннаго правительства, когда ушли кадеты—Шингаревъ, Шаховской и др., — было немало испробовано всевозможныхъ перетасовокъ въ правительствѣ. И

всѣ эти перетасовки были искусственными, дѣланными. Всѣ они были «состряпаны» въ кухнѣ политиканства и столкованій «съ задняго хода». Это было начало тревожныхъ признаковъ вырожденія въ сторону политиканства. Былъ на лицо фактъ, противъ котораго ничего нельзя было подѣлать. Въ двухъ вопросахъ: въ политическомъ и въ экономическомъ партія к.-д., сдѣлавшаяся складочнымъ мѣстомъ для почти всѣхъ болѣе правыхъ элементовъ, отказалась идти вмѣстѣ съ трудовой демократіей.

Трудовая демократія не можетъ оставить централизованнаго, всенивеллирующаго бюрократическаго механизма, оставленнаго намъ въ наслѣдство старой властью. Она должна произвести частичную разгрузку Петрограда отъ власти и болѣе равномѣрно распредѣлить ее по провинціи. Она должна децентрализовать власть. Не говоря о многихъ, общеизвѣстныхъ основаніяхъ для этого, надо особо отмѣтить одинъ. Сама трудовая демократія иначе не сможетъ властвовать надъ этимъ огромнымъ, сложнымъ, развѣтвленнымъ государственнымъ механизмомъ, а попадетъ въ зависимость отъ него. Этотъ механизмъ и персонально, съ верху до самаго низу, пропитанъ опредѣленнымъ старымъ духомъ, да и вся его конструкція, всѣ навыки и всѣ методы его функціонированія слишкомъ несгибаемо-опредѣленные для того, чтобы просто стать покорнымъ инструментомъ въ рукахъ новой трудовой власти. Новая власть слишкомъ молода, а старый механизмъ слишкомъ окостенѣлъ для этого. Сломать этотъ механизмъ рядомъ грубыхъ ударовъ, какой-то новой, соціалистической, «дубинкой Петра Великаго»? Это трудно безъ колоссальной дезорганизаціи. Выходъ—я хочу сказать разумный выходъ—только одинъ. Это—созданіе краевыхъ органовъ власти, дѣленіе Россіи на національно-территоріальныя и хозяйственно-бытовыя области, иными словами—развитіе въ сторону федераціи. Но первый же опытъ этого рода—соглашеніе съ Украинской Радой—натолкнулся на упорную, непримиримую оппозицію ка-детовъ. Дѣло ясное: или пора выбросить за бортъ государственнаго корабля ка-детовъ, либо отказаться отъ подготовленія федеративно-областного самоуправленія. Пойти вторымъ путемъ — значитъ, съ одной стороны, ослабить творческую работу областной земщины, которая должна лечь въ основу нашего государственнаго зданія, а съ другой стороны—вызвать колоссальное національное недовольство и сепаратистскія стремленія. Развѣ мы не видимъ, какъ это вѣрно по отношенію къ Финляндіи? Нынѣ въ ней все растетъ и работаетъ стремленіе къ полной независимости, и

все изъ за упорства членовъ правительства изъ партіи к.-д. Они не идутъ во-время на необходимыя уступки: результатомъ является невѣріе въ возможность ужиться и наростаніе націоналъ-максималистскихъ требованій. Ка-деты здѣсь повторяютъ ошибку самодержавія. Оно если и дѣлало конституціонныя уступки, то всегда слишкомъ скупыя и запоздалыя, и этимъ лишь ускоряло кризисъ.

Тоже и въ экономикѣ. Первые же законопроекты министерства труда вызвали отставку Коновалова. Эта отставка—опасный симптомъ, ибо вызвана напоромъ справа. Промышленные круги настроены непримиримо. Среди нихъ зрѣетъ психологическая зараза ультимативизма. Раздаются недвусмысленныя угрозы локаутомъ. И к.-д. сферы не прочь использовать оппозицію торгово-промышленной буржуазіи, какъ таранъ противъ соціалистическихъ членовъ правительства. Еще хуже — въ области земледѣлія. Та отчаянная кампанія, которую мнѣ пришлось вести въ защиту травимыхъ справа земельныхъ комитетовъ,—этому живое свидѣтельство. Земельные комитеты въ своей дѣятельности не чужды промаховъ и ошибокъ; но это—единственный барьеръ, отдѣляющій помѣщичьи хозяйства и самихъ помѣщиковъ отъ погромной стихіи, зрѣющей въ болѣе темной и нищей части крестьянства. Мы заинтересованы въ томъ, чтобы произошло не безпорядочное расхищеніе помѣщичьяго добра и мстительное надругательство надъ личностью помѣщиковъ; оно ни къ чему, и при анархическихъ захватахъ, въ концѣ концовъ все попадетъ въ руки кулаковъ и спекулянтовъ. Казалось бы, и помѣщики должны примириться съ неизбѣжностью и пойти на безболѣзненный переходъ сельскаго хозяйства съ частновладѣльческихъ на крестьянско-трудовые рельсы. Они этого не понимаютъ. Они надѣются какъ-нибудь сорвать земельную реформу. Союзы земельныхъ собственниковъ насаждаютъ всюду помѣщичью непримиримость и собственническій «большевизмъ справа». Сѣя вѣтеръ, они пожнутъ бурю. Запоздалая уступка, хотя бы даже въ видѣ передачи всѣхъ земель въ вѣдѣніе земельныхъ комитетовъ, можетъ не дать всѣхъ тѣхъ результатовъ, какіе дала бы, будучи принята своевременно. И партія к.-д., въ угоду землевладѣльческому максимализму, тормозитъ дѣло земельныхъ реформъ, саботируетъ его, затягиваетъ, гдѣ не можетъ сорвать. Уступая ради поддержанія коалиціи, Временное Правительство утрачиваетъ свою популярность, и само подпиливаетъ сукъ, на которомъ сидитъ. Мыслимо ли было придумать что-нибудь болѣе нелѣпое, чѣмъ судебное преслѣдованіе земельныхъ комитетовъ и аресты ихъ

членовъ? Мыслимо ли было придумать что-нибудь болѣе нелѣпое, какъ подготовленіе судебнаго похода министерства юстиціи противъ главнаго земельнаго комитета и противъ министерства земледѣлія? А на нашихъ глазахъ это происходитъ, и къ этому государственному безумію готовы «руку приложить» членъ народно-соціалистической партіи Зарудный и внѣпартійный соціалъ-демократъ Малянтовичъ. Даромъ такія вещи не проходятъ. Есть такая мужицкая поговорка: «въ народѣ, какъ въ тучѣ: въ грозу все наружу выйдетъ».

Таковы печальные факты. Черезъ нихъ не перескочить никакой кулуарной стряпней, никакими извилистыми формами, никакимъ пріисканіемъ покладистыхъ безцвѣтностей для составленія новыхъ и новыхъ коалиціонныхъ министерскихъ комбинацій. Предпарламентъ, сводящій партіи лицомъ къ лицу, это показалъ. Онъ органомъ «реальной коалиціи» не является. Законодательными правами онъ не обладаетъ. Что же онъ такое? Мѣсто, гдѣ Черновъ будетъ ломать копья со Струве и Милюковымъ, Данъ съ Аджемовымъ? Но развѣ въ этомъ сейчасъ нуждается страна? Увы! Бытіе нашего предпарламента обогатитъ лишь нашъ словарь неологизмовъ, въ которомъ пестрой толпой проходятъ передъ нами Румчеродъ, Викжель, Центробалтъ, Осотопъ,—еще однимъ словечкомъ: Словотопъ.

4. Предпослѣднія ошибки.

Изъ состава правительства ушелъ ген. Верховскій, — т. е. не онъ ушелъ, а его ушли. За что? За то, что онъ въ закрытомъ засѣданіи двухъ комиссій предпарламента рѣшился до конца сказать всю жестокую, больную правду о нашей больной арміи.

Говорятъ, что этимъ онъ нарушилъ общую министерскую солидарность и поставилъ въ крайне тяжелое положеніе г. Терещенко. Что же? Можетъ быть. Тѣмъ хуже для г. Терещенко.

Что такое г. Терещенко? Онъ пріобрѣлъ популярность, какъ антагонистъ П. Н. Милюкова. Этотъ послѣдній чрезвычайно усилилъ его популярность, ославивъ Терещенко, какъ вреднѣйшую личность, пересадившую циммервальдизмъ въ нашу внѣшнюю политику. Но въ народѣ говорится: не вѣрь выѣзду, а вѣрь пріѣзду. И опасенія однихъ, и надежды другихъ оказались неосновательны.

Что случилось? Не хватило-ли у г. Терещенко умѣнья овладѣть сложнымъ механизмомъ дипломатическаго вѣдомства, и онъ постепенно и незамѣтно подпалъ самъ подъ его вліяніе?

Марксъ говаривалъ, что въ фабричной системѣ человѣкъ самъ становится простымъ «придаткомъ къ машинѣ». Машина властвуетъ надъ человѣкомъ, а не человѣкъ надъ машиной. Не постигла ли такая же судьба и г. Терещенко? Или просто онъ былъ терроризированъ умѣло инсценированной буржуазной травлей, созданной вокругъ его имени, и онъ, самъ себя испугавшись, пошелъ на попятный? Одно вѣрно: итогъ былъ плачевенъ. Какъ, бывало, приговаривала моя старуха-нянька: горѣли дрова жарко, въ банѣ было парко; дровъ не стало, и все пропало.

Г. Терещенко пробовалъ выступить въ предпарламентѣ. Кого удовлетворили его объясненія? Никого. Ему, повидимому, шепнули, что надо поправиться. Онъ снова выступилъ — и поправился изъ кулька въ рогожку. Въ своей отвѣтной рѣчи отъ имени п. с.-р. я, хотя и въ сдержанныхъ, но категорическихъ выраженіяхъ заявилъ о неудовлетворенности соціалистической лѣвой и центра. Ораторы цензовиковъ также рѣзко отмежевались отъ него. Пытаясь примирить съ собою и тѣхъ, и другихъ, онъ не угодилъ никому: оказался ни павой, ни вороной. Въ такихъ случаяхъ выходятъ въ отставку. Но у насъ все наоборотъ. И ген. Верховскій, полагающій, что ни наши союзники, ни мы сами не отдали себѣ настоящаго отчета въ тягостной болѣзни, параличемъ разбивающей нашу армію, и что наша мирная политика не достаточно активна, ни для того, чтобы сократить срокъ тяжкаго испытанія, ни для того, чтобы успокоить и обнадежить армію, которой нужно напрячь всю свою выносливость, — ген. Верховскій явился козломъ отпущенія.

Такъ утрачена правительствомъ единственная величина, наростающая популярность которой могла бы возмѣстить тающую популярность Керенскаго. Единственная крупная сила, составлявшая пріятный контрастъ съ общимъ фономъ безличностей,—отпала...

Я припоминаю рѣчь тов. Авксентьева на III-мъ съѣздѣ нашей партіи по вопросу о коалиціонномъ правительствѣ. Въ отвѣтъ на опасенія, какъ бы наши представители не оказались въ немъ связанными по рукамъ и ногамъ «заложниками» буржуазнаго большинства, онъ отвѣчалъ: «тутъ вопросъ не въ жалкой ариѳметикѣ, а вопросъ въ реальномъ соотношеніи силъ въ странѣ». Иными словами, въ конфликтѣ между лѣвой и правой частью правительства вмѣшается «улица». «Что произошло отъ того, что ушелъ Коноваловъ?» — спрашивалъ т. Авксентьевъ и отвѣчалъ: «Ничего. Но вы представьте,

что изъ министерства уйдетъ Церетели, или Керенскій, или Черновъ, которые заявятъ, какъ заявилъ Коноваловъ, что они несогласны съ политикой этого Временнаго Правительства. Что тогда произойдетъ въ странѣ?.. Кромѣ того, никто изъ нихъ одинъ не уйдетъ. Они всѣ уйдутъ. Что же тогда произойдетъ? Встанетъ ли на ихъ мѣсто другой соціалистъ? Тогда, дѣйствительно, тѣ элементы Временнаго Правительства, которые захотѣли бы пойти на этотъ экспериментъ,—были бы сметены въ одинъ моментъ...»

Разсчитано было неплохо. Но «гладко писано въ бумагѣ, да забыли про овраги, а по нимъ ходить». Предполагалось, что политика всѣхъ членовъ соціалистической части правительства будетъ безусловно солидарной — согласно съ линіей поведенія, начертанной съѣздомъ. Но «никто изъ нихъ одинъ не уйдетъ — если уйдутъ, то разомъ всѣ» — не сбылось. По одиночкѣ вынуждены были уйти — сначала Церетели, потомъ — пишущій эти строки. Въ моментъ тяжкаго кризиса страны и катастрофы на фронтѣ вынужденность ухода обоихъ была въ большей или меньшей степени завуалирована. Церетели и я пришлись «не ко двору». Значитъ ли это, что наша дѣятельность не соотвѣтствовала партійнымъ и совѣтскимъ рѣшеніямъ и желаніямъ? Нѣтъ, не значитъ. Напротивъ. Каждый изъ этихъ уходовъ означалъ отдаленіе Временнаго Правительства отъ массъ. Нынѣшній уходъ ген. Верховскаго—еще одинъ фактъ того же порядка.

Когда я гляжу на дебюты новаго квази-коалиціоннаго правительства — «безъ складу по складамъ, безъ толку по толкамъ», — я ужасаюсь, какъ у него промахъ на промахѣ ѣдетъ, промахомъ погоняетъ. Послѣ Корниловскаго возстанія, въ которомъ никто не разберетъ, гдѣ началось возстаніе, и гдѣ кончилось исполненіе приказанія свыше, гдѣ кончалось правительственное рѣшеніе и гдѣ начиналось приватное рѣшеніе негласнаго «правительства въ правительствѣ»,—только рѣшительное очищеніе арміи отъ мятежныхъ реакціонныхъ элементовъ могло возстановить армію, какъ единое цѣлое. А мы видѣли политику затушеванія, загонявшую болѣзнь внутрь и дѣлавшую ее смертельной. Не ясно ли, что въ правительствѣ нѣтъ и тѣни пониманія, какимъ ужаснымъ потрясеніемъ для арміи была корниловская попытка, и какъ тяжело послѣ этого потрясенія оправиться! А конфликтъ съ желѣзнодорожниками, изъ за котораго едва-едва не разразилась всеобщая ж.-д. забастовка? А правительственное обращеніе по поводу этого къ странѣ, безтактное и оскорбительное, прошедшее словно каленымъ желѣ-

зомъ по сердцамъ ж.-д. персонала? А совершенно нелѣпый конфликтъ — буквально изъ за выѣденнаго яйца — съ центрофлотомъ, организаціей, единственно только и сдерживающей сейчасъ бунтарскія тенденціи среди матросовъ? А обращеніе Керенскаго къ Балтійскимъ морякамъ, въ безтактности соперничающее только съ выходкой противъ желѣзнодорожниковъ? Все это вмѣстѣ показываетъ, до какой степени оторвалось правительство отъ массъ, до какой степени утратило оно чутье массовой психологіи. А даромъ это не проходитъ.

Когда обсуждался вопросъ о коалиціи, въ соціалистической средѣ было два мнѣнія. По одному — коалиціонное правительство было лишь переходнымъ состояніемъ, промежуточнымъ рѣшеніемъ: когда соціализмъ еще недостаточно силенъ, чтобы взять власть цѣликомъ въ свои руки, а событія уже настолько назрѣли, что немыслимо оставить ее въ рукахъ буржуазіи,— другого выхода нѣтъ. Но, съ этой точки зрѣнія, противорѣчія тенденцій въ смѣшанномъ правительствѣ неизбѣжны; ихъ нельзя замазывать; надо ихъ развернуть; именно развитіе этихъ противорѣчій и проявленіе ихъ передъ лицомъ всей страны въ рядѣ сталкивающихся законодательныхъ предположеній должны быть двигателями, ускоряющими партійную дифференцировку въ странѣ и придвигающими новые сдвиги въ пользу соціализма.

По другому взгляду, коалиція должна быть сохранена во что бы то ни стало, если не въ теченіе всей революціи, то, по крайней мѣрѣ, до Учредительнаго Собранія. Одни обосновываютъ это тѣмъ, что русская революція по своему соціально-экономическому смыслу есть революція буржуазная, а потому нелѣпо не дѣлать ее вмѣстѣ съ буржуазіей. Другіе—тѣмъ, что во время войны необходимъ священный союзъ всѣхъ партій путемъ взаимныхъ уступокъ. Третьи — тѣмъ, что соціализмъ въ Россіи слишкомъ молодъ и обязательно провалится съ трескомъ, если попытается самъ стать у государственнаго руля. По тѣмъ или другимъ причинамъ, но по одежкѣ надо протягивать ножки, т. е. урѣзать соціальную программу до предѣловъ, не препятствующихъ «реальной коалиціи» всѣхъ классовъ.

Наша партія, въ лицѣ съѣзда, стала на первую изъ двухъ изложенныхъ точекъ зрѣнія. А. Керенскаго, наоборотъ, какія-то «вліянія» успѣли превратить въ живое воплощеніе и носителя второй.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше А. Керенскій увлекался однимъ огромнымъ, и въ основѣ здоровымъ желаніемъ: очистить революцію отъ центробѣжныхъ, анархо-бунтарскихъ тяготѣній, спо-

собныхъ развалить ее, опереться на истинную демократію, очистить ее отъ буйнаго «охлоса», освободившагося гражданина противопоставить «взбунтовавшемуся рабу», возстановить революціонный порядокъ, желѣзной рукой водворить власть закона. Соотвѣтственно этому передъ нимъ сталъ вопросъ о репрессіяхъ противъ всего того, что не укладывается въ нормальныя рамки творческой революціи. И, дѣйствительно, страна жаждетъ твердой власти. Она уже устала отъ неопредѣленности, безвластія, летаргіи закона, отъ хаоса и неразберихи «явочнаго» проявленія раскованныхъ, неулегшихся силъ. И, конечно, твердая власть необходима. Но ею можетъ стать, среди взбаломученнаго моря темной стихіи русской дѣйствительности, лишь правительство, популярное въ массахъ, т. е. лишь правительство, которое одной рукой смѣло, твердо и властно наводитъ порядокъ, а другой рукой не менѣе смѣло, твердо и властно проводитъ соціальныя реформы, подымающія «хижины» за счетъ «дворцовъ». Стоитъ лишь хоть немного нарушить эту гармонію, этотъ параллелизмъ двусторонней дѣятельности—и все будетъ кончено. Правительство, запаздывающее съ соціальными мѣрами, сдѣлается одіознымъ со своими мѣрами по введенію порядка, не ослабитъ, а усилитъ ими центробѣжныя теченія и, въ концѣ концовъ, сорвется съ ними.

Именно эта опасность и стоитъ сейчасъ передъ правительствомъ, на которомъ повисла, словно жерновъ осельскій на выѣ, «коалиція». Его пассивъ все больше и больше превышаетъ активъ, его популярность падаетъ. Оно виситъ сейчасъ въ воздухѣ.

«Очень часто даже отъ министровъ приходилось слышать, что если власть не валяется на улицѣ, то она будетъ валяться, и всякій, кому не лѣнь, можетъ нагнуться и эту власть подобрать, ею овладѣть». Такъ говорилъ т. Авксентьевъ на съѣздѣ, когда обосновывалъ невозможность дальше оставлять чистобуржуазное правительство, обреченное на безвластіе. Нынѣ коалиціонное правительство, изживъ себя, отслуживъ свой срокъ, привело насъ къ тому же положенію. И такъ какъ мы не хотимъ этого видѣть, не хотимъ выбросить за бортъ элементы, парализующіе его созидательную дѣятельность—справа до к.-д. включительно,—то передъ нами рискъ катастрофы—овладѣнія властью тѣми, кто будетъ имѣть дерзновеніе нагнуться и поднять ее.

Большевики на это и держатъ курсъ,—рѣшительно и смѣло. Упорно назначили даже день—20-е число,—когда они совер-

шатъ переворотъ. Двадцатаго ждали, какъ свѣтопредставленія, и, конечно, не дождались: перевороты приходятъ, «яко тать въ нощи», а не по предварительной публикаціи. Но трудность не въ томъ, какъ сдѣлать переворотъ, а въ томъ, что послѣ него будетъ.

«Ты все пѣла? Это дѣло: такъ поди же, попляши!» Вотъ передъ чѣмъ встанетъ большевистская партія, если ей удастся захватить власть. Едва ли не каждый большевикъ, по народной поговоркѣ: «хорошій разсказчикъ, да плохой приказчикъ». Послушайте хотя бы Льва Троцкаго, какъ у него все на словахъ выходитъ гладко, словно спеціально про него и сказано: у нашего Левки все ловко, онъ изъ песку веревки вьетъ. Но, вѣдь, не та хозяйка, которая говоритъ, а та, которая щи варитъ. Я не хотѣлъ бы хлебать щей, сваренныхъ г. Троцкимъ. И не только потому, что безлюдье и некомпетентность сдѣлаютъ ихъ пребываніе у власти смѣшной и жалкой картиной, ибо они и не подозрѣваютъ, съ какими порой почти неодолимыми трудностями приходится имѣть дѣло у государственнаго руля, и какая огромная тягота въ нынѣшнихъ русскихъ условіяхъ власть. Развѣ объ этомъ будутъ задумываться люди, которые носятъ мозги на бекрень? Но всего затруднительнѣй дѣло ихъ будетъ оттого, что имъ придется у власти дѣлать все то, что они предавали анафемѣ въ оппозиціи. Они все время агитировали противъ займа свободы, — имъ придется схватиться за заемъ свободы. Они все время разлагали армію,—имъ потребуется имѣть подъ рукой сильную армію. Они все время повышали требовательность рабочихъ,— имъ, передъ опасностью финансоваго и промышленнаго краха, придется умѣрять требованія рабочихъ. Они дѣлали одіознымъ малѣйшее примѣненіе репрессій, тѣмъ болѣе, что они плывутъ на гребнѣ валовъ взбунтовавшейся стихіи, всячески расковываютъ и разнуздываютъ ее, и она начнетъ неизбѣжно перекатывать черезъ ихъ головы. И бѣда здѣсь не только въ томъ, что содержаніе большевистской программы явно окажется, какъ говорится, и цвѣтно, и красно, да линюче. А бѣда въ томъ, что какъ бы успѣшно они сами не продѣлали метаморфозу отъ безотвѣтственной агитаціи къ отвѣтственному обуздыванію стихіи, а имъ это удастся меньше, чѣмъ кому бы то ни было. Ихъ катастрофа будетъ неизбѣжна, но она можетъ быть катастрофою всей Россіи.

При той тактикѣ, которую усвоила сейчасъ отвѣтственно чувствующая и мыслящая демократія, она осуждена на пораженіе. Повидимому, большевистскій бурунъ нагрянетъ неотвра-

тимо. Я безрадостно гляжу на ближайшее будущее. Массы сейчасъ опьянены. Потомъ придетъ отрезвленіе. Но удастся ли во-время вмѣшаться, чтобы остановить всеобщую разруху и всеобщій развалъ? Демократическое совѣщаніе могло предотвратить кризисъ. Оно этого не сдѣлало. Онъ будетъ. И ликвидировать его будетъ труднѣе, чѣмъ предотвратить. Отвѣтственно мыслящая часть трудовой демократіи будетъ ослаблена и дискредитирована. Она упустила моментъ, а такіе промахи поправляются съ трудомъ. Надо было не упускать, когда все шло намъ прямо въ руки, а «не удержался за гриву,—за хвостъ и подавно не удержишься».

Викторъ Черновъ.

P.-S. Эти «Листки изъ политическаго дневника» писались, какъ серія статей для «Дѣла Народа», но, въ качествѣ еретическаго мнѣнія, не увидѣли свѣта. Товарищи говорили мнѣ, что въ моей критикѣ много убійственно-вѣрнаго, но именно потому и нельзя ее печатать, тѣмъ болѣе, что въ конечномъ выводѣ я—лидеръ партіи с.-р.—на свою и ея бѣду—разошелся съ партіей с.-р.; я же, напротивъ, былъ убѣжденъ, большинство низовъ партіи—со мною, и что ближайшій съѣздъ партіи это докажетъ. Дѣйствительно, IV съѣздъ п.-с.-р. далъ мнѣ полное нравственное удовлетвореніе. Что касается моего прогноза, то, конечно, я многаго не предвидѣлъ, жизнь далеко обогнала мои самыя пессимистическія предположенія. Тѣмъ не менѣе, общая моя концепція оправдалась, и это даетъ мнѣ смѣлость опубликовать эти замѣтки.

О душѣ народной.

(По фронту—съ искусствомъ).

Скажите, въ какой странѣ, кромѣ Россіи, мыслимы чудаки которые въ переживаемое нами время выдумали отправиться въ большую поѣздку по фронту... съ искусствомъ.

Не съ тѣмъ «искусствомъ», которымъ давно уже отравлены всѣ фронты и отъ котораго ведетъ прямая дорога въ публичный домъ; и даже—не съ тѣмъ, которое ставитъ себѣ сравнительно «благородныя» цѣли—«повеселить нашихъ солдатиковъ»... Нѣтъ! Просто—съ хорошимъ здоровымъ искусствомъ.

На фронтъ поѣхали люди, знающіе народъ, идущіе къ народу всюду, гдѣ только это возможно, и повезли туда съ собою серьезный театръ и серьезную концертную организацію.

Я очень счастливъ былъ столкнуться съ такимъ «чудачествомъ» и принять участіе дѣйствительно въ культурно-просвѣтительной работѣ въ области искусства совмѣстно съ Передвижнымъ Театромъ П. П. Гайдебурова и выступленіями одной изъ самыхъ замѣчательныхъ артистокъ нашего времени О. О. Преображенской (заслуженная артистка Госуд. Театровъ).

Несомнѣнно, это — первый опытъ проведенія искусства въ массы на широкомъ фронтѣ въ буквальномъ смыслѣ слова.

Въ данный моментъ эта исключительная во всѣхъ отношеніяхъ поѣздка закончилась *).

Когда-нибудь и кто-нибудь напишетъ ея исторію. Пока же хочется подвести ей нѣкоторые общіе итоги. Думаю, что это можетъ быть интересно не однимъ только спеціалистамъ. Въ ней найдется кое-что и такое, что имѣетъ прямое отношеніе къ переживаемому моменту.

Но сначала—вкратцѣ о фактической сторонѣ дѣла.

---

*) Собственно,—оборвалась изъ-за событій октября—ноября.

Мы выѣхали изъ Петербурга въ ночь на 22-е сентября с. г. въ особыхъ вагонахъ, которые были получены черезъ Политическое Управленіе Военнаго Министерства.

Поѣздку никто не субсидировалъ. Она существовала на тѣ скромныя средства, которыя удавалось добывать во фронтовыхъ городахъ, время отъ времени выступая въ нихъ платно (спектакли и концерты) для публики.

Главной же задачей были **безплатныя** выступленія для фронтовыхъ солдатъ. Городъ служилъ базой, а изъ него мы ежедневно на автомобиляхъ выѣзжали въ отдѣльныя воинскія части. Условія и обстановка такой работы были, конечно, необычны и трудны.

Дѣло, впрочемъ, не въ однихъ физическихъ трудностяхъ. Дѣло не въ томъ, что нашимъ «домомъ» около двухъ мѣсяцевъ былъ вагонъ (сплошь и рядомъ нетопленый), — въ немъ надо было жить, питаться и не хворать,—не въ томъ, что обстановка спектаклей и концертовъ для солдатъ порою была едва выносимой — неприспособленныя, тѣсныя, душныя помѣщенія, громадная интенсивность работы, требовавшая иногда до с е м и выступленій въ $1^1/_2$ дня (артисты одѣвались и загримировывались въ $9^1/_2$ час. утра, а разгримировывались въ 11 час. ночи). Все это было трудно, но все это стало замѣтно, собственно, только потомъ, когда прошла горячка работы.

Гораздо труднѣе было другое. Главныя трудности заключались въ томъ, что, какъ въ тылу, такъ и на фронтѣ искусству въ культурно-просвѣтительной работѣ отводится чрезвычайно мало мѣста.

На каждомъ шагу приходилось имѣть дѣло съ людьми, у которыхъ не только ничего не было готово — не оказывалось достаточнаго количества перевозочныхъ средствъ, не было аппарата освѣдомленія солдатъ о томъ, гдѣ, когда и что состоится, — но даже о насъ-то самихъ и о томъ дѣлѣ, съ которымъ мы пріѣхали, у нихъ не было достаточно яснаго представленія.

Почти никто изъ мѣстныхъ «дѣятелей» «культурно-просвѣтительныхъ» организацій не представлялъ себѣ, что и въ народъ можно идти съ произведеніями большихъ и хорошихъ авторовъ (Гоголь, Островскій, Чеховъ, Рене-Моаксъ, Григъ, Шопенъ, Римскій-Корсаковъ, Даргомыжскій, Мусоргскій и даже Скрябинъ). Почти никто—даже изъ самыхъ милыхъ людей—не подозрѣвалъ (!), что музыка и театръ — явленія гораздо болѣе крупныя, чѣмъ простая потѣха.

Находились даже такіе «культурники», которые совершенно не интересовались нашими выступленіями и норовили лишь съ насъ же сорвать сборъ въ пользу ихъ «просвѣтительной» организаціи.

Словомъ, почти всюду передъ нами стояла стѣна, въ которой надо было пробивать первую брешь, отучать мѣстныхъ «дѣяте-

лей» отъ давно уже заведеннаго обыкновенія лишь забавлять солдатъ, устраивать для нихъ лишь развращающія пошлыя зрѣлища и даже—чѣмъ пошлѣе, тѣмъ лучше *).

Вотъ это все составляло тѣ трудности, которыя рѣзко бросались въ глаза сразу, которыя волновали, мѣшали работѣ. На борьбу съ ними уходило много силъ и энергіи, а иногда приходилось даже и бросать начатое.

Лишь отдѣльные люди — часто простые солдаты — помогали намъ. Лишь кое-гдѣ, при ихъ содѣйствіи, удалось создать сносную атмосферу и наладить нѣсколько десятковъ выступленій.

Результаты, можно сказать, превзошли всякія ожиданія. Оказывается, сами-то солдаты, — самъ-то народъ, — относится къ искусству совсѣмъ не такъ, какъ «дѣятели» и заправилы «культурно-просвѣтительныхъ» организацій. Народъ не только идетъ къ искусству, ищетъ его, но простымъ чутьемъ умѣетъ отводить ему въ культурѣ такое мѣсто, о какомъ многіе, дѣйствительно, не подозрѣваютъ.

Краткій разсказъ объ этомъ, собственно, и составляетъ предметъ настоящей статьи.

У насъ въ рукахъ—двѣ возможности судить объ отношеніи къ намъ солдатъ: непосредственныя наблюденія и, главное, громадный анкетный матеріалъ, который мы въ изобиліи собирали при каждомъ выступленіи.

Въ анкетныхъ листкахъ («Солдатское Слово объ игрѣ»—если дѣло идетъ о спектаклѣ и «Солдатское Слово о пѣніи и танцахъ»—если выступала О. О. Преображенская и я) мы спрашивали солдатъ: 1) что они получили? (удовольствіе, пользу, отдыхъ, неудовольствіе, утомленіе); 2) что имъ больше всего понравилось? 3) что хотѣли бы видѣть слѣдующій разъ? и, наконецъ, — 4) что сказали бы артистамъ въ добрый совѣтъ для продолженія ихъ работы на фронтѣ?

Матеріалъ, собранный путемъ анкеты — богатъ и разнообразенъ. Онъ требуетъ, конечно, спеціальной разработки. Но пока это будетъ сдѣлано, основные выводы можно сдѣлать уже и сейчасъ.

Прежде всего—составъ и настроеніе аудиторіи. Предъ нами—крестьянская масса, почти совершенно незнакомая съ городомъ. На всякаго рода зрѣлища (что ни дай!) она не идетъ, а ломится, и часто сильно приходилось задумываться надъ тѣмъ, какъ удовлетворить, по возможности, всѣхъ желающихъ.

Но, ломясь къ намъ, солдаты, конечно, не подозрѣвали, что́ именно они у насъ найдутъ.

---

*) Когда-нибудь и гдѣ-нибудь я разскажу о томъ, какими зрѣлищами отравляли фронтъ люди, дѣйствовавшіе подъ флагомъ и отъ имени демократіи.

Къ театру и музыкѣ и они, разумѣется, относятся только лишь, какъ къ легкому и въ общемъ ненужному развлеченію и забавѣ.

Если прибавить сюда еще и то, что наши выступленія тутъ и тамъ сопровождались митингами протеста противъ насъ (находились люди, которые учили толпу не довѣрять намъ, называли насъ «провокаторами», «спеціально подосланными людьми», чтобы пустяками отвлекать солдатъ отъ основныхъ и важныхъ вопросовъ момента), то станетъ ясно, передъ какой аудиторіей приходилось играть и пѣть.

Насъ почти всюду встрѣчала холодная сдержанность, угрюмое молчаніе глядящихъ исподлобья людей, а иногда даже ироническія замѣчанія и насмѣшки.

При такихъ условіяхъ весьма понятна такая, напримѣръ, картина отвѣтовъ *).

«Надо-бъ хуже, да негдѣ взять».

«Семейство солдата не тѣмъ голосомъ поетъ отъ голода».

«Теперь не время веселью».

«Наше мнѣніе такое, что пѣснями солдата не манить и не «забавляйте. Намъ нуженъ скорѣйшій миръ для всего народа».

«Намъ не годится».

«Товарищи артисты, вы пріѣхали не насъ развлекать, но «только голову забивать. Прошу скорѣй отъ насъ уѣзжайте «въ тылъ».

«Господа артисты. Ваши удовольствія намъ пользы нѣтъ, а «только одна разврата. У насъ сердце кровью обливается. Вы «въ нашей крови ищете удовольствія. Это — не удовольствіе «теперь, а это—анафема» и т. д.

Однако, несмотря на весь трагизмъ такой постановки вопроса, протестъ до конца сохраняли лишь немногіе. По крайней мѣрѣ, отрицательныхъ отвѣтовъ, такъ рѣзко выраженныхъ, получено нами ничтожное количество. А кое-гдѣ замѣтна и какая-то организаторская рука,—напримѣръ, отрицательные отвѣты подаетъ одинъ человѣкъ—пачкой.

Аудиторія въ ея цѣломъ не протестуетъ. Наоборотъ. Мы имѣемъ рядъ данныхъ, устанавливающихъ съ несомнѣнностью, что разъ попавшій на спектакль или концертъ человѣкъ поддавался непосредственному впечатлѣнію, открывалъ для себя нѣчто новое, не то, на что шелъ (не «циркъ», не «дребедень») и уходилъ не такимъ, какимъ пришелъ. Взглядъ исподлобья исчезалъ, глаза загорались, лицо прояснялось,—видимо, человѣкъ былъ возбужденъ и захваченъ.

Это мы наблюдали и непосредственно—артистъ вѣдь всегда чувствуетъ публику,—объ этомъ свидѣтельствуютъ и анкеты.

Вотъ, напримѣръ, что нѣкоторые пишутъ. На вопросъ: «что

*) Цитаты изъ анкетныхъ листковъ приводятся мною почти вездѣ съ *исправленной* орѳографіей.

получили?» отвѣчаютъ — «утомленіе», а дальше на томъ же листкѣ идетъ просьба «серьезнаго» и «продолжайте».

Или—еще нагляднѣе. На вопросъ: «что получили?»—отвѣтъ: «безусловно ничего, кромѣ маленькаго развлеченія», но рядомъ съ этимъ — буквально слѣдующее: «наслажденіе больной души. «Все смотрѣлъ и слушалъ съ упоеніемъ. Мы просимъ!!! Васъ «гг. Дирекція и товарищи артисты Продолжать Вами начатое «правое дѣло въ Добрый часъ!!!»

Видимо, первая часть такого отвѣта писалась предвзято и даже до начала спектакля или концерта (анкетные листки раздавались передъ нашимъ выступленіемъ), а вторая часть—послѣ того, какъ человѣкъ загорѣлся.

Подобныхъ отвѣтовъ у насъ—цѣлый рядъ, и они характерны до мелочей. Нѣкоторые начинаются просто съ ругательствъ, а кончаются самыми трогательными просьбами продолжать и самыми лучшими пожеланіями по нашему адресу.

Вообще, анкетный листокъ это — цѣлый міръ, цѣлая гамма настроеній. Это—раскрывшаяся душа человѣка, который вдругъ повѣрилъ намъ и заговорилъ такимъ языкомъ, какимъ говоритъ не со всякимъ.

Съ нами говорятъ даже неграмотные. Мы просили и ихъ не относиться безъ вниманія къ получаемому листку, и ставить крестъ, если нравится, и—кружокъ, если относятся отрицательно. (Этимъ пріемомъ мы, между прочимъ, достигли того, что количество получаемыхъ анкетъ увеличилось почти вдвое). И надо видѣть въ подлинникѣ эти крестики и кружки. До того много и эти убогіе знаки несутъ въ себѣ и говорятъ нѣмымъ, но яркимъ языкомъ.

Къ сожалѣнію, въ бѣгломъ очеркѣ нѣтъ возможности разсказать обо всемъ этомъ подробнѣе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я вынужденъ буду остановиться лишь на самомъ главномъ, лишь на тѣхъ отвѣтахъ, которые показываютъ, какъ именно дѣйствуетъ произведеніе искусства на нетронутую душу и какую роль въ культурѣ народъ отводитъ искусству.

Какъ и всякая здоровая народная аудиторія, солдаты не просто смотрятъ и слушаютъ, но переживаютъ сложный и острый процессъ. Вниманіе и чуткость ихъ совершенно исключительны. Безъ всякихъ преувеличеній можно сказать, что они буквально не пропускаютъ ни одного слова (одинъ пишетъ за всѣхъ: «съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдилъ за каждымъ словомъ»).

Ничто не ускользаетъ отъ нихъ. Даже эпизодическія сцены въ пьесѣ сплошь и рядомъ вызываютъ самую горячую реакцію.

Вотъ примѣры.

Въ бодрой пьесѣ Рене Моракса «Телль» въ первомъ актѣ есть мѣсто, гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ произноситъ

фразу, смыслъ которой сводится къ тому, что «здѣсь (въ горахъ) «не только сернъ, но и собакъ-то голодныхъ не встрѣтишь».

И мы имѣемъ листокъ, гдѣ пишутъ, зачѣмъ же въ такой пьесѣ, несущей столько радости, говорятъ про голодныхъ собакъ?

Тамъ же герой пьесы Телль выноситъ (и тоже въ первомъ актѣ) убитаго имъ орла.

И солдаты пишутъ: «зачѣмъ же орла убили? Вѣдь, ему тоже свободы хочется» и т. д.

Что бы до нихъ ни долетѣло, на все—отзвукъ. Все они ловятъ, и новое для себя стараются сразу же воспроизвести—повторить вслухъ, написать.

Они повторяютъ и воспроизводятъ каракулями только что услышанныя фамиліи авторовъ исполняемыхъ произведеній. Переводятъ на свой языкъ названія вещей. Такъ, этюдъ Скрябина: «Скорбь по умершимъ» называютъ «плачъ по покойникѣ», «Valse triste» Сибеліуса зовутъ «припадокъ танцовщицы», «больная барышня», «изображеніе мертвой дѣвы» и пр.

Здѣсь хочется вкратцѣ сказать объ искусствѣ О. О. Преображенской и о томъ, какъ оно воспринималось солдатами.

Надо признаться, нѣкоторые изъ насъ (да и сама О. О.) нѣсколько волновались по поводу того, какъ солдатская аудиторія отнесется къ «балеринѣ».

Дѣйствительность превзошла всякія ожиданія. Оказывается, темные солдаты увидѣли въ О. О. какъ разъ то, что въ ней и есть—громаднаго артиста и ни тѣни пошлости.

Судите сами.

«Мы первый разъ въ жизни видимъ нѣчто подобное Бо«жеству».

«Нравится балетъ ввиду того, что онъ представляетъ жизнь».

«Танцы понравились, въ особенности лицо артистки».

На вопросъ: «что получили?» отвѣтъ—«понялъ жизнь» и т. д. въ этомъ же родѣ.

И только одинъ разразился: «Преображенской не надо. Это—«содомскій грѣхъ». Конечно, мы всѣ хохотали надъ этимъ до слезъ.

Вообще, отвѣты солдатъ—и въ особенности въ подлинникѣ—необычайно интересны. Ихъ можно читать прямо-таки безъ конца и каждый разъ вычитывать новое. Это — такой языкъ, такая мѣткость формулы, такая глубина и непосредственность, наконецъ, какія намъ—горожанамъ—и не снятся.

Мы попросту утеряли все это.

Вотъ, напримѣръ, какъ говорятъ они о самомъ процессѣ воспріятія.

«Извиняюсь, но я ничего не понимаю ни въ пѣньѣ, ни въ танцѣ, а чувство, которое испытывалъ, оно мнѣ невѣдомо».

«Если бы Вы знали, какъ тяжело на сердцѣ моемъ,—точно камень тяжелый. А во время спектакля у меня все отлегло и про все забылъ».

«Немного больше доползаемъ отъ пѣсни»—пишутъ въ одномъ изъ фронтовыхъ госпиталей, желая, очевидно, отмѣтить, что веселѣй двигаться стали.

«Понравилась очень вторая пѣсня («Калистратъ» — Мусоргскаго). Очень сокрушила меня, такъ что не удержался отъ слезъ. Все понравилось, но пѣсня отличилася».

Чрезвычайно интересны и прямые отвѣты на вопросъ: «что получили?»

«Удовольствіе и забытіе печали-горя».

«Успокоеніе».

«Разбужденіе военнаго сердца».

«Воспоминаніе».

«Вспомнилъ все хорошее».

«Пробужденіе сердца моего, даже пожилого».

Какое же мѣсто народъ отводитъ искусству?

Здѣсь прежде всего наблюдается, такъ сказать, утилитарное теченіе.

Пишутъ такъ:

«Мы получили научное развлеченіе».

«Научный видъ».

«Пользительно».

«Въ добрый часъ за работу, артисты. Все, что отъ Васъ, все—въ пользу».

«Прошу, граждане, ставьте такія же пьесы для науки народа».

«Каждое искусство есть польза».

Далѣе необходимо отмѣтить и болѣе непосредственные отвѣты, безъ всякаго утилитаризма.

Пишутъ просто, что это—

«Хорошо».

«Удовольствіе».

«Отдыхъ».

«Развлеченіе ради скуки» или

«Претензіи не имѣю».

«Удовлетворительно» (это, между прочимъ,—одно изъ самыхъ ходовыхъ выраженій, повидимому, равнозначущее съ «удовлетворенъ») или же, наконецъ,

«Удобряю»...

Еще далѣе говорятъ, что наша работа имъ нравится, какъ затѣя, что все это радостно, трогательно, цѣнно и дорого. Солдаты благодарятъ за нее.

«Еще разъ спасибо за Ваше выдуманное предпріятіе и труды».

«Благодарность за принесенную солдатамъ радость».

«Покорно благодарю за Ваше освѣтлѣніе».

«Приношу артистамъ глубокую благодарность за ихъ доброе ознакомленіе солдатъ съ жизнью».

«Пойте и танцуйте. Этимъ вы даете намъ чувствовать весну».

«Сѣйте доброе сѣмя, не жалѣйте трудовъ на благо родного

народа, вносите свѣтъ во тьму, откройте хоть отчасти доселѣ незрѣвшимъ».

«Пробуждайте дремавшія души».

«Вы даете зрѣніе слѣпымъ».

«Жить вамъ до ста лѣтъ».

«Большой вамъ привѣтъ до сырой земли».

«Величайшая моя просьба идите тамъ, гдѣ темнота и бѣдность, просвѣщайте и увеселите, кто не видали и не слыхали красы искусства. Это—мы, русскіе воины; очень мало изъ насъ видѣли что-нибудь научнаго. Выросли мы въ деревнѣ—пустынѣ и тамъ бы и умерли, но война насъ оттуда вырвала. Сейчасъ мы всѣ въ кучкѣ, не медлите ни минуты, а дѣлайте для насъ все возможное, вѣдь, въ насъ хотятъ уничтожить все. Спасайте!!!»

Какъ видитъ читатель, все это—не шутки. Народъ не только тянется къ искусству, чуетъ его, но онъ, можно сказать, цѣпляется за него.

Цѣпляется онъ и за артистовъ и обращается къ нимъ почти съ мольбою.

Намъ всюду и сравнительно очень скоро удавалось превращаться изъ «провокаторовъ», «буржуевъ» и «господъ-артистовъ», въ «товарищей артистовъ», въ «дорогихъ сотрудниковъ», въ «творцовъ науки, культуры и свѣта» и насъ забрасывали тогда и пожеланіями и просьбами рѣшительно обо всемъ.

«Мы просимъ васъ, товарищи, объяснить нашимъ товарищамъ, какъ заключить миръ и сохранить свободу».

«Освѣтите намъ и нашимъ товарищамъ, какъ надо жить, чтобъ не мѣшать другимъ».

«Желательно было бы, чтобы ваши дорогіе таланты боролись за скорѣйшее прекращеніе войны».

Насъ просятъ созвать Учредительное Собраніе, накормить голодныхъ, обуть босыхъ и пр., и пр.

Все это мы должны рѣшить, во всемъ разобраться, всему помочь, мы, въ самомъ дѣлѣ, призваны къ дѣлу «спасенія», народъ поручаетъ намъ его.

И самъ собою встаетъ вопросъ, въ чемъ же тутъ въ концѣ концовъ дѣло? Не порождено ли такое цѣпляніе просто моментомъ? Быть можетъ, мы—только новые люди для фронта и наше искусство, собственно, ни при чемъ, и солдаты уцѣпятся рѣшительно за всякаго, кто покажется имъ хоть сколько-нибудь убѣдительнымъ?

Я не возьму на себя окончательнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Для меня ясно только одно: неправы — тѣ, кто думаетъ, что «не это народу нужно», что произведеніе искусства не дойдетъ до народа.

Невѣрно и то, будто «сейчасъ—не до того».

Наоборотъ, въ наши дни «всеобщаго озвѣрѣнія» область искусства является едва ли не единственной областью, которая способна вернуть людямъ человѣческій обликъ.

Да народъ и самъ проситъ продолжать начатое именно теперь.

«Сердечно благодарю, что вы насъ посѣтили въ такой трудный моментъ для родины».

«Пожалуйста, продолжайте свою работу среди одичавшихъ солдатъ».

«Хорошее впечатлѣнье. Первая ласточка».

«Желательно выслушать весь вашъ искусственный ипертуаръ».

«Просимъ впередъ за всяко время».

«Привѣтствую ваше дорогое неоцѣнимое посѣщеніе. Прошу, если можете, то удѣлить нѣсколько время для насъ каторжныхъ».

«...чтобы народъ сознал, что не вся задача человѣка ѣсть, пить, спать и дѣтей родить»...

Что же, однако, хотятъ отъ насъ въ будущемъ въ области искусства?

Прежде всего совершенно опредѣленно замѣтенъ запросъ на серьезное («пьесы ставьте серьезныя,—не дребедень») и печальное (въ отличіе отъ веселаго и смѣшного). Приэтомъ необходимо отмѣтить, что печаль радуетъ и понимается солдатами, какъ нѣкоторый эстетическій императивъ.

Такъ, напримѣръ, пишутъ: «Искусство игры принесло немалое печальное удовольствіе».

«За слезами и горемъ не могу обо всемъ сообщить, большое спасибо».

«Я довольно наплакался, очень печальный взглядъ. На фронтѣ необходимо нужно поработать для просвѣщенія нашей темноты».

«Я не могу говорить, сильно остался тронутъ. Необходимо нужно для нашей темноты поработать и сердечно благодарю» и т. д.

Далѣе весьма интересенъ такой, напримѣръ, отвѣтъ:

«Желательно такое искусство, какое оно есть не снизывая. Очень желательно ознакомиться съ трудами нашихъ писателей, будемъ благодарны вѣчно».

Или: «Желательно познакомиться съ богатствомъ родного искусства, съ его красотой и печалью».

Ну, и, наконецъ, немало пожеланій проникнуть въ самую «глушь Россіи», «не забыть и нашу деревню», и ужъ, конечно, «ставить пьесы, проводящія классовую борьбу», «изъ жизни» «политическихъ сценъ» и «просвѣтить солдатъ чистѣйшимъ соціалъ-темократ. формѣ и ясно и отквенно»... (Орѳографія подлинника).

Въ заключеніе мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о своихъ личныхъ настроеніяхъ, какъ артиста-участника въ подобной работѣ.

Я не новичекъ въ народной аудиторіи. Мнѣ она давно и хорошо знакома. Тѣмъ не менѣе я долженъ признать, что такой аудиторіи, какъ фронтовые солдаты, я еще никогда не встрѣчалъ.

Да врядъ ли и встрѣчу. Пока что—негдѣ встрѣтить. Городъ такой чуткости и непосредственности дать не въ состояніи. Деревня же не имѣетъ сколько-нибудь обширныхъ помѣщеній для того, чтобы отправиться туда съ театромъ и музыкой.

Остается ждать и... перечитывать собранный нами анкетный матеріалъ.

Я, собственно, перечитываю его почти каждый день, и меня до сихъ поръ волнуютъ эти подлинные «человѣческіе документы».

Безыменные невѣдомые люди пишутъ намъ. Пишутъ, какъ «своимъ», пишутъ такъ, какъ будто между нами и ими явилась какая-то связь, хотя мы провели съ ними всего только нѣсколько минутъ и успѣли дать имъ въ общемъ только намекъ на то, что скрыто въ большомъ не-тенденціозномъ искусствѣ.

Они повѣрили намъ. Они открываютъ намъ свою душу.

И какъ необычайно измучена сейчасъ душа человѣческая! акъ безпомощно бьется она средь проклятыхъ вопросовъ современности!

Сбитая съ толку нахлынувшимъ потокомъ новыхъ словъ и понятій, она то жадно хватается за нихъ, пускаетъ ихъ въ оборотъ (пишетъ о «погрессѣ», цивилизаціи, «народной республикѣ», равноправіи и пр.), то сознается, что въ этомъ она еще ничего не понимаетъ и умоляетъ помочь ей разобраться въ хаосѣ окружающаго.

Но больше всего она проситъ указать ей—измученной—хоть какой-нибудь выходъ. Не видитъ она его, не можетъ найти. Она осуждена лишь мечтать о томъ сказочномъ времени, когда, наконецъ, мы снова «всѣ будемъ веселы».

И въ тысячный разъ съ робкой надеждой взываетъ она намъ въ анкетномъ листкѣ: «Товарищи! Нельзя ли такъ соединиться, чтобы достичь этихъ радостныхъ дней?!»

А. Александровичъ.

Декабрь 1917 г.

Солдатское слово объ игрѣ *).

(Пьеса Р. Моракса «Телль» въ исполненіи Передвижного театра на фронтѣ).

Самое прекрасное, самое яркое, самое трогательное впечатлѣніе изъ всей нашей поѣздки на фронтѣ—это спектакли «Телля» для солдатъ. (Когда мы поставили «Телля» лѣтомъ въ Сестрорѣцкѣ, то спектакль особаго успѣха не имѣлъ. М. б., мы недостаточно ярко играли, м. б., публика не почувствовала насъ, и, м. б., наконецъ, въ этомъ первомъ спектаклѣ мы и публика не съумѣли еще найти общаго языка и нити, связующія актера съ публикой, не дотянулись еще до нея. Но какъ бы то ни было, спектакль успѣха не имѣлъ). «Телль» поставленъ у насъ и очень просто, и чрезвычайно сложно. Простъ онъ въ декоративномъ отношеніи: декораціи должны изображать горы... Горъ никакихъ нѣтъ. Есть станки, различно варьируемые въ разныхъ картинахъ и узкія полосы сѣраго холста, уходящія вверхъ. Только и всего. Сложно онъ поставленъ по группировкамъ и въ смыслѣ личнаго ощущенія актера на сценѣ. Все построено на чрезвычайно запутанныхъ барельефахъ, очень простыхъ для зрительнаго зала, но очень трудныхъ для насъ. Ни одну секунду не можетъ актеръ забыться въ своемъ личномъ переживаніи, ни одну секунду не можетъ уйти только въ себя, ибо въ эту секунду онъ нарушитъ не только внѣшнюю картину, но и внутреннюю структуру, потому что пьеса построена на жизни массы, сливающейся въ одномъ, и цѣнность представляетъ лишь это цѣлое, но не отдѣльныя раздробленныя части.

Такую пьесу мы хотѣли везти солдатамъ.

Я помню, какъ друзья наши много говорили лѣтомъ о томъ, что въ пьесѣ нѣтъ захвата, что—«да, красиво, очень красивыя группировки, но нѣтъ сильнаго эмоціональнаго воздѣйствія», что «декораціи на только не передаютъ ощущенія горъ, но мѣшаютъ и отвлекаютъ, и, наконецъ, что содержаніе пьесы можетъ

*) На нашихъ спектакляхъ солдатамъ раздавались анкетные листки, которые были озаглавлены—«Солдатское слово объ игрѣ».

привести къ соблазну солдатъ и чуть ли не къ погрому». (И не только друзья наши, но и нѣкоторые изъ труппы были противъ того, чтобы показывать «Телля» солдатамъ: «пьеса будетъ не совсѣмъ понятна имъ,—говорили они—«слишкомъ импрессіонистическія декораціи не дойдутъ до нихъ, и содержаніе пьесы, дѣйствительно, можетъ быть ложно понято»). Но большинство изъ насъ ярко чувствовало необходимость постановки этого спектакля для солдатъ... «именно Телля должны мы везти на фронтъ!..»

Уже на первыхъ представленіяхъ въ Ревелѣ, когда въ анкетныхъ листкахъ на спектаклѣ «Женитьба» стали появляться требованія пьесъ серьезныхъ и «разъясняющихъ смыслъ жизни сей», мы окончательно убѣдились, что опытъ «Телля» долженъ быть произведенъ. Но все же было чего-то страшно, и первый разъ мы поставили «Телля» для наиболѣе культурной солдатской массы,—для Ревельскаго совѣта солдатскихъ депутатовъ. Результатъ былъ поразительный. На первый вопросъ: — что получили вы отъ спектакля?—въ первой же анкетѣ мы получили отвѣтъ:

«Гдѣ же вы были раньше съ этой пьесой, когда она такъ трогательно отдается на сердце. Ужасно трогательная вещь—это взятіе Телля въ тюрьму и свобода».

И на страхъ, не будетъ ли ложно понято содержаніе пьесы, мы получили отвѣтъ:

«Это заставило меня задуматься, какъ гражданина свободной страны, какія мои обязанности, что я долженъ сдѣлать, чтобы быть полезнымъ своей родинѣ».

На вопросъ, что вы получили отъ спектакля, былъ отвѣтъ:

— «Скорбь души, злобу къ прошлому, радость къ будущему, восторгъ и радость».

— «Новыя силы для борьбы за свободу. Такими пьесами вы вольете новыя силы въ солдатскую массу, которые за трехлѣтнюю войну потеряли любовь къ родинѣ, вѣру въ революцію. Работайте, дорогіе сотрудники, Богъ вамъ помощь».

— «Наслажденіе красотой, въ первый разъ понялъ, что такое истинное искусство».

— «Ваша идея должна быть отмѣчена на страницахъ исторіи. Своими подобными выступленіями вы увеличиваете патріотизмъ въ солдатѣ, который такъ необходимъ въ переживаемое тяжелое время».

— «Польза ваша неоцѣнима, какъ двигатели единенія и подъема духа солдатъ, но пьеса непонятна для многихъ. Я не знаю, такъ

ли я понялъ вашъ лозунгъ, судя по послѣднему акту:—«Все для родины». Отъ всего сердца благодарю и привѣтствую всѣхъ артистовъ».

— «Эта пьеса для меня болѣе всѣхъ понравилась и прошу, прошу васъ, милые учители, спѣшите и въ передъ дать моимъ товарищамъ видѣть эту пьесу, она поучительна и полезна для всѣхъ отсталыхъ жизни сей».

— «Гдѣ же вы были съ сегодняшней пьесой нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Зачѣмъ же тутъ говорится о патріотизмѣ и ни слова о интернаціолизмѣ. Можно только отъ души пожелать вамъ успѣха въ вашихъ шагахъ».

На вопросъ, какія мѣста вамъ больше всего понравились, былъ такой отвѣтъ:

«Слово Андерхальтена: непрочно то, что местью создается».

Замѣчательно, что на всѣ наши сомнѣнія, на всѣ вопросы получили мы отвѣты въ анкетныхъ листкахъ и, сравнивая процентное отношеніе отрицательныхъ отвѣтовъ къ положительнымъ, мы находимъ, что «Телль» далъ наименьшій процентъ отрицательныхъ. На сомнѣніе, поймутъ-ли солдаты пьесу,—былъ данъ очень ясный и очень внушительный отвѣтъ:

«Все нравится и очень глубоко запало въ душу. Я очень растроганъ этой пьесой, она такъ хорошо разсказываетъ жизнь крестьянъ, что съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдишь за каждымъ словомъ. Мнѣ ни разу не приходилось видѣть настоящей игры, поэтому къ театрамъ я не очень имѣлъ симпатію, но теперь я совершенно другого мнѣнія. Я теперь полюбилъ его, мнѣ кажется много есть такихъ, какъ я, которые послѣ вашей игры оцѣнятъ театръ, онъ учитъ, какъ жить на свѣтѣ. Пожелаю вамъ съ успѣхомъ продолжать начатое это трудное дѣло для насъ, м. б., найдутся недовольные, не обращайте на это и продолжайте. Изъ пьесъ мнѣ больше нравятся драмы, которыя раскрываютъ всѣ наши неправильные поступки».

— «Во первыхъ, узналъ, какъ тяжело живется, когда кругомъ неправда, и когда надъ тобой издѣваются. Всегда я хотѣлъ бы видѣть серьезную и поучительную пьесу. Послѣднее мѣсто въ вашей драмѣ на меня особенно повліяло, я даже прослезился. Работайте на пользу нашей дорогой свободы, родины и мы благодаримъ васъ».

На вопросъ, какія пьесы вы хотѣли бы видѣть:

— «Такія, чтобы пьеса заставляла дрожать наши сердца, какъ

и Телль, такія, чтобы мы своими глазами видѣли, какъ мы темны, такія, чтобы пьесы будили нашу совѣсть, разсѣивали нашу вражду и недовѣріе другъ къ другу. Знайте, товарищи-артисты, вы спасаете насъ и вмѣстѣ страну. Нѣтъ словъ передать тѣ слова восхищенія, удовлетворенія, которыя посылаютъ вамъ наши товарищи, ставящіе + *). Ваша работа—это лучшая борьба съ развращающимъ насъ кинематографомъ».

Сила эмоціи въ пьесѣ была ярко подтверждена намъ необычайно трогательными до слезъ анкетами:

— «Я передъ пьесой былъ разбитъ жизнью, теперь окрѣпъ. Мѣста понравились всѣ, такъ что не могъ сдержать слезъ, плакалъ, плакалъ. Я сейчасъ отъ этой пьесы окрѣпъ и чувствую себя бодрымъ и здоровымъ».

— «Вся очень затрогивательная пьеса, даже сердце радуется и хочется плакать, но не дай Богъ, чтобы мы опять кланялись царской шляпѣ. Всегда поддержимъ».

— «Отъ радости или отъ веселья у всѣхъ были слезы на глазахъ».

— «За слезами и горемъ не могу обо всемъ сообщить, большое спасибо».

— «Я очень доволенъ всѣмъ и готовъ съ вами на все. Желаю идти на помощь для защиты свободы».

— «Большое спасибо, товарищи-артисты, что доставили намъ такое неиспытанное чувство».

— «Со всѣми режиссерами радъ умереть за родину, пожелаю имъ здравія, благоденствія и во всемъ много успѣховъ».

— «Согласенъ на все».

И декораціи не смущали ихъ. Лѣтомъ одинъ изъ представителей такъ называемой «театральной» интеллигенціи говорилъ намъ: «хоть бы какую-нибудь гору поставили». Солдатамъ не нужна была «какая-нибудь гора», фантазія ихъ такъ ярко работаетъ, что намека довольно, чтобы создать самыя прекрасныя горы:

«Декорація превосходна и доставила мнѣ большое, даже неописуемое удовольствіе».

---

*) Неграмотные ставили крестъ въ случаѣ положительнаго отвѣта и кружокъ въ случаѣ отрицательнаго.

— «Мнѣ часто представлялись въ моемъ неразвитомъ умѣ подобныя картины, и на самомъ дѣлѣ чуть ли не было однажды съ собой, но благодаря какому-то счастью остался. Увидя ваши картины я пришелъ къ тѣмъ мыслямъ снова. Теперь я въ первый разъ удостоился видѣть такія картины въ натурѣ. Благодарю, очень хорошо».

Есть смѣшанныя анкеты. Очевидно, взбудоражило человѣка, писалъ отъ души, но все же сидѣло какое-то сомнѣніе:

— «Гдѣ же вы были съ сегодняшней пьесой нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Зачѣмъ же тутъ говорится только о патріотизмѣ и ни слова о интернаціонализмѣ. Можно только отъ души пожелать вамъ успѣха въ вашихъ шагахъ».

И лишь одна анкета страшная. Страшная тѣмъ, что писалъ ее очевидно хорошій, искренній человѣкъ, глубоко затронутый красотой, но такое темное—въ самой глубинѣ души его, такое—нелѣпо-жестокое... И необычайно жуткая смѣсь большой искренности и теплоты съ жестокостью и тьмой:

«О какъ тронуло меня все то, что я сегодня видѣлъ. И душа моя и сердце были наполнены радостью и унынiемъ. Я вначалѣ думалъ про это, но больше думалъ о томъ, что сейчасъ война, война несчастная для всѣхъ насъ. Хотѣлъ бы я, чтобы вы на слѣдующій разъ показали намъ, какъ бы поскорѣй кончить войну. Какимъ способомъ? По моему такъ: всѣхъ буржуевъ и капиталистовъ, которые за войну, тѣхъ уничтожить, какъ мышь, забѣжавшую въ нору, кипяткомъ. А вамъ, мои друзья, спасибо и спасибо и еще спасибо».

. . . . . .

Наше глубокое убѣжденіе, что искусство неразрывно съ религіей, также нашло трогательный и прекрасный откликъ въ солдатскихъ анкетахъ. На вопросъ: «съ кѣмъ изъ дѣйствующихъ лицъ хотѣли бы вы поговорить», одинъ написалъ:

«Съ тѣми, которые желаютъ благословенія отъ Бога».

На вопросъ: «какія мѣста больше всего понравились», онъ же отвѣтилъ:

«Взывающія къ Богу».

И въ совѣтъ для продолженія нашей работы написалъ:

«Добрый часъ и Божья помощь».

И еще ярче выявилось это въ слѣдующей анкетѣ:

«Первый разъ встрѣчаю такое радостное обращеніе къ Богу. Пьесы понравились больше всего, гдѣ просятъ благословенія Божьяго».

А совѣтъ онъ далъ такой:

«Разъясненіе солдатамъ ихъ скромную жизнь, а вамъ Божья помощь».

А одинъ просто написалъ:

«Сохрани васъ Богъ».

Чрезвычайно цѣнны были для насъ слова о деревнѣ: «Нужно не забыть и нашу деревню», пишетъ одинъ солдатъ.

«Лучшей наградой за ваши труды будутъ тѣ огоньки, которые засвѣтятся въ деревнѣ отъ зажженныхъ вами душъ»,—говоритъ другой.

Въ Полоцкѣ, гдѣ мы пережили на спектаклѣ Телля нѣчто совсѣмъ незабываемое, когда тысячная толпа солдатъ была сметена къ сценѣ какимъ-то однимъ огромнымъ чувствомъ, когда со сцены мы видѣли, какъ по бородатымъ, суровымъ лицамъ текли слезы и мы сами не могли удержаться отъ слезъ, былъ лишь одинъ останавливающій на себѣ вниманіе отрицательный анкетный листокъ:

«Покорнѣйше прошу, это провокація, голодный людъ не будетъ доволенъ, не до картинъ».

Е. Головинская.

Скиѳы ли?

Нѣтъ цѣли, противъ которой побоялся
бы напречь лукъ онъ, Скиѳъ...
(Изъ предисловія къ сборн. I «Скиѳы»).

По зеленой степи одиноко мчится дикій всадникъ съ вѣющими волосами — скиѳъ. Куда мчится? Никуда. Зачѣмъ? Низа чѣмъ. Просто потому мчится, что онъ—скиѳъ, потому, что онъ сросся съ конемъ, потому, что онъ—кентавръ, и дороже всего ему воля, одиночество, конь, широкая степь.

Скиѳъ—вѣчный кочевникъ: нынче онъ здѣсь, завтра—тамъ. Прикрѣпленность къ мѣсту ему нестерпима. И если въ дикой своей скачкѣ онъ, набредетъ случайно на обнесенный тыномъ городъ, онъ свернетъ въ сторону. Самый запахъ жилья, осѣдлости, щей нестерпимъ скиѳу: онъ живъ только въ вѣчной скачкѣ, только въ вольной степи.

Такъ мы себѣ мыслимъ скиѳа. И потому радовало насъ появленіе скиѳскихъ сборниковъ. Уже тутъ-то мы найдемъ людей, ничѣмъ не объярлыченныхъ, тутъ-то пахнетъ на насъ любовью къ подлинной, вѣчно-буйной, волѣ. Вѣдь, съ первой страницы скиѳы обѣщали намъ: «Нѣтъ цѣли, противъ которой побоялся бы напречь лукъ онъ, скиѳъ».

Но перевернулись страницы и дни, расцвѣло «Знамя Труда», взошли вторые «Скиѳы». И такъ горько было увидѣть: скиѳскій лукъ—на службѣ, кентавровъ—въ стойлахъ, вольницу — марширующую подъ духовой оркестръ.

Скиѳы осѣли. Слишкомъ скоро нашлась цѣль, противъ которой они «побоялись напречь лукъ».

Духовный революціонеръ, истинный вольникъ и скиѳъ, видится Иванову-Разумнику такъ: онъ—«работаетъ для близкаго или далекаго будущаго», онъ знаетъ, что «путь революціи—подлинно крестный путь». Съ опредѣленіемъ этимъ мы почти согласны,

но такъ часто «почти» рѣшаетъ судьбу. У подлиннаго скиѳа нѣтъ никакихъ междудвухстульныхъ «или»: онъ работаетъ *только* для далекаго будущаго, и никогда—для близкаго, и никогда—настоящаго; поэтому для него одинъ путь: Голгоѳа, и нѣтъ иного; поэтому для него единственно-мыслимая побѣда: быть распятымъ, и нѣтъ иной.

Христосъ на Голгоѳѣ, между двухъ разбойниковъ, истекающій кровью по каплямъ,—побѣдитель, потому что Онъ распятъ, практически побѣжденъ. Но Христосъ, практически побѣдившій,—Великій Инквизиторъ. И хуже: практически побѣдившій Христосъ — это пузатый попъ, въ лиловой рясѣ на шелковой подкладкѣ, благословляющій правой рукой и собирающій даянія лѣвой. Прекрасная Дама въ законномъ бракѣ — просто госпожа такая-то, съ папильотками на ночь и мигренью утромъ. И сѣвшій на землю Марксъ—это просто Крыленко.

Такова иронія и такова мудрость судьбы. Мудрость потому, что въ этомъ ироническомъ законѣ — залогъ вѣчнаго движенія впередъ. Осуществленіе, оземленіе, практическая побѣда идеи—немедленно омѣщаниваетъ ее. И подлинный скиѳъ еще за версту учуетъ запахъ жилья, запахъ щей, запахъ попа въ лиловой рясѣ, запахъ Крыленки—и скорѣй вонъ отъ жилья, въ степь, на волю.

Здѣсь трагедія и здѣсь—мучительное счастье подлиннаго скиѳа: ему никогда не почивать на лаврахъ, никогда ему не быть съ практическими побѣдителями, съ ликующими и поющими «славься». Удѣлъ подлиннаго скиѳа—терніи побѣжденныхъ; его исповѣданіе—еретичество; судьба его — судьба Агасѳера; работа его—не для ближняго, но для дальняго. А эта работа во всѣ времена, по законамъ всѣхъ монархій и республикъ, включительно до совѣтской, оплачивалась только казенной квартирой: въ тюрьмѣ.

«Побѣдоносная октябрьская революція», — таковъ ея титулъ по оффиціальнымъ источникамъ, «Правдѣ» и «Знамени Труда»,—ставши побѣдоносной, не избѣжала закона: она—омѣщанилась.

Для попа въ лиловой рясѣ — ненавистнѣй всего еретикъ, не признающій его, лиловаго, исключительной власти вязать и разрѣшать. Для госпожи такой-то въ папильоткахъ — ненавистнѣй всего Прекрасная Дама, не признающая ея, въ папильоткахъ, исключительныхъ любовныхъ полномочій и правъ. И для всякаго мѣщанина—всего ненавистнѣй непокорный, смѣющій думать иначе, чѣмъ онъ, мѣщанинъ, думаетъ. Ненависть къ свободѣ — самый вѣрный симптомъ этой смертельной болѣзни: мѣщанства.

Остричь всѣ мысли подъ нолевой номеръ; одѣть всѣхъ въ установленнаго образца униформу; обратить еретическія земли въ свою вѣру артиллерійскимъ огнемъ. Такъ османлисы обращали гяуровъ въ истинную вѣру; такъ тевтонскіе рыцари мечемъ и огнемъ временнымъ спасали язычниковъ отъ огня вѣчнаго;

такъ у насъ, на Руси, лѣчили отъ заблужденій раскольниковъ, молоканъ, соціалистовъ. И не точно ли такъ же теперь? Константинъ Побѣдоносцевъ умеръ—да здравствуетъ Константинъ Побѣдоносцевъ!

Но это — не скиѳскій кличъ: ихъ кличъ — вѣчное «долой!» И если скиѳъ оказался въ станѣ побѣдоносцевъ, въ упряжкѣ тріумфальной колесницы, то это не онъ,—не скиѳъ, и нѣтъ у него права носить это вольное имя.

Къ счастью, скиѳа остричь подъ нолевой номеръ—не такъ-то легко: еще долго будутъ торчать колючіе еретическіе вихры, и уже въ стойлѣ—кентавръ еще долго, по старой привычкѣ, будетъ не во время ржать. И не потому ли, не взирая на похвальныя старанія завѣдующаго прирученіемъ скиѳовъ Иванова-Разумника, въ тѣхъ же «Скиѳахъ» мы найдемъ образы, наиболѣе убійственные для революціи побѣдоносцевъ?

Быть можетъ, самымъ лучшимъ, подлинно-скиѳскимъ словомъ обмолвился Сергѣй Есенинъ въ поэмѣ «Отчарь»:

Гибельной свободы—въ этомъ мірѣ нѣтъ.

Именно такъ: гибельна не свобода, гибельно насиліе надъ свободой. Но говорить объ этомъ—для открыто связавшихъ себя съ побѣдоносцами—не значитъ ли въ домѣ повѣсившаго говорить о веревкѣ? Бѣда съ дѣтьми: въ присутствіи старшихъ возьмутъ да и ляпнутъ что-нибудь этакое неприличное. И развѣ не явно неприличные намеки въ поэмѣ того же дитяти «Марѳа Посадница»?

... Не чернецъ бесѣдуетъ съ Господомъ въ затворѣ—
Царь Московскій Антихриста вызываетъ:
Ой, Веельзевуле, горе море, горе,
Новгородъ мнѣ вольный ногъ не лобызаетъ!
... Возговоритъ царь женѣ своей:
А и будетъ пиръ на красной брагѣ!
Послалъ я сватать неучтивыхъ семей,
Всѣмъ готова постель въ темномъ оврагѣ!

Покореніе еретическихъ Новгородовъ и прочихъ неучтивыхъ семей подъ нозѣ... Развѣ можно говорить объ этомъ теперь, да еще вспоминать, что это было спеціальностью славнаго нашего царя Ивана Васильевича? Бѣда съ дѣтьми!

А впрочемъ, и съ взрослыми не лучше. Даже Клюевъ, занимающій мѣсто «придворнаго піиты» Державина, неосторожно мечтаетъ вслухъ о времени, когда

Не сломятъ штыкъ, чугунный градъ
Ржаного Града стѣнъ,
Не осквернятъ палящій ликъ
Свободы золотой...

У Бѣлаго, всегда такъ холодно-бриллiантово блещущаго, въ первомъ «Скиѳѣ» есть рубиновыя, кровью сердца политыя строки:

Всѣ грани чувствъ, всѣ грани правды стерты:
Въ мірахъ, въ годахъ, въ часахъ—
Однѣ тѣла, тѣла, тѣла простерты...
И праздный прахъ...
Въ грядущее проходимъ строй за строемъ!—
Рабы: безъ чувствъ, безъ душъ...
Грядущее, какъ прошлое, покроемъ
Лишь грудой тушъ.

Да, вѣдь, это о крыленкахъ, грудой тушъ покрывшихъ Россію и мечтающихъ о соціалистически-наполеоновскихъ войнахъ въ Европѣ—во всемъ мірѣ, во вселенной! Но не будемъ неосторожно шутить: Бѣлый—благонадеженъ и *хотѣлъ* сказать не о крыленкахъ.

Старательнѣй другихъ скиѳовъ острится Ивановъ-Разумникъ, но и у него торчатъ вихры и колютъ не тѣхъ, кого онъ хотѣлъ бы.

Въ статьѣ «Двѣ Россіи» Ивановъ-Разумникъ писалъ: «А когда ихъ лютая злость изъ безсильной станетъ силой, когда она выльется въ дѣянія во имя «Закона», «порядка», «во имя Христа»... Погодите, дайте имъ съ силами собраться да выждать удобное время... потоки крови прольютъ они во имя подавленія революціоннаго беззаконства». Когда Ивановъ-Разумникъ пророцалъ такъ, онъ, конечно, имѣлъ въ виду гипотетическаго русскаго Тьера, разстрѣливающаго коммунаровъ на гипотетическомъ русскомъ Пэръ-Лашэзъ. Но волею насмѣшницы-судьбы пророцаніе Иванова-Разумника выполняется преимущественно русскими коммунарами—во имя ихъ, оземленнаго, Христа. Быть можетъ, придетъ и Тьеръ, но то, что позволительно Тьеру,—не позволительно женѣ Цезаря.

Хорошо быть глубокимъ знатокомъ русской литературы, какъ Ивановъ-Разумникъ: не всякому удается почерпнуть изъ классическихъ кладезей такой сегодняшній образъ, какъ дура Екимовна изъ «Арапа Петра Великаго». Изъ всей лавины западной культуры, хлынувшей на Русь чрезъ прорубленное въ Европу окно, дура Екимовна усвоила только: мусье-мамзель-ассамблея-пардонъ. Неудержимо, невольно, какъ желѣзо къ Магнитъ-Горѣ, притягивается этотъ образъ къ побѣдоноснамъ нашимъ. Вѣдь, это они изъ французскихъ революцій, изъ Герцена, изъ Маркса—только и зазубрили: ассамблея и пардонъ—съ нижегородскимъ акцентомъ, и оттого такъ много водевильнаго въ дѣяніяхъ ихъ и въ письменныхъ памятникахъ, оставленныхъ ими въ наслѣдство любопытнымъ потомкамъ.

Савлу, обращенному въ правовѣрнаго Павла, стоило хотя бы для стиля оставаться Павломъ. И не къ лицу Павлу аретизировать: «Или самодержавіе, чье бы то ни было, совмѣстимо съ свободой?» («Двѣ Россіи» Иванова-Разумника).

Впрочемъ, отъ комментарій, опасныхъ для Павла, мы воздержимся—хотя бы для того, чтобы не подражать дурному примѣру Иванова-Разумника, который въ этой же статьѣ безъ стѣсненія

объявляетъ «всѣмъ-всѣмъ-всѣмъ»: Ремизовъ—неблагонадеженъ, Ремизовъ—бѣлогвардеецъ, Ремизовъ—внѣ закона.

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, случилось, что Ремизовъ съ его «Словомъ о погибели Русской Земли» попалъ въ торжественное шествіе поющихъ хвалу побѣдоносцамъ? И зачѣмъ?

А вотъ зачѣмъ. Когда Римскіе императоры послѣ побѣды надъ варварами вступали въ Римъ, за одной изъ колесницъ въ процессіи вели варварскаго царя, и бывалъ спеціальный глашатай, исчислявшій богатства и силы этого царя: на предметъ пущаго прославленія побѣдоноснаго императора. И на тотъ же самый предметъ Ивановъ-Разумникъ взялъ въ торжественную процессію Ремизова: для пущаго прославленія побѣдоносцевъ. И потому, предварительно расквашиванія Ремизова, Ивановъ-Разумникъ провозглашаетъ: «Слово о погибели Русской Земли»—одно изъ самыхъ сильныхъ, самыхъ удивительныхъ произведеній, написанныхъ нынѣ».

Съ оцѣнкой Иванова-Разумника мы согласны: Ремизовское «Слово» — силы очень большой. Но не въ обычномъ Ремизовскомъ мастерствѣ сила этой вещи, а въ потрясающей ея искренности. Другими вещами Ремизова любуешься со сторонъ, сбоку, съ какихъ-то мостковъ: далеко внизу, подъ мостками, ворочаются прекрасныя, неуклюжія колеса мельницы, гудитъ и сверкаетъ радугой вода. А «Словомъ» со стороны любоваться нельзя: оно втягиваетъ съ руками и ногами, крутитъ, и до послѣдней страницы доходишь смятый, измолотый.

«Родина, мать моя униженная. Припадаю къ ранамъ твоимъ, къ запекшимся устамъ, къ сердцу, надрывающемуся отъ обиды и горечи, къ глазамъ твоимъ изсѣченнымъ. — Не оставлю тебя въ бѣдѣ твоей, вольную и полоненную, свободную и связанную, святую и грѣшную, свѣтлую и темную. — Душу сохраню мою русскую, съ вѣрой въ правду твою страдную».

Какая скорбная любовь бьется въ каждомъ словѣ — любовь къ Руси, всякой и всегда: къ святой—и грѣшной, къ свѣтлой—и темной! И какое книжное, какое химическое сердце надо имѣть, чтобы не увидѣть: эта любовь и скорбь—душа Ремизовскаго слова, а гнѣвъ и «лютая злость»—идутъ отъ этой любви, какъ дымъ отъ огня.

Дымъ застлалъ глаза Иванову-Разумнику, только дымъ онъ увидѣлъ. И изъ дыма создалъ невѣдомый намъ, чадный, образъ Ремизова—ненавистника свободы, Ремизова—мѣщанина.

Ремизову скорбно за униженную мать. И это ли, въ самомъ дѣлѣ, не униженіе, когда прусскій генералъ можетъ бросить въ лицо русской революціи: а гдѣ же у васъ свобода? Это ли не униженіе, когда на другой день послѣ воинственныхъ выкриковъ русская революція смиренно и «незамедлительно» проситъ мира у прусскаго генерала? Ремизову скорбно за униженную мать:

«О, родина обреченная, багряница царская упала съ плечъ твоихъ.—Ты нынѣ униженная и затоптанная...». А членъ революціоннаго трибунала Ивановъ-Разумникъ читаетъ въ сердцѣ подсудимаго Ремизова: «Когда плачетъ Ремизовъ, что багряница царская упала съ плечъ ея, то мы видимъ: о багряницѣ не только родины, но и царя скорбитъ онъ».

Во имя скорости революціоннаго суда — все позволено, и Ивановъ-Разумникъ судитъ Ремизова за слова вавилонскихъ старцевъ изъ «Дѣйства о Георгіи Храбромъ». «Не стало въ городѣ управителя, всѣ въ разоръ пошли: поскорѣе бы вернулся царь» — говорили старцы. А членъ революціоннаго трибунала припечатываетъ: «Когда мы слышимъ это, то знаемъ: вкупѣ и влюбѣ Ремизовъ со старцами вавилонскими».

Для революціоннаго трибунала — главное, что Ремизовъ не палъ ницъ передъ побѣдоносцами и смѣетъ видѣть въ нихъ (въ нихъ!) мѣщанство. Всѣми своими десятью томами Ремизовъ хлесталъ мѣщанство старой Руси, но онъ не долженъ смѣть хлестать мѣщанство новой. Пусть у Ремизова—глаза, какъ у Гоголя: онъ всегда зорокъ на черное. Какое до этого дѣло революціонному трибуналу? У революціоннаго трибунала — приговоръ предрѣшенъ, и могло ли быть иначе? Вѣдь, это въ Ремизовскомъ «Словѣ» написано:

«Опостылѣла бездѣльность людская, похвальба, залетное пустое слово... Жадно, съ обезьяньимъ гикомъ и гоготомъ рвутъ на куски поминальный пирогъ, который когда-то испекла-покойница-Русь. И рвутъ, и глотаютъ, и давятся. И съ налитыми кровью глазами грызутъ столъ, какъ голодная лошадь ясли. — И наровятъ до чиста слопать все до прихода гостей».

Этого Ремизову не простятъ: попу въ лиловой рясѣ — ненавистнѣй всего еретическое, непокорное слово. Попу въ лиловой рясѣ — ненавистнѣй всего подлинный скиѳъ, о которомъ въ скиѳскомъ предисловіи говорится: «Развѣ скиѳъ не всегда готовъ на мятежъ?» Подлинный скиѳъ—всегда.

Въ Ремизовскомъ «Словѣ», насквозь пропитанномъ любовью и скорбью, Ивановъ-Разумникъ разсмотрѣлъ дымъ: лютую злость. И удивляться ли этому, когда оказывается, изо всего Евангелія, изо всего ученія любви—Ивановъ-Разумникъ запомнилъ только: «Не миръ пришелъ я принести, но мечъ». На всемъ протяженіи «Двухъ Россій» мечемъ звенитъ внезапно-воинственный Ивановъ-Разумникъ во славу благородныхъ побѣдоносцевъ, столь храбрыхъ по адресу тѣхъ, кто послабѣе, и столь... мудрыхъ по адресу тѣхъ, кто посильнѣе. И мечный звонъ усиленно разыскиваетъ Ивановъ-Разумникъ въ своихъ подхвалимыхъ, Клюевѣ и Есенинѣ, даже тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Къ основному, лучшему, величайшему, что есть въ русской душѣ: благородству русскому, нѣжности русской, любви къ послѣднему

человѣку и къ послѣдней былинкѣ — къ этому слѣпъ Ивановъ-Разумникъ. А именно это лучшее русской души и лежитъ въ основѣ неодолимой русской тяги къ миру всего міра.

Въ любви къ серпу и въ ненависти къ мечу—подлинно-русское, народное. И потому такъ хороши отсюда идущія строфы въ «заказныхъ», революціонныхъ, стихахъ Есенина и Клюева.

Вотъ великолѣпныя заключительныя строфы изъ «Пѣвущаго зова» Есенина:

Люди, братья мои люди,
Гдѣ вы? Отзовитесь!
Ты не нуженъ мнѣ безстрашный,
Кровожадный витязь.
Не хочу твоей побѣды,
Дани мнѣ не надо!
Всѣ мы—яблони и вишни
Голубого сада.
... Не губить пришли мы въ мірѣ,
А любить и вѣрить.

Но побѣдоносцамъ и Иванову-Разумнику именно требуется «кровожадный витязь» и «дань», и потому, конечно, по Иванову-Разумнику, выходитъ: «Пѣвущій зовъ»... *побѣдно* звучитъ у Есенина. И, конечно, не приведенныя строфы процитируетъ Ивановъ-Разумникъ, а что-нибудь «заносчиво-Берлинское», вродѣ:

... Мое Русское поле,
И вы сыновья ея,
Остановившіе
На частоколѣ
Луну и солнце.

Или:

... Россія, Россія, Россія—
Мессія грядущаго дня!

Поистинѣ удивительно приключеніе Иванова-Разумника съ «Пѣснью Солнценосца» Клюева: эту дурного тона «Оду Фелицѣ» Ивановъ-Разумникъ не только стерпѣлъ на страницахъ «Скиѳовъ», но еще и хвалитъ, не поморщившись.

... Китай и Европа, и Сѣверъ и Югъ
Сойдутся въ чертогъ хороводомъ подругъ,
Чтобъ Бездну съ Зенитомъ въ одно сочетать...
... Три жолудя - солнца достались намъ—
Свобода и Равенство, Братства вѣнецъ—
Живительный выгонъ для ярыхъ сердецъ...
... Верстакъ—Назаретъ, наковальня—Немврод,

и дальше ужъ конечно: «вставай, подымайся»... Какъ это близко къ знаменитому «Пролетаріи всѣхъ, соединяйтесь» Минскаго и къ «заносчивому Берлину» Сологуба, и какъ далеко отъ нашего Клюева, котораго мы привыкли любить. Чего стоятъ въ этихъ виршахъ одни слова съ заглавными буквами — безвкусица, пущенная въ оборотъ, кажется, Андреевымъ, и первый знакъ творческой импотенціи. А у Клюева въ «Пѣсни Солнценосца» полнехонько этого добра: Міръ, Зенитъ, Премудрость, Трудъ, Равенство, Пѣсня, и... Тайна, и... давно засиженная мухами Любовь, и... ставшая уже мелкой, какъ лужа, Бездна.

А, впрочемъ, неудача Клюева понятна: интернаціоналистъ онъ, вѣдь, очень молодой. Въ «Бесѣдномъ Наигрышѣ» этотъ же Клюевъ высоко-патріотично писалъ о нѣмцахъ:

... Водный звонъ учуялъ старичище
По прозванью Сто Племенъ въ Единомъ.
Онъ съ полатей зорькою воззрился
И увидѣлъ рати супостата.
Прогуторилъ старый: «эту погань,
Словно вошь на гасникѣ, лишь баней,
Лютымъ паромъ сжить со свѣта можно».

Въ циклѣ «Избяныя пѣсни» Клюевъ уже бросилъ всунутыя ему въ руки Мечи и Бездны—и сразу: не казенное вдохновеніе, а подлинное; не новое золото, а червонное, какое вѣка простоитъ и не пойдетъ ржавчиной. И тутъ уже не знаешь, что̀ выбрать, что̀ лучше: такъ хороша, такъ живетъ у Клюева вся избяная тварь, — лежанка, котъ, пузанъ-горшокъ, «за печкой домовой твердитъ скороговоркой» что-то, и сама печь-матерь, и коврига—«лежитъ на столѣ, ножу лепеча: «я готова себя на закланье принесть». Послѣ «Избяныхъ пѣсенъ»—еще досаднѣй за Клюева, автора одъ: сѣренькимъ бѣжать за побѣдоносцами пѣтушкомъ—и самъ Богъ велѣлъ, а такимъ, какъ Клюевъ,—не надо.

Пораженіе, мученичество въ земномъ планѣ—побѣда въ планѣ высшемъ, идейномъ. Побѣда на землѣ — неминуемое пораженіе въ другомъ, высшемъ планѣ. Третьяго—для подлиннаго скиѳа, для духовнаго революціонера, для романтика—нѣтъ. Вѣчное достиганіе—и никогда достиженіе. Вѣчное Агасѳерово странствованіе. Вѣчная погоня за Прекрасной Дамой — которой нѣтъ.

И это прекрасно знаетъ Ивановъ-Разумникъ, но ему страшно увидѣть правду лицомъ къ лицу. Только подумать: а что если наша революція войдетъ въ исторію не съ «палящимъ ликомъ свободы золотой», а съ ликомъ Ремизовскаго мастера Семена Митрофановича, того самаго, который заставлялъ мальчишку-подмастерье прикладываться къ своей пяткѣ? Правда, сейчасъ надвигается огонь, и, можетъ быть, онъ сотретъ съ революціи ликъ Семена Митрофановича. Но Семенъ Митрофановичъ дѣлаетъ все, чтобы спастись отъ губительнаго и очистительнаго огня. И быть можетъ, спасется, еще разъ побѣдитъ на землѣ—и еще прочнѣе погибнетъ, омѣщанится.

Удѣлъ подлиннаго скиѳа—трудно поднять. И потому слабые—закрываютъ глаза и плывутъ по теченію. И такихъ «тьмы, и тьмы, и тьмы», какъ возглашаетъ Блокъ въ стихотвореніи «Скиѳы» («Знамя Труда», № 137). Но скиѳы ли это? Нѣтъ, не скиѳы. Скиѳы подлинные, революціонеры и вольники подлинные — будутъ при всякомъ строѣ, ибо у нихъ—«дѣло... въ вѣчной революціонности—для любого строя, для любого внѣшняго порядка» (изъ предисловія къ «Скиѳамъ», I). Да: для *любого* строя. Но

такихъ никогда не будутъ «тьмы». Божественное проклятіе скиѳа подлиннаго — «быть пришельцемъ въ своей, а не чужой землѣ» (изъ «Слова о погибели Русской Земли»).

И то, что Ивановъ-Разумникъ все это знаетъ,—онъ сказалъ самъ, и сказалъ хорошо, въ статьѣ своей «Поэты и революція» («Скиѳы», II):

«...Пришла революція—кто первый передъ ней преклонился? Придетъ контръ-революція—кто первый «пѣтушкомъ-пѣтушкомъ» побѣжитъ за ея дрожками, въ которыхъ поѣдутъ Городничій и Хлестаковъ подъ охраною Держиморды? ...Великіе въ великомъ—не преклонятся, не пойдутъ; но много ли ихъ?»

Нѣтъ: ихъ — немного. И никогда не могутъ быть «тьмы, и тьмы, и тьмы». А если ихъ тьмы, то это не упрямые и вольные скиѳы: вольные скиѳы—не преклонятся ни предъ чѣмъ, вольные скиѳы — не побѣгутъ за побѣдоносцами, за грубой силой, за «Городничимъ и Хлестаковымъ подъ охраною Держиморды», какого бы цвѣта ни были кокарды Городничихъ.

Мих. Платоновъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Издательство «РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ»
Петроградъ. Литейный, 21.

Красный Звонъ.

Стихи С. Есенина, Н. Клюева, П. Орѣшина, А. Ширяевца съ вступительной статьей Иванова-Разумника.

Цѣна 4 руб.

А. Ремизовъ.

СТРАННИЦА.

Повѣсть.

Цѣна 2 руб.

Библіотека революціонныхъ романовъ.

Библіотека будетъ заключать въ себѣ серію романовъ изъ исторіи борьбы народовъ за свободу и соціализмъ.

Въ настоящее время печатаются: **Войничъ**. «Оводъ».—Романъ изъ эпохи борьбы итальянцевъ за свободу. **Беллами**. «Черезъ сто лѣтъ». — Соціалистическій романъ. **В. Гюго**. «93-й годъ».—Романъ изъ эпохи Великой Французской Революціи. Съ предисловіемъ М. Ватсонъ. **Гаммерлингъ**. «Дантонъ и Робеспьеръ».—Революціонная драма.

П. Лавровъ.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЪ БУДУЩЕЕ?

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Л. Шишко.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ

въ 3-хъ частяхъ.

Цѣна каждой части по 1 руб.

Л. Шишко.

Очерки по вопросамъ экономики и исторіи.

Цѣна 2 р. 25 к.

М. Петровъ.

МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ СОЦІАЛИЗМА

Цѣна 3 р. 50 к.

Новое изданіе

ИВАНОВЪ-РАЗУМНИКЪ

Исторія русской общественной мысли

въ 8-ми выпускахъ.

Содержаніе выпусковъ:

Часть I. Отъ Радищева до декабристовъ.
» II. Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Пушкинъ, Лермонтовъ.
» III. Западники и Славянофилы. Утопическій соціализмъ. Петрашевцы, Бѣлинскій, Герценъ.
» IV. Шестидесятые годы. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Кружки 60-хъ годовъ.
Часть V. Семидесятые годы. Лавровъ, Бакунинъ, Михайловскій. «Земля и Воля» и «Народная Воля».
» VI. Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Толстой, Достоевскій.
» VII. Девяностые годы. Марксизмъ. Чеховъ и Горькій.
» VIII. Отъ девяностыхъ годовъ къ революціи 1917 года. Библіографія. Указатель именъ.

Каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Каждый выпускъ – размѣромъ около 12 печатн. листовъ.

Вышли въ свѣтъ первый, второй, третій и четвертый выпуски.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПЕЧАТЬ

ПЕРВОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО

подъ редакціей П. ВИТЯЗЕВА.

Все изданіе составитъ четыре выпуска около 300 страницъ каждый и будетъ заключать въ себѣ всѣ наиболѣе яркія и характерныя работы одного изъ виднѣйшихъ теоретиковъ молодого народничества, каковымъ является для партіи соц.-рев. Л. Э. Шишко.

Въ настоящее собраніе сочиненій войдутъ:

Выпускъ I. Біографія Л. Э. Шишко, составленная Ф. Волховскимъ. Статьи по вопросамъ экономики и исторіи.
» II. Статьи по вопросамъ программы и тактики.
» III. Статьи по исторіи русской общественности.
» IV. Статьи по исторіи русской общественности. Письма Шишко Похороны. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы по случаю смерти. Библіографія.

Первый выпускъ поступитъ въ продажу въ апрѣлѣ 1918 г.

Въ виду ограниченнаго количества экземпляровъ, принимается предварительная запись при условіи внесенія задатка въ 5 рублей, засчитывающихся при высылкѣ послѣдняго выпуска. Три первыхъ высылаются наложеннымъ платежомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

подъ редакціей

Н. С. Русанова, П. Витязева и А. Гизетти.

Въ цѣляхъ сдѣлать П. Л. Лаврова доступнымъ наиболѣе широкимъ слоямъ читающей публики, все **собраніе сочиненій П. Л. Лаврова разбито на 8 серій**, объединенныхъ исключительно внутреннимъ содержаніемъ.

I серія. **Статьи по философіи**, 8 выпусковъ.
II » **Статьи по вопросамъ этики**, 3 выпуска.
III » **Статьи научнаго характера**, 6 выпусковъ.
IV » **Статьи историко-философскія**, 6 выпусковъ.
V » **Статьи по исторіи религіи**, 1 выпускъ.
VI » **Статьи соціально-политическія**, 8 выпусковъ.
VII » **Статьи историко-литературныя**, 2 выпуска.
VIII » **Опытъ исторіи мысли новаго времени**, 10 выпусковъ.

Число выпусковъ по каждой серіи можетъ быть увеличено въ зависимости отъ поступленія въ редакцію неизданныхъ произведеній. Одновременно съ печатаніемъ сочиненій П. Л. Лаврова, издательство дастъ **IX дополнительную серію статей о П. Л. Лавровѣ**, куда войдутъ его автобіографія и библіографія—4 выпуска.

Каждая серія будетъ выходить самостоятельными выпусками, свыше 10 печатныхъ листовъ. Каждый выпускъ и имѣть самостоятельную нумерацію.

Всѣ серіи начнутъ выходить въ свѣтъ одновременно.

Предварительная подписка принимается какъ на всѣ серіи сразу, такъ и каждую серію отдѣльно. Цѣна каждаго выпуска по предварительной подпискѣ отъ 1 до 3 руб, въ зависимости отъ размѣра. При подпискѣ на всѣ серіи вносится задатокъ въ размѣрѣ 25 руб. и при подпискѣ на отдѣльную серію—5 руб, засчитывающіеся при высылкѣ послѣднихъ выпусковъ. Текущіе выпуски высылаются наложеннымъ платежомъ.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія выпуски:

Выпускъ I-й сер. IV.
» II-й » III.
» IX-й » IV.

Цѣна каждаго выпуска въ отдѣльной продажѣ 5 руб.

могутъ отвѣтить намъ. «Тогда соціалистическая демократія, имѣя твердую точку опоры въ большинствѣ собранія, возьметъ власть, не опасаясь упрека въ узурпаторствѣ; тогда наступитъ наше время; а теперь — лишь бы какъ-нибудь дотянуть до Учредительнаго Собранія, лишь бы сладить до этого времени хоть какое-нибудь, хоть плохонькое связывающее всѣхъ коалиціонное правительство!»

Я очень боюсь, что въ этомъ отвѣтѣ мы имѣемъ лишь вольное политическое переложеніе вывѣски одного остроумнаго трактирщика: «сегодня за деньги, а завтра—задаромъ!»

Въ чемъ дѣло? Облегчится ли *по существу* та задача, которую придется разрѣшать соціалистической партіи послѣ созыва Учредительнаго Собранія? Нисколько. Если въ ея распоряженіи нѣтъ людей, и на этомъ ей суждено жестоко «срѣзаться», представъ на историческій экзаменъ, то въ полтора-два мѣсяца, отдѣляющія насъ отъ нашей Конституанты, родиться и вырости новые люди все равно не успѣютъ. Задачи же, подлежащія разрѣшенію, не станутъ ни менѣе сложными, ни болѣе легкими. Напротивъ, всѣ наши болячки окажутся еще болѣе запущенными, и средства леченія потребуются еще болѣе радикальныя, еще болѣе героическія. Что же касается вопроса объ «узурпаторствѣ», то кто же можетъ искренно оспаривать очевидный фактъ, что сейчасъ *массы* тянутся именно къ соціалистическимъ лозунгамъ и партіямъ, а, слѣдовательно, пришелъ ихъ историческій чередъ — показать свою способность спасти родину и революцію!

Напротивъ, если, получивъ вотумъ народнаго довѣрія, мы его не используемъ, а будемъ топтаться вокругъ власти—«ни въ коробъ не лѣзу, ни изъ короба не выхожу, ни короба не отдаю»,—то эта пустопорожняя тактика, поистинѣ, сможетъ произвести впечатлѣніе полной государственой импотентности и привести къ разочарованію народныхъ низовъ. И тогда—чѣмъ чортъ не шутитъ!—въ «разсчетливомъ» выжиданіи формально-безспорнаго вотума довѣрія страны мы будемъ терять довѣріе; начавши съ возглавленія чуть не всенароднаго движенія, мы растеряемъ низы и ухитримся явиться въ Учредительное Собраніе въ качествѣ меньшинства.

Властебоязнь, вытекающая изъ опасенія безлюдія, побуждая стремиться во что бы то ни стало къ «политическому займу» у ка-детъ, ставитъ насъ въ абсолютную зависимость отъ «заимодавцевъ». Они могутъ насъ какъ угодно шантажировать, они могутъ вынуждать у насъ капитуляцію за капитуляціей, если мы по прежнему будемъ одержимы паническою болѣзнью